

20¹⁸⁺25
ДЕКАБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

УРАЛ

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2025 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Декабрь' 2025

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений ТОПЧИЕВ. Скульптуры. <i>Повесть</i>	3
Матвей МАКАРОВ. Говорят — о тьме не говорят. <i>Стихи</i>	53
Борис ТЕЛКОВ. Таинственный случай в библиотеке. <i>Рассказы</i>	58
Александр КАЛУЖСКИЙ. Музыка сумерек. <i>Стихи</i>	100
Татьяна АНДРЕЕВА. Стремительный почерк. <i>Рассказы</i>	104
Ксения ГЕРАСИМОВА. Милосерден смотрящий. <i>Стихи</i>	120
Настя НЕУСТРОЕВА. Бабка. <i>Рассказ</i>	122
Эрика ЕФРЕМОВА. Филипп! Филипп! Пойдешь чай пить? <i>Рассказ</i>	132
Сергей ИВКИН. Из избранных сонетов	135
Евгения ГОРДИНА. Наехал трактор на забор. <i>Рассказы</i>	141
Наталья ПОЛЯКОВА. За всех своих. <i>Семейная сага (окончание)</i>	148
Валерий СОЛОВЬЕВ. Точка приложения силы. <i>Рассказы</i>	162

ДРАМАТУРГИЯ

Надежда КОЛТЫШЕВА. Арабская зима. <i>Шутка в одном действии</i>	169
---	-----

Екатеринбург

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Илона ПОПОВА. Николай Никонов и его родословная	181
Александр ЛИВЕНЦОВ. Он рядом. Памяти Евгения Чижова	190

КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир ШКЕРИН. Большой переполох на горнозаводском Урале, или Не буди лихо, пока оно тихо	195
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Константин КОМАРОВ. Вялая явь. Заметки о прозаическом шорт-листе Восьмого сезона премии «Лицей»	201
Андрей РУБАНОВ. «Хорошая книга — это и урок, и развлечение, и провокация, и бомба». Беседу вел Александр РЯЗАНЦЕВ	209

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Анна АЛИКЕВИЧ. Как нам обустроить московское царство. Андрей Рубанов. Ледяная тетрадь. Комментарий к Аввакуму. — М.: АСТ, 2024	213
Кирилл ЯМЩИКОВ. В краю магнолий блеет сайборг. Василий Владимирский. Картография рая и ада. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025	215
Антон ВАСЕЦКИЙ. Попробуй почувствуй. Марина Марьяшина. Помимо зрения: стихотворения. — М.: СтиХИ, 2024	218
Надежда ГАМИЛЬНОТ. «Акробату без шеста легче и вольней». Алексей Ильичёв. Праздник проигравших. Стихи и проза. — М.: Выргород, 2025	220
Станислав СЕКРЕТОВ. Верить в лучшее. Евгения Русинова. Море волнуется — раз! — СПб.: Антология, 2025	223

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

Сергей СИРОТИН. Неочевидная истина. Амитаб Гош. Стекланный дворец	225
--	-----

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

С.В.С. Комикс о подводниках. «Кракен». Реж. Николай Лебедев, 2025 (Россия)	229
Содержание журнала «Урал» за 2025 год	232

Евгений Топчиев

Скульптуры

Повесть

1

Идею завести свой блог Кириллу подкинула Петина знакомая, Марина, местная журналистка. Как-то Пётр позвал Кирилла в ресторан на Верхнем озере отведать балтийского угря. И неважно, что Кирилл после рабочей трёхдневки на форте едва стоял на ногах, мечтая только об одном: выспаться, — босса это совершенно не волновало. Он быстро накачался граппой, раскраснелся, обнял Кирилла могучей лапой, поделился:

— А знаешь, меня тут с таким созданием судьба свела... Не девочка — ангел! Синеволоска! — мечтательно проворковал он, глядя на подёрнутую зыбью озерную гладь. — Я, брат, какой-то частью своей души влюбился... — Он замолчал и пошевелил челюстью, словно проверяя, крепко ли она держится. — Чёрт, так хочется её увидеть, старик!

— Так напиши ей, — пожал плечами Кирилл. — Или позвони.

— А ты не обидишься? — быстро взглянул на него друг. — Мы вроде как с тобой вдвоём сегодня гуляем... А пожалуй, ты прав, и позвоню! Ты увидишь: она — мировая! Только ни-ни... Она — моя!

Явившаяся через час «синеволоска» оказалась шатенкой с густой каштановой копной.

— Ты чего, перекрасилась, что ли? — пораженно раскрыл рот Петя. — А тебе прям здорово!

— Здравствуйте, Марина Касаткина, «Клопс.ру», — журналистка протянула Кириллу тонкую и неожиданно сильную руку.

Она напомнила Кириллу неверную жену Жанну, версию пятнадцатилетней давности. Тот же строгий, настороженный вид, ямочки на щеках, резковатые движения. Стройная и грудастая. Кириллу она сразу понравилась. Касатик — тут же ласково назвал он ее про себя. И зачем только Петя их познакомил? Расстроил — а сам даже не понял.

И всё же прок от знакомства был. Подробно расспросив Кирилла о его работе прорабом на крепости и тут же отыскав в интернете древнюю новость про собянинскую премию, которой были удостоены в столице его скульптуры, Касатик широко распахнула на Кирилла строгие серые глаза и выдала вердикт:

— Вам надо заниматься искусством, Кирилл, завести свой канал. Почему вы время теряете? — Она с жалостью поглядела на растрескавшиеся, будто пораженные экземой Кирилловы руки. — Этот капиталист, — она,

Евгений Топчиев (1980) — родился в Москве, где и живет. Окончил мастерскую прозы Ольги Славниковой. Финалист конкурса «Все счастливые семьи» на портале «Год литературы» (2024). Публиковался в журналах «Наш современник», «Аврора», «Пролиткульт», «Новая литература».

слегка улыбнувшись, ткнула в Петра круглым вишнёвым ногтем, — вас эксплуатирует! У вас талант!

Кирилл как в тёплую воду окунули. Приятно было услышать такое от продвинутой молодой особы. Однако Касатик была полностью поглощена Петей — это ощущалось на каком-то глубинном уровне. Махнув напоследок стопку граппы, Кирилл вызвал такси: домой, спать. Прежде чем его отпустить, Касатик взяла с него слово, что завтра он ей позвонит, и они вместе подумают, как Кириллу сделаться блогером.

Вот уже два месяца, как он командовал реставрацией Петиного форта — прусской крепости конца восемнадцатого века, которую друг арендовал у государства под обещание на собственные деньги и деньги «Газхолдинга», где он трудился топ-менеджером, сделать из стыдных развалин заметный культурный и туристический объект. Именно Петя вызвал сюда Кирилла из столицы на помощь и на заработки: он уже знал, на что способен Кирилл — тот строил ему родовое гнездо в Подмоскowie, — и вот Пётр доверил другу новый объект, который при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж ветхим: в сердцевине своей, если докопаться до сути, считистить всё рыхлое и ненадёжное, форт оказался крепок и обещал простоять ещё лет тысячу.

Действительность очень скоро вытолкала Кирилла из генералов битвы и определила на самый трудный участок — реставрацию стен, с которой Петя просил закончить к девятому мая — дате смотра, который ему назначили власти. При всём желании Кирилл не смог бы в эти дни управляться с чем-то большим, чем квадратные метры кирпичной кладки перед носом у себя и у своей немногочисленной, состоящей в лучшие дни из дюжины бойцов бригады. У Кирилла взгляд сделался узконаправленным и злым: он на мир смотрел, как из-под козырька стенобитного тарана, только он не разрушал стен — он их лечил и оперировал. Собственноручно. Случалось — доводил себя до того, что пальцы под вечер сочились кровью, и когда он брал сигарету, то на папиросной бумаге оставались бурые следы.

Странно — Кириллу это занятие было по душе. После того, что с ним стряслось под Новый год, стирать о кирпичи папиллярные узоры ему было куда приятнее, нежели командовать людьми. Он на прошлом Петькином объекте уже накомандовался. До того, что его чуть не убил рабочий, которого Кирилл знал несколько лет. Посчитав, что с ним не расплатились (цена вопроса — сорок тысяч рублей), рабочий-азиат обманом заманил его в подвал и ударил по затылку кирпичом, едва не пробив череп (рентген позже показал трещину). После чего завладел наличными деньгами и оставил Кирилла умирать в луже крови, сам же запер коттедж и первым же рейсом улетел на полудикую родину, откуда его оказалось не достать.

Кирилла тогда спасли собственные скульптуры. Два тевтонца, которых он сложил из кирпича Пете в подарок. Они спустились в подвал и явились к Кириллу из темноты — два уступчатых бордовых рыцаря. Они перевернули его так, чтобы он не терял кровь, дали ему воду, чтобы он пил, они говорили с ним, чтобы он не отключался до тех пор, пока на другой день его, полумёртвого, не обнаружил Петя и не отвёз в больницу. Впрочем, когда Кирилл об этом кому-нибудь рассказывал — конкретно о вмешательстве скульптур в своё спасение, — ему категорически не верили, что в общем понятно.

Он расплатился с таксистом, не доехав километра, вылез раньше, отправился вдоль тёмных коттеджей пешком.

Он всё никак не мог понять, что же его тревожит. Ощущение, будто в голову проникает ледяная вода. Родители? Жанна? Серёжа? Точно — сын! Он не звонил уже неделю! Подходя к своему жилищу, арендованному прусскому особнячку на улице Радищева, Кирилл глянул на телефон: час ночи. Поздновато!

Сын ответил после первого же гудка — точно ждал.

— Привет, чё так поздно? Что у тебя там стряслось? — так тускло, так безжизненно это прозвучало, что Кирилл сразу понял: стряслось как раз у сына.

— Я просто так, дружище. Как у тебя дела? — Кирилл уже подошёл к своей калитке, схватился за кованую ручку.

— Никак! — выкрикнул ему в ухо Серёжа. — Плохо у меня дела! Хреново, отстойно, как тебе ещё сказать? Чего ты хотел-то? Что-то срочное?

— Да нет... погоди... — Кирилл моментально бросило в пот. — Объясни! Сынок... давай-ка рассказывай. Я помогу!

Он всё не отпускал ручку калитки. Застыл как вкопанный: если там — беда, он прямо сейчас рванёт в аэропорт, первым же рейсом в Москву.

— С чем ты поможешь?! — всхлипнул Серый. Господи: он плачет! У Кирилла сердце кувырнулось в чан с кипятком. — Не сможешь ты... Это мои проблемы. Я сам во всём виноват!

— Да в чём?! — взревел Кирилл. — Что-то с девушкой? Соней твоей? С институтом? Тебя выгоняют? Говори!

— Ничего страшного, пап, — истерически рассмеялся сын, — просто я такой козёл. Просто реально зря вы меня родили! Ну скажи, почему я такой конченный? Она этого не заслужила!

— Кто — она? — прорычал Кирилл, прислонясь лбом к холодному профилю калитки.

— Я про Соню, — с шумом втянул воздух Серый. — Она всё для меня делает, а мне вообще ничего не нужно! Я думал, я её люблю, а по факту мне сейчас уже всё равно! Типа животное, понимаешь? Мне уже любая другая, абсолютно любая больше норм, чем она! Я постоянно срываюсь... Мне вообще не прикольно. А она терпит. И мне так становится херово — хоть в окно шагай. Я собирался тебе позвонить... я, наверно, брошу институт... В армию пойду! И ни ты, ни мама меня не отговорите.

— Какая ещё армия? — изо всех сил треснул калиткой Кирилл, направляясь в глубь двора. — Ты что, такой фанат этой власти?

— При чём здесь власть?! — запальчиво вскричал Серёжа. — Меня тошнит от всей моей жизни! Я устал за себя думать, пусть другие думают! Я не вывожу!

— У меня такая же фигня. Мне тоже порой кажется, что не вывожу, — горячо откликнулся Кирилл, припомнив весь свой последний год. — Но почти всегда есть выход, сынок, поверь! — Он замолчал, слушая Серёжу, но и тот молчал. — Ты с мамой уже говорил?

— Не успел, на днях собираюсь. Если она сможет. Она же у нас теперь военкор, ты в курсе? С самим Разлётовым знакома! Ладно, пап, мне некогда, я в бар пошёл. Долбану пару коктейльчиков на сон грядущий. Ну всё, пока!

Звонок прервался. Перед глазами всё качалось. Кирилл поймал себя на том, что бежит по участку от стопки кирпичей до поленницы и обратно — словно в попытке отыскать выход из клетки. За прозрачным кованым забором — старая, уводящая в тупик каштановая аллея, волнующаяся весенняя тьма.

Он сам не заметил, как выскочил за калитку, зашагал в глубь аллеи. Не видно ни зги. Ветер задувал в рукава. Подошвы то и дело оскальзывались на грязи. Далеко впереди протяжно скрипнул товарняк — точно исполинская дверь на ржавых петлях. Неужели Серый один пьёт? Ему и двадцати нет. А что дальше? На секунду представился Серёжа-забудыга: чёрное лицо, колтуны на голове, страшные тени под глазами. Кирилл подскочил к каштану, привалился грудью к мокрому стволу. Боже, переложи на меня страдания его! Выведи мальчика из мрачного лабиринта на свет!

Как это он институт бросит?! Два курса псу под хвост! С таким трудом прошли на бюджетное — и что же — всё зря?! Но, с другой стороны, а вдруг выбранный Серым путь — единственный правильный? Молодое отчаяние способно погубить, но способно и вывести — и как это наперёд понять? Ему

ведь просто сбежать нужно. Утечь, укрыться — отсюда и армия! Бедный кузнецик!

Сердце Кирилла сжималось от боли, а ничего поделывать он не мог. Что эта любовь Серёжина зашла слишком далеко, даже он, не особо интересующийся делами сына, давно понял и просто ждал, когда прорвёт... Вот и прорвало... Всю жизнь себе теперь ломает!

Дошагал до конца аллеи. Дальше — какая-то свалка, пустырь. А над ним — совершенно нереальное фосфоресцирующее зелёное небо. Как будто там вдалеке, на Преголе, светились фантастические корабли.

Что у Серёжи всё нормально и спокойно, было его фундаментом, а теперь и это последнее полетело в тартарары. Он-то думал, в Калининграде сможет толково работать — наивный! Слишком рано умыл руки. И Жанна тоже хороша. В такой момент умотала в учебку в Крым, военкорка фигова! Предательница!

— Алло, ты уже в баре? — впившись глазами в люминесцентную зелень неба и отчего-то вдруг успокоившись, произнёс в трубку Кирилл. — Короче... я же тебе по делу звонил... Ты мне нужен. Недели на три. Помощь серьёзная требуется. Сможешь приехать?

— Ты издеваешься, пап? — после паузы уточнил Серый под чей-то идиотский гогот. — Что я там делать-то буду?

— Много чего, — не раздумывая, откликнулся Кирилл. — Только вкалывать придётся по-взрослому. Не каждый выдержит. А деньги заработаешь хорошие, обещаю. Послушай... призыв ведь не завтра? Решись в армию — валяй, я не буду тебя удерживать. Но сейчас подставь плечо. Губернатор будет принимать объект, а может, и сам Путин. Ну, что?

— Не знаю, — мрачно отозвался Серый сквозь негромкое «тыц-тыц» на заднем плане, — я подумаю.

— Не пей много, понял? Проснёшься — набери.

Сработало! Через два дня кузнецик, длинный и мосластый, с огромной полупустой спортивной сумкой, перепрыгивая ступеньки, соскочил с трапа в Храброво. Поселился в однушке на Литовском валу, хоть Кирилл и предлагал свой особняк на Радищева. Честно говоря, оттого что Серый не будет делить с ним кров, Кириллу полегчало.

Единственное: гирькой на сердце повисло беспокойство, как бы сын не окунулся слишком рьяно в местную ночную жизнь, не усугубил свои московские привычки. А посему Кирилл сразу, с самолёта, перехватив с ним по бургеру в аэропорту, доставил его на форт, велел переодеться и определил в самую гущу — в бригаду к бывшему диггеру Ромчику пескоструить стены: пускай увидит масштаб и поймёт, что они тут не шутят.

К чести Серёжи, на форте он освоился быстро. Грязную, разудалую вакханалию пескоструйки спустя три дня сменил на бережное латание поврежденной кладки кирпичными заплатами. Руки у сына — кто бы мог подумать! — росли откуда надо: то, во что Кирилл до сего момента не очень верил. По этой причине, кстати, страшился смотреть, как Серый трудится, — ну его: только настроение портить. А вот поди ж ты! Другие повадились его хвалить. И Ромчик, начальник пескоструйки, и Кузьма, и Алмаст.

У армянина за две недели выбыли два бойца — так Серёжа и там выручил и проявил редкую устойчивость к разрушающему психику дребезгу коронки по железному прусскому клинкеру и отвратительной, изматывающей организм вибрации, от которой — Кирилл знал по себе — и во сне не избавиться.

Кирилл и сам не заметил, как перестал считать Серёжу обузой, и приспособился затыкать сыном дыры и тушить пожары. И даже порой забывал причину, по которой тот согласился явиться в Кёниг.

Кажется, работа ему помогала: отвлекала. Кириллу хотелось так думать. Смену завершали не раньше восьми, мылись в щитовом домике на задворках

форта, переодевались в цивильное и на каршеринге перемещались в центр. Садились где-то — в спортбаре или в чешской шпикачной — и, пока ждали заказ, и потом, растягивая третью кружку пенного до полуночи, обсуждали планы на завтра, а уже в девять утра Кирилл подхватывал его у казарм Крон-принца, и вместе отправлялись на форт — когда тут горевать?

Впрочем, Кирилл особо не обольщался. Это сейчас кузничек временно забылся, пока работа закружила, а чуть отпустит — и соскучится по своему самовару, да и раскаянье накроет, что из Москвы сбежал. Кажется, голубки в эти дни почти не созванивались — во всяком случае, ни разу при нём. Как-то Серый обмолвился, что взял у своей любви академ, — и так это грустно прозвучало, и такая загнанность посмотрела из его вытянутых ланых глаз, что Кириллу захотелось схватить его за плечи, встряхнуть что есть силы: это твоя жизнь! Ты никому ничего не должен. У вас нет детей! Вы даже не женаты! Принимай меры!

Как-то в выходной они отправились вдвоём на машине в самую западную точку России: в Балтийск. Попутешествовать, развеяться.

До романтических военно-морских пейзажей добрались не сразу: припарковавшись у памятника Ильичу, пошли пешком, забрели в облупленные кварталы советской застройки с дворами-пустырями, бельем на верёвках и клумбами из отслуживших покрышек. И лишь когда выбрались из этих трущоб на набережную — к вздыбленному над водой монументу Елизавете, к длинному узкому бетонному молу, тонкой зубчатой полосой уходящему в шумное коричневое море, — впервые за день по-настоящему насладились.

Холодные брызги; зелёные от водорослей тетраподы; и — рокот раздаётся из морских глубин; вода громко шибает в мол и разносится всюду мельчайшей пылью...

— Видишь его? — спросил Серёжа, показывая пальцем куда-то вдаль, в морские просторы, и удерживая от ветра бейсболку, чтоб не улетела.

Тут и Кирилл разглядел. Из Балтики в гавань, промина килем буйную коричневую воду, шёл крупный серый военный корабль — точно выпиленный из цельного куска стали, не вздрагивая и не качаясь, словно скользя по подводным рельсам. Грозная машина с тяжелым шелестом прошла в паре десятках метров, медленно удалилась к докам.

Они последовали по набережной за кораблём и скоро вышли к паромной переправе на Балтийскую косу — Фрише Нерунг, известную военной заброской вермахта и вроде бы неповторимыми дикими пейзажами.

Спустя полчаса компактный паром «Вистула», крупно дрожа старым стальным корпусом, оторвался от пристани, неся на борту Кирилла и Серого, ещё с десяток пассажиров и несколько легковушек. Во время переправы налетела снежная буря. Мокрый снег мчался по косой: серое небо казалось разливовым туманом. Студенистая каша покрыла рифлёный настил, крыши машин, поручни. Пристань и противоположный берег исчезли, будто стёртые ластиком. Остался только волнующийся пролив, капюшоны, мокрые лица...

Стоило «Вистуле» пришвартоваться, снег перестал; за сырой мутью неба проглянуло солнце. Ступив на земную твердь, Кирилл с Серёжей прошли сквозь посёлок и очутились на кромке Фрише Нерунг.

Бог ты мой, какая красота!

Тускло сияющий на солнце жемчужный снег на ярко-рыжей подложке из песка. Море облизывает берег, точно бисквитный торт в мороженом! Узкая неровная, будто обкусанная, полоска суши убегает вдаль, и всюду, куда хватает взгляда, — это чудесное расслоение, наполнение коричневой воды на оранжевый берег, на тусклый, почти прозрачный снег, тающий на глазах.

— Ты погляди, а! — восторженно воскликнул Кирилл, схватив Серого за локоть. — Разве ради этого не стоит жить?!

Меся кроссовками стеклянистый снег, они сбежали с пологой дюны, оказались у самой воды. Пахло мокрым песком и йодом — самой свободой!

Кирилл вдруг остро, нестерпимо захотел, чтобы Жанна оказалась рядом, увидела всё это. Только она — больше никого не надо!

— Знаешь, как понять насчёт любви? — сам с собой вслух заговорил он. — Задумайся, хочешь ли ты самую прекрасную минуту разделить с женщиной? Будь у тебя в руках золотая рыбка, попросишь ли ты немедленно доставить сюда твою половинку и показать? Знаешь, у меня была девушка в институте — Светлячок. Я всегда причинял ей боль и сам же боялся за неё, бесконечно возвращался... Но если бы я однажды окончательно не ушёл, не встретил бы маму...

— Я не знаю, что делать, пап, — глухо проговорил сын. — Я уже скучаю, и внутри — пустота. В груди капеч тяжко! Какие-то клещи жмут... Хочется всё вернуть, как было.

— ...И непонятно, что лучше! — не слушая его, продолжал Кирилл. — Светлячок по своей воле никогда бы не бросила меня, но и я не познал бы всей глубины, всей бездонности любви, не встретить я твою маму! Но в глубине и бездонности всегда сидит страдание! Любовь не может наскучить! Или же это не любовь... Ты скажешь — я мазохист, но мазохисты — самые счастливые люди!.. Посмотри-ка на ту девушку, Серый...

На почерневших от времени деревянных мостках над морем селфилась, жмурясь в «зеркальце» телефона, высокая белокурая девушка с торчащим пальмочкой хвостом на голове, в дутой ядовито-розовой куртке и пушистых белых наушниках.

— Правда хороша? — заговорщически прошептал Кирилл.

Серёга ничего не ответил, только с неприязнью и удивлением посмотрел на отца.

— Вот скажи мне, лучше она или хуже твоей Сони?

— В каком смысле? — раздраженно повел плечами Серый, мельком глянув на ангела.

— Ты знаешь в каком, — беспощадно отозвался Кирилл.

— Ну, типа... лучше, конечно, — после паузы вынуждено признал сын.

— Так иди и познакомься!

— Ты сдурел? Не пойду!

— Почему?

— Да зачем мне это? И потом... видно же, что она непростая. Она с нами на пароме приплыла. У неё новая «бэха».

— Ну и что?

— Богатая она, вот что! — злобно сплюнул в песок сын.

— Ну и хорошо, — и ухом не повел Кирилл. — Мне будешь деньги отпирать!.. Ладно, шучу. Не надо отправлять. Давай быстро иди и знакомься!

— Да как я подойду? — прошипел Серёжа. — А что я ей скажу?

— Бездарь! — засмеялся Кирилл. — Видишь, она фоткает сама себя? А ты предложи свою помощь. Давай решайся!

В следующую минуту сын, похожий на вставшую на задние лапки саранчу, бросив последний возмущенный взгляд на Кирилла, направился, размахивая руками, к чёрным мосткам, к белокурой нимфе в пушистых наушниках.

2

Тем временем канал в ютубе начал расправлять крылья: первая тысяча подписчиков набралась уже к концу третьей недели. И неизвестно, сколько бы ещё их набежало, остановись они с Серёжей на пристойном названии, коих с десятков накидала в почту Марина из Klops.ru. Лично Кириллу больше всего нравились «Кирпичи Кирки» — готическим шрифтом, с гербом и прусским щитом посередине. Или вот: «Ганзейская роза», чей логотип Касатик предлагала срисовать с Guns n' Roses, с их фирменными черепушками и пистолетами.

Как бы не так! Серый все предложенные варианты забраковал, обозвав Кирилла с журналисткой бумерами. Сам же выдал на-гора нечто совсем от-мороженное — Brick Bastards.

— Как-как? — переспросила Касатик, когда Кирилл от нечего делать позвонил ей посоветоваться. — Ахахах, кирпичные бастарды! А что, очень даже имбово!

— Имбово... — с отвращением повторил Кирилл, пробуя дурацкое слово на язык. — Вы тоже, что ли, Марин, на ихнем гнусном изъясняетесь?

— Работа у меня такая, — засмеялась Касатик. — А чего вы ко мне на «вы»? Помнится, на «ты» договаривались...

— Сорри, много граппы выпил, вылетело из головы, — буркнул Кирилл, сам внутренне непонятно чему обрадовавшись. — Так, что, «бастарды» тебе по душе?

— Отличное название, чувак, — по-бумерски откликнулась Касатик, затаив в голосе нотки лукавого смеха, — местной молодёжи должно зайти!

— Зайти, — механически повторил Кирилл.

Чёрт... Вот ровно так же, с нащупывающей издёвкой, ненавистное «зайти» произносила Жанна, зная, что Кирилла от него корёжит, и каждый раз по-детски веселясь его реакции.

— Послушайте, Марин... блин... я хотел сказать, послушай... — Кирилл вытер ладонью взмокший лоб.

— Чего... Кирилл? — понизила голос журналистка.

— А может, ты у нас снимешься? — осмелев, предложил он. — Понимаешь, если делать канал, желательно, чтоб в команде была девушка... — он запнулся, — привлекательная... Ради подписчиков!

— Как-как? Ради подписчиков? — изменившимся тоном переспросила корреспондентка. — Боже, какая рафинированная объективизация!

— Рафинированная чего? — не понял Кирилл.

— Я правильно понимаю, ты зовёшь меня лицом поторговать?

— Нет, ты что! — спохватился Кирилл, слишком поздно осознав, что сплеховал. — Будешь репортажи делать... Блог вести... Сама себе режиссер, обещаю!

— Н-да, — разочарованно протянула корреспондентка. — А мне сначала показалось, ты не такой, как девяносто процентов мужланов...

— С чего ты взяла? — обиженно парировал Кирилл, почуяв, что ещё чуть-чуть, и из него начнут вить верёвки. — Я совершенно обычный, э-мм, усредненный представитель мужланов...

— Не кокетничай, — перебила его Марина, — если бы ты не был одарённым, я бы не стала предлагать тебе никаких идей. Давай так, — после паузы продолжила она, — попробуем, а там как пойдёт... Даже интересно, что из этого получится.

И, несмотря на всю свою принципиальность в вопросах торговли лицом, уже через два дня, одевшись в новенький камуфляж, заправской моделью позировала в декорациях развороченного Фридриха Первого, похожая на смазливую израильскую солдатку. В дополнение к «имбовой» наружности имелся у Марины в арсенале и специальный голосок — глубокий и звонкий, чуть более сладкий, чем в жизни. И он почему-то особенно Кирилла задевал. На феминистку, когда она оживленно ворковала перед камерой, записывая очередной ролик, хотелось накинуть платок, как на редкую птицу, а то, чего доброго, украдут.

Жаль — свободного времени у «звезды» почти не было. Договорились, что она будет приезжать на форт раз в неделю, а Серёжа — заготавливать «консервы» и постепенно выкладывать в ютуб в последующие семь дней. Если канал взлетит, Марине будет причитаться пятая часть всех блогерских барышей — доходов от рекламы, донатов от подписчиков, — во всяком случае, пока она в деле. Не бог весть каких результатов следовало ожидать от узко заточенного тематического блога, но чем фортуна не шутит, вдруг и на их улице счётчик просмотров когда-нибудь покажет шестизначное число?

В первый раз Серый был застигнут с девчонкой в начале апреля. Увы, не с белокурым ангелом с Балтийской косы.

Как-то солнечным прохладным утром, в понедельник, Кирилл подкатил к Серёжиному жилищу раньше обычного, припарковал арендованный новенький ярко-синий «солярис» с торца дома. Вылез залить незамерзайку, открыл капот, мельком оглянулся на подъезд — ого! У подъезда Серёжа, и не один: с какой-то желтоволосой доходягой в распахнутом пальто до пят. Ну и ну!

Кирилл быстро спрятался за машину, осторожно выглянул. Стоят, разговаривают. Девушка дымит айкосом, переломив руку в локте, о чём-то рассуждает. Тяжелые боты на шнуровке, какая-то оранжевая эмблема на рукаве... Сутуловатая и худая, как пугало. Серый вежливо кивает — однако поглядывает на часы. Хорошо, хоть помнит, что сегодня на работу!

Вот, кажется, прощаются... Сблизились — Серёжа клюнул доходягу в щёчку... Не больно щедр на чувства после проведенной ночи! Она развернулась и быстро пошла прочь — прямо на Кирилла. Не хотел он встречаться с ней взглядами, но именно это и случилось. Глаза — наглые, навывкате. Бровей нет. Неприятный, вызывающий взгляд. Обшагнула «солярис», попрыгивая своей курительной машинкой, почапала в сторону Королевских ворот. На рукаве нашивка: чебурашка с крест-накрест заштопанным ртом.

Чебурашка этот зашитый особенно Кириллу не понравился.

Точно какая-то маргиналка. Неужели Серёжа мог с ней спать?! Неаккуратная, расхлябанная, на девушку-то не похожа. Тут Серый его заметил. Подошёл, набычившись, вытаращил глаза.

— Засаду устроил? Ты бы ещё ночью приехал!

— Ну извини, так вышло... — развел руками Кирилл. — Да всё нормально, расслабься. Мы взрослые люди. Тебе надо подняться? — Он кивнул на подъезд. — Я подожду.

Серый помотал головой.

— Не надо. Поехали.

В молчании двинули сквозь город. Кирилл сквозь стекло любовался на голые, едва-едва подернутые зелёной рябью липы в косматых шарах омелы — местного вездесущего паразита, придающего Кёнигу особый заповедный колорит. Кажется — это аистинные гнёзда, свитые прямо на городских улицах!

— Почему у неё чебурашка-то на рукаве? — не выдержал Кирилл и с кислой улыбкой глянул на сына, поворачивая с Литовского вала на Московский проспект.

— Слушай, это не то, что ты думаешь, — поморщился Серёжа.

— А я ничего не думаю, это твоё дело, с кем ночевать! — живо откликнулся Кирилл. — Просто интересно, где ты её нашёл?

— Вообще-то это Даша, монтажёр, — глядя перед собой, спокойно объяснил Серый, — мы ролики делали.

— Серьёзно?! Монтажёр? — захохотал Кирилл, хлопнув ладонями по рулю. — Та самая? А я почему-то думал, что раз монтажер, то парень... Ты прав, девушка лучше! Если б ты с парнем поутру из подъезда вышел, я бы больше напрягся.

— Хватит, пап!

— Ладно, извини... Так откуда она? Местная? Студентка?

— Ага, учится тут, на истфаке вроде.

— Понятно, значит, гуманитарий... А почему чебурашка-то? Это типа субкультура такая? Поклонники славного советского прошлого?

— Без понятия, — пожал плечами Серый, отвернувшись, — как-нибудь уточню специально для тебя.

Позавтракать заехали в полюбившийся размером порций «американский» кафетерий «Дядюшка Сэм» на улице Багратиона: их с Серёжей еже-

утренний приятный ритуал. Взяли по большому омлету с помидорами и горячие вафли с кленовым сиропом. Запивали огненным кофе и апельсиновым соком из стеклянного графина: холодный апельсиновый с мякотью Серёжа вливал в себя по литру перед каждой сменой.

— Я решил: с Соней всё, — ни с того ни с сего сообщил сын, в минуту сжевав свой омлет и четыре поджаренных тоста. — Не знаю, интересно тебе или нет... — Он быстро поднял глаза на Кирилла и снова уставился в пустую тарелку, — я с ней больше не буду тусить. — Он сжал огромную ладонь и несильно стукнул кулаком по столу.

— Не говори гоп, — с мудрой грустинкой в голосе произнёс Кирилл, — ещё припрёт, вот увидишь! Да так, как никогда прежде. В бараний рог скрутит! Важно, чтобы ты был к этому готов.

— Я готов, — посасывая сок из трубочки, процедил Серый. — А тебе типа спасибо...

— За что?

— Ну, за то, что ты мозги не компостировал, а просто как-то... — Серёжины вытянутые ланьи глаза задумчиво обвели кафе, — я не знаю... был рядом...

У Кирилла слёзы принялись щекотать череп. Захотелось не то чихнуть, не то изо всех сил почесать переносицу там, изнутри, где не достать.

— Не за что! — хрипло пошутил Кирилл. Осушил полный стакан холодного сока, вроде бы полегчало. — Про Соню я понял, а с институтом чего? Ты вон сколько уже пропустил. Возвращаться намерен?

— Да вернусь я, не переживай, — криво улыбаясь, отмахнулся Серёжа. — А скажи мне, пап, — глаза у кузнечика хитро заблестели, он весь подобрался, словно вознамерился сообщить какую-то тайну, — ты Марину эту из Клопс.ру поужинать пригласишь?

— С какой стати? — прокашлявшись, проговорил Кирилл, вытирая салфеткой рот.

Сердце забило о грудную клетку, как будто ему только что сообщили, что его скульптуры имеют шанс пройти в финал конкурса.

— Да ладно, пап... Как будто ты не видишь, что она к тебе подкатывает! Правда, у неё сын есть...

— А она подкатывает? — крикнул Кирилл. — Спасибо, что сообщил.

— Да кончай ты... Смотрит на тебя, как... я не знаю... — Серёжа поискал взглядом вокруг, — вон как та вуман, — он кивнул за спину Кириллу.

Кирилл обернулся — из дальнего конца зала ему жеманно подмигивала с постера Мэрилин Монро, придерживая от ветра юбку.

— Послушай... — Кирилл ощутил, что покраснел, и для чего-то понизил голос, — если переживаешь, что я тебя брошу и усыновлю другого такого же балбеса, то зря. Я по-прежнему твой отец.

— Вот я к чему и веду, — у сына комично скривился угол рта, — пригласи её куда-нибудь... только не в «Макдак». Объясни, что несвободен. Счастливо женат, дети малые... Надо что-то делать, пап, а то человек загоняется.

— Слышь ты, бездарь, хватит ехидничать!

— А ты — тормозить. Большого тормоза во всем Калининграде не сыщешь!

— А в рожу соком не хочешь? — Кирилл схватил стакан и в шутку дёрнул рукой: вот-вот плеснёт.

Какой, однако, хороший день!

В обед, зайдя в почту, он увидел во входящих письмо от представительства австрийской компании-производителя средств малой механизации для строителей. Они предлагали каналу Brick Bastards рекламную коллаборацию и аванс сто пятьдесят тысяч.

Новость Кирилл воспринял радостно-спокойно: в конце концов, они это заслужили — и он, и Серёжа, и Касатик. И вроде не бог весть какая удача:

разнообразные коммивояжёры чуть ли не ежедневно заявлялись на объект, предлагали инструменты и технику. Но одно дело форт, Петина вотчина, а совсем другое — канал, их детище, к которому толстый почти не имеет отношения, разве только не препятствовал съёмкам. То ли дело Марина, вот кого надо бы отблагодарить. Как минимум — сводить в ресторан.

И повод какой хороший: отметить первый контракт — ничего предосудительного. И всё же, когда, наскоро пообедав, Кирилл убежал с посторонних глаз на задворки форта, сжимая телефон в руке, он долго не мог определиться, кому звонить в первую очередь — Касатику или Пете. До сегодняшнего утра Кирилл жил в мире, где умная и красивая Касатик по уши втюрена в толстого, а тот, в свою очередь, время от времени воздаёт должное её уму и красоте, периодически наезжая в Кёниг без жены и детей. «Я, брат, какой-то частью своей души влюбился... Я вас познакомлю. Только ни-ни... Она — моя!» — эти Петины слова помнились до обидного чётко — как будто не далее как вчера поглощали вместе ароматную, шибящую в нос перетёртыми виноградными косточками граппу.

Но, с другой стороны, это же всего лишь ужин. Они взрослые люди, не может он, что ли, по-дружески её пригласить?

— Алло, Марин, привет, не отвлекаю?

Он прислонился к стене в боковом коридоре у выхода в залитый солнцем внутренний двор.

Прямо перед ним по земле и далее по кирпичной кладке проходила прямая и резкая, словно её прочертили по линейке, граница света и тени.

— Привет, рада тебя слышать, — как-то чересчур меланхолично проговорила Касатик в трубку. — Звонишь похвастаться тучей просмотров? Я видела. Ты попал в точку! Судя по всему, я действительно привлекаю мужланов. Подпись: клейкая лента для мух.

— Как-как ты там говорила? Объективация? — понимающе кивнул Кирилл, ощущая плечом холод выстуженных кирпичей даже сквозь куртку. — Что ж, похоже, у меня есть для тебя что-то, что компенсирует тебе моральный ущерб.

— Так... уже сгораю от любопытства. Выкладывай давай.

— Аванс от благодарных австрийских подписчиков, — улыбаясь, сказал Кирилл, — пляши, Марина-Касаткина-«Клопс.ру»! У нас первый рекламный контракт.

— Да ладно! — хохотнула Касатик. — И сколько же?

— Сто пятьдесят. Из которых тебе причитается, если не ошибаюсь, одна пятая.

— Непло-о-хо, — протянула журналистка, — пожалуй, я готова ещё немного поработать клейкой лентой.

Кирилл оттолкнулся от ледяной стены и шагнул во двор, под горячее солнце. Вокруг него будто завертелся ослепительный золотой калейдоскоп.

— Я считаю, это надо отметить, Марин... — Он вдохнул полную грудь воздуха и выпалил: — Приглашаю тебя поужинать. Как насчёт четверга или пятницы?

3

Для встречи с Касатиком Кирилл, недолго думая, забронировал самый дорогой столик в «Маяке» на набережной Рыбной деревни, с видом на Преголю и Кафедральный собор. Не то чтобы Кирилл вознамерился с наскоку влюбить в себя Касатика и добиться нежной ночи. Он и сам не знал, чего хочет и как поведёт себя с ней. Однако в подобных случаях он всегда следовал правилу: лучше перезаложиться. Самое страшное — дать женщине меньше, чем она от тебя ждёт, и сейчас чутьё подсказывало Кириллу, что слишком хорошо не будет. Открыточный вид на ночную реку и сияющий Кафедральный собор представлялись ему беспроектным вариантом.

И да, Кирилл не был бы собой, если б не решил чуть-чуть поводить Касатика за нос. Встречу назначил в простой кафешке на набережной — заведении средней руки, куда заходят попить кофе и съесть сэндвич, в каких-то двадцати метрах от «Маяка», но ни в коем случае не в самом «Маяке»! Разумеется, он явился первым. Подждал Марину с чашечкой «американо», как «тюбик» среднего пошиба, который не придумал места получше. И когда увидел её — рослую, тонкую, в стильном серебристом плаще, подпоясанном серебристым же ремешком, винтажных сапогах красной кожи, с каштановой копной, спадающей на широкие худые плечи, когда увидел весь её изысканный облик на фоне прозрачной витрины и речной воды за ней, — стиснул зубы от ужаса, представив на миг, что не приготовил для Марины золотой клетки, не увидит её расширенных от изумления глаз, не почувствует себя хоть на мгновение лучшим мужчиной на земле.

— Вина? Аперитива? — предложил Кирилл, повесив её плащ на крючок над столом и подставив Касатику стул.

— Ты знаешь, я ещё не решила, буду ли пить, — сказала Марина, прищурившись на меню. — А что здесь есть вообще? Бургер... Салатики... О, даже пицца имеется! Не пропадём. — Она наконец оторвалась от карты, с любопытством воззрилась на Кирилла: — А тебе хорошо в этом пиджаке, — она потянулась, коснулась Кириллова бицепса, помяла подушечками пальцев ткань рукава, — прям фронт! Похож на молодого Пикассо.

— Может, мартини? — осведомился Кирилл, стараясь не показать, что ему очень приятно.

— А давай. Мартини сто лет не пила!

— Два «Бьянко» со льдом, пожалуйста, — попросил Кирилл подоспевшего белобрысого паренька в фартуке.

У него слегка шумело в ушах. Он снова украдкой оглядел Марину. Она была в коротком бежевом шерстяном платье с вплетенными золотистыми нитями. Оно ей очень шло, подчеркивало благородство её бледного лица с тонкими, подведенными темно-вишневой помадой губами.

Паренек-официант обернулся на удивление быстро.

— А я молчу только потому, что не умею говорить комплименты, — Кирилл взял в руку бокал с мартини и поднял на Касатика взор. — Когда ты вошла, я подумал: твой образ — подловленная уличным художником абсолютная красота.

— О как! — Марина весело приоткрыла рот. — А по-моему, ты приbedняешься насчёт комплиментов. Но почему уличным? Ты что, на курсы пикапа записался? Там у них прям важно добавить ложку дегтя.

— Только уличный художник будет, не стесняясь, писать то, что писали тысячи до него, — раздумчиво проговорил Кирилл, шевеля щипцами лёд в вазочке. — Но однажды он увидит новую грань привычного, которая сделает его великим. Ты дьявольски хороша, Марин... Мне просто нелегко даётся это произнести.

— Так... Кирилл... — Касатик ухмыльнулась и отвела глаза, — с места и в карьер... Какие у нас планы? Закажем поесть? Ты, кажется, предлагал отметить? — она подняла свой бокал.

— Да, за наш канал! И за ту, которой он обязан своим появлением: за тебя!

Они чокнулись; Кирилл махнул своё залпом. Шум в ушах прошёл. Зато воздух будто бы зазернился, засверкал. Над Мариной головой маленьким беспоконным облачком зависла невеста откуда взявшаяся золотая мошкара.

— Ты всё, что ли? — смеясь, спросила Марина. — А у меня ещё осталось... — она покачала остатками вермута у себя под носом.

— Допивай, я подожду, — прикрыл глаза Кирилл.

— Ладно, — пожала плечами Касатик. — За успех вашего с Петей предприятия! — и прикончила вторую половину.

— А теперь идём, — Кирилл встал и подал Касатику руку.

— Че-го?! Куда?

— Увидишь...

Он расплатился у стойки; они выбрались на набережную, и Кирилл сфотографировал Касатика на фоне зыбистой, словно покрытой рыбьей чешуёй Преголи. Не самая лучшая идея: Касатик получилась напряженной и какой-то унылой: ещё бы, сорвали её с места и ничего не объяснили.

— Дай посмотреть, — она раздраженно потянулась за телефоном.

— Потом... — Кирилл взял её ладонь и повлёк Касатика к «Маяку».

— Что? — замедлилась в изумлении Марина, когда Кирилл открыл перед нею дверь в ресторан. — Ты серьёзно?

— Да ладно, что такого, — буркнул Кирилл, пропуская Марину вперёд, — гулять, так гулять...

Касатик поднималась по лестнице с неестественно прямой спиной, глядя перед собой невидящими, будто каменными глазами.

И вот они на втором этаже башни. Их стол — в нише у окна. Две высокие зеленые, цвета незрелого банана, свечи в серебряном канделябре; диванчик и подушки с золотой бахромой.

— Ты не против Pino Gridgio?

В ответ Марина только сокрушенно вздохнула:

— Не против...

Сжав коричневые губы в струну, она молча смотрела за окно и не прирагивалась к меню.

Прошло минут пять. Принесли подрумяненный багет, блюдо с большими креветками и бутылку в ведёрке — предзаказ, о котором Кирилл позаботился загодя.

— Что с тобой? Тебе не нравится? — упавшим голосом спросил он.

— Мне? — Марина посмотрела на него из какого-то своего кокона, словно не узнавая. — Нравится ли? Да просто я в шоке...

— Расслабься, — Кирилл придвинул Марине наполненный бокал, — имеем мы право покутить, в конце-то концов?

— Насколько я помню, в инструкции нигде не было сказано, что это свидание. Я что-то пропустила?

— Не было, — хрипловато согласился Кирилл. — Я и сам её вертел и так и сяк... инструкцию... Давай выпьем?

Холодное вино произвело с Кириллом что-то — он подался вперёд и провёл ладонью по Марининым волосам.

Та отстранилась, и Кирилл сразу убрал руку, внутренне отругав себя за поспешность.

— Помнится, когда мы познакомились, ты говорил, что с головой погружён в стройку, и отвлекаться ни-ни!

— Когда мы познакомились, ты не шла у меня из головы несколько дней!

— Кирилл... — Марина распахнула на него серые с зеленоватыми радужками глаза, как бы возвращая его к действительности, — вы ко Дню Победы успеваете? Смотрите не опозорьтесь. Алиханов приедет. Все местные шишки будет у вас на форте. Твой Петя, что и говорить, пробивной товарищ... И губернатора мигом расположил, и Девятова в нём души не чает. Скажи, вы с детства знакомы?

Ну естественно, о чем же им ещё говорить, как не о супермене Пете!

— Почему он мой-то? — не придумав ничего лучше, как разозлиться, буркнул Кирилл. — Он такой же твой, как и мой!

Ну и пусть, лучше сразу объясниться!

Он не сразу заметил, что Марина смотрит на него как-то странно подозрительно и насмешливо.

— Мне показалось, или ты сейчас намекнул на нашу с Петей связь?

— Ничего я не намекал. Прямо сказал. Все взрослые...

У него было твёрдое ощущение, что он рубит под собой сук. Но остановиться уже не мог.

— Ну, так слушай, взрослый ты мой... Петя, может, и классный. Но если ты думаешь, что мы с ним любовники, спешу тебя разочаровать: ни разу нет. Я с женатыми романов не завожу.

— Ну, прости... Мне показалось...

— Показалось? Чего же ты тогда меня пригласил? Хорош же из тебя друг, если подбиваешь клинья к его женщине!

— Да я просто... ты не поняла... я хотел... — окончательно смутился Кирилл.

— Я поняла: разведка боем, — кивнула Марина, сердито блестя на него глазами. — Авось она не таких строгих правил. А ты ловкач, Кирилл! Только кажешься простаком. Всё не могу разобраться, нравишься ли ты мне. Есть в тебе то, что я не люблю. Этическая близорукость... Подожди меня. Я в туалет...

Она выбралась из-за стола и пошла прочь из зала, тонкая и высокая, перебирая длинными, трогательно незащитными ногами в колготках. Дико близкая и словно бы даже родная Кириллу. Откуда это ощущение? Неужели он в ней Жанну видит? Ну, нет! Марина другая... Нет в ней той хабалистости, что всегда присутствовала в жене. Благороднее она, что ли... Кириллу вдруг захотелось начисто забыть прошлое, начать с нуля именно с Мариной — как в первый раз. Кажется, сейчас он впервые подумал, что, пожалуй, хотел бы, чтоб их с Жанной побыстрее развели.

Вернувшись из дамской комнаты, Касатик со странным выражением лица приблизилась к Кириллу, встала перед ним во весь рост, будто специально дразня близостью стройных ног.

— Чего? — спросил Кирилл, глядя на неё снизу вверх.

Вдруг она наклонилась и поцеловала его в губы. Коротко, но по-настоящему. Обдав горьковатым ароматом духов — кажется, полынью. Выпрямилась и огляделась: никто не смотрит? За столиками сидели люди — но никто не оборачивался. У Кирилла всё тело сделалось тяжёлым, как свинцовая чушка.

Кирилл привлёк её за талию и усадил к себе на колени. Увидел очень близко бледное, чуть испуганное лицо со вздернутым носом, тонкие, очерченные коричневой помадой губы. До чего же она прекрасна!

Поцелуй со вкусом спелого абрикоса... Шторка из каштановых волос щекочет лицо...

— Братан, цветы для девушки! Бери, не пожалеешь!

Возле выгнутого дугой моста за ними увязался пиратского вида, заросший рыжей бородой до самых глаз торговец с корзиной тюльпанов.

Кирилл замялся, потянулся было за кошельком, но Марина его опередила:

— Я верю, что ты романтик... Не надо цветов, пожалуйста! — смеясь, прошептала она и спрятала лицо у Кирилла на плече.

— Замок хотя бы возьми, — обиженно прохрипел рыжебородый.

— Какой ещё замок?

— Какой-какой, альковный!

Спустя минуту «морской волк» объявился с рыболовецкой сетью через плечо, на которую были прицеплены разномастные замки и замочки. Едва ли не на каждом — сердце, пронзенное стрелой, и гравировка LOVE.

— Вот этот сколько стоит? — Кирилл ткнул пальцем в тот, что показался ему самым надёжным. Закругленный, с толстой стальной дужкой и ключом с резными ушками. И вульгарная розовая клякса сердца маникюрным лаком — но это ничего, лак сотрётся, а замок останется.

— Две тыщи!

Кирилл быстро отсчитал четыре пятисотки и завладел шутовщиной.

— Что ты собрался делать? — удивленно осклабилась Касатик, смешно подтянув обветренные от бесконечных поцелуев губы.

— Как — что? — увлекая её по ступеням моста, пробормотал Кирилл. — Скрепим наши судьбы!

— Ты в своём уме?

Вместо ответа Кирилл прижал её к парапету и в двухсотый, наверно, раз приник к её распухшим устам.

Вдруг Касатик резко отстранилась.

— А ты-то хоть свободен?! Я так ни разу за вечер и не спросила...

— Для тебя всегда свободен, — Кирилл привлёк её к себе, отвел волосы в сторону и нежно провел языком по краешку уха.

— Нет, я серьёзно, ты разведён? Петя мне говорил, что вы в разводе, но это неточно.

— Разведусь, как только вернусь в Москву. Петя меня экстренно вызвал на эту стройку. Я просто не успел.

— Ну да, конечно! — недоверчиво рассмеялась Касатик. — Вот он я, весь перед тобой, моя аборигенка! — передразнила она. — Эти рассказы старые как мир. А ну-ка дай...

Она выхватила у Кирилла замок и спрятала его под плащ.

В следующую секунду со стороны острова Канта стал бахать салют. Гулкие хлопки разнеслись над Преголей. В небе над Кафедральным собором распустились белые, синие, красные «хризантемы» и «астры».

Кирилл радостно схватил Касатика за локоть.

— Ты поняла? Это они в нашу честь бьют!

— Совместили, — иронически отозвалась Марина, — приращение территории и наше буйное помешательство.

— Куда ты дела замок? А ну отдай, — Кирилл засунул руки ей под плащ, принялся обыскивать.

Его ладони наткнулись на взбухшие шипы под шерстью платья. Кириллу стало неловко, он сразу убрал руки.

— Держи! — Марина, насмешливо закусив губу, положила на его ладонь замок.

Тот был горячим, точно его вынули из духовки.

— Как ты это сделала? — ошарашенно спросил Кирилл. — Им можно лёд топить!

— Я ещё и не такое умею... — Марина закрыла глаза и приоткрыла рот; Кирилла опять примagnитило к ней.

Не расцепляя рук, они взобрались на мост.

Бац-бац! Их лица озаряли яркие вспышки и мерцание.

— Стой, давай не здесь, — решила Марина. — Давай внизу. — Она ткнула пальцам на противоположный берег. — Там не заметят... — Она сбежала с моста; присела на корточки у кованой решётки парапета. — Иди сюда...

Кирилл подшагнул и случайно ткнулся вздыбленными штанами ей в лоб.

— Ого! — тихо рассмеялась Касатик, — Теперь я вижу, кто-то действительно влюблён!

Кирилл присел с ней рядом, крутанул ключ, разомкнул механизм, и они вместе, в четыре руки, навесили железное сердце на прут решётки со стороны реки под самым поручнем, чтобы не было видно прохожим.

— Да, я влюблен, — громко подтвердил Кирилл, провернул и вытащил ключ из замка.

— Дай сюда, — велела Касатик.

Она забрала у Кирилла ключ и резко поднялась на ноги.

— Что, кидаю?

Выпрямившись, откинув с лица волосы, сделала замах, как бы припугивая, что и впрямь бросит.

— Кидай, — разрешил Кирилл.

— Смотри, потом не откроешь!

— Давай! Я не боюсь.

Рука Касатика резко описала дугу — ключик полетел в реку, тихо булькнул где-то посередине меж двух набережных.

— Ну, всё. Теперь ты моя, — Кирилл схватил её за талию, прижал к себе, приподнял, закружился с Мариной в руках так, что она едва ли не задевала сапогами паркет. — Моя, моя! И не отвертись!

Утро встретили в особняке у Кирилла — нежно-розовое утро середины апреля. Лучшее за эту весну, лучшее за чёрт знает сколько лет — может статься, за всю жизнь. Они лежали в кровати в уютной спальне второго этажа. Кирилл дремал; его будто мягко качало на волнах: то погружало в прозрачную толщу сна, где в изумрудной воде плавали оранжевые — цвета Марининых волос — рыбки, то поднимало в реальность, и он, открыв глаза, видел розоватую штукатурку стен, колышущуюся дымчато-серую штору, ветви каштана в зеленых вензельках пробивающейся листвы, лоскут белого неба. В оконную щель врвался ветерок, принося ароматы весеннего города — только-только начинающих оживать палисадников, клейких почек, мокрой земли, мазута — наверное, от близости жд-путей. И на фоне этих внешних запахов то и дело явственно проступал другой — живой и бесстыжий: кисло-сладкий, абрикоса и устриц, — голой Марины. Которым Кирилл пропитался весь, от кончиков пальцев до ушей.

Хотелось в туалет, но он не двигался, не желая разорвать хрупкую идиллию утра. Его до сих пор не отпускало. Через его плоть то и дело пробегали разряды, сводя мускулы ног и вызывая онемение в животе. Стоило скосить глаза на это длинное, похожее на косулю существо рядом, на её тонкую шею в нежных завитках волос, на незащищенное плечо, похожее на перевернутую фарфоровую чашку, как его вновь начинало потряхивать; он закрывал глаза и до сладкой боли сжимал челюсти, терпел жжение в мочевом пузыре: пусть ещё хотя бы пять минут поспит, ночью-то совсем не отдохнула.

Вчерашний вечер и то, что за ним последовало, смешалось в причудливый калейдоскоп — бегство из ресторана, жадные объятия на набережной; сияющий, будто внутри него пылал пожар, Кафедральный собор с острым конусом башни — как замок из сказок братьев Гримм; световая проекция на торце жилой панельки «Добро пожаловать домой!», адресованная как будто бы им, их нашедшим друг друга сердцам. Они с Мариной на Юбилейном мосту: навешивают на решётку замок с фигуристым ключиком, и — венчающим всё это аккордом — сочные взрывы салюта в небе.

И всё же главным было не внешнее, а то, что Марина готовилась к свиданию. Заранее отправила сына к бабушке — и потому смогла поехать к Кириллу. А когда, оказавшись у него дома, они взбирались в спальню, захлабываясь в поцелуях и сбрасывая вещи прямо на ступени лестницы, Кирилл обнаружил на Касатике восхитительное тёмно-синее кружевное бельё. Изысканные сеточки его окончательно добились. Кирилла поразил тот факт, что именно ради него она надела эти тончайшей работы ажурные трусы, что именно ради него вертелась перед зеркалом, представляя, как он будет оценивать её ночную, интимную красоту.

Однако что-то до сих пор мешалось, маячило на периферии сознания... Что-то, связанное с Касатиком...

О чем они вчера говорили? О Пете, о Маринином бывшем — нет, всё не то... Взгляд Кирилла наткнулся на пакет с футболками Brick Bastards и фирменными нашивками, притуленный в углу спальни. Нашивки... Точно! Маргиналка с чебурашкой на рукаве! Касатик, прежде чем забыться сном, упомянула, что видела Серёжу на неделе возле универа в компании долговзрой в чёрном пальто... Если Кирилл правильно понял, дело было в среду. Ну конечно! Сын тогда отпросился на полдня: монтировать ролики. Явился на форт под вечер, часам к пяти. И вроде ничего экстраординарного, дело молодое, ну, развлекаются, ну, обрабатывают видосы в перерывах, однако злосчастный жёлтый шеврон на рукаве чёрного пальто никак не шёл у Кирилла

из головы, ведь именно по чебурашке они с Касатиком опознали долговязую и поняли, что говорят об одной и той же Даше.

Давление на мочевой пузырь усилилось. Кирилл потянулся и поцеловал Касатика в благоухающую абрикосом подмышку, вылез из постели, нацепил сланцы и прошлёпал в санузел, а когда возвратился, Касатик уже сидела на кровати в Кирилловой тельняшке, босоногая и растрёпанная. Кирилл едва удержался, чтобы не повалить её обратно, — впрочем, Касатик, предвидя возможные поползновения, резво отшатнулась, завладела Кирилловыми сланцами, сгребла свою сумочку и на четверть часа скрылась в ванной.

Вернувшись, чмокнула Кирилла в щеку, обдав фтористым ароматом зубной пасты.

— Сто лет не чистила зубы пальцем! — вывернулась из его объятий и с ногами села в кресло напротив кровати. — Я вот что вспомнила, — Касатик сощурилась на Кирилла, глядя как бы сквозь его, — недели две назад какая-то малолетка стояла на площади Победы с чебурашкой... с плакатом, в смысле. И знаешь, там был заштрихован рот!

У Кирилла опять заныло в груди, как будто к сердцу прицепили прищепку.

— Совпадение? Не думаю, — бодрясь, пробормотал он. — И что же она хотела? Чем всё кончилось?

— Да ничем. Постояла и свалила. Никто её не задерживал, она же не протестовала. Наши тогда подумали: очередное задание с тренинга личностного роста. Погоди-ка, я сейчас узнаю у моей редакторки...

— Сама ты редакторка, — поморщился Кирилл, с нежной укоризной посмотрев на строчащую что-то в мессенджере Марину, — разве можно так говорить?

— Нужно! Динозавр ты мой... — Марина смахнула волосы с лица и вперилась в экран айфона. — Вот... пишет уже... Ну, что и требовалось доказать! Они называются ЧВК «Чебурашка». Что-то совсем свежее. Этой ЧВК пара-тройка недель от силы. Чего хотят — непонятно. Шифруются. Предводитель — какая-то Дарья Чекалина из Минска. Ого! — Марина повернула к Кириллу телефон. На экране — уже знакомая ему нагловатая физиономия долговязой с «лысыми», навывкате, зенками. — Наша Даша, оказывается, там главная... Кому ты звонишь?

— Серёже хотел пару слов сказать. Он трубку не берёт. — Кирилл бросил на кровать телефон и закрыл глаза, стараясь унять накатившую мутную, как болотная вода, тревогу.

Серёжа перезвонил сам спустя два часа, когда они завтракали в ресторане «Принцесса» возле зоопарка.

Кириллу в это ясное утро всё казалось неестественно ярким, выпуклым и словно ненастоящим. Лоснящаяся, как чешуя дракона, булыжная мостовая, напоминающая старый Киев; с гулким рокотом катящийся по загогулине улицы жёлтый, как тыква, трамвай, похожий на космический шаттл из какого-то фантастического кино восьмидесятых; груженный пилеными деревьями оранжевый «КамАЗ» у касс зоопарка — всё будто натёрли воском и покрыли особым лаком, который делает все предметы преувеличенно реалистичными.

Окна ресторана отмыли так, что, казалось, в них отсутствуют стёкла. Пока ждали официанта, Кирилл захотел выйти на летнюю веранду — вмазался в невидимую преграду и разбил себе нос. Вспышка — над переносицей защекотало, — а когда Кирилл смог опять сфокусировать взгляд, закапавшая на пальцы и на белую салфетку кровь была кричаще-яркой, точно сок красной смородины.

— Вот теперь я вижу: кто-то точно влюблён, — вздыхала Марина, ведя его, окровавленного, в туалет.

Эта фраза про влюбленность успела стать их общим, объединяющим мемом. Когда Касатик её произносила, сердце Кирилла будто омывало тёплым молоком.

Они лакомились гречневыми оладьями с инжирным вареньем, слоеным сырным пирогом и свежей клубникой, когда за две тысячи километров от них прилетело по рынку в Донецке.

В какой-то момент Марина взяла в руку телефон и изменилась в лице.

— Господи... Снаряд взорвался на продуктовом рынке... Уже семь погибших...

Она запустила видео со звуком: мат-перемат, плач и стоны; Кириллу хватило одного взгляда через её локоть, чтобы понять: видео — жуткое. Разодранные тела вповалку друг на друге, страшное месиво из рук, ног, голов, каких-то тентов и разметанных бетонных блоков: видно, боеприпас ударил по павильону, полному людей.

— Не смотри, не надо, — Кирилл потянулся, чтобы взять у Марины телефон.

— Отстань! — она подалась вбок, не отрываясь от экрана. — Как будто я чего-то не видела. Ты забываешь, с кем имеешь дело...

— Ну, хоть пока мы едим, не смотри! — Кирилл попытался прикрыть ей ладонью глаза.

Касатик дёрнула головой, вскочила, пересела так, что между ними оказался стол.

— Кирилл, пожалуйста, — она долго, строго посмотрела на него, — не надо мне указывать, что делать, а что нет!

— Всё, всё, не буду!

У Кирилла от увиденного еда встала поперёк горла. Он с отвращением смерил взглядом стол: сырный пирог, гречневые оладьи, клубнику в вазочке. Завибрировал телефон: а вот и Серёжа. Слава богу!

— Привет, сынок, ты где? Нам бы пересечься, — Кирилл с извиняющимся видом посмотрел на Касатику. Та развела руками, мол, делай, как тебе удобно. — Алло, слышишь меня? Во второй половине... Может, в «Резиденции» шары погоняем? Как тебе идея?

— Сегодня не смогу, пап, извиняй. Я не в Кёниге.

— Только не говори, что укатил в Москву.

— Не дождёшься, — хмыкнул сын. — В Зеленоградск на выхи...

— В Зеленоградск? — хмуро переспросил Кирилл. — Что там делать-то? Море сейчас холодное... Ты один вообще? Можешь говорить?

— Не один, — после небольшой паузы сказал Серёжа, — могу, но не долго.

— В понедельник с утра на форте будешь?

— Скорее всего, да... — Серёжа замылся, — не сто процентов...

— С кем ты? — решил расставить все точки над «и» Кирилл. — С мон-тажёркой своей? Говори, как есть.

— Тебе зачем? — огрызнулся Серый. — Решил меня пасти? Не только с ней... Тут целая компания.

— А кто ещё? Почему ты мне не рассказываешь? Что у вас там за общество? Ты пойми, эти балбесы... чебурашки... могут что-нибудь натворить... — он осекся, глядя в окно.

За стеклом над выложенным мраморной плиткой пятачком медленно плыла большая связка крупных фольгированных жёлтых шаров. Странное что-то: Кирилл разглядел непонятный серый грузик на длинной леске, волочащийся за ними по воздуху. Что-то было в этой картине не так, не то реакция прохожих — они испуганно шарахались от летящего «объекта», — не то неприятный и какой-то жуткий вид у привязанного комка...

Да это мёртвый голубь! Дохлак с растрепанными перышками болтался на леске, и, кажется, у него было вспорото брюшко и торчали внутренности... Люди отшатывались, чтобы мёртвая птица ненароком не наплыла им

на головы; мамыши испуганно утягивали в сторону своих чад. Касатик, завидев пугающую композицию, едва не подавилась чаем. Подобралась как кошка, привсталала, ухватив телефон ладонью как топорик.

— Я сейчас, милый...

Шустро вылезла из-за стола, пробежала ко входу, выскочила на улицу.

— Серый, я перезвоню, — крикнул Кирилл в телефон, нажал отбой и последовал за ней, сделав знак официанту, что ещё вернётся.

Шары медленно волокно над проезжей частью — Марина, не обращая внимания на сигналившие автомобили, преследовала голубя, снимая происходящее на смартфон. Кирилл, всерьёз опасаясь за её жизнь, взялся заслонять её от машин, забежал впереди, сделал страшные глаза и расставил руки:

— Куда прёшь?! Видишь, девушка на проезжей части!

— Проспект Мира, полдень... возле нашего зоопарка вот такой жёсткий и, я не побоюсь этого слова, жуткий перфоманс, — своим фирменным строгим и взволнованным голосом наговаривала Марина на телефон. — Кто его устроил? Я надеюсь, очень скоро мы это узнаем. Молодой человек! — она направила камеру на Кирилла. — Можно вас попросить поймать шары? Быстрее, чтобы дети не напугались...

— Конечно! — промямлил опешивший Кирилл. — Ради вас всё что угодно...

Он бросился за дрейфующим голубем, наталкиваясь на прохожих, подпрыгнул, пытаясь схватить за леску, — безуспешно: слишком высоко. Ещё чуть-чуть, и шары унесёт на территорию зоопарка.

Возле касс на тротуаре громоздился оранжевый «КамАЗ», полный пиленых деревьев, — шары тащило прямо на кузов. За долю секунды Кирилл принял решение. Подбежал к грузовику, вспрыгнул на рифленое колесо, схватился за кромку кузова, подтянулся, перебросил ногу — и вот он уже внутри огромного лотка, на гряде битого кирпича, чурбаков и веток.

Шары тем временем отнесло к кабине... Голубя протаскило по-над горою мусора; он мазнул кишками по оранжевой крыше, оставив сырой след. Кирилл попытался было пролезть вперёд — провалился меж двух чурбаков. Идти невозможно: щиколотки переломает. Выбрался, ступил вперёд, споткнулся — ладонями угодил на битый кирпич. Руки обожгло, точно он коснулся раскаленной печки. Не успеет...

— Помогите, кирпичики-куличики... — прошептал.

И тотчас зазудело в черепной коробке, где-то во лбу, как будто там прямо по серому веществу заелозило перышко. «КамАЗ» глухо завибрировал, точно в месте, где он стоял, случились подземные толчки. В следующий миг какая-то волна прошла по кузову; у Кирилла лязгнули зубы. На его глазах кирпичи вдруг вздыбились, выстроились в некое подобие ступеней. Кирилл бросился по ним вперёд и в последний момент, когда шары вот-вот должны были взмыться вверх с порывом ветра, сумел вскочить на кабину.

Хватъ — леска оказалась у него в пятерне. Победа!

Для надёжности обернул вокруг кисти... Отдышался. Глянул в кузов: мусор и мусор. Никаких ступеней! Видно, почудилось. В ноздрях опять щекотало. На кабину грузовика упала пара красных капель. Опять футболку кровью запачкал...

Осторожно, хватаясь правой, а в другой держа на отлете леску с голубем, слез с грузовика. Привязал мерзкую композицию к решетке ограды, чтобы снова не унесло. Отряхнулся.

Ему аплодировали: Касатик и какой-то молодой похмельный парень забулдыжного вида с бутылкой бельгийского эля.

— Красавчик, брателло! — громко икнул он. — Чебурашек поймал! Ещё бы чуть-чуть, и к жирафам уплыли! У тебя кровь носом идёт, братан... Есть у кого салфетки? Слышь... герой, не добавишь на пиво?

— И опять они, че-вз-ка! — вдохновенным дикторским голосом наговаривала Марина на телефон. — Загадочные концептуалисты нашего города!

Чего они хотят? К кому обращаются? Это только предстоит выяснить... С вами была Марина Касаткина...

— Чего-чего, ясно же! — округлил глаза на Марину выпивоха. — Они тебе показывают, что их мнения никто не спрашивает... Молодые то есть... Поняла — нет?

Тут уж Кирилл окончательно перестал что-либо понимать. При чём тут чебурашки?! Растерянно огляделся, прижимая салфетку к носу. Взглянул на шары и обомлел: на одном чёрным маркером намалеван ушастый зверёк с заштопанным ртом!

С той стороны улицы по пешеходному переходу к ним уже спешили двое полицейских.

Марина, прищурившись, сканировала прохожих, видимо, пытаясь вычислить авторов акции.

— Эй, парень, — обратилась она к бухарику, расстегивая клатч, — кто это сделал, ты видел?

— Гадом буду, не видел, Марин! — прижав руку к сердцу, откликнулся похмельный.

— Ты что, меня знаешь? — удивилась Касатик.

— Сама же сказала: Марина Касаткина! — резонно заметил бухарик. — Меня Лёха, если что, зовут. Со стороны парка летели. Во-он оттуда! — он привстал на цыпочки и указал на ресторан, откуда прибежали Кирилл с Касатиком.

— Это я и сама поняла! — с досадой процедила Марина. — На, держи, Лёха... — она сунула парню две бумажки по сто рублей. — Выпей пива и домой спать...

Подоспевшие полицейские с брезгливыми лицами рассматривали привязанные к ограде шарики и окровавленного голубя. Один попытался порвать лесу — не тут-то было. Только испачкал голубиными кишками форменные брюки.

Кто-то из зевак дал ему влажную салфетку, и он стал, матерясь, оттирать тощее бедро.

Его напарник вытащил из кармана перочинный нож. Пыхтя, распилил лесу. Морщась, выкинул гадкий объект в урну.

— Кто-нибудь видел, кто это запустил? — громко спросил он у негустой толпы и задержал взгляд на Кирилле.

— Из парка летело, командир... Сколько можно повторять, — снисходительно объяснил Лёха, выйдя из-за «КамАЗа», за колесом которого, очевидно, припрятал свой эль.

— Ну, не вы, точно? — с сомнением спросил мент, глядя Кириллу в глаза.

— Не мы! — отрезала Касатик, беря Кириллу под руку. — Мы вообще в «Принцессе» сидели... Пойдём, милый!

Она дернула Кириллу за локоть и повлекла через дорогу на зелёный светофор.

В ресторане Кирилл умылся и, как мог, почистил одежду. У них ещё оставалось просекко, медовик и колба остывшего чая, которую официант, по просьбе Кириллы, унёс подогреть.

— Я сейчас... извини... — Марина минут на пять погрузилась в телефон, позволив Кириллу сидеть рядом и наглаживать её руку.

Кирилл попытался было набрать Серёжу — абонент не абонент. Что ж, хорошо уже, что он не в Кёниге, а значит, к уродливой выходке точно не причастен. Он налил себе и Касатику вина.

— Знаешь, когда мы побежали за голубем, — раздумчиво заметил он, заскучав от Мариного молчания, — мне на миг показалось, что мы — семья... Всё делаем вместе, и вообще...

— Да, мне тоже, — рассеянно кивнула журналистка. И тут же словно очнулась, отложила телефон. — Поцелуй меня, — попросила она и подвинулась к Кириллу.

Минуту или две ничего более не существовало. Только жаркая мягкость Марининых губ и отдающий ванилью вкус помады.

— Господи, ты был так хорош, когда ловил эти дурацкие шары! — прошептала Касатик, оторвалась и перевела дыхание. — Когда я побежала через дорогу и стала снимать, могло показаться, что я про тебя забыла... Это не так! Я каждую секунду ощущала, что ты рядом. Что я с мужчиной, а не свободная-одинокая и вот это вот всё... Мне было так спокойно!

У неё завибрировал телефон.

— Редакторка? — с нежностью глядя на Касатика, догадался Кирилл.

— Она! Чёрт... — Марина изумленно посмотрела на Кирилла. — Оказывается, акции в разных местах прошли. И не только в Кёниге... Везде одно и то же: шарики и голуби...

— И в Зеленоградске? — быстро спросил Кирилл.

— Ага, — закусив губу, Касатик водила пальцем по экрану, — в Зелике прямо на Курортном проспекте... Ха! И конечно, задохлым голубем бежали пресловутые зеленоградские коты, так мы и поверили! Мне очень жаль, милый, но, похоже, твой Серёжа прочно тусит с этими чебурашками...

4

Оставшиеся до Дня Победы две недели Кирилл упоительно проживал ещё одну подаренную богом молодость. Едва ли не ежевечерне провожал Касатика после страстного свидания у себя дома, в облупленном розовом особняке с бурой от мшистого нароста черепичной крышей.

Сумерки... За окном одуряюще пахнет шиповником и магнолией. В отдалении шумит каштановая аллея. Расставаться не хочется: аж зубы ломит. Кирилл выходит её проводить, они минуту держатся за руки возле её белеющей на фоне тёмных кустов шиповника «киа» с плюшевым зайцем — подарком Кирилла — за стеклом; потом Марина закрывается в машинке, выхватывает фарами металлические завитки на кованом заборе, разворачивается и укатывает в темноту, в свою жизнь, к сыну...

А Кирилл, помахав зайцу и постояв немного у калитки, отправляется на задворки дома — ваять Новую русскую женщину.

Зайдя на минуту в дом и прихватив в холодильнике баночку колы, он огибаёт особняк и любуется на будущую скульптуру на фоне светящегося зеленоватым люминесцирующим светом неба вдали над Преголей. Когда он закончит, вероятно, подарит статую Калининграду, и будет она красоваться на одной из центральных площадей, — пока же заготовка покоится на настиле из толстых сосновых досок, которые опираются на строительные поддоны на облюбованной Кириллом площадке за домом. Постороннему наблюдателю взгляд на это якобы бесформенное, с дырой посередине, нагромождение слепленных между собой кирпичей ничего не даст, разве только кто-нибудь заметит отдаленное сходство со «скалами в Этрета», увековеченными Клодом Моне. Кирилл же видит в уступчатой штукатурке несравнимо больше несведущих. Обтачивает углы, скругляет формы. Мысленно наращивает верх, выдумывая прямо из зеленоватого вещества ночного неба и голову, и плечи, и лица-ипостаси, обращённые на разные стороны света, — корреспондентки из «Клопс.ру», Богородицы с младенцем на руках, отважной воительницы за Новый женский мир, и — нежное, греховное, счастливое — Касатика, его любовницы, частой гостьи его особняка.

Промелькнул и, кажется, навсегда канул в прошлое тот краткий, странный и тоже по-своему счастливый месяц, когда они проводили вечера вдвоём с Серёжей.

Сын после тех выходных в Зелике натурально сошёл с рельсов. Работать стал неровно, словно бы поминутно засыпая и снова приходя в себя, много портил, на форте появлялся время от времени. Да и в своей съёмной квартире, судя по всему, ночевал далеко не всегда: как-то Кирилл собрался

подбросить его утром, как раньше, зарулил на Литовский вал и Серого не застал: в ответ на звонки сын написал в WhatsApp: «Я не в городе. Буду позже. Сам доберусь», и даже не удосужился снять трубку. Где его черти носят — Кирилл не ведал, да и, честно говоря, опасался слишком ретиво выяснять. Не хотелось рвать ту последнюю нить, на которой держалось их общение.

Однажды Кирилл отлучился с объекта посреди дня по какой-то мелкой надобности, а когда вернулся, то, паркуя машину, увидел Серёжу на фортовой стене, прямо над главным входом. С малым было ясно что-то не так. Он стоял на самом краю во весь рост в своём длинном и нелепом плаще, раскинув руки и выпятив грудь — словно готовясь принять в неё удар молнии. Кирилл хотел было его окликнуть, но его остановила мысль: не напугать бы, а то ещё оступится и сорвётся. Наблюдал, затаив дыхание, из окна машины, которую Серёжа, кажется, даже не замечал. Отсюда он казался абсолютно чужим, незнакомцем, городским сумасшедшим. Душу Кирилла захлёстывало волнами почти физической боли. Он стиснул зубы и ждал. Наконец Серый отступил от края и будто выдохнул. Понурился, опустил руки, уронил голову на грудь. Развернулся и, шатаясь, пошёл прочь, скрылся из виду.

Кирилл смахнул с лица холодный пот, выбрался из «соляриса». Еле сдержался, чтобы сию минуту не поймать, не затолкать в машину, не помчаться в клинику, где делают тест на наркотики. Он почти убедил себя, что Серёжа употребляет.

Но всё же надо действовать хитрее, чтоб сын не увидел в нём врага. Поэтому Кирилл договорился Кузьмой, комендантом форта, и тот, по просьбе Кирилла, позвонил Серёже тем же вечером и сообщил, что в документах нет Серёжиной медсправки и что не позднее завтрашнего полудня справку требуется донести, иначе он Кузьму крепко подведёт. На Серёжин же вопрос, какая именно справка нужна, Кузьма отправил его к Кириллу: «Такую же, как отец делал, у него можешь спросить».

Так что Кирилл был готов к Серёжиному звонку, и, когда сын недовольным голосом пробасил в трубку: «Какого фига! Раньше, что ли, нельзя было предупредить?! Диктуй адрес лаборатории!», Кирилл разыграл перед ним заранее заготовленный спектакль. Принялся объяснять, как отыскать вывеску «Витро Лаб» в гуще хрущоб на задворках гостиницы «Калининград» — без пол-литра не разберёшься!

— Блин, а поближе нельзя было? Ты сможешь меня отвезти туда? — раздраженно перебил сын.

— Ладно, так и быть, проеду через тебя завтра, будь дома, — милостиво согласился Кирилл.

И на следующее утро доставил ничего не подозревающего Серёжу в современный чистенький пункт приёма анализов в первом этаже облупленной панельки неподалеку от бункера Фон Ляша. Заказ на антинаркотический тест он, разумеется, оформил заранее и даже — о ужас! — расписался за Серого в согласии, бланк которого накануне прихватил с собой: теперь же как ни в чём не бывало отдал на ресепшне. Вопросов не возникло, и Кирилл немного успокоился, сочтя это добрым знаком. Оставалась малость: чтобы медсестра не сболтнула лишнего, когда Серёжа будет сдавать кровь. Тут-то Кирилл и погорел. Попытался было просочиться вместе с малым в процедурную — не пустили. Нервно ожидал в коридоре, когда в процедурной раздался басовитый бубнёж Серёжи.

— При чём здесь наркотические вещества? Какое ещё согласие? Не буду!

Дверь распахнулась, выскочил сын с засученным рукавом, вытаращился на Кирилла:

— Это ты придумал?! — И, не дождавшись ответа, прошипел: — Ты, я знаю! У-у-уу! — замахнулся, как бы собираясь ударить. — Как же ты меня достал!

В двери возникла растерянная медсестра с бумагами:

— Так что, будете делать или нет? Решайте уже!

Серёжа метнулся вон из лаборатории. Кирилл, что-то пробормотав и выхватив бумаги у медсестры, — за ним. Догнал во дворе, у сквера с танком Т-34 на постаменте, схватил сына за локоть:

— Да стой ты! — силой усадил на скамейку. Сам плюхнулся рядом. — Ну, извини!.. Это я виноват... Не знаю, что на меня нашло...

— Ты офигел, блин? — горестно покачал головой Серёжа. — Думаешь, я торчок? Я не употребляю, можешь успокоиться! Что, вены показать? Хотя вряд ли это тебя устроит, я же могу и дурь курить, и на колесах сидеть!

— Прости, — пробормотал Кирилл, — надо было просто поговорить... Но ты же не разговариваешь! — Он сложил замком руки, зажал между коленями, глядя перед собой и вдыхая резкий химический запах морилки от свежеокрашенного памятника. — Что с тобой происходит? — тихо спросил он будто самого себя. — Ты на кого стал похож? Такое впечатление, что в секту угодил...

— Может, мне подстричься, как в армии? Строем ходить? — криво усмехнулся сын, запрокинув голову и разглядывая верхушки деревьев.

— Что у тебя за философия? Институт забросил. Работать не хочешь. На канал, как я понял, ты тоже плюнул. Бомжом решил стать? В бочке жить намерен? Я понимаю, если б ты был творческой личностью. Но ты же ничего не создаёшь!

— Предлагаешь мне скульптуры ваять, как ты? Упс! Я не умею... — издевательски всплеснул руками Серый. — На мне природа отдыхает, пап! Мне неинтересно жить! Мне лучше вон в танк и туда! — он раздражённо кивнул на памятник. — Если б я даже решил кем-то стать, журналистом, как Марина, или скульптором, как ты, лишь выполнял бы заказ государства или олигархов. Своего ничего бы не сделал. Мне бы тупо никто не позволил.

— Так вот почему рот зашит у чебурашки! — горько усмехнулся Кирилл. Он повернулся к кузнечнику и тут только заметил, что у того дергается подбородок и в зелёных зрачках дрожат небо, сквер и танк на постаменте.

Кирилл подался к Серому, порывисто обнял его. Сын первую секунду сопротивлялся, а потом позволил; Кирилл притянул его к себе, обхватил крест-накрест, грудью почувствовал, как ухает сердце у малого под рёбрами.

И тут Серёжа тоже его обнял и начал всхлипывать — точно громко икать.

— Капец, пап, я не понимаю, как... и зачем вообще жить!.. — промямлил сын, спрятавшись за Кирилла. — Мне всё тошно, я иногда хочу всех убить или самого себя!

У Кирилла забурило в голове — будто в чайнике созрел кипяток. К горлу подступили спазмы.

— Серый, ну что ты... Веришь, нет, я сам не знаю как... и зачем... — Он вдруг испытал острое желание открыться, поделиться сокровенной новостью: — Знаешь, благодаря тебе я начал встречаться с Мариной... Я тебе очень благодарен...

— М-мм, — промычал сын. И вдруг пуще затрясся на плече у Кирилла. — А-а-а... Блин... ну почему так плохо... Я по маме скучаю!

— Бедный... — Кирилл провёл пальцами по отросшим сыновьим волосам, — вы же скоро увидите. Пара недель осталась. У неё обучение закончится, она вернётся в Москву. И ты поезжай!

— Мама теперь крутая, — неприязненно выкрикнул Серый. — Вряд ли ей будет интересно со мной общаться... Мы-то с тобой, пап, крутизной не вышли! Ну ничего, она скоро будет думать по-другому...

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Кирилл, нарочно не глядя на Серого, уставившись себе под ноги и как бы весь обратившись в слух.

— Ничего. Поехали уже на форт!

При любом воспоминании о Жанне у Кирилла каждый раз щемило сердце; мутной волной накатывала тревога. В Москве, в Большой России, собиравались нешуточные тучи. На прошлой неделе Кирилла, а вместе с ним

наверняка и изрядную часть россиян немало взволновало появление Сан Саныча Разлёткова — да, да, того самого директора грозной «Гантели» — перед объективами телекамер в Донецке.

На сей раз он превзошёл сам себя. Воскресным вечером — кажется, в «Итогах недели» — убежденного сединой пирата, как две капли воды похожего на Бельмондо, показали в кабине «сушки» с работающими двигателями, от свиста которых почти не было слышно вопросов корреспондента.

— Значит, так... Докладываю, — орал Бельмондо своим густым, давящим на барабанные перепонки баритоном, силясь перекрыть авиационные моторы, — наши спецы установили, откуда в прошлую субботу вёлся огонь по рынку. Цели определены. Плюс-минус полсотни метров. Щас вылетаем, отработаем и вернёмся! Как всё будет сделано, я сообщу!

Он сердито оттопырил нижнюю губу, нахлобучил лётный шлем с эмблемой «Гантели», после чего скрылся под плексигласом кабины.

И следующее включение — уже после боевого задания: военный аэродром, марево возле сопел движков, хищная железная птица остывает после «вылета воемездия». Поднимается крышка кабины, и вновь перед нами Сан Саныч с взмокшими кипенно-белыми клоками, облепившими череп: взбудораженный и устало-довольный.

— Докладываю: слетали, отработали, вернулись! Там, где мы были, ничего и никого живого не осталось. Наш несчастный неприятель словил «ответочку». Всё, дело сделано, идём отдыхать и готовиться к завтрашнему дню!

Вот этого-то самого «завтрашнего дня» Кирилл опасался так, что при мысли о нём ныли дёсны.

На днях Жанна явилась ему во сне: они вдвоём стояли на скале на берегу ослепительно сияющего каким-то вольфрамовым сиянием моря. Кажется, это был Крым, Кара-Даг. Из утёса над морем вырастала невеста как оказавшая здесь здесь облупленная девятиэтажка — обыкновенная, о четырёх подъездах, как у них в Тушине.

И вот уже они с Жанной — внутри девятиэтажки, в их первой квартирке, которую в реальной жизни они давным-давно — когда Серёже исполнилось пять — продали. В некогда уютной двушке пусто и сумрачно. Они бродят из одной комнаты в другую, щупают фисташковые стены, зачем-то проверяя, не мокрые ли они. Из прежней обстановки — только огромный зелёный ковер на стене в большой комнате. Кирилл дотрагивается до ковра и ощущает ладонью упругую колкость ворса: слава богу, сухой. Жанка рядом: тихая, сосредоточенная; красные волосы, маленький и поблескивающий, будто вырезанный клюкарзой из кусочка воска нос, тонкая ключица и тёмные, какие-то пустые и бездонные глаза. Они обсуждают что-то, связанное с квартирой, — а Кирилл задыхается от стыда и смущения: как он объяснит Касатику, что уходит к Жанне?! В какой момент он принял решение, да и решал ли? Он ничего не помнит! В голове пусто, как будто он был в коме и какая-то часть жизни прошла мимо него.

Наутро Кирилл не удержался, зашёл на Жаннину страничку во «ВКонтакте», наплевав на данный себе зарок никогда этого не делать. Сразу бросилась в глаза фотография сияющего раскаленным вольфрамом моря и высокого каменистого берега — совсем как во сне! И на фоне моря — снятый против света тёмный силуэт жены — спиной, в военном «комке», кажется, с автоматом на животе. «О как! Так ты военкор или уже солдат?» — хмыкнул Кирилл. Невысокая и фигуристая, даже несмотря на мешковатую форму; волосы развеваются на ветру... Ишь какая бравая...

Под фотографией — длинный текст, который Кирилл скрепя сердце прочитал от начала до конца. Если убрать всю «воду», Жанна сообщала своей пастве, что, пройдя школу военкоров, чувствует себя рождённой заново и вместе со своей страной вступает в новую жизнь, в которой никто не сможет устанавливать ей границы, кроме господ бога и её самой.

«Как будто кто-то тебя ограничивал прежде! — уязвленно подумал Кирилл. — Никто тебя выходить замуж не неволил. И Серёжу ты всегда любила, пока в тебя не вселилось вот это всё!»

«Хочу признаться, родня, — продолжала некогда угнетенная, а теперь вырвавшаяся на свободу «Никитична», — окончательно я поняла, что нет пути назад, ни когда сигала по камням, рискуя сломать ногу, ни когда, обессилев, лакала из горного ручья растаявший снег, и даже ни когда над головой моей стегали АКМ, заставляя уходить в пятку душу. Окончательно я всё поняла наутро, когда, раздолбанная и помирающая, вдруг увидала Новость. О том, что Россия прирастает Людьми. Нас с вами становится больше, родня! Ещё никогда я не была так счастлива, даже в годину Крыма. То ли ещё будет! Я не могу говорить всего, такая сейчас обстановка. Однако я очень надеюсь, что в ближайшее время выйду на новую орбиту. Какую — не скажу. Но вы, я думаю, сами догадаетесь, не маленькие. Надеюсь быть там, где нужнее всего России. Всё! Больше ни слова. До встречи! Ваша Никитична».

Каждый день, общаясь с Петей по видеосвязи, Кирилл пытался себя раззадорить, решиться — но никак не мог найти удобного момента, чтобы рассказать про них с Мариной. В преддверии Дня Победы Петра будто лихорадило. Кирилл едва успевал транслировать поручения и новые вводные Алмасту, Ромчику, Кузьме; прервать этот бурный поток сейчас, силой всучить Пете официальное уведомление, что Касатик — не его «девочка», а Кириллова будущая жена, казалось Кириллу предательством всей стройки, едва ли не большим, чем сам факт их связи, который, конечно, тоже являлся предательством, но сугубо дружеским. Казалось, когда до Пети дойдёт смысл сказанного, вся сложная конструкция подготовки ко Дню Победы пойдёт трещинами и обвалится; несколько раз Кирилл порывался раскрыть рот — и на него буквально накатывала тошнота: не время, потом, дождись, когда он приедет.

Не успел! Дотянул до короткой недели меж майскими, чтобы лично, глаза в глаза: в пятницу Петя обещался прилететь на Кениг и сразу с самолёта — на объект.

Но раненько утром в четверг, когда Кирилл, еще не отойдя от очередного тяжёлого сна про Серёжу, поджаривал на кухне тосты, а Марина задерживалась в спальне за просмотром вдруг хлынувших новостей про Авдевку (в кои-то веки она ночевала у него посреди недели), Кирилл услышал, как гулко, с металлическим звуком, стукнула во дворе калитка. Вздрыгнул, едва не уронил на пол хлеб. Кого могло принести в восемь утра? Соседи? Хозяин дома с проверкой? Кирилл высунулся в растворенное окно, постарался разглядеть что-то за цветущими яблонями: показалось? может, ошиблись адресом?

Напялил сандалии, выбрался на крыльцо. На сырой от росы каменной дорожке — следы: ведут за дом. Вот так дела! Кто-то без спроса вторгся на территорию и направился на задний двор! Прихватив финский топорик, который всегда держал у входной двери, Кирилл пошёл по следу.

— Эй, кто там?

Тишина. Солнце било в глаза сквозь обсыпанные белым, дымящиеся под ранними, но уже тёплыми лучами яблони. Впереди красными кирпичными уступами вырастала статуя Новой русской женщины.

— Нормально ты тут наваял! — прогремело совсем рядом.

Кирилл аж подпрыгнул, схватил топор обеими руками и как бы заслонился им. Господи... Петя! Тут как тут. Стоит, привалившись дородными телесами к стене дома. Щурясь, разглядывает скульптуру.

— Гад! Ты меня напугал... — натужно рассмеялся Кирилл. — Что ты тут делаешь?

— Заехал проведать начальника Балтики. Посмотреть, как он устроился. А заодно выпить кофе с другом.

— Ты даёшь... — Кирилл растерянно повертел в руках топор и за ненадобностью поставил обухом вниз на цементную отмостку. — Прямо с самолёта, что ли?

— Вчера ещё прилетел, поздно уже было. А ты тут время не теряешь! — Петя со смешком кивнул на статую. — Что это за Прекрасная Дама у тебя? Скучаешь по женскому обществу? Одичал? Пора нам с тобой по значным местам пройти!

— Пора, пора, — вымученно улыбнулся Кирилл, лихорадочно соображая, как бы спроводить друга, пока тот не столкнулся с Касатиком.

И в то же время спинным мозгом понимал: не получится. Всё уже произошло. Слишком долго гора не шла к Магомету.

— Послушай, чувак, извини, — облизнув сухие губы, начал Кирилл, — мне сейчас неудобно... Я не один...

— Ого! А я так и понял, — хохотнул Пётр, заговорщически понизив голос. — Я смотрю: машинка беленькая за оградой... Плюшевый заяц за стеклом. Твой, небось, подарок? Эх ты, старый романтик! Познакомишь хоть?..

Внезапно он посерьёзней, кивнул на смартфон в руке:

— Новости видел? Наши пошли на Авдеевку... Началось, блин...

— Видел. Краем глаза, — сухо кивнул Кирилл, зайдя перед толстым и как бы выдавливая его с участка.

— Как думаешь, быстро возьмут? Или пушистый зверь грядёт?

— Никак не думаю... Без нас есть кому думать!

— Ну всё, ухожу, ухожу... — Петя поднял руки, капитулируя, и валко, как медведь, поспешил по дорожке обратно к калитке, воровато поглядывая на окна кухни.

Кирилл — за ним. По пути молясь, чтобы Марина не высунулась в окно.

Друг уже взялся за ручку калитки, когда сзади скрипнула дверь. Ну, всё!

На крыльце, округлив глаза, застыла Касатик с дымящейся кружкой кофе в руке, в белой блузке и синих брюках (у неё сегодня намечалось какое-то мероприятие в городской администрации).

— Эм-мм... Привет, — улыбнулась она пластмассовой улыбкой и дрожащей рукой откинула с лица волосы.

Надо было, конечно, видеть лицо Петра — вытянувшееся и побелевшее, как у большой тряпичной куклы.

— Что-о?! — ошарашенно прогудел он. Выпятил челюсть и поводил ею вправо-влево. — Да вы серьёзно?! Ну и ну! — Он поднял руки и размашисто хлопнул себя по ляжкам. — Ну вы, блин, даёте... Я не должен был знать, да? И давно?

— Две недели как, — ответила Марина, опередив Кирилла.

— И что, типа просто кувыркаетесь, или всё серьёзно?

— Серьёзно, — как можно твёрже отозвался Кирилл, стерпев очевидную грубость.

— Ну-ну, — Петя пристально уставился на него, словно видел впервые. — Ну что могу сказать... рад за вас... Вы, кстати, похожи... Оба такие... — он неопределённо повёл лапой, нарисовав полукруг, — такие... Не поймёшь какие! Ну ладно, я поехал... До встречи на форте!

5

Этот день длился, как бесконечное дурное кино, в котором Кириллу досталась главная роль. Давненько ему не было так худо; его словно поймали черти, насадили на вертел и поджаривали на медленном огне. Внешне Кирилл функционировал, как обычно, мерил шагами форт и прилегающую территорию, сдавал и принимал работы, командовал, наставлял, отчитывался. Общался с Петром, как назло, исключительно при посторонних и всё искал встречи один на один, чтобы объяснить, прекратить эту муку, — но

не тут-то было. Друг будто нарочно наказывал его, буквально бегал, чтобы не остаться наедине: стоило кому-нибудь третьему, к примеру Кузьме, засобирается, как Петя тотчас отворачивался, пускался прочь, на все попытки поговорить либо не отвечал, либо бросал односложное «да», «нет», «ну», «и что?», и так, пока не находил кого-нибудь, чтобы сбросить с себя Кирилла, как колючку репья.

Победить вместе тоже не вышло: Петя куда-то сорвался один, впрочем, о еде Кирилл и думать не мог. Отчаявшись, удалился с глаз переплавить самоуничижение в скульптуры из кирпича: всё лучше, чем болтаться без дела и кожей головы ощущать, как на ней в режиме реального времени прибивается седых волос.

В мозгу что-то свербело. В районе затылка будто ползали жуки. Если он не оторвётся от страшных новостей, сойдёт с ума. Работать! Вот что надо. Единственный выход избавиться от жуков — напустить, натравить их на новое кирпичное детище.

Он вспрыгнул на ноги, пинком сбросил кресло с постамента в грязь, подскочил к зачаткам монумента советским штурмовикам — двухметровым скелетам из арматуры и рессор, только понизу обложенным рыжими брусками, — обошёл по кругу, примеряясь, с чего бы начать... Всё не то! Он ожесточенно сплюнул в грязь. Конформизм. Казёнщина!

Закончить Ганса? Кирилл прищурился на дальний правый капонир, в котором, скрытый пока от посторонних глаз, дожидался у амбразуры почти готовый пулемётчик вермахта. Ну нет. Фриц как-то тоже не привлекает. Хотелось чего-то своего, родного. Рыцаря бы сваять. У Кирилла моментально налились свинцом ладони, и будто электрический заряд прошёл по телу.

Ну и что, что форт построен в конце девятнадцатого века. Парочка тевтонцев ему не помешает.

Где бы первого заложить? Взгляд остановился на укромной нише снаружи обводного вала... И слева такая же... Как по заказу! Два тевтонца встанут в углубления как влитые! На пару с фашистским гарнизоном будут сторожить крепость.

Подергивая головой от нестерпимого зуда, словно силясь вытряхнуть из неё назойливых насекомых, за полчаса Кирилл стащил к нише инструмент и оснастку. Прикатил и с помощью удлинителя подключил портативную бетономешалку. Навозил в тачке крепких, как сталь, бзушных кирпичей с разрушенного давним штурмом каземата. Цемент, песок — всё, слава богу, под рукой.

Работал точно в трансе. Когда не гудела бетономешалка, слышал только собственное дыхание да негромкий стук закаленных прусских брусков. Раз... два... только бы не прошёл запал. Размашисто швырял раствор мастерком, разбрызгивая цемент: ничего, потом вымоет! Зато он заделает парня целиком за один заход, останется только оружие и щит подобрать, но это успеется... Мощные ноги, крытый доспехами торс, перевитые вязальной проволокой ручки в латах, квадратная голова; стальная пластина на месте лица с прорезью для глаз...

Ну вот, кажется, и всё... Сложилось стихотворение в кирпиче. Осталось только вывести швы и помыть. Пожалуй, можно будет над ним ещё поколдовать через пару часов, а пока...

Сил совсем не было! Как будто в одиночку разгрузил машину камней. Руки дрожали; кончики пальцев горели. Кирилл поднёс ладони к лицу: сквозь подсыхающую цементную корку выступила кровь. Но зато жуки перестали ползать в затылке. И неловкость перед Петей не то чтобы совсем ушла, но как-то притупилась.

Умыться и отдохнуть... а лучше — поспать часок. На свинцовых ногах добрёл до бочки с дождевой водой. Скинул спецовку, майку, штаны. Заскользил босиком на скользких досках. Сцапал с приступки ковшик и хозяйственное мыло. Минут пять обливался и фыркал, после чего вернулся к

изваянию, посмотрел свежим взглядом и остался доволен: brutalный малыш получился, ничего не скажешь.

А теперь пусть весь мир подождёт! Бросил на козлы телогрейку, подсунил по ней кирпич. Улёгся поверх на спину, затылком на «подушку», скрестил руки на груди, зевнул и моментально заснул.

Очнулся от какого-то непонятого потрескивания. Как будто где-то совсем рядом работала сварка или вот с помощью электрофорной машины наводили молнию. С трудом разлепил глаза и аж закашлялся от неожиданности: мир вокруг был каким-то не таким... Мрачным, графитово-серым, загробным! Такое впечатление, что над фортом — да что над фортом, над всем Кенигсбергом — нависло облако вулканического пепла, напрочь убивающее все цвета, кроме черного и серого. Кирилл зажмурился, потряс головой и вновь открыл глаза: то же самое, ему не чудится... Что за!.. Порывисто привстал, уселся на козлах. Антрацитовые стены крепости, серое небо, чёрные ветлы кустарника, чёрная земля... Всё будто ненастоящее: декорации, бред! Может, он ещё спит? Попытался укунить собственный язык — боль была далекой и притупленной, но реальной! Поднял занемевшие руки, осмотрел ладони: подушечки пальцев в трещинах и еле ощутимо саднят... Всё почти по-настоящему и в то же время не так!

— Эй, есть тут кто?!

До слуха по-прежнему доносилось разбудившее его непонятное потрескивание. Он глянул на уступчатую фигуру тевтонца и обомлел: рыцарь слабо мерцал и светился синеватым свечением; по нему еле заметно пробегали змеистые молнии, как если бы он был сделан из металла и подсоединен к высоковольтному кабелю. Боже правый!

Вдруг блуждающие по рыцарю токи словно бы сосредоточились на его квадратной башке, нырнули под стальную пластину у рыцаря на лице. В следующий миг глаза тевтонца зажглись белым огнём! Кирилл чуть не скатился с деревянных козел. В башке у рыцаря постреливало и шипело. В какой-то момент Кириллу пришло в голову, что дьяволоподобный крестоносец силится что-то ему сказать... Ему, Кириллу! Кирилл, обмерев и буквально забыв, как дышать, ждал...

— Фат... Фатер... — вдруг выдала статуя совершенно отчетливо, — Фатер... Бернштайн... Бернштайн...

В следующий миг — как бы одномоментно — из обоих глаз тевтонца протянулась сияющая оранжевая нить — через вал к форту!

— Бернштайн... — утробным голосом повторила фигура, — Бернштайн-зиммер!

— Зиммер... комната? — облизнув сухие губы, спросил Кирилл скорее сам себя, нежели кирпичного оракула.

— Бернштайнзиммер! — пророкотал тевтонец надтреснутым голосом, продолжая испускать органами зрения волшебную указующую нить.

Как во сне Кирилл спрыгнул с дощатого ложа и направился туда, куда эта нить вводила: через вал, над канавой рва, по мосту к центральному капониру, всего недели три как осушенному после затопления и ещё не до конца очищенному от ила. Нить потрескивала и переливалась, выгибалась дугой, живая, упругая, сверкающая, словно из золота. Вот Кирилл оказался совсем близко, можно коснуться её рукой. Потянулся — нить искривилась и как бы отшатнулась. В ладонь ударило теплом, как если бы он поднёс пальцы к раскаленной спирали. Нить вела к амбразуре капонира, ныряла в неё.

Приминая ботинками чёрные ежистые кусты порея, Кирилл приподнялся на цыпочках, подтянулся на руках, заглянул в бойницу. От близости раскаленной, потрескивающей нити жаром обжигало щёки и едва не плавилась волосы на голове. Сияющая «вена» пересекала сырой капонир, елозила по низу толстой кирпичной стены каземата возле входа. И стена в этом месте светилась, на ней проступал длинный узкий прямоугольник, и оранжевый свет пробивался между кирпичей! Что за чертовщина?!

У Кирилла вдруг возникло ощущение раздвоенности: словно это не он приник грудью к холодной стене каземата, словно это не он подтянулся и смотрит в амбразуру — не настоящий он, не телесный, скорее дух! Тело же продолжает спать, оно оставлено там, перед фасом Фридриха, возле рыцаря на козлах! Да, да. Он каким-то образом путешествует вне своего тела: не то погрузился в странный фантазмагорический сон, не то умер, не то при смерти и вот-вот отдаст богу душу.

Страшно напугавшись, Кирилл засучил ногами по стене, прыгнул и, едва ощутив под подошвами почву, устремился обратно по тропинке, по мосткам, через вал к крестonosцу. Пока Кирилл шагал обратно, нить куда-то подевалась, и мир чёрт знает когда успел измениться... Окружающая Кирилла действительность больше не была угольно-чёрной и серой, как сажа. В ней мало-помалу, кластерами, пятнами, проступили привычные глазу оттенки и цвета. Метёлки порея сделались привычно сочными, ярко-зелёными, подновлённые фортовые стены в заплатках — рябыми буро-коричневыми; небо — голубым с протяженными ватными клочьями облаков. Постепенно Кирилл и ощутил себя по-иному: в ладонях, в запястьях — покалывание, горячий весёлый ток крови. Он будто приходил в себя после долгого сна! Подошвы кроссовок запачканы глиной; выглянувшее солнце согревает плечи. Он и в самом деле гулял по форту, но словно бы не в полном сознании: как лунатик гулял!

Какого чёрта ему привиделось там, в капонире? Что за сияющий прямоугольник? А вдруг это знак? Кирилл развернулся и за считанные секунды добежал до заброшенного огневого укрепления, вновь подтянулся на руках, заглянул в амбразуру — в лицо дохнуло сыростью, илистым духом: никакого сияющего прямоугольника на противоположной стене, конечно же, не было. Вот только — Кирилл сощурился на стену у входа — кладка над полом и правда отличается. Не такая ровная, как всюду на стенах: неужели тайник? Каземат только-только осушили, ещё толком не обследовали... Всё может быть.

Спустя четверть часа, пригнув голову и оскальзываясь на жирном и влажном полу прямого и узкого прокола, Кирилл спустился в полутёмный каземат с перфоратором и катушкой удлинителя. С шахтерским фонарём на лбу осмотрел стену, опустился на корточки. Ну и ну! Четыре ряда положены кое-как, явно наспех. Да и кирпич, судя по цвету, с другого завода: желтее, чем во всём каземате. Не исключено, что тут и вправду какой-то схрон. Он будет круглым дураком, если сейчас же не раздолбит заплату и не проверит, что там.

Едва справляясь с дрожью рук, Кирилл подключил мощный Makita к удлинителю, перевел на зубодробительный режим, отставил назад правую ногу для устойчивости, упёр стальное жало в кирпичи и нажал на спуск. Уши заложило от грохота, каземат начало заволакивать сыроватой и горькой, с привкусом клопов, кирпичной взвесью. Считанные минуты ушли на то, чтобы выбить пяток брусков, — и вот: долото провалилось, дальше — пустота! Он принялся с удвоенной силой кромсать заплату, жадно вывертывая наконечником кусманы кирпичей. Он уже ничего не видел, строчил на ощупь, пережёвывая и сплёвывая пыль, песок. И вдруг: крак... деревянный треск! Ого!

Дальше орудовал осторожнее. Старался не засаживать зубило глубоко. Аккуратно выдолбил всю полосу чужеродного кирпича метра два шириной. Выгреб ладонями крошево и осколки, запустил в нишу руку и, ей-богу, нащупал какой-то ящик! Плоский и большой. Ощупал его по всей длине: единый, целехонький, потолкал, подёргал — без толку. Не шевелится. Ну и как его выдернуть? И снова принялся шарить, пока там, в глубине, что-то не звякнуло: кажется, металлическая петля. Сунулся с фонарём: так и есть, массивное железное кольцо, переполиз направо, наминая колени острыми обломками: ещё одно. Ну, теперь дело за малым...

Отдышавшись и кое-как, неловко, запястьями, растерев по лицу едкий пот, достал мобильник и, пачкая пылью и влагой экран, вызвал властелина всея Фридриха Первого — Петьку.

— Але-е, слонище! Слышишь меня? — хрустя цементом на зубах, крикнул в трубку. — Ах, ты занят? Долго будешь дуться? На обиженных воду возят! Короче... Сейчас всё бросаешь и, не привлекая лишнего внимания, дуешь в напольный капонир... Я здесь! Сам ты пьяный! Повторяю. Дуешь в центральный капонир и не задаёшь лишних вопросов. Только не застрянь в проколе! Пузо втяни. Всё, конец связи!

Толстый сказал, что будет через десять минут. За это время Кирилл успел метнуться на стройку, притащить капроновый трос на катушке со стальными карабинами на концах. Размотал, подлез к пролому в стене, прицепил карабин к металлическому уху справа, затем слева. Можно попробовать. Встал в рост, повернулся спиной к пролому, накинуд ляжку на плечи, уперся подошвами в пол. Дёрнул — без толку. Подошвы с хрустом проехали по кирпичной пыли. Да и с Петей шансов маловато. Вот если бы Серёжу сюда... Кстати, где он? Набрал номер сына, особо не рассчитывая на успех.

— Алло, Серый. Ты на форте? Срочно помощь нужна!

— Да, пап, я на форте, — сказал сын очень близко и ясно. Кириллу показалось, что сын с ним в одном каземате.

— Напольный капонир помнишь? Прямо по центральной «авеню», далее — узкий коридорчик под наклоном. Я здесь. И это... проследи, чтоб никто за тобой не увязался.

— Нормально ты тут разворотил! — прогремело у Кирилла над ухом.

Пётр, громадный как слон, держась за перепачканную в пыли лысину, выбрался из прокола и с недовольной гримасой воззрился на дыру в стене.

— Короче, чувак, — Кирилл подступил к дыре и пнул мыском кроссовки крайние кирпичи, — там что-то есть! Ящик или вроде того. Сейчас Серёжа подскочит. Возьмёмся вместе, дёрнем хорошенько.

— Ты дурак? — с сомнением буркнул Петька, опускаясь на корточки и заглядывая в проём. — А если рванёт?

— От судьбы не уйдёшь, — сказал Кирилл, припомнив зажегшиеся белым светом глаза тевтонца, и что вообще-то он не по собственной инициативе сюда появился. — Рванёт, значит, вместе погибнем.

— И Серёжу тебе не жалко? — проворчал Петька, поднимаясь на ноги и через голову накидывая ляжку на богатырскую грудь.

Кирилла на миг пронзило сомнением: а вдруг там мина?

— Давай быстрее, пока Серёжа не подошёл, — попросил он.

Раскорячались, поднатужились, как два бурлака, волочащие баржу.

Сквозь хруст и сопение Кирилл слышал, как там, в стене, что-то поддалось... Пусть и самую малость, а всё же...

— Эй, вы чего? — неожиданно возникший рядом с ними Серёжа подлез под ляжку, встал посередке, как заглавный конь в упряжке. — Давай на три-четыре...

Сын рванул так, что за их спинами что-то каменно треснуло. Кирилл испугался, что на них сейчас рухнет потолок. Ещё разок — оглушительный скрежет, и вдруг дело пошло. Рыча и охая, они выволокли из стены огромный чёрный чемодан размером с гроб, в кирпичной крошке и пыли.

Чуть не рассчитали силы в конце. Чемодан гулко стукнулся об пол, и, кажется, внутри что-то хрустнуло. Чёрт!..

— А ну, Серёж, покинь помещение, — скомандовал Кирилл, присаживаясь на корточки возле ящика и вытирая с него пыль рукавом.

— Открывай давай! Тоже охота посмотреть, — пробасил Серый, не глядя на него, а хмурясь на широкий, как лопата, телефон в ладони.

— Не глупи! — обернулся Кирилл. — Рвануть может! Что я маме твоей скажу?

— Ты? Уже ничего не скажешь, очевидно! — засмеялся Серый. — Давай, пап, нам надо поговорить, у меня не так много времени...

Ладно, пусть стоит. Каким-то внутренним чутьём Кирилл знал, что взрыва не будет. Не мог кирпичный рыцарь накликать смерть, наоборот — он должен Кирилла хранить.

На чёрной потрескавшейся коже чемодана — разлапистый нацистский орёл. Металлические защёлки, едва тронутые ржавчиной. Кирилл поддел одну пальцами — безуспешно: прикипела.

— Что делать будем? — негромко, как бы сам себя, спросил Кирилл, рассматривая кожаный ящик. — По идее, надо родное государство известить... Или как? — он оглянулся на Петра, зависшего над ним.

— Или как! — хрипло решил Петя после паузы, облизав сухие губы. — Родное государство подождёт. Сначала поймём, что там... — Наклонился, взял перфоратор, подал Кириллу: — Вскрывай...

Кирилл медленно упёр стальное жало в защёлку. Инструмент коротко трянуло — куски тщедушного замочка со звоном разлетелись по полу. Все пять замков Кирилл считил за одну минуту.

— Давай уже! Не тяни кота! — Петя схватил Сережу за плечи и насильно отвернул, и сам отвернулся, втянув лысую голову в плечи.

Была — не была! Кирилл растворил чемодан. Внутри — черная бумага, пергамент, рваный на углах. Из-под него выглядывают какие-то тусклые, цвета олифы, рамы. Развернул, откинул пергамент: стопка непонятных плоских штуквин, переливающаяся разнообразными оттенками от тёмно-красного до медового. Батюшки, да это же панели из янтаря!

Кирилл осторожно пощупал стопку, просунул пальцы под верхнюю панель, попробовал приподнять — как бы не так! Похоже, штуквины намертво слиплись. Какие-то грязные, кривые, порченые, что ли! Просунул ладони под штабель, приподнял и выдвинул на край ящика. Содрал пергамент с неровного, будто оплавленного торца: панели — чёрные, спёкшиеся, неразъединимые.словно бы горели в огне. Да запросто! Мало ли в сорок пятом Кёниг бомбили? В последний момент спасли, завернули в пергамент, упрятали в ящик и замуровали в стену до лучших времен.

Сколько же тут драгоценности? Кирилл еле-еле пошевелил штабель. Килограммов тридцать, не меньше! Экспонатище! Кирилл с благоговением провел ладонью по выгнутому горбом уродливому боку находки.

— Матерь божья... — Петя ошарашенно шевелил челюстью, наставив на находку фонарь. — Ты хоть понимаешь, что это? А ну-ка, давай его на свет, Кир...

Он наклонился, подсунул под штабель лапы и, дождавшись, пока Кирилл ухватит со своего конца, потянул габаритный брикет к бойнице.

Серёжа придерживал, страховал, чтобы от брикета ничего не отвалилось. Втроем с аккуратностью санитаров, транспортирующих больного, поднесли к амбразуре под последние вечерние лучи. Слоистая штуквина от солнечного света зажглась, засияла таинственными огнями. Вишня, золото, малахит и йод; запекшаяся кровь, змеиная кожа, восточные сладости и изюм — точно ожившая картина Густава Климта! На верхней панели — мозаика, набранная с удивительным тщанием из всех мыслимых и немыслимых видов янтаря. Пригнанные друг к другу кусочки так и искрятся под лучами и сами как будто сочатся светом.

— Ты в курсе, что держишь? — тихо спросил Пётр, осторожно поворачивая штабель в лапах и высунув от усердия язык.

— Сколько букв? — пошутил Кирилл, вторя Петиним движениям и стараясь не выпустить груз из рук.

— Это ж из царскосельской комнаты, Индиана Джонс хренов... Той самой, что нацисты в войну вывезли.

— Нормально вы так, — рассеянно хмыкнул Серёжа, продолжая хмуро пялиться в свой смартфон, — типа сокровища, что ли, нашли?

— Серый, пока ничего не снимай, — предупредил его Петя, — а то неровен час сухари сушить придется.

— Ты реально? Прикалываешься? — воззрился на толстого Кирилл.

И в то же время уже знал, что друг прав. «Бернштайнzimmer», — каменным рокотом прозвучало в мозгу. Ну конечно! Zimmer — комната, а бернштайн — янтарь.

Только почему-то не так сильно его волновала находка, как странное поведение Серёжи. О чём он там хотел поговорить? Меньше всего сейчас Кириллу нужны проблемы. Послезавтра сдавать форт. Неужели нельзя подождать денёк-другой с очередным апокалипсисом?

— Обратно давай, — негромко скомандовал Петя и мотнул головой на раскрытый ящик.

Отнесли, уложили: дрожащими руками, кряхтя и стараясь ничего не поломать и не прищемить себе пальцы, — и всё равно не получилось: Кирилл таки прищемил безымянный на правой.

— Короче, — нарушил молчание Петя, — убираем в стену. Дырку заделываем. Тут на вас надежда, мужики. Рты на замок. Кир, Серёжа, — он подолгу посмотрел на каждого, — я серьёзно...

Кое-как втроём, набив синяков на коленях и наглотавшись горькой пыли, задвинули ящик в дыру.

Отряхивались, переводили дух, когда сын сказал, обращаясь исключительно к Кириллу и словно забыв, что рядом Петя:

— Помнишь ту акцию в Зеленоградске, за которую ты меня ругал?

— Забудешь такое, — хмуро отозвался Кирилл, — а что?

Хотел было подать знак Серёже, мол, давай с глазу на глаз, но осекся: Пётр и так весь день в обиде.

— Короче, меня, по ходу, вычислили, — отвернулся к сочащейся солнечным светом бойнице Серёжа, — наверное, скоро арестуют... Так что прости, пап... И вы тоже не обижайтесь, дядь Петь!

Вокруг Кирилла будто откачали весь воздух. Он оперся на холодную стену каземата и почувствовал, что, если сейчас не вдохнёт полную грудь, умрёт прямо здесь, на этом сыром полу.

— Что за бред? — выдавил он. — Как ты об этом узнал?

— Неважно... Ребята предупредили... Господи, да какая разница?! — сын зло сплюнул под ноги. — Очень скоро меня задержат. Будет суд. Всё как полагается. Может, закроют на пару лет.

— Но за что?! — тихо спросил Кирилл, чувствуя, что стена плывёт, как бы выскальзывает из-под него. — Что ты натворил?! Я чего-то не знаю?

— Да всё ты знаешь, — с тоской в голосе сказал Серый, косясь в телефон (он всё с кем-то там переписывался), — за то, что голубя запустил...

— Погоди, погоди, — потряс пыльной лысиной Петя, до того молчавший. — Это вот две недели тому как? Когда над Кёнигом дохляки на шариках летали? Это твоя работа, что ли? — он потрясенно воззрился на Серёжу, горестно отклячив челюсть.

Сын только поджал губы: да, я. И снова уставился на Кирилла, как бы признавая, что в первую очередь виноват перед ним.

— Но это же просто голубь! — вскричал Кирилл. — Дохлая птица и шарики! — Он оглянулся на друга как бы за поддержкой. Тот смотрел с такой кислой миной, как будто ему в рот выдавили лимон. «Всё плохо, — словно бы говорил этот взгляд, — куда хуже, чем кажется!» — Ну что за бред, Петь?! Серёжа! Преступления-то никакого не было!

— А преступления и не нужно! — издевательски хохотнул сын. — Этого вполне достаточно! Короче, пап, будет, как будет... Я к этому готов. И не надо меня спасать, — он оторвался от смартфона и повернулся к Петру:, — Слышите, дядь Петь?!

— Серый, выйдем поговорим... Извини, Петь, нам надо тет-а-тет... — Кирилл оттолкнулся от стены, взял сына за локоть, подтолкнул к выходу.

Поднимались по узкому прямому коридору, оскальзываясь на сырых камнях, будто из преисподней в мир живых.

Серёжа, длинный, мосластый, шагал впереди, согнувшись в три погибели.

— Налево, — точно конвойный арестанту, скомандовал Кирилл, когда они выбрались в центральную потерну.

Вышли во внутренний двор на свет божий. Солнце успело уйти за облака, но по-прежнему было ясно, всё вокруг так и сияло ласковой и свежей, почти уже летней красотой. Кириллу хотелось орать и рвать на себе волосы. И в то же время он словно бы уже смирился с новым порядком вещей; кажется, в нём сломалось что-то, он почти готов был отпустить Серёжу в СИЗО и уже продумывал, как они с Жанной — родители — будут дальше строить свою жизнь.

Поднялись по аппарели, и вот они уже — на неровной крыше Фридриха, покрытой грубой щетиной из обрубков срезанных деревьев. Тут и там из мёртвых пеньков выстреливали упругие побеги в ярких букетиках зелёной листвы.

— Ничего — я закурю? — Серёжа и достал из кармана пачку.

— С каких это пор ты дымишь? — удивился Кирилл и равнодушно махнул рукой: ладно. — Тогда и меня угости.

— Вот ты нервничаешь, а я, наоборот, успокоился, — прикурив Кириллу и сам затянувшись, сказал сын. — Раньше я не знал, куда себя деть, а сейчас всё встало на свои места, пап. В жизни всё не просто так. Значит, так надо.

— Капитан очевидность, блин, Америку открыл! — в сердцах воскликнул Кирилл, стараясь не злиться почему зря, дабы не испортить хотя бы эту несчастную минуту.

— Сам подумай, — разглагольствовал Серёжа, — то, что ты нашёл эти суперценные янтарные фигни, — он махнул сигаретой в сторону центрального капонира, — разве это не чудо? Чудеса, пап, они не только в такие моменты, они реально везде и всегда! Раньше я думал: мне нужна любовь, а на самом деле мне нужна какая-то жертва. Почувствовать силу духа, понимаешь? И вот что я хочу тебе сказать: не надо меня спасать. И дядя Петя пусть не просит за меня в верхах. Я нормально справлюсь. Если вы все начнете рвать задницы, чтобы меня вытащить, только хуже сделаете. Я прям капец чётко ощущаю: во всём, что происходит, есть какой-то глобальный смысл. Даже если меня посадят!

У Кирилла уже минуту как разрывался телефон. Слушая Серёжу, он машинально глянул на экран: три неотвеченных от Пети. Дзенькнул WhatsApp: «Амиго, Христом Богом тебя прошу: возвращайся в капонир и заделай пролом! Мне некого больше просить!» И эмодзи — молитвенно сложенные ладони.

— Иди, пап, тебя дядя Петя ждёт, — Серый затушил сигарету о пенёк и с остервенением отщёлкнул бычок, так что тот перелетел карниз и упал в фортовый ров. — Я надеюсь, в праздники за мной не придут. Так что девятого ещё увидимся.

6

В последующие два дня некогда было думать об отвлечённом: отмывали казематы, отсыпали дорожки гранитной крошкой, крепили в коридорах по песку и глине пешеходные панели из новых, шибяющих можевельником и липнущих смоляными кляксами к подошвам досок. Лоск наводили уже по темноте, освещая поблескивающие от пропиток кирпичные гrotы переносками на штативах — точно огромными средневековыми факелами. Разъехались за полночь в состоянии какого-то стахановского просветления, когда ноги подламываются от собственного веса и сквозь натруженное тело точно протянуты тяжко гудящие струны, которые не затихают даже во сне.

Наломались не зря: в воскресенье Петя работать запретил, а пригнал две дюжины крепких славянских женщин из уборочной фирмы, которые, запасшись пульверизаторами и тряпками, сотворили с фортом нечто такое, отчего Кирилл, явившись в понедельник рано утром, подумал, что смотрит на привычные фасады и интерьеры глазами, лишенными роговицы: Фридрих Первый сиял так, точно его приготовили для королевской свадьбы.

Утро было солнечным, дул прохладный ветерок. На флагштоках во множестве колыхались алые советские стяги, а над аркой входа — один огромный и тяжёлый, с трудом поднимаемый ветром, отливающий синевой родной триколор.

У Кирилла после единственного выходного, целиком проведенного с Мариной, была удивительно лёгкая голова, кровь — как бы сверх меры вспенена, и тело ощущалось молодым и лёгким. Вчера Касатик познакомила его с сыном: они три часа стучали новеньким мячом (подарком Кирилла) на баскетбольной площадке: Кирилл обучал Дениса дриблингу, с удовольствием вспоминая институтских лет навыки. А после всей невеликой компанией наведались в краснокирпичную островерхую завораживающе прекрасную кирху-филармонию, чудом уцелевшую при бомбёжке сорок пятого, — подлинный шедевр ганзейской архитектуры: слушали «Времена года», после которых и ужин в «сушечной», и чай с грушевым ликером у Марины на кухне, и позднее возвращение в особнячок, и ночное колдовство над Новой русской женщиной, — всё вплоть до этого утра, до душистого кофе за просмотром военных новостей, до хлопанья красных стягов на Фридрихе Первом, — всё-всё без исключения было наполнено особым смыслом: не зря он приехал в Кёниг, не зря забросил московскую жизнь!

От Москвы, однако, было не отделаться. Во внутреннем дворе форта огромная панель под козырьком из поликарбоната транслировала Парад Победы. Там, в столице, на брусчатке напротив мраморной усыпальницы Ильича два чёрных «Ауруса», как два некрасивых корабля, обплывали площадь, сближались и останавливались на фоне трибун с государственными мужами. «Товарищ министр обороны, расчёты для проведения Парада Победы построены...» И Путин говорил; и двигались когортами одинаковые, будто размноженные на принтере военные, и потом над лоснящейся, будто бы маслом политой чешуёй Васильевского спуска в полной тишине (две или три камеры снимали из-под плексигласа кабины) неслись в боевой раскраске «Стрижи», похожие на костлявых птиц с остро-вытянутыми клювами. Лицо пилота-аса с трубкой-хоботом на носу; уносящаяся вдаль пёстрая луковица Василия Блаженного; расцветенные в триколор думы, медленно расплзающиеся над главной площадью страны...

Эта съёмка из кабины, этот пилот в шлеме сразу напомнили Кириллу про Жанну.

С рассветом, едва разлепив глаза, он зашёл в Телеграм и сразу наткнулся на ролик: жена в каске и камуфляже, с бейджем «Пресса», стоя на краю взрытого колесами поля, тараторила на камеру про эффективную контрбатарейную борьбу, которая прямо сейчас ведётся недалеко от Коксохима. «Ты совсем рехнулась? — прошептал Кирилл, подскочив на кровати. — И сама погибнешь, и людей угробишь!» Инстинктивно схватил с тумбочки острый как бритва охотничий нож, которым перед сном резал яблоко, плотно сжал лезвие в ладони. «В каких-то пятидесяти метрах от меня, — не обращая на мужа никакого внимания, продолжала военкорка, — разворачиваются наши ребята артиллеристы. Вот-вот начнут работать по непри...»

Она не договорила. Раздался короткий рёв, Жанна поменялась в лице, за её спиной метрах в тридцати вырос столб пламени. Рывкнул взрыв. Камера куда-то кувыркнулась, Жанна исчезла. Чертыхание, мужской мат-перемат... У Кирилла занемели внутренности. Ну же... где ты?! Он будто вдохнул огонь, и этот огонь несколько секунд пожирал его изнутри. Вдруг камера, поелозив в какой-то яме, выровнялась, перестала дрожать. «Чё, ты как?» —

спросил скачущий мужской голос. «Я нормик, жива! — задыхаясь, точно от быстрого бега, крикнула Жанка. — По ходу, наших накрыло. Ты сам цел? Побежали туда: помощь требуется!»

На этом видео прерывалось. Кирилл почувствовал ломящую боль в руке — глянул: кровь сочится сквозь пальцы...

Во внутреннем двореке форта играли фронтовые песни: Бернес, Утёсов, Шульженко; дымила труба полковой кухни, сладко пахло жжёной берестой, вареной гречкой, тушенкой. Кашеварил Кузьма: «высокая комиссия», как понял Кирилл, могла прибыть с двух до четырёх: как раз к обеду. А пока подтягивались на солдатскую кашу дачники с детьми, Петины сослуживцы из калининградского «Газхолдинга», музейщики и краеведы в изъеденных молью костюмах и просящих каши башмаках. Две яркие брюнетки в «андалузских» платьях и джинсовых курточках от ветра — актриски местного драмтеатра в компании каких-то смазливых парней — лукаво-хищнически косились на Петю, который, в пышной белоснежной сорочке, ловко перепархивал от группки к группке, всем удаляя внимание и никого не забывая. Ай да удалец!

В полвторого Пётр, прервав беседу с пожилым музейным работником, убежал кого-то встречать. Вернулся с маленьким, похожим на орленка, дряхлым ветераном, бережно ведя его под руку. Поддерживаемый Петром, дед ступал, опираясь на палку и трясясь всею тщедушной фигуркой: в парадном кителе, который был ему сильно велик, с яркими орденскими планками и гроздьёю позвякивающих медалей на груди. Скоро выяснилось — Кирилл почему-то даже не удивился, — что дедушка участвовал в штурме Фридриха Первого в том самом славном смертоносном апреле, не добежал до форта каких-то ста метров, был ранен пулеметной очередью на подступах. Его звали Виктор Иванович. Он прошёл всю войну и закончил её вот здесь, чудом выжил. Странно было даже находиться рядом с ним! Кириллу казалось — это какой-то сверхчеловек, маленький, трясущийся, он будто был и крупней и выше Кирилла с Петькой, и вообще всех, кто собрался на Фридрихе. Петя хотел было лично провести его по крепости — но на экскурсию старика не хватило. После осмотра двух или трёх казематов Виктор Иванович попросился отдохнуть — ему выделили удобное кресло на солнышке перед телевизором, угостили кашей, правда, есть он не стал — насилу удерживал миску в дрожащих руках и беспомощно озирался. Почему-то именно в этот момент рядом никого не оказалось, и на помощь пришёл Кирилл: взял у деда миску, спросил, надо ли чего.

— А где Петя? — спросил старик, глядя на Кирилла слезящимися глазами. — Я хотел с ним выпить... — с этими словами ветеран запустил морщинистые пальцы под китель, вытянул фляжку и сунул её Кириллу под нос.

— Вообще я бы тоже не отказался, — честно сказал Кирилл, высматривая толстого в толпе гостей. — Пётр! — крикнул он, увидев его с ещё каким-то стариканом нерусского вида. — Быстрее сюда!.. И рюмки прихвати!

Петька на это весь дёрнулся, бросился к Кириллу: что-то с ветераном! А когда до него дошло, шумно выдохнул: «У-фф!», радостно захлопотал — и появилась бутылка водки с Георгиевской лентой на этикетке и хрустальные стопки, в которых яркими искрами сверкало солнце. И Виктор Ваныч взялся хриплым шепотом произносить тост, но не договорил: неожиданно схватил свою палку и давай взволнованно тыкать ею в сторону телевизионной панели.

— За Победу! — выкрикнул Петя, весело подмигнул Кириллу, мол, знай наших, и аккуратно, чтобы не выбить из дряхлых рук рюмку, чокнулся с героем.

Закусили «бородинским» с ломтиком сала и свежей петрушкой. После водки стало чёрт знает как хорошо! Припекало солнце; гулко хлопали флаги, сердце грела любовь. Единственное: где-то далеко, на периферии сознания, то и дело прокатывалась тяжким железным шаром тревога за Серёжу: где

он? чем занят? Обещался до трёх подъехать, и вот уже без десяти, а его нет... И внезапным пугающим озарением, в который раз за эти три дня: неужели его действительно могут арестовать?! Только не это, господа!

Петя тем временем вспомнил про нерусского старика, которого оставил с переводчицей. Поманил его и, когда тот приблизился, представил. Улыбчивый, благообразный Людвиг с обвисшей белой кожей на лице, похожей на вымоченную в молоке бумагу, тоже оказался ветераном, правда вермахта. Немецкий дед был покрупнее и казался помоложе нашего. Ну и, разумеется, без формы и без орденов. Стали его расспрашивать и выяснили, что старый фриц — кто бы сомневался! — служил во Фридрихе и, возможно, защищал форт во время штурма. Последнее, впрочем, так и осталось интригой. «Да был он тут, был, — со знанием дела прикрывал глаза Пётр и прижимал палец к губам, мол: не акцентируйте». Однако немец упорно не признавался, на все вопросы неизменно мотал крупной белой головой и говорил: nein, nein, якобы зимой сорок пятого его подразделение перебросили оборонять городской центр. «Наверняка врёт», — мысленно согласился с другом Кирилл, отметив умные, с хитринкой воспаленные глаза немца. Впрочем, Виктор Ваныч, кажется, дурных чувств к Людвигу не питал: глядел на фрица, раскрыв рот, и постоянно переспрашивал: «Как? Как?» А потом поднял свою голубоватую, будто в пергаменте, руку с пустой стопкой и кивнул на немца, мол, хочу выпить с ним.

Что и было сразу сделано. И народы символически были помирены тут же, во дворе Фридриха, и, когда фриц робко подступил к утонувшему в кресле миниатюрному Виктор Ванычу и приобнял его за плечо, обнажив в улыбке лиловые дёсны, Кирилл заметил, что Петя отвернулся, до предела выдвинул челюсть и, глядя куда-то поверх фортовой стены, вытер рукой слезы.

Начальство, как и обещало, прибыло в полчетвёртого. Умница губернатор: уважает людей, уж во всяком случае Петьку. Тот встретил главу области на парковке, они крепко пожали друг другу руки и без лишнего предисловия отправились на экскурсию по Петиным владениям. Но ещё до того, как они вошли в главную арку, Кирилл заметил, как вся делегация поразилась виду крепости: замерли на мостике над облагороженным рвом, направо, налево таращатся, головами вертят: да туда ли мы приехали? «Туда, туда, — снисходительно и немного ревниво усмехнулся Кирилл, наблюдая процессию сверху, с отремонтированного горжевого капонира, — только ведь вам всё равно не понять, через что тут пришлось пройти!» Что эти налаченные стены — лечены-перелечены; что вручную счищалось всё ветхое и ненадёжное, изгрызенное жуками, расшатанное корнями дерев... Что добирались до сердцевины, до самой сути форта, и к ней, заново отысканной, цеплялись и от неё, заново отысканной, плясали — наращивали мясо, кожу. Как хирурги из кусочка плоти делают заплату на теле человека, так новую кирпичную плоть лепили Фридриху Первому!

Кажется, после сорокаминутной экскурсии по форту и губернатор, и сити-менеджер, и вся свита наконец что-то такое поняли.

— Слушайте, это просто невероятно... Пётр, вы же брали развалины! Вот только в феврале мы с вами фотографии смотрели, — восхищалась Девятова, стоя на фронтальном валу и зарывшись носом в охапку белой сирени, которую дамский угодник специально для неё наломал под крепостной стеной.

— Спасибо, старик, — негромко прогудел друг на ухо Кириллу, когда они спускались с крепостного вала во внутренний двор, — они реально не ожидали. Только про находку ты до времени держи рот на замке. Помнишь?

Про сокровища Кирилл помнил. В пятницу, пока он спешно замуровывал обратно вывороченный из стены клад, Пётр, сидя на корточках рядом и подавая ему кирпичи, делился с ним намётками рождавшегося тут же

плана. Если Кирилл всё правильно понял, толстый решил не обнародовать сенсацию до начала лета — до того самого дня, когда у его шефа, газового олигарха Мельникова, запланирована аудиенция на самом верху. Вот тогда, оказавшись с президентом тет-а-тет, Мельников и сделает поистине царское подношение: шутка ли дело — вернуть в родной для президента Петербург кусочек реликвии такого масштаба? И пусть он получит с этого свои барыши — куда важнее, что он упомянет Петю как главного героя этой истории, ну и, разумеется, укажет на форт, который при правильном разговоре — а уж кто как не Мельников умеет правильно говорить с «шефом» — прочно и навеки останется закреплен за «Газхолдингом», читай за Петром.

Пока спускались со стены во двор, где гомонила в ожидании начальства всё прибывающая публика, Петя убедил начальство задержаться «на шоу»: пятнадцать минут погоды не сделают.

— Кузьма, готовьте с Серёжей фугас, прямо сейчас, это срочно! — распорядился он по телефону, как только губернатор, украдкой глянув на часы, кивнул.

— С Серёжей? — удивился Кирилл, который ничего не знал ни про какое шоу. — С моим Серёжей?

— А ты не в курсе? — удивился Пётр. — Да, я его ещё неделю назад попросил проассистировать... Я надеюсь, ты не против? Серый уже здесь.

— Да не вопрос! А в чём? Что за фугас?

— О, это вещь! — причмокнул Петя, прикрыв глаза. — Увидишь!

Спустя десять минут все собравшиеся, включая прессу — съёмочную группу «России-24» и «Клопс.ру» (любимая таки прикатила с двумя напарниками и камерой), — отправились на крышу Фридриха Первого, на бывшие нацистские артиллерийские позиции, где было довольно места и откуда хорошо — метров на двести — просматривались подходы к форту, а также ров и вынесенные вперёд боевые казематы, откуда немцы поливали огнём наступающие советские отряды.

На той стороне рва, метрах в сорока, Кирилл разглядел Серёжу и Кузьму, правда, не сразу их признал. Оба были в плотных чёрных костюмах, напоминающих водолазные; головы и шеи закрыты — только лица белели в овальных вырезах. Громоздкие сапоги, как у пожарных, толстые краги. На затылках — сварочные маски — это-то зачем?! Мастер-класс по сварке, что ли, будут проводить?

Они возились с каким-то тяжелым металлическим баллоном, похожим не то на большой огнетушитель, не то на огромный садовый опрыскиватель. Рядом валялись несколько оранжевых канистр: должно быть, их содержимое уже было внутри баллона. Вдвоём, поднатужившись, опустили лоснящийся цилиндр в какую-то глубокую лунку — видно, специально для него отрытую; присев на корточки, стали что-то регулировать: Кузьма с усилием орудовал газовым ключом, а Серёжа таким же точно — держал.

От вида поблескивающего железного «буя», торчащего из земли, с краном и пипкой, направленной на форт, у Кирилла засосало под ложечкой. Фугас, — говорил Петька. И костюмы эти странные, вроде как огнеупорные.

— Слушай, это что у них? — спросил он у Петра, протиснувшись к нему сквозь толпу видных единокоросов. — Огнесмесь какая-то? Зачем?

— Бинго! — в волнении облизнул губы Петя, следя за манипуляциями «водолазов». — Фугасный огнемёт... Добро пожаловать в седьмое апреля сорок пятого!

— Ты дурак? — процедил Кирилл, стараясь говорить тише, чтобы не услышали губернатор с Девятовой. — А если он взорвётся?

— Не дрейфь, всё испытано! — прошипел Петька. — И не где-нибудь: на заводе! Механизм — новёхонький. Что там у них, готово? — он в нетерпении прищурился на Серёжу и Кузьму.

Те наконец поднялись на ноги, попятились от баллона, укладывая в траву какой-то провод. Отойдя на пару метров, Кузьма выпрямился, посмотрел на Петю и воздел руку с поднятым большим пальцем:

— Пётр Петрович, готово! — зычно крикнул он.

— Пётр Петрович, подождите минуту! — крикнула Марина, проситель-но взглянув на Петьку и закусив в расстройстве губу.

— Можно? — спросил Петька, дождавшись, пока Марина с оператором найдут себе место. И, как только она кивнула, продолжил: — Господа... Товарищи! Видите тот капонир? — он ткнул пальцем в сторону вынесенной по диагонали далеко вправо, практически в ров каземата, постройки. — Там оборудовал огневую позицию пулемётный расчёт нацистов... Ранним утром седьмого апреля сорок пятого года советские воины готовятся к решающему штурму. Ночью огнемётный взвод под прикрытием темноты вкопал на валу баллоны с огнесмесью и направил раструбы на амбразуры капониров. В шесть утра начался штурм. Сперва наши забросали ров дымовыми шашками, а затем привели в действие огнемёты, ослепив амбразуры. Именно это позволило захватить вооруженный до зубов форт при минимальных потерях. Кузьма! — гаркнул он через ров, ловко крутанувшись на одной ноге. — Поджигай!

Кузьма присел на корточки, взял в руки какой-то ящичек и что-то с ним сделал. После чего проворно подскочил к железному «бую» и лязгнул ключом. Раздался пронзительный свист, затем — шипение. Что-то вспыхнуло — будто в воздухе хлопнули одеялом. Из пипки баллона в сторону форта навесом, длинной толстой струёй выбросилось оранжевое пламя. Публика поражённо охнула, все инстинктивно попятились, хотя людям, кажется, ничего не грозило.

Пламя ударило в подножье капонира, разлилось у стены, схватило нижние кирпичи, стало с треском жечь землю, жнивье, зелёную траву. Запахло бензином. Длинная и жирная, треплемая ветром сорокаметровая огненная змея вывесилась между валом и крепостью, ревела, рвалась, разбивалась об уступ капонира, разбрызгивала огонь, пылающими ручьями стекала в ров. Ох и жарко, должно быть, сделалось в капонире! Если б немцы сидели за амбразурами, наверняка не смогли бы дышать, побросали бы пулемёты, почли за благо убежать внутрь форта. Даже тут, в десятках метров, ощущался жар. Воздух стал будто слоистым — как над раскаленным мангалом. В нём образовалось марево, сквозь которое мир выглядел ненастоящим, каким-то зернистым, как у Копполы или Спилберга в кино про Вьетнам.

— Выше, выше давай! — заорал Петя, перекрикивая гул огнемёта и особый завораживающий звук хлопанья пламени об ветер.

Кузьма, напялив маску сварщика, подступил к баллону, попробовал ещё крутнуть. Раскорячился, полуприсел, держа ключ на отлете, зацепил, заработал локтем — ноль эффекта. Подлезть требовалось едва ли не под самую струю, но тогда бы он сгорел заживо! Разогнулся, поднял шлем, помотал головой, мол: никак! Лицо — красное, отчаянное.

— Хрен ли ты там показываешь? Выше давай! — расслышал Кирилл чей-то хрип.

Обернулся: Виктор Иванович! Старческая маска будто разгладилась на ветеране. Глаза — гневные, бешеные. Замер на полусогнутых и палку свою, сжав синеватыми пальцами, направил на капонир, будто это автомат. И Марина — всё-таки она молодец — поймала этот момент, снимает деда на телефон.

— Другому дай! — пролаял дед.

Кирилл переметнул взгляд обратно и ощутил слабость в коленях. Серёжа, точно услышав ветерана, выхватил у Кузьмы газовый ключ и, присев, точно в танце «Яблочко», подполз к бешено свистящему, изрыгающему пламя огнемёту с другой стороны, накинуд ключ, стал им дёргать что есть силы — струя стала колебаться в воздухе, обрушиваясь то ближе, то дальше,

то правее, то левее, то залетая в амбразуры капонира, то обрушиваясь на крышу, то ударяя в стену, разбрызгиваясь, ложась тут и там дымящимися ошмётками.

Да то ли он делает?! Стоит повернуть баллон в яме на каких-нибудь пятнадцать градусов — и струя накроет людей! А вдруг Серёжа задумал нечто страшное?..

Мощный выплеск огня упал в десятке метров от толпы... Касатик! Эта неугомонная оказалась ближе всего к огненной кляксе, шибавшей жаром. Перемещалась как-то боком, снимала сразу всё: и огнемёт, и толпу, и губернатора.

— Пётр, хватит! — закричала Девятова, внезапно оскалив в общем-то приятное до того лицо.

Вдруг Серёжа дёрнул как-то особенно сильно и окончательно — змея всю свою силу набросилась на капонир, влезла в амбразуры, внутри заревел немыслимый, всё испепеляющий пожар, вот теперь сидящие внутри и не разбежавшиеся фрицы точно погибли, причём сразу и одновременно. Даже звуки поменялись. Пламя, пропадая в бойницах каземата, стало ниже, глуше, зарычало, как зверь. Тошнотворно запахло горелым илом.

Вдруг с Кириллом что-то стряслось... Он одновременно увидел, как у отступившего от огнемёта Серёжи пылает крага, и как бы почувствовал крик боли — не то сыновий, не то форта. Уши заложило этим криком, и почва под ногами сдвинулась — Кирилл зашатался, сжал уши ладонями. Перед глазами всё поплыло, и под подошвами форт ходил ходуном, точно живой организм, играющий мускулами. Прости их, Фридрих... Они не ведают, что творят! Помоги Серёже! В этот момент Серёже удалось-таки скинуть крагу — она скатилась горящим комком в ров, задымилась на дне... Спасибо, дорогой!

Вдруг оттуда, где бушевало и ревело пламя, что-то застучало — громко, сочно. «Тах! Та-дах! Тах... тах... Та-та-дах!» Люди поприседали, попржимали головы: кто? где?! стреляют, что ли?! Девятова и бобрик-единооросс быстро спрятались за бетонный выступ НП; Петя отбежал к своей семье и прикрыл их телом и лапищами, как огромная птица — потомство. Только Виктор Ваньч не сдвинулся с места. Он будто врос в землю, сверля глазами капонир, вцепившись в свою палку, точно это автомат. Губернатор попытался оттянуть ветерана в укрытие — только оторвал старику рукав.

Кирилл, в отличие от других, почти не испугался. Сразу понял: стучит в капонире. Патроны времён ВОВ рвутся, чему там ещё бахать? Должно быть, загорелся ил на полу каземата, и вот в этом иле много чего намешано: как бы снаряд не попался... И тут же сообразил: ведь каземат чистили, нет там никакого ила! Нечему там стрелять! Уж точно не столько! Трахает так, будто ящик с патронами загорелся. Может, в стене был замурован? Бред!

Он в замешательстве оглянулся на Петю: может, шоумен это специально устроил для эффекта, для вящей достоверности? Но друг встретил взгляд Кирилла растеряннo: часто моргал в такт беспорядочным, то разъединенным, а то будто сросшимся, пугающим, рывкающим стукам в капонире. И сросшиеся стуки эти были так мощны, что в унисон с ними странными, направленными вовне капонира порывами колыхалось пламя в амбразурах. Только сейчас Кирилл начинал понимать, и от того, что он понимал, у него заledenели пальцы ног: внутри капонира бьёт не что-нибудь — это шарашит пулемёт. Это от него бешено колышется пламя в амбразурах, это от него отлетают эти пугающие, отдающиеся аж в зубные корни металлические стуки.

По-прежнему жирной плазмой висела в воздухе горящая струя, по-прежнему огнемёт заливал в глотку капониру воспламенённую смесь — но внутри капонира что-то жило, противопоставляло себя страшному огню, отбивалось всё громче и ожесточённое.

Вдруг из амбазуры криво выхлестнулась реальная очередь. Кирилл не видел пуль, но в то же время как будто видел! Точно драконий хвост, взмет-

нулась над дрогнувшей толпой, прошла по склону рва, по контрэскарпу, по валу: разбивая в кирпичи, вырывая куски земли вместе с травой; отбила огромную ветвь у одинокого дуба на валу — и крупная эта ветвь тяжело опала, осела в ров... Кирилл смотрел как замороженный. Этого не могло быть! И тем не менее все, кто был рядом, видели одно и то же!

Губернатор, втянув голову в плечи, что-то кричал Петру — а тот, затолкав жену и детей за бетонный выступ, ошалело пялился на горящий, ревущий капонир, откуда продолжало выхлестывать, — и непонятно было, куда деваются пули, должно быть, в воздух! Девятова, безумно выпучив глаза, комкала рот ладонью; Маринин напарник из «Клопс.ру» снимал теперь только горящий каземат, и «Россия-24» делала то же самое. А ветеран Виктор Ваньч, про которого все почему-то забыли, вдруг оказался у самого края, рядом с Кириллом:

— Дави их, ребятки, — хрипел, вцепившись старческим когтями в палку, — жги пуще, чтоб до кишок!

И внезапно с неожиданным проворством полез на карниз, словно не замечая, что сразу за ним — обрыв. Кирилл едва успел прыгнуть к старику, схватить за пиджак и стащить с приступки. Ещё бы чуть-чуть, и тот рухнул бы со стены. «Та-та-та... Тах-та-дах...» Пулемёт продолжал металлически молотить в пустоту.

— Серёжа, пригнись! — прозвучало вдруг очень ясно; Кирилл словно очнулся. Кричала Марина — туда, на ту сторону рва, сложив ладони рупором: — Пригнись!

Серёжа! О господи... Прежде чем Кирилл успел раскрыть рот, «драконий хвост» ударил по тому месту, где замерли Серёжа с Кузьмой. Полетели ошметки пырея, брызнули камни. Возле Серёжиной ноги сдуло кирпичи, которыми Кузьма прижимал провода. Кузьма кинулся на Серёжу. Вместе они неловко кувыркнулись за пригорок... Кто-то из них отчаянно вскрикнул:

— А-а-а... чёрт... попало...

...Кирилл не помнил, как добежал до пригорка. Кажется, перемахнул карниз, съехал по склону: тропинка, мостик, ров... И вот он — возле затухающего, выхаркивающего последнее пламя огнемёта. Слава богу, Серёжа цел! Ранило Кузьму. Комендант охает и корчится на руках у подбежавших смельчаков, лапает окровавленной пятернёй плечо; на лбу — мелкие бисеринки пота.

— Твою ж мать, — кривит губы, ухмыляется сквозь слёзы, — как будто заточкой засадили!

У кого-то оказался перочинный нож. На пострадавшем вспороли огнеупорную робу; один из актёров калининградского драмтеатра сунул свернутую в тампон материю Кузьме в хлопающую, скользкую от крови подмышку.

— Кость не задета?

— Задело бы — так бы не лыбился!

Серёжа, взмокший и взлохмаченный, освобожденный от матерчатого скафандра, сидит возле канистр на пригорке, обняв колени, дрожит и курит... И недобро щерится на сутуловатую брюнетку в скинхедовских подтяжках, с камерой на плече и бейджем «Вести-Калининград», снимающую его крупным планом.

Пулемет больше не бьёт. К форту тянется чёрная дымная полоса: обугленная земля, побуревшие от адской температуры метлы пырея... Иные вдруг вспыхивают и сгорают с треском...

— Жди, Кузьма, «скорую» уже вызвали! — бодрясь, распоряжается подбежавший одним из первых Петя. — Так... взяли... вдвоём. Идти можешь? — Он тычет пальцем в Кириллову скульптурную композицию, стоящую поодаль: — Туда! Там безопасно!

— Что это было? — ведя на пару с Петром окровавленного Кузьму, Кирилл смотрит на друга и слышит собственный истерический голос как бы

со стороны. — Ты это устроил? — он оглядывается и машет на дымящий капонир. — Там что, был склад боеприпасов?!

— Я не знаю, старик... Вот просто нет вариантов, веришь? — Петя в белоснежной, заляпанной кровью сорочке кряхтит, высматривает пёсьими глазами среди бегущих через мостик губернатора и Девятову. — Антон Андреевич, — привстаёт на цыпочки, — все живы! Не волнуйтесь... Всё под контролем! Должно быть, в стене был схрон с патронами... Сюда, сюда! Где Серёжа? — внезапно останавливается Петька. — Он не ранен?

— Нет, — мотаёт головой Кирилл, — всё в порядке с ним. Я видел: он на пригорке сидел, курил.

Пока ожидали «скорую» и заставляли Кузьму громко говорить, чтобы он не потерял сознание, Кирилл всё пытался понять, отчего ему так тревожно. У него было ощущение, что сердце придавили бетонной плитой. Дело не в шоу, нет! И даже не в чёртовой стрельбе! Что-то ещё... В какой-то момент рядом с ним оказалась Марина. Взяла его руки, сжала в ладонях.

— Милый, ты как? С Серёжей всё хорошо? Где он?

— Ты даёшь! Зачем так рисковала? Я чуть с ума не сошёл... Серёжа на пригорке сидел, курил... Целый вроде. Это ты его спасла! — Кирилл посмотрел в её светящиеся, как у кошки, серые глаза с вкраплениями малахита, ставшие ему родными. — Я слышал, ты ему кричала. Спасибо тебе!

Он прижал её к себе и вдруг встретился взглядом с красной от волнения Петинной женой, топтавшейся в окружении детей. Заметив его, Алёна сорвалась с места, оставив свой выводок возле скульптур.

— Кир, дорогой, как ты?! Ты в норме? Серёжа не пострадал? Слава богу! — Она шустро повернулась к Марине и протянула ей руку: — Алёна...

— Марина, очень приятно! — легким голосом откликнулась Касатик.

Алёна на долю секунды по-светски прищурилась на Марину и — снова на Кирилла:

— Где Серёжа? — она едва заметно, со значением, подмигнула ему. — Я хочу его обнять!

— Где-то здесь. Вон там он курил... — в третий раз отчитался Кирилл, не в силах отделаться от странной тоски.

И правда, где Кузнечик? Последнее, что Кирилл помнил, — как сын скалился на корреспондентку «Вести-Калининград», и как у него тряслась рука, когда он дымил... А что потом?

Марина с Алёной обменивались репликами вежливости — он не слушал. Просеивал взглядом толпу, сканировал ту сторону, мостик надо рвом, крышу форта, откуда смотрели шоу. Серёжи нигде не было! Он ещё раз оглянулся на пятачок, где был зарыт огнемёт: куда-то делась одна оранжевая канистра, которую не использовали... Кирилл точно проглотил что-то горячее — огонь разлился в животе... В какой-то момент ему почудилось яркое белое мерцание в одном из проёмов на той стороне. Нет... не почудилось. Внутренность проёма то и дело озарялась ледяным светом. Чёрт знает, для чего немцы использовали эти дыры, но сейчас это не имело значения. Кому понадобилось варить металл в праздничный день?! Если это Серёжа, то что он задумал?! У Кирилла, как давеча во время творческого «прихода», опять зачесалось в голове и опять явились «жуки». Только в этот раз Кирилл им обрадовался как старым друзьям: «жуки» означали подсказку. Стараясь не привлекать внимания публики, он быстро направился к мостику, перешёл ров, зашагал по отмостке к мерцающей дыре, едва сдерживая себя, чтобы не побежать. Нырнул в проём — и тут что-то с ним приключилось. Возможно, потерял сознание... Он обнаружил себя спустя, кажется, пару минут — сидящим на мягком песке спиной к стене с вытянутыми ногами, И стена — будто горячая: у Кирилла аж внутренности нагрелись. В этот момент он как-то очень ясно, без всяких размышлений, осознал, что сутуловатая корреспондентка из «Вестей-Калининград» не кто иная, как Дарья Чекалина! Перекрашенная в брюнетку! Чёртова экс-

тремистка, из-за которой сыну грозит тюрьма! Но сейчас не это главное. Главное — найти Серёжу. Он где-то внутри, и с ним канистра, Кирилл по температуре фортовой стены это знал.

7

В дурацком костюме водолаза было жарко, как в духовке. Тело будто намылили и обернули ворсистым ковром, который кололся и натирал под мышками, на сгибах локтей, в паху. Когда уже он сможет выбраться и насладиться прохладой? По ходу, не скоро! Если только в больничке удастся почиллить — точно недолго! А потом по-любому тюрьма. И жёсть, которой ни конца ни края. Хотя — как относиться. В его случае неволя лучше всякой свободы, она и есть — свобода, которую он до хера долго ждал! Может даже, ему понравится — в конце концов, он не первый и не последний.

— Ну что, чебурах, готов? — он обернулся, протянул руку и потрепал шерстяную голову мягкой игрушки, притуленной к стене возле груды кирпичей.

Болит рука: огонь на короткий миг проник под крагу и обжёг запястье. Боль — далёкая и тупая, точно ему вкололи анестетик. То ли ещё будет! Надолго ли хватит костюма? Успеют ли спасти? А впрочем — всё равно. Оффнится — значит, такая судьба. Осталось чуть-чуть потерпеть и в последний момент не дать слабину — и бинго: you win. Пять минут — пусть максимально криповые — и свобода! От себя самого — унылого говна, вечно страдающего и жалкого. Спасибо отцу, что отговорил от армии! Там заставляют бегать кросс по полной выкладке и уважать начальство в погонах — чем не продолжение «нормальной жизни»? То ли дело зона! Вот где изначально знают, что ты — отброс, и ничего особенного от тебя не ждут. И да, в отличие от армии, чтобы туда попасть, нужен поступок. Дашка, по ходу, до сих пор не верит, что он на него способен, а иначе зачем явилась?

Впрочем, кого он обманывает, в глубине души ему приятно. Он до последнего боялся, что она не придёт, хоть и сам себе в этом не сознавался. Без неё, сколько ни пудри себе мозги, кайфа никакого. Ведь это она вдохновила его. Философ. Разрушительница. Королева! Честно говоря, пока её не было, он прям сильно сомневался: а точно ли надо? Не слишком ли жёстко? А без этого никак? Отца опять же капец жалко: он точно такого не заслужил. Добропорядочный трудяга муравей! Уж он имеет право возиться в своей уютной реальности, где Серёжа получает специальность, где хорошие люди делают малые, но важные дела, где сваять за бабки пару скульптур для олигарха дяди Пети и получить за это премию — доблесть. Сорян, папа, но ничего не поделаешь: никто не думает о тружениках леса, когда по лесу идёт пожар!

Капец как жарко... Даже в вечно холодных казематах душегубка... Спрятавшись в бывшем нацистском пороховом складе, с какой-то особой мучительной тоской цедя последние пять минут безмятежной жизни, Серёжа то и дело отирал рукавом лицо. Слезы лезли из глаз не хуже, чем пот — из пор. С чего бы это? Дыма наглотался? А может, то, о чём Дашка предупреждала: подумал о родных — и раскис?

Отец — выносливейший малый, чего только от жизни не вытерпит, про таких говорят — двужильный. Одной жилой пресмыкается перед другом-богачом, другой — печётся, чтоб у семьи всё было ровно, без эксцессов. У него постоянно такое лицо, точно он проглотил самую главную деталь от конструктора под названием «Счастье», и она никак не может из него выйти. И как ещё ему удалось такую зачетную вуман привлечь, Марину эту, — уму непостижимо! Понятно: разведёнка с прицепом, но всё равно — классная. Разве только у неё помешательство на олдах, как в том меме, что если мужик, то — Чак Норрис. Отец действительно похож на Норриса: подтянутый, морщинистый и глаза — собачьи. По любас, это временно! Рано или позд-

но она просечёт, что отец — неудачник, прикрывающий своё вечно подчинённое социальное положение фиговым листком скульптора, и наострит лыжи, как мама, потому его и жаль!

Зато маму — вообще не жаль. Да и жалость ей твоя не впилась. А вот тебе её — очень даже. Только всем по фиг, ей уж точно! Что ж, пора и крутой военкорке вспомнить, что у неё есть сын. Тот самый, которому до хера неприятно смотреть ролики, на которых её вот-вот разорвёт снарядом. Когда он наткнулся на видео, где мать чудом уцелела после удара ракетой, какая-то нездоровая фигня в нём поднялась, накрыла, как цунами. Типа это не мать в кадре, а девушка его, в которую влюблён по уши, и сойдёшь с ума, случись с ней что... Не то чтобы он за родную мать не беспокоился, просто в тот момент дистанция между ними как бы исчезла, и он, сын, стыдно в таком признаться, захотел её... И в этот же момент возненавидел отца. За то, что тот когда-то сподобился сделать это с ней. За то, что родился он, Серый. Какова была вероятность, что эти двое встретятся? А что именно он, из миллионов сперматозоидов, вытянет счастливый билет?

Сколько лузеров было смыто в унитаз, чтобы именно ты родился? Только если уж начистоту, на фиг тебе такая ответственность? Вывозить и за себя, и за того парня, и ещё за миллионы парней? Ты ни на что такое не подписывался! Этот мир — максимально не кайфовое место. Типа клёвая игра, которая лагает в непредсказуемых местах. Ты ходишь по карте, и мало того, что никто не посчитал нужным объяснить тебе цель, так ещё и карта не дорисована! Лучше уж выйти насовсем, оффнуться! Чтобы та самая ракета в следующий раз попала по тебе, и звездёц — «Game over»! А мать пусть живёт. Пусть живёт и знает!

Слёзы капали на кирпичи. Сердце будто застряло в горле, шаршило так, что трудно было дышать. Сейчас он поднимется, возьмёт канистру, прихватит ушастого плюшевого зверя, пойдёт на крышу и сделает то, что решил. Минуты отделяют его от какой-то абсолютной жести. Дико странно, что он ещё тут, а не у всех на виду. В животе будто горячие камни ворочаются. Очень хочется девушку, Дашу! Ну почему жизнь такое дерьмо, что даже после того, что он совершит, никакого вознаграждения ему не светит? Когда он сможет в следующий раз остаться с ней наедине? Сколько вообще ему дадут? Два, три года? Она даже не соизволила пожалеть его накануне! Так и оставила неприкаянным. Тварь! Через пять минут все разойдутся. От обиды, от распирающей пах тоски он зажмурился до оранжевых кругов перед глазами, с остервенением закусил свободную руку: у-у-у-у!

Он вспомнил то самое счастливое утро начала апреля, когда в Дашенцию будто любовный бес вселился. Так случилось, что они, не протрезвевшие после целой ночи в баре (отмечали веселую акцию, когда одна из Дашкиных фанаток в ответ на отчисление из универа «осветила» ссаным венериком деканат), — наутро оказались вдвоём на залитом солнцем путепроводе на улице Горького. Кажется, сюда их доставило такси — дальше пути не было: «Яндекс» показывал, что мост перекрыт из-за аварии. Выбравшись из тачки, на негнущихся ногах, едва не отключаясь на ходу, они стали подниматься на мост, передавая друг другу баклажку с пивом и сигарету, — как вдруг у них на пути возникло... Та самая авария, вернее, её последствия. На путепроводе — будто война прошла. Всюду валялись обломки двух влетевших лоб в лоб легковушек, а сами легковушки разнесло по разным сторонам дороги: одна дымилась, другая висела над жд-путями. Тут же стояла пожарная машина; по мосту стекала чёрная вода, и пожарные молча сматывали шланги. Кисло воняло раскаленным металлом и прогоркло — горелым пластиком. Беззвучно крутила проблесковым маячком «скорая»; МЧС-ники перепрыгивали через какие-то накрытые полиэтиленом кучи, из-под которых растекалась кровь и от вида которых Серому сразу стало дурно.

Дашенция вцепилась в его руку, задрожала, но ни слова не произнесла. Молча таранилась на истекающие кровью кучи под пленкой, не отверну-

лась и как-то замедлилась, типа вошла в транс. Сперва рослый МЧС-ник не хотел их пускать, но потом махнул рукой, мол, проходите быстрее — но Дашка ни фига не ускорила. И так они прошли по мосту, стараясь не наступать на обломки машин и на то, что осталось от людей. Серый тянул её за рукав, а она упиралась, словно нарочно хотела продлить весь этот звездеч. Только перейдя мост, уже на той стороне она внезапно потащила его на обочину — Серый подумал, что ей плохо, но она резко обернулась к нему и, стуча зубами, приказала:

— Трахни меня...

Серый даже не сразу понял.

— Что? — переспросил ошарашенно.

— Давай... мужик ты или нет... — она потянула его в какие-то заросли, — мне капец хочется...

Дальше всё было — как в наркоманском сне. Пронизанный солнцем кустарник, сквозь который они продираются, как в джунглях; он — с припущенными штанами, она сверкает впереди — длинными ногами, белым нежным задом... Она разводит руками ветки, под подошвами хрустят сучья. Она останавливается, найдя на ощупь какое-то дерево, замирает, наклонившись и обняв ствол:

— Давай!

Он не думал, что может быть так имбово с ней — худой, мужеподобной, не вынимающей сигарету из рта. Но честно, ничего подобного с ним прежде не случалось! Он словно обезумел. Перед глазами всё поехало. Помнит только борозды от подтяжек на её плечах, волосатые подмышки, и как она спустила трусы и, подпрыгав ногой, сбросила их в грязь...

Однако безумие того утра только набирало обороты! Кое-как натянув запачканную одежду, выбравшись из кустов, они продолжили своё пьяное шествие по улице Горького. Дойдя до её дома на большом перекрестке, они почему-то не пошли к Даше в гости, но и не расстались — каким-то чудом нашли работающую в восемь утра точку с пивом навынос, как следует затарились и, жмурясь от жарких солнечных лучей, поплелись в огромный, перерытый траншеями парк. По пути после бутылки «Гиннеса» у Дашенции открылось второе дыхание: она оседлала свою любимую тему и стала читать попадающимся на их пути кошкам, собакам и птицам лекцию о диктате взрослых. И хоть Серому было не до теорий (всё, чего он хотел, — побыстрее найти скамеечку, обнять Дашку и хоть ненадолго вырубиться), однако он незаметно втянулся в спор, и спустя четверть часа они с Дашенцией громко пререкались на пустой спортивной площадке — о судьбах молодых в мире и в отдельно взятой стране. Почти со всем, что проповедовала Даша, он был согласен — но его капец возмущало то, что Дашенция не желала нести ответственности за тех, кого приручила. Ей было абсолютно наплевать, что будет с поверившими ей парнями и девчонками после акций — в колонии, в тюрьме, какими они оттуда выйдут, смогут ли вписаться в «нормальную жизнь»?

— Ну, Грэй, ты капец наивный! — пьяно вздыхала Дашенция, сидя топлес верхом на тренажере, прогнув поясницу и выставив ярко-розовые, словно воспаленные груди навстречу солнечным лучам. — Взросляндию надо ломать! Жестко! Лом им в горло! — бешено выкрикнула она в небеса, словно и вовсе не замечая рядом с собой Серого. — По-другому нельзя, пойми! А ты со своими соплями только им поддакиваешь.

— Ну конечно! — с трудом собрав мозги в кучу, отозвался Серый, пришибленно пялясь на Дашкину голую грудь. — Скорее лом в горле будет у нас с тобой, у таких, как мы! Знаешь, что в колониях творится? Там швабрами насилуют!

— А пусть насилуют! — хрипло рассмеялась Дашенция. — Если б я успела обратить миллионов пять... хотя бы пять!.. Чтобы они поверили, чтобы они не зассали... я бы своё тело без колебаний этим псам отдала: пусть

меня растерзают, мне это сладко будет! — Она с вызовом устремила налитые пивом глаза на Серого и вдруг заметила сплющенного дохлого голубя на резине возле скамьи тренажера.

Встала, покачнулась, наклонилась, подняла птицу за хвост. Долго рассматривала, пытаясь сфокусировать зенки и о чем-то раздумывая. Затем подбросила и, как мяч, пинком кеды выбила трупик птицы с площадки.

В ушах у Серого шумело, как будто к ним приложили две большие раковины. Дашенция в лучах ультрафиолета почему-то казалась ему красной, и особенно красными — её маленькие заостренные груди, похожие на готовые ударить боеголовки. У Серого плавилась мозги. Он немного завидовал ей, что у неё есть цель, а у него — никакой. Ему стоит большого труда понять, о чём она моросит. По Дашке, «взросляки» — зрелое население планеты — устроили мир таким образом, чтобы от молодых ничего не зависело. За много поколений они научились так обрабатывать Юность, что к моменту, когда ты получаешь права водить машину и пачкать чернилами избирательный бюллетень, твой мозг напоминает аккуратно подрезанный чайный гриб: лоботомия уже проведена, добро пожаловать во Взросляндию. Тебе не остаётся ничего иного, как вращаться в роговый слой планеты — туда, где отец батрачит на олигарха дядя Петю, а мать продаёт путёвки в Египет и Тай.

Когда Серый впервые решился впустить в себя Дашин бред — не сразу, потому что поначалу не мог признать, что существо женского пола, которому надо думать о замужестве, потомстве и непыльной, не мешающей семейным обязанностям работе, может вот так, ни с фига, заделаться философом, — когда он решился приоткрыть дверцу для Дашкиных проповедей в своей голове, то очень скоро обнаружил в душе такой сквозняк, как будто внутри него все двери и окна болтались на петлях и хлопали так, что грозили осыпаться стекла. И дело даже не в сути безумного учения, а в том, что Дашенция будто сковырнула в нём что-то, посеяла сомнение, что жизнь, может быть, не так беспробудна, как он о ней думал. Что можно следовать своим путём с широко раскрытыми глазами, а не заталкивать постоянно собственное мнение себе в утробу, что можно, в конце концов, так чудесно заниматься любовью, как этим утром чёрт знает где, на каких-то пустырях и спортплощадках — с разгуливающей голой по городскому парку неформалкой Дашенцией, — не чтобы потом жениться, а просто так — как американские битники, которых Дашка постоянно поминала — ради удовольствия и вызова.

Да, они опять делали это, надравшись пивом до зуда в мочевом пузыре. Уединились чуть в стороне от площадки, у пруда, наплевав на собачников, что выгуливали в перерывот ради инженерных коммуникаций лесу своих четвероногих друзей. В том парке Серый будто соединился с чем-то огромным, невыразимым, тёплым и близким. Бескрайним. С Любовью! Замыслом Творца! А на следующий день Дашка протрезвела и стала делать вид, что между ними ничего особенного не произошло. Точнее, она стала презрительно называть это пьянкой и отрывом. Типа расслабились, ушли в астрал, но дальше надо думать о чём-то серьёзном. О серьёзном?! Ну-ну!

Всё изменилось. Никогда больше у них не было свиданий, хоть отдалённо напоминавших то первое. Лишь однажды ещё они переспали по трезваку у Серого на Литовском валу. Он уговорил её. Он её достал намёками: давай, мол, станем любовниками. Не хочешь традиционных отношений — давай станем просто friends with benefits. В принципе, ему этот второй раз понравился, жаль, что ей — точно нет. В процессе она напоминала манекен, в который забыли вставить батарейки. Он изо всех сил пытался не обижаться, причину-то он знал: Дашка готовила акцию с голубями, — однако у него это слабо получалось. Слишком больно было вспоминать о безбашенном утре в парке. Неужели всё то же самое она могла проделать с кем угодно? Думать об этом не хотелось. Когда он представлял на своём месте типов из её университетской тусовки, ему будто резали сердце тупым ножом. И пофиг, что Дашка — монстр в женском облики и строить с ней отношения — пол-

нейший социальный суицид, но тем сильнее его тянуло в эту воронку, тем желаннее становилось такое панковское существование.

В свободное от форта время (а часто и в ущерб работе) Серый взялся ей помогать в её мутных делах: развозил по городу каких-то незнакомых людей на каршеринге, причём с бодуна, рискуя нарваться на гаишников и лишиться прав. Забив болт на отцовские поручения, разгружал коробки с какими-то брошюрами возле общаги университета, ещё много чего, всего не упомянуть. Несколько раз отправлял Дашенцию деньги — то десятку, то пятнашку — на срочные расходы — разумеется, безвозмездно. И апогей кринжа: ему пришлось собственноручно подбить из рогатки и свернуть шеи трём голубям в Зеленоградске, потому что с ним на акции были одни девчонки, и просто некому было порекомендовать это дерьмо...

И всё это он делал задаром. В лучшем случае удостоивался одобрительного взгляда и чмока в щёку — как будто они с Дашенцией школьники. Это после того, что между ними случилось в парке! Она даже Грэем его перестала называть, всё Серый да Серый. Заслужить благодарность, заинтригованный взгляд, кривую полуулыбку в её фирменном стиле, означающую заинтересованность, стало для него навязчивой идеей, аттракционом, в котором он чаще всего проигрывал.

Исключение было сделано для него лишь в ту ночь, когда он, напившись, появился к ней на улице Гайдара в третьем часу, выманил покурить на лавочку и рассказал о готовящемся мероприятии на форте, куда приедет губернатор. Вот тогда Дашенция, до того каждую минуту порывавшаяся уйти, наострила уши, закурила айкос и, то и дело поглядывая на окна спящего дома, стала задавать вопросы. Но у Серого тут внезапно разыгралась гордость: он закрылся и напустил на себя очень таинственный вид, что, конечно, добавило комичности в и без того унижительную ситуацию. Так или иначе, он дал Дашенции понять, что движ на форте — целиком его проект. Он со всем справится без неё. Будучи под алкогольными парами, он позволил себе очень жирный намек, что совершит нечто выдающееся, по сравнению с чем акция с голубями — детская шалость. Он не помнил, как после того разговора добрался домой. Он не помнил, в какой момент той ночи оформилось в его голове то, что оформилось, — запомнил лишь очень короткий миг, когда её глаза стали заинтересованными, и когда она, ещё раз оглянувшись на окна дома, вдруг придвинулась к нему и долго и хорошо поцеловала в губы.

— Обещаешь? — только и спросила она, оторвавшись. И, когда он, на миг задумавшись, энергично кивнул, благодарно сжала его руку, и так они просидели с минуту. — Ну, всё, вызывай такси! А то завтра сдохнешь на своём форте... Всё, я пошла. Пока... — она сделала секундную паузу, — Грэй...

Назавтра, как нередко в последние недели, проснулся в тоске и похмелье. Ночной разговор на скамейке казался дурацким сном. И чем больше подробностей он вспоминал, тем тошней становилось. В груди будто зияла дыра от снаряда, в которую влетал ветер тревоги. Ощущение себя голым на краю бездны. Где-то там, в чёртовой недостижимой дали, — Москва, универ, сокурсники, сессия. У друга скоро ДР, а значит, будет вписка... Привычная студенческая жизнь: клёвые барчики с крафтовым пивом, рубилово в комп по ночам — как это всё теперь далеко и словно не по-настоящему! Между ним и Москвой — какая-то невидимая мембрана. Она пропускает воспоминания, но ни хрена не даёт вернуться. И всё же есть один человек, которому по силам решить вопрос, забрать его с финишной прямой, отменить окончательность каникул в Кёниге. Мама. Мама — если б она была дома! Уж она бы могла разрулить ситуацию. Мама — это царь и бог нормальной жизни, запасная саморазвертывающаяся вселенная на мощных аккумуляторах. Если б она ждала его в Москве — он бы поехал, а вот так, на пустое, когда там никого, — нет уж!

...Дымил натошак на балконе, чувствуя во рту привкус Дашкиных губ и вчерашнего айкоса. На улице — мрачно и пасмурно. За Литовским валом угрюмо шевелились от ветра верхушки лесного массива. На форте уже ждал

отец, и ему было невдомёк, какую жесть задумал его сын. Данное Дашке обещание висело над головой занесённым топором. Ещё вчера никакого топора не было, а сейчас он — такая же часть реальности, как эти беременные дождём тучи, шевелящийся лес, автосервис на углу щербатого прусского бастиона. Обещание не возмёшь обратно и не спустишь на тормозах. В оставшиеся дни оно будет только надвигаться, скрадывать всю оставшуюся радость, пока наконец не застит весь свет.

И вот наступило, напоззло, накрыло!.. В бывшем немецком пороховом складе темно, как в заднице у Годзиллы! Через пять минут его выход... Позвонить маме? Кто знает, когда в следующий раз будет такая возможность... Нашупал в кармане телефон, смахнул экран, выудил номер из адресной книги — динамик пропиликал в ухо три ноты: абонент недоступен. Кто бы сомневался!

Что ж, он без претензий. Тылом ладони вытер потный лоб. Секунду подумал. Решил оставить голосовое:

— Мам, привет. Ты как там? Я просто узнать, как дела. У меня всё хорошо. Видел ролик, где рядом с тобой ракета взорвалась. Испугался — капец! Нелзя так. Береги себя, поняла?.. Ты крутая очень, но надо же головой думать... Пожалуйста, больше не рискуй. Мы с папой тут, в Кёниге... У него тоже всё норм. Увидишь чего про меня в новостях — не волнуйся. Мой осознанный выбор, как-то так. Лан, давай... Я тя люблю... Увидимся. Обнимаю. Всё, пока!

Закончил запись и нажал «отправить». Натянул капюшон, покрутил головой, поправляя, чтобы вырез оказался аккурат против глаз. Нахлобучил маску сварщика на темя, проверил ремешок: держит. Маска покамест задрана, он опустит её позже. Морщась от боли, просунул правую кисть в крагу. То же проделал и с левой. Сцапал канистру, охлопал карманы: зажигалка на месте. Потянулся и подтащил за ухо плюшевого чебурашку. Упёрся подошвами в колотые кирпичи, стал подниматься — в этот момент каземат внезапно осветился белым светом. Чего, блин?! Его обнаружили?! В окошке под потолком что-то замерцало. Фонарь? Немцы освещали пороховой склад через эти окошки. Какого фига?! Он замер на полусогнутых, затаил дыхание: тишина.

И вдруг снаружи раздался каменный стук... Мерный, через паузы. Клат! Клат! Как будто кто-то ронял тяжелые бетонные блоки на пол. Мощно: аж стены дрожали! И свет странно зашатался: кто-то нёс фонарь! Серёже на мгновение стало жутко. Что, если это гребаные призраки? Кто бы там ни был, — пусть идут на хрен! Если его обнаружат, он ничего не совершит! Сейчас или никогда!

Он ринулся к выходу с канистрой и чебурашем. Выбежал из каземата, свернул направо. Коридор... поворот... В следующий момент стена в углу озарилась белым, и на ней проступила громоздкая уступчатая тень. Клат! Клат! Тень медленно приближалась: она шагала! И вместе с ней приближалось странное электрическое потрескивание.

— Зон айнес бильтхаус! — произнесла тень неживым утробным голосом.

У Серого будто растаяли ноги. Он шлепнулся на задницу, ссадил локти о шершавый пол. Пополз назад, но тут и сзади донеслось:

— Зон айнес бильтхаус! — и то же электрическое потрескивание, будто там работала мощная сварка.

Серый оглянулся и офигел. Из глубины коридора на него надвигалась статуя — та самая, которую отец сложил на днях! В рогатом шлеме, с ярко светящимся крестом на месте глаз и носа. По угловатой кирпичной фигуре с шипением пробегали голубые молнии. Добухался, чувак. Вот как сходят с ума...

Он вскочил на ноги, потряс головой и сжал зубы, едва сдерживаясь, чтобы не заорать. Дебил, статуи не могут ходить! Возьми себя в руки, ну же, камон! Глубоко вздохнул, зажмурился и кинулся направо — куда и было ему нужно. Забегая за поворот, инстинктивно защитился чебурашем, чтобы не влететь в препятствие, чем бы оно ни являлось... Яркий свет... потрескивание... синеватое мерцание... Пригнулся, попытался юркнуть

между галлюцинацией и стеной — зацепил маской оттопыренную кирпичную руку.

Маска полетела на пол. Без неё нельзя! Кинулся на корточки, нашарил её, выпустив зверя. Нахлобучил кое-как, подхватил чебураша и — наутёк. Нёсся по коридору, волоча за ухо плюшевого зверя, не видя ничего, точно ослепленный. Ещё поворот... ниша... винтовая лестница... свет... Ноги за считанные секунды вынесли его на крышу, на слепящий простор, на наполненный летними ароматами сирени вперемешку с гарью от капоонира воздух.

— Ну всё, чебураш, — просипел, затравленно озираясь, — теперь наш с тобой выход!

Он подтащил канистру и мягкую игрушку к краю стены и сам встал на краю в полный рост — так, что его сразу увидели все, кто внизу. И он увидел их всех — и раненого Кузьму, окруженного людьми, и рядом с Кузьмой — обвешанного медалями ветерана, приваленного к постаменту, и огромного на фоне всех — дядю Петю, бегающего в белой рубашке с красными кляксами и отдающего распоряжения в прижатый к уху мобильник.

— Минуточку внимания! — хрипло крикнул первое, что пришло в голову.

Все обернулись на него. Губер со свитой, охранники, симпатичные чиксы из театра. Толпа как-то неуловимо и тревожно перестроилась, переориентировалась, точно Серый вынес на крышу форта мощный магнит, поляризующий людям кровь. Он раскрыл было рот, хотел произнести речь, но тут заметил тетю Алёну, жену дяди Пети, с детьми — пацанами и девятилетней Олей. Его будто током прошибло: про девятилетнюю девочку он позабыл! Собирался отвлечь, написать ей в ватсап (с некоторых пор они обмениваются ничего не значащими сообщениями, как взрослый брат с сестрёнкой, для Оли он почему-то — кумир!), что подарок ждёт в машине — красочная коробка, в которой — Леди Баг и Суперкот, которых она обожает! Ничтожество... Дебил. И как только он мог забыть... Нельзя, чтоб Оля видела. Никакая долбаная акция не стоит слезы ребёнка, Оля в нём души не чаёт...

Ненависть и презрение к себе с такой силой хлынули внутрь, что уже через десять секунд Серый не мог вспомнить, что стало их причиной. Они вытеснили всё, затмили ум, выбросили всё, что сбивало его, куда-то на периферию сознания, как цунами — обломки людской цивилизации... Осталось только ощущение, что он — конченный отброс, которому и жить-то незачем. Его будто парализовало. Он застыл в душном огнеупорном костюме, держа за ухо плюшевого чебурашку. С тоской смотрел на бесформенное людское месиво, в котором уже никого не различал, оно было безликим и серым — единое целое, которое в ответ пялилось на него и ждало чего-то.

Вдруг взгляд его смог выхватить какое-то движение у постамента... Даша! Долговязая и ловкая, в мановение ока она вскарабкалась на постамент, держа в руках какую-то палку, обернутую желтой материей... древко с флагом! Проворно разматала материю, подняла древко над головой. И вот — кислотное зеленоватое полотнище цвета светоотражающих гаишных жилетов встало на ветру, заслонило отцовские скульптуры. В середине флага — знакомый крупный принт с ушастым зверем и стежки — кровавыми рубцами по рту!

— Эй, вы все! Хватит нас чебурашить! — с гневно перекошенным лицом заорала Дашенция, широко расставив ноги и размахивая знаменем.

Серый изумленно хлопал на неё глазами. А он? Что же он? Дашенция, даром что девушка, и та храбрее! Не испугалась развернуть знамя, зная, что её точно теперь укутут... Грудь Серёжи наполнилась невероятной решимостью. Он так долго падал в пропасть, что теперь как будто небо и земля поменялись местами, и он, наоборот, взлетал! Всё перевернулось! Отчаяние — есть счастье! Смертельный риск — есть любовь!

И, как бы в подтверждение проносившимся с безумной скоростью мыслям, до его слуха долетел крик Дашенции:

— Они вздумали нас чебурашить, Грэй! Покажи им!
Со стороны дач по ухабам с воем скакала навороченная импортная «скорая» для Кузьмы: ещё бы они прислали обычную, ведь губернатор — тут!

В следующие секунды Серёжа даже с какой-то удивляющей его самого лихостью скрутил с канистры крышку и щедро полил огнесмесью плюшевого зверя. Жидкость мгновенно впиталась в крупную шерстяную голову: светлое милое личико Чебурашки потемнело, нахмурилось.

— Всем ещё раз здрасте! — громко обратился Серый к толпе, держа в руке незакрытую канистру и глядя поверх голов на дальний лес и поле. — Как вам форт по итогу? Вроде ниче так, красивый, да? — На последних словах он зачем-то обернулся на Дашу, словно рассчитывая на поддержку.

Дашенция так и сияла. Глядела на него со своей фирменной нежной кривой ухмылкой и шевелила губами, мол, давай, Грэй, жги!

— Всё, кончай, Серёжа! По-человечески тебя прошу... Это я, дядя Петя... — раздалось совсем рядом, от стены. — Слезай давай, поиграли — и хватит!

Дядя Петя! Кто бы сомневался! Серый на мгновение дрогнул, но и ухом не повёл в его сторону. Нельзя отвлекаться, этак они уболтают в два счёта.

Подъехавшая «скорая» выключила сирену и затормозила у постамент, едва не наскочив на людей. Из неё повылезали медики и тоже, как вся толпа, озадаченно уставились на этого психа на крыше форта.

— От нас до хрена зависит, нас всегда спрашивают, с нами всегда советуются! — прокричал Серёжа, торопясь, словно не желая отвлекать медиков, у которых дела поважнее.

На этом он осекся. Мысль оборвалась. В голове наступила звенящая пустота. Что ж, достаточно слов, надо действовать...

Расстегнул нагрудный карман, стал выковыривать из него крагой зажигалку.

— Серёжа, не надо... Тут дети!

Женский взволнованный голос. Кажется, одна из актрис драмтеатра.

Дети? Вот чёрт... Детям-то нельзя такое показывать!

Он прищурился на толпу, выискивая в ней ребятешек. Но не было в толпе мелких, не было!.. По ходу, взросляки, поняв, что будет что-то неприятное и страшное, успели их утащить. И тётки Алёны не было, и маленькой Оли! Кажется, она утянула детей за стену! Тем лучше, значит, ничто не мешает... Он докажет Дашенции, что способен пойти дальше других!

Он быстро поднял канистру на уровень груди и облил себя от солнечного сплетения и ниже. В нос ударило бензином. Ручейки стекли по штанам на ботинки.

— А-а-а-а! — закричали женщины.

Серый отбросил канистру, быстро застегнул капюшон, спрятав лицо, надвинул маску сварщика на глаза — всё окрасилось в цвет йода. Стиснул зубы и чиркнул зажигалкой. В воздухе ухнуло. В йодистом мире заревел пожар. Там, где стоял Чебураш, вырос неяркий, приглушенный стеклом маски столб пламени. Сквозь крики внизу Серый отчетливо слышал грозное шипение огня. Он вдруг испытал странное опустошающее разочарование. Что дальше? Неужели это всё? Надо что-то сказать? Что-то до хера умное... Пока собирался с мыслями, правую щиколотку вдруг схватило такой болью, точно её стало полосовать множество бритв. Он дёрнулся, подскочил, бешено задрогал ногой, выгнулся, стал крагой сбивать пламя... В этот момент он получил удар огнём под маску. Как будто опустил лицо в костёр. Не смог дышать, мгновенно захлебнулся, задохнулся раскаленным газом... Мама, папа, простите!..

Что-то сшибло его с ног... Жар заполнил всё вокруг. Серого с его огнеупорным костюмом будто в духовку сунули. Он оторвался от земли и словно поплыл прочь, как жареная курица, — к маме в Крым — вверх ногами. И где-то по пути ему встретился папа. Папа обнимал, и тискал, и сжимал его.

Папа кутал его в огромное тёмное и жаркое одеяло... Только что он понял, как сильно любит папу. Вместе с ним они несутся на ревущем огненном смерче в Крым... Вместе с папой они летят на натовской ракете — туда, где мама в перерытом гусеницами поле снимает репортаж. Вместе с папой они опускаются маме на голову. Треск, рёв огня, радость, поцелуи, слёзы...

Осознав, что Серёжа — внутри крепости, и что снимавшая его корреспондентка «Вестей» — не кто иная, как экстремистка Чекалина, Кирилл догадался и ещё кое о чём. Холодное белое мерцание в дыре, привлекавшее его внимание с той стороны рва, не было мерцанием сварки. Он видел уже такое свечение, его ни с чем не спутать! Встав на ноги — не без некоторого труда: страшно кружилась голова, — он побежал в глубь форта, то и дело кренясь то направо, то налево, как пьяный, отталкиваясь от стен. Пару раз задел теменем низкий потолок: боли почти не было, только жар и зуд, жар и зуд. Сперва ноги увязали в песке, но вот подошвы нащупали твердый пол — и в этот же момент свет вновь озарил коридор, и Кирилл буквально налетел на них — двоих тевтонцев, которых сваял накануне. Они высились в проходе в том месте, где высота потолка позволяла им стоять в полный рост. И да, Кирилл точно знал, что, если бы они могли пройти ближе к дыре, чтобы вернее подать ему сигнал, они бы так и сделали. Не время было удивляться.

— Пацаны, где Серёжа?! — выкрикнул, тяжело дыша.

Боковым зрением отметил новенький, тускло поблескивающий огнетушитель в ногах у крестоносцев и там же — сверток брезента, из которого он давеча собирался изготовить плащ советскому штурмовику.

У рыцарей, как бы связанных в единое целое пробегающими по ним синеватыми молниями, из прорезей на шлемах народились две сияющие оранжевые нити. Они сразу переплелись и образовали одну, и она с жарким шипением протянулась по коридору. Кирилл возликовал. Всё ясно! Собравшись с силами, схватил с пола огнетушитель и брезентовый куль и бросился туда, куда вела сверкающая вена. Раз — поворот, два — поворот. Уворачиваясь от нестерпимого жара, прущего от нити, пригибаясь и раскорячиваясь, чтобы пролезть-прошмыгнуть под нее, Кирилл оббивал плечами и коленями стены, обдира локти и бежал, бежал к сыну. В какой-то момент нечаянно зацепил «путеводную» головой — и на нём вспыхнули волосы: он на бегу сбил огонь пятернёй и не носом — горлом ощутил запах Серёжи, идущий от собственных подпалённых волос.

После третьего поворота нить дугой забирала вверх, закручивалась спиралью, повторяя пируэты винтовой лестницы. Серёжа на крыше! Соприкасаясь с нитью, старые металлические поручни нагрелись докрасна и кое-где успели изгореть в прах: Кирилл стал взбираться со своей ношей, осыпaeмый искрами, сквозь кислый дух перегретого металла, отворачивая лицо и не трогая перил, но всё равно обжигаясь и задыхаясь. Как-то, однако, прорвавшись с закрытыми глазами, пробуравив собою, собственным лбом, в который впивались раскаленные железные мошки, пройдя этот закрученный спиралью ад и упорно пронесся с собой огнетушитель и сверток брезента, которые он, как сокровище, прижимал к груди, заново вылез головой вперед в оглушающе мягкий летний мир, и этот мир словно огрел ему дубиной по голове.

Кирилл повалился на колени, затем на бок и некоторое время ничего не соображал.

А потом к нему опять вернулись органы чувств, и он увидел Серёжу с канистрой на краю — и в этот момент запах Серёжи в мозгу у Кирилла стал огромным и нестерпимым. Серёжа поливал себя из канистры, опускал забрало сварочного шлема и чиркал зажигалкой!

И пока Кирилл, вскочив на ноги и отбросив огнетушитель, большими прыжками нёсся к сыну — ей-богу, слышал страшный тихий хруст колесика

зажигалки; видел, как одновременно вспыхнули большая ушастая игрушка и Серёжа. И как Серёжа выгнулся и стал сбивать с голени пламя, и как его будто снизу вверх ударило в лицо...

В этот момент Кирилл на него налетел, сшиб с ног и накрыл брезентовым плащом...

Сграбастал, спеленал, завернул, не допуская прогалков, не давая сыну дышать и не давая дышать огню.

...И когда он боролся с сыном, когда прижимал его длинное бьющееся тело к земляной подушке, словно хотел не спасти, а задавить своими руками большую и выносливую жизнь, — в эти секунды Кирилл будто раздвоился: одна его часть горячо уповала к Господу, чтобы Серёжа не стал инвалидом, не сжёг дыхательные пути, не лишился зрения, вымаливал каждый сантиметр сыновей кожи, каждую клетку ошпаренных лёгких, каждое нервное волоконец: не дай, не дай ему пострадать непоправимо! не дай, не дай ему той боли, от которой живьём сгорает мозг и сердце превращается в ненужную мочалку! В то же самое время другая его часть горестно размышляла о словно уже выздоровевшем сыне: что ему теперь, по-видимому, точно грозит уголовка, и арестуют его, арестуют непременно, едва он поправится; и что спасти его под силу только Пете, но тот не станет вписываться, ибо Серёжа для него теперь — гадёныш и отморозок, предатель, и что Кириллу придётся снова Петра просить, унижаться, и что Петя в итоге всё-таки поможет, сгладит, смягчит, а Кирилл в благодарность за это будет вынужден по жизни ходить у него в рабах, батрачить на него; что, может быть, спасти Серёжу под силу ещё Жанне — через своих новейших могущественных благодетелей — «Гантель» и грозного Сан Саныча, и что Жанне наверняка что-то удастся — этим двоим всегда всё удаётся — и только Кирилл, получается, ни на что не годен, балда на побегушках у попа; и что жена, примчавшись в Кёниг со своих донбассов, окружит его такой лютой ненавистью, какая Кириллу и не снилась, ещё бы: жил с сыном в одном городе и не уберёг, а что ты тогда вообще можешь!.. Беда, беда... Унижение и позор! И что же теперь, как же теперь с Мариной? Как вновь обрётённую любовь вписать в прихотливый и уродливый семейный круговорот, ведь он вынужден будет буквально приковать себя к сыну, не отпускать, следовать за ним всюду как тень, ехать хоть в Москву, хоть в Магадан, дежурить посменно с Жанной, знать каждый шаг... Вытерпит ли Марина? Нужно ли ей это? Связывать свою жизнь с таким вот, навсегда поручившимся? И да, он во второй раз подвёл Петю — на сей раз, может быть, фатально. Это он притащил Серёжу на объект, это он, стало быть, в ответе за безобразное шоу. Пётр вынашивал своё детище два года, рисковал, ставил на кон личные деньги и миллионы «Газхолдинга», зарабатывал связи, убеждал, шёл ва-банк. А теперь... такой страшный удар, и не просто какое-нибудь происшествие... То, что стряслось, не спрячешь за вашими «задымлением», «возгоранием» или там «хлопком». Тут политика! Тут всё снято и запротоколировано! Всё, чем Петя жил, может быть, уже разрушено до основания! Сможет ли Кирилл сгладить, минимизировать, искупить? Смешно! Он за всю жизнь не заработает того, что друг потерял за день! Существует ли способ продолжать с этим жить? С Петей, чья мечта разбита вдребезги? С Серёжей, может быть, инвалидом, которого в конечном итоге поведут по этапу? С Серёжиной мамой, которая его ненавидит и будет всю жизнь смешивать с грязью? С Мариной, а может, и без неё, ведь вдруг она решит, что ей такого не надо? Что же, сможет он? Пожалуй, да... Он знает как. Продолжать ваять скульптуры. Создавать кирпичных парней — единственный оставшийся способ жить.

— Спасибо вам, пацаны... — сжав зубы, вдыхая запах гари и палёных волос, сыновьих волос, промычал Кирилл.

И когда он произнёс это, в голове вновь стало горячо, и будто бы пёрышко легко коснулось мозга где-то прямо над переносицей.

Матвей Макаров

Говорят — о тьме не говорят

По столовой ложке немоты,
По щепоти снега и листвы.
На одну судьбу так много Бога —
Ветра, дрожи, пепла, лебеды.

Птица пролетает над мостом,
Это не к добру — но это сон.
Ты еще в кровати, милый мальчик,
Горько плачешь, свернутый в калачик.

Свечи утихают, не горят,
Поутру накатывают волны.
Говорят — о тьме не говорят,
Светел Бог, и ангелы безмолвны.

Не мертвый, не живой,
Но светлый и небесный,
В телесной нищете ты заперт до утра.
Звезда летит летмя на переулок тесный,
И клик бессонных птиц доходит до нутра.

Весеннею порой,
Когда на мостовую
Выкатывает люд, накатывает град,
Ты шествуешь один сквозь мнимость вековую,
Вдоль полнолунных стен и каменных оград.

Последний в мире снег.
Непостоянство света.
И, медленно дыша у Бога в пятерне,
Ты ладишь пустоту отчаянно и слепо
До близоруких вод, оттаявших во мгле.

я вижу небо вижу облака
я слышу как весенняя река
колеблется и льды несет прости
как господи легка твоя рука
могу ли я еще произнести
хотя бы эти три наверняка
и выдуть легкий пепел из горсти

за то и это за любую блажь
еще немного правильный этаж
да здравствует провинция свобода
фабричный развидняется пейзаж
трагедии хотел какого рода
не эллин не античный персонаж
а представитель русского народа

чтобы открыла дверь накрыла стол
чтобы навзрыд лилось из альвеол
венец фата хрусталь летит на счастье
и гулко разбивается об пол
на ум приходят краткие причастья
блажен и верен верен и прощен
как был прощен разбойник в одночасье

судьба уже взялась за рукоять
темно и страшно мыслить и не ждать
синичьего трезвучия дверного
просиживать холодную кровать
вернись ко мне из плена ледяного
подобно эху бесконечно звать
и воскресать и быть распятым снова

розы в грозы похожи на слезы
задыхаясь целуешь поспешно
боже мой этот город прибрежный
ничего не случается поздно
к самолету едва ли успеем
экипаж подвезет за бесценок
милый друг обойдемся без сценок
помнишь как абрикосы поспели
и деревья клонились у моря
великанами пустоши здешней
оправлялся от черного горя
от тоски невозможной крошечной
вечной жизни хотел добивался
не в стихах а в любви потому-то
этот модный синдром самозванца
отошел от тебя на минуту
а тебя уже нет и не будет
лишь затерянный город прибрежный
ледяною волною разбудит
как случалось любимая прежде

Сашеньке

если жизнь это сон значит ночь это небо в листве
ибо смерть в свою очередь снег над моей головою
так останутся двое в земном беспричинном родстве
сотворенные кротким Спасителем втайне и внове

потолкуем с тобой о забвенном кручинном больном
о тебе обо мне о беззвездном озимом далеком
если жизнь это сон то и смерть нам привидится сном
ибо мы рождены под Его несмыкаемым оком

но пока же священная спи не тревожа ресниц
ни паденьем луча ни гуденьем заутренней рани
петербургские лужи мерцают от бегства синиц
отдаляется тень от иссохшей под солнцем герани

я никто без тебя я пришел в бытие из ничто
меня звали библейским никак надо мною смеялись
только ты поняла не паяцем петрушкой шутом
а поэтом наверное как там они назывались

полюбила пожалуй а прежде любил только Бог
когда я окровавленный утром дышал эти вирши
и смеялся от слез и безбожно расслышать не мог
как крылатые ангелы шепчут все тише и тише

город ал, средь прибрежных ул
слышен праздный имперский гул,
тебе страшно, совсем один,
ты сговорчив и победим

никого-никого вокруг,
мрак касается бледных губ,
ледяная дрожит Луна,
ты один, и она — одна

о, держава тебя хранит,
поцелуй ее рук гранит,
разложи до частиц, морфем
слог-предатель, слог-Полифем

пусть чудовища здешних мест
испугаются света звезд,
исходящего с твоих уст,
стихотворец, библейский куст

над тобою заря, заря,
было зря и пребудет зря,
словно птица летит летмя
из воды, из огня, огня

Солярис

Крис и Хари на мутном экране,
В ледяном, золотом океане
Ничего просто так не бывает —
Говорит забывенная Хари.
Говорит неизбывная Хари
И скользит в голубом океане.
Он ей вторит, почти не кивая,
И теряет, и вновь обретает.

Я люблю тебя — так не бывает,
Через пустошь космической тайны,
Как в сквозные излучины рая,
В твои руки вернусь, дорогая.
В твои руки ворвусь, дорогая,
О — бессовестно, праздно и поздно —
И бывшее на миг разомкнется,
Наши губы молчаньем изранив.

Так поется в безудержной песне,
Так толпою выходят на праздник,
Наши тени указаны в бездне,
Наши плечи отправлены к казни.
Океана дрожит полыханье,
Трепетанье, сомнение, закланье,
Разбивается небо, сгорая,
Ничего просто так не бывает...

Здесь каждый нищ и всяк поруган,
Здесь время рыхло, как песок,
И, словно скальпель у хирурга,
Луна устремлена в висок.

Здесь нет досуга — фуга, вьюга
(Все в голове твоей, чужак) —
Смотри в глаза мои, подруга,
Не по любви, а просто так.

Как дивны ночи, очи, впрочем,
О чем с тобою говорить,
Эвтерпа, чей корявый почерк
Я призван сердцем уловить.

Не жечь глаголом, скажешь тоже,
Но растворяться в сизой мгле,
Чтобы подвыпивший прохожий
Сквозь годы вспомнил обо мне.
Чтобы звезда сияла праздно,
Как и положено звезде,
И слог мой, ангелом развязан,
Звучал доподлинно везде

Без нарочитого кокетства,
Без позы, розы и слезы,
И не для грубого эстетства —
Для Бога, неба и грозы.

Для вас, любимых и печальных,
Прощающих и ждущих век —
Мерцанье рифм обручальных,
В иное торопливый бег.

Представьте ночь. Представьте иней,
Ресницы им увлажнены.
Что ж, без сопротивления примем
Все то, чем мы окружены, —

Беду и смерть, вуаль печали.
Стоим и курим на мостах,
И нет ни боли, ни отчаянья,
Как нет распятых на крестах.

Одна лишь оттепель земная
За белизною из снегов,
Что, миг еще, влетят, растаяв,
В пустую комнату богов.

Откроешь двери. Холод лезвий
Скользнет по ласковой руке —
Как различимый призрак бездны
Твоей, лежащей вдалеке...

рыцари осени, темные-темные клены,
алый доспех примеряют на лунные плечи,
сядь со мной рядом под их непомерные кроны,
ночь молчалива, и мы растеряли дар речи

вот тебе звездочка, вынь да положи на ладони,
ангел мой, самое дивное облако Рая,
в ночь убегая, к дождю, от судьбы, от погони,
ночь обретай по библейским канонам изгнания

под фонарями, деревьями, полной Луною,
шествуя тихо, рукой укрываясь от ветра,
стань этим ветром над бездною тьмы и покоя,
вот тебе дхарма моя, наставление, фетва,

небо и ливень осенний, последнее слово
перед судом твоим, спутаны тени и мысли,
ночь повторяется снова, и снова, и снова,
кружится небо, и падает ниц пятилистник

Борис Телков

Таинственный случай в библиотеке

Рассказы

Битва на реке Шванц

Нельзя сказать, что Ральф Ланге умирал с голода, но то, что он недоедал, — это точно. Что и говорить, если даже приبلудный кот отказался жить в его подвале и однажды ночью, сожрав кусочек ливерной колбасы, припасенный на утро благодетелем, бежал прочь. Конечно, Ланге можно было и пожалеть, посочувствовать тому, что в нищете проходят его юные годы, хотя если знать образ жизни этого человека, его вздорные мечты и устремления, то в вечно урчащем, пустом животе виноват прежде всего его хозяин.

Ральф Ланге был поэт. Во всяком случае, таковым он себя считал и очень гордился этим даром, преподнесенным ему свыше. Он даже внешне старался выглядеть так, чтобы никто не принял его за какого-нибудь зеленщика или торговца скотом. Длинные белокурые волосы волнами лежали на плечах, взгляд голубых глаз затуманен волшебными грезами, а широкая шляпа и дырявый плащ очень удачно дополняли образ влюбленного романтика. Конечно, человек грубый и далекий от искусства, глядя на бредущего по мостовой Ральфа Ланге, мог побиться об заклад, что перед ним не кто иной, как оборванец и попрошайка, а может быть, и того хуже — воришка. Он увидел бы, что чудные волосы молодого человека давно не мыты, и наверняка в них водится разная живность, а в плаще и шляпе больше дыр, чем в сыре.

Впрочем, Ральф Ланге привык к унижениям безжалостной толпы и внутри себя отвечал им взаимностью, так же презирая этих людей, не видящих ничего дальше своего кухонного стола.

Всякую другую работу, кроме кропания стихов при свече, он считал ниже своего достоинства. Когда живот начинал прилипать к спине и молодой человек уже не мог ни о чем думать, как о том, чем набить утробу, только тогда нанимался он на работу. Тяжело вздохнув, Ральф отправлялся на городской рынок, где помогал торговцам разгружать товар с телег на прилавок. За это юноше наливали в кувшин дешевого пива, давали ломоть хлеба, подгнивший кочан капусты, несколько луковиц, а если повезет, то и бычий хвост или же судачка.

Получив съестное, Ланге нырял в свой подвал, и несколько дней его никто не видел на рынке...

Тут, наверно, будет уместно сказать, что Ральф был не так прост, а тем более не глуп, как многим разумным читателям могло показаться. Существование, которое он влачил, ему не нравилось. Юноша с ним не смирился и жить на подачки торгашей не собирался. Для него это было слишком мелко и унижительно. На свою бедность поэт смотрел как на временную непри-

Борис Телков — член Союза писателей России. Автор более тридцати книг. Лауреат нескольких всероссийских литературных премий. В настоящее время редактор журнала «МАКАР». Живет в Нижнем Тагиле.

ятность, некое испытание, ибо очень надеялся, что пройдет совсем немного времени, и он станет богат и знаменит. И верить в это, кстати говоря, у него были некоторые основания...

Однажды, копаясь в книжных развалах городской публичной библиотеки, Ральф нашел несколько ветхих листов бумаги, исписанных нервным почерком. Неизвестному не терпелось рассказать о некоей битве, произошедшей несколько веков назад на реке Шванц. Что любопытно, на реке сошлись в смертельной схватке воины города, в котором сейчас проживал Ланге, и соседнего, названного по имени реки Шванцбург. Ныне эти города входят в одно государство, а в те далекие годы они были столицами разных королевств и люто враждовали меж собой.

Неизвестно, что так сильно впечатлило юношу — то ли внешний вид древней рукописи, покрытой бурными пятнами, или же оборванный рассказ неизвестного воина о битве, только с этого дня Ральф Ланге загорелся желанием описать это сражение в стихах. Ему казалось, что он вполне отчетливо слышит молебны смертельно раненных, отрывистые команды, хрип коней и лязг горячих мечей.

Юноша был настолько тщеславен и настолько высоко ценил свой поэтический дар, что возжелал получить за свой будущий труд всенародное признание и место доктора или магистра в местном университете. Можно сказать, он стал одержим этой идеей.

Осуществить задуманное затрудняло то, что на руках у него было лишь начало старинной рукописи, недоставало продолжения. Воспоминания воина обрывались на полуслове на самом начале битвы...

Отныне часть свободного времени Ланге стал проводить в библиотеке. Он очень надеялся найти недостающие страницы или другие источники, по которым он смог бы воссоздать панораму битвы. Копаясь в древних рукописях и книгах, сочинитель собирал все, что мог найти о сражении на реке Шванц.

На первых порах молодому человеку казалось, что при его таланте и трудолюбии он легко и быстро справится с этой работой. Но на деле получилось иначе... Если для написания любовной лирики, коей он занимался до этого, ему нужны были лишь дар стихосложения и пылкое сердце, то для создания эпического военного полотна требовалось много прозаических знаний. Ланге, ранее возводившему воздушные образы из ароматов полей и девичьего смеха, теперь пришлось изучать военную науку, понимать, что такое стратегия боя, разбираться в оружии и доспехах. Да что там амуниция! Без знания тонкостей полевой кухни, пород лошадей, их животных нравов тоже не стоит браться за труд о военном сражении...

Чтобы написать единую строчку, требовалось изучить десятки книг.

Не раз Ральф Ланге собирался бросить этот тяжелый труд в огонь, но, оглядев пустой стол с черствой коркой хлеба и стены своей коморки, по которым стекали, как сиротские слезы, капли холодной воды, вновь брался за перо.

Господин Хорн, хозяин дома, у которого молодой человек снимал подвальную комнату, сначала не знал, что можно взять с такого голодранца за оплату помещения. Ральфу повезло, что желающих поселиться в сырой и темной конуре, кроме него, не было, иначе подвал никогда бы ему не достался. Домовладелец, будучи человеком практичным — эх, да что там таить, просто сквалыгой! — смекнул: коли это помещение и вовсе не приносит прибыли, то пусть от него исходит хоть какая-то польза. И хозяин обязал поэта за проживание в подвале подметать мусор вокруг дома, носить воду из колодца и колоть дрова для кухни.

Поэт согласился на эту унижительную работу.

Когда Ланге с большим трудом преодолел первую главу поэмы, где описал зловещий кровавый восход солнца перед сражением, подвал после недельного проливного дождя затопило.

Случилось это ночью. Поэт проснулся от того, что его рука, свесившаяся с топчана, замерзла. Чтобы согреть ее, он хотел спрятать руку под мышкой, как вдруг почувствовал, что она мокрая, с нее капала вода. Плохо соображающий после сна Ральф сел на топчан, и... его ноги окунулись в воду. Зыбкого света, падавшего сквозь маленькое оконце в подвал, было достаточно, чтобы увидеть, как по каменным ступенькам в его жилище струится вода. Еще час-другой, и она заполнит подвал по самые окна. Не имея возможности противостоять стихии, Ральф кинулся спасать сначала свои рукописи, а потом самого себя. Преодолевая отвращение и холод, он долго прыгал по воде между топчаном и кривобоким столом, прежде чем выскочил на улицу. Поэт до утра простоял под густым каштаном, не решаясь постучаться в чью-либо дверь и попроситься переждать дождь...

Он весь посинел от холода и громко клацал зубами, когда проснулась хозяйская прислуга и открыла дверь на кухню.

Ральф стоял, обнявшись с горячей печью, когда хозяин, сладко позевывая, спуститься вниз.

— А что ты тут делаешь? — недовольно спросил господин Хорн.

Поэт приветствовал его низким поклоном и сиротским голосом поведал о своей беде, а потом еще более жалобно попросил:

— Господин Хорн, не будете ли вы так любезны и не поселите меня в другое помещение...

И молодой человек рассказал о том, что ему пришлось пережить ночью.

— Да-а-а... — Домовладелец широко зевнул и передернул от озноба плечами. — От этого дождя один урон. Жильцы в гостинице требуют, чтобы их камин топили чаще. Мерзнут, видите ли...

— А у меня, господин Хорн, теперь совсем нет жилья... — напомнил о себе поэт.

Хозяин недовольно посмотрел на своего постояльца.

— Хм, жилье я найду, а чем ты платить будешь? Что у тебя есть?

Юноша обреченно протянул ему мокрые листы бумаги, которые удалось выудить в подвале.

— Вот, только стихи...

Господин Хорн повертел в руках листы и тут же вернул их, а потом долго вытирал руки носовым платком.

— Да, дружище, не повезло тебе... Чернила расплылись, уже ничего не прочтешь. Выбрось!

— Что вы! Бумага высохнет, и я вновь напишу на них стихи еще лучше прежних. Я сейчас работаю над поэмой, которая сделает меня знаменитым, поверьте уж...

Домовладелец посмеялся над поэтом как над умалишенным, а потом смилостивился:

— Ну, хорошо, почитай, я послушаю...

Заикаясь и путаясь, Ральф начал читать первую и пока единственную главу поэмы. Вскоре голос поэта окреп, глаза засверкали, но на том месте, где он весьма удачно подметил, как грохочущие латы воинов стали алыми от восходящего солнца, хозяин движением руки оборвал чтение:

— Довольно! Потешил, конечно... Но, знаешь, парень, стихи не звенят, и их не запьешь вином. Так что нет у меня для тебя другого жилища... Хочешь — возвращайся в подвал, а нет — съезжай на все четыре стороны.

И господин Хорн достал из кармана сюртука серебряную табакерку, показывая тем самым, что пустой разговор окончен. Он строго придерживался им самим выдуманного правила: утром каждому человеку следует хорошо прочихаться, чтобы почувствовать прилив бодрости.

Ральф обреченно вздохнул, хотел вернуться в свой затопленный подвал и подумать над тем, как можно вычерпать воду, и тут в его голове мелькнула мысль, которая показалась ему если не спасительной, то хотя бы дающей надежду.

— Господин Хорн, извините, совсем забыл сказать... Вам, наверно, это неинтересно, но я все же скажу... Знаете, когда я рылся в архивных документах, обнаружил одного героя. Можно сказать, этот бесстрашный человек повернул ход сражения...

— И фто? — Хорн набил полный нос табаку и вот-вот готовился чихнуть.

«Ни фто!» — чуть не сказал молодой человек, но вовремя одумался.

— Конечно, может быть, об этом не стоило и говорить, но подвиги этого воина так впечатлили меня, что я решил посвятить ему целую главу в поэме. Я как раз начал писать о нем, как случился этот ужасный по...

И тут хозяин наконец-то чихнул, да так, что забрызгал слюной поэта с головы до ног.

— Молодой человек, не морочьте мне голову! Пойдите прочь! — рассердился господин Хорн.

Он очень не любил, когда во время блаженнейшего акта щекотания в носу кто-то лез к нему с дурацкими вопросами, а этот сопляк помешал ему насладиться первым чихом, самым трепетным и желанным.

— Все, все, ухажу! — не унимался обычно осторожный и боязливый Ральф. Как он понимал, терять ему было уже нечего. — Я хочу только рассказать, как этот человек совершил свой главный подвиг. Ночью перед сражением на реке Шванц он вышел из шатра, чтобы облегчиться после обильных возлияний. Он зашел в кусты, и одна из веточек попала ему прямо в нос. Воин чихнул, да так оглушительно, что неприятельские лазутчики, подбиравшиеся с мечами к спящему отряду, решили, что они обнаружены. Враги подумали, что в них выстрелили из мушкета, и обратились в бегство... Запечатальная история! Да, совсем забыл сказать — нашего героя звали Карл Хорн. Почти как Карл Великий. Это случайно не ваш родственник?

Следующий чих застрял в носу Хорна.

— Мой — не мой, не знаю... — раздраженно ответил хозяин, надеясь все же разразиться чихом.

— Жаль! А я почти уверен, что ваш... — Ральф отступил назад и оглядел тучную фигуру Хорна. Ему очень не хотелось возвращаться в подвал, наполненный до ступенек грязной ледяной водой, и поэтому его понесло: — Какой у вас мужественный вид, крепкая стать, могучая рука, властный взгляд! Я думаю, это неспроста... Такое не может появиться ниоткуда, это вам передалось по наследству. Держу пари, ваш отец был такой же крепкий мужчина, как и вы, а ваш дед и прадед...

— Да, мой отец был еще тол... я хотел сказать, крупнее меня... — Этот поэт совсем сбил господина Хорна с толку, и он поддался на его грубую лесть.

— Вот! — радостно вскричал Ральф Ланге, а потом вдруг добавил печально: — Очень жаль, что я не скоро вернусь к своей поэме и воспою в стихах вашего родственника. До свидания, господин Хорн! Пойду искать место под ночлег...

Молодой человек, понутив голову, пошел за своими жалкими пожитками. Не успел он дойти до своего подвала, как его окликнул слуга хозяина:

— Эй, ты, доходяга, господин предлагает тебе вернуться. Он сказал, что даст тебе комнату.

Ральф Ланге был счастлив. Если раньше из мутного оконца его подвала были видны лишь сапоги и башмаки прохожих да копыта лошадей, то теперь он мог любоваться краешком неба меж островерхими крышами домов.

Комната была бедной, но не сравнимой с той, в которой жил ранее. Здесь было сухо, тепло и даже водились тараканы.

Несколько дней хозяин не тревожил его, а потом вызвал к себе в контору и спросил:

— Ну, грамотей, и где стихи про моего... Карла?

Молодой человек не растерялся. Он хорошо знал господина Хорна и ясно понимал, что за удовольствие жить в тепле ему придется хорошо потрудиться. Просто так хозяин может разве что чихнуть, да и то с тем, чтобы получить удовольствие и ясность в голове.

Как ему это было ни противно и ни перечило его высоким представлениям о чести поэта и самой поэзии, но он на самом деле сел писать что-то вроде небольшой оды, посвященной вымышленному герою Карлу Хорну. Молодой человек чувствовал себя предателем благороднейших идеалов и, чтобы перо не падало из рук, нашел себе оправдание: редкий путник, чтобы достичь цели, идет прямой дорогой, чаще всего он вынужден обходить горы, болота и дремучие леса, где его поджидают разбойники. Вот и ему, чтобы не сгинуть от холода и голода и все-таки написать свой великий труд, пришлось ненадолго свернуть с пути честного поэтического труда на кривую дорожку мелкого жульничества.

Одним словом, Ральф Ланге был готов к вопросу хозяина.

— Я уже начал работу, господин Хорн, — сказал он ему важно. — Получаются впечатляющие эпизоды битвы. Я бы работал быстрее, но, понимаете, чтобы правдиво и ярко описать сражение, приходится много копаться в архиве — историческая правда прежде всего! — а на это не хватает времени, надо добывать пропитание. После вашего ухода я пойду не в книгохранилище, а на колодец за водой для кухни, а на ужин у меня нет и крошки хлеба...

Господин Хорн недовольно засопел. Он всегда чувствовал, когда ему предстоит расстаться с деньгами.

— Хорошо, я попрошу, чтобы тебе приносили с кухни остатки, — проворчал хозяин. — Только не затягивай с Карлом! Хочу к празднику пригласить на ужин кое-кого из уважаемых людей, может, даже сам бургомистр заглянет. Прочитаешь им про... моего героического предка. Пусть знают!

После того как Ральфу вечером принесли в комнату тарелку с пюре и квашеной капустой, небольшой кусок кровяной колбасы и кружку пива, юноша понял, что отныне у него наступает другая жизнь.

— Карл, твоё здоровье! — воскликнул молодой человек и чокнулся кружкой с глиняным кувшином, из которого торчало несколько засохших цветов.

Перед тем как явить Ральфа уважаемым гостям, господин Хорн, скрепя сердце и тяжело повздыхав, дал ему несколько грошей, чтобы он сходил в баню и посетил цирюльню. И что совсем разорительно, пришлось отдать ему сюртук сына, в который он уже не входил — мальчик тоже был достойным потомком Карла Хорна!

Стол, которым хозяин собирался встретить гостей, тоже стоил ему нескольких бессонных ночей и горсти звонких талеров. Если бы не надежда господина Хорна на то, что высокие чиновники, отведав тушеных свиных ножек, поданных с кислой капустой и гороховым пюре, а также свиной печенки с яблоком, гуся с капустой и клецками, выпив пуншу, будут более благосклонны к нему и отдадут на вечное пользование старую городскую мельницу. Восхваление в стихах отважного предка Хорна должно послужить неким соусом к этим блюдам и подтверждением его добропорядочности и надежности...

Ральфу никогда не приходилось выступать перед публикой, тем более такой достопочтимой. Он очень волновался, кроме всего прочего, его глодала

совесть. Сочинитель понимал, что написанная им ода о вымышленном Карле Хорне — бездарная подделка под настоящее искусство. Как он себя ни мучил, вдохновение ни разу не посетило его, ему казалось, что все сидящие за столом с первых же строк раскусят его обман и прогонят его прочь с позором. Возможно, даже побьют. Хотя нет! — Хорн не будет его бить, потому что это не возместит его убытков на еду, — хозяин прикует его кандалами к колодцу, и поэт до самой смерти будет черпать воду.

К удивлению и радости Ральфа, гости восприняли его поэму настолько благосклонно, что к ее окончанию сочинитель осмелел и начал размахивать руками. Его проводили аплодисментами, а господину Хорну принялись пожимать руки и поздравлять с находкой такого достойного предка.

Застолье еще не окончилось, а в коморку Ланге принесли еду с праздничного стола. Среди откровенных объедков попадались и вполне девственные кусочки — это говорило о том, что хозяин остался доволен поэтом.

Отпив несколько глотков пунша из початой бутылки, Ральф загрустил.

Как ни плоха была ода о вымышленном предке Хорна, все равно она потребовала от поэта достаточно много усилий. Хозяин дал ему так мало времени для ее написания, что поэт ни разу не подумал о своем будущем после завершения работы.

И вот сейчас эти мысли черным плащом накрыли поэта... Ясно было одно: теперь господину Хорну он уже не нужен. Неужели придется возвращаться в подвал? После того как сошла вода, стены, наверное, покрылись плесенью...

Поэт уже стал забываться тревожным сном, как в дверь постучали. На пороге маячил еле державшийся на ногах господин Хорн. Он держал под руку такого же пьяненького гостя.

— Эй, приятель, — сказал гость заплетающимся языком. — Ты, говорят, знаток битвы при... как ее... реке Шванц?

Ланге склонил голову, что могло означать: разумеется, а кто же еще?

— Слушай, а тебе не попадалась такая фамилия — как Кремер?

Молодой человек посмотрел на огромный золотой перстень на руке незнакомца и задумался.

— Кремер... Кремер... вроде что-то знакомое. Хотя не уверен. Я готов посмотреть, но на это уйдет время.

— А ты посмотри, дружок! Да повнимательней... А пока предлагаю переехать ко мне, комната и стол за мой счет... Тебе понравится.

Молодой поэт поселился в небольшом, но уютном номере с некоторой претензией на роскошь в лучшей гостинице города. Ее хозяином был не кто иной, как господин Кремер.

В отличие от грубого и жадного Хорна, новый хозяин из всех сил старался создать себе в городе репутацию человека очень умного, тонкого и любящего искусство. О любом произведении искусства, будь то картина, стихотворение или скульптура, Кремер понимал толк более, чем его создатели. Он искренне считал, что только из-за своей занятости он не берет в руки кисть, перо или резец.

Как и обещал Кремер, Ральфу понравилось новое жилье. Все было замечательно, молодая служанка приносила ему еду прямо из ресторации, которая находилась на первом этаже гостиницы. Мучительно было одно: почти каждый вечер хозяин поднимался к нему в номер, заказывал еду и выпивку и до полуночи терзал молодого поэта своими размышлениями о поэзии. Конечно же, они были чудовищны, но Ланге вынужден был их терпеть. Юноше хотелось выброситься в окно, а жирный хряк Хорн в такие минуты казался ему сущим ангелом. Он даже готов был вернуться в свой сырой подвал. Хотя нет! — в подвал ему не хотелось.

Перед уходом из номера Кремер с иезуитской назойливостью спрашивал, найден ли среди героев битвы на реке Шванц его родственник, и если да, то когда он покажет ему первые строки поэтического творения.

Кремер настолько замучил сочинителя своим философским меканьем, что Ланге вдруг почувствовал отвращение не только к поэзии, но и к еде. Он с ужасом поймал себя на мысли, что ему противна даже мысль сесть за лист бумаги. Ральф с удовольствием и даже наслаждением сказал бы, что среди героев битвы нет человека по имени Кремер, но он боялся, что хозяин гостиницы тогда кровно обидится на него и, чего доброго, потребует оплатить счет за проживание и кормежку. Более того, Ланге догадывался, что Кремеру вовсе не нужна правда, воевал ли его родственник на реке Шванц или нет, ему нужна красивая история о своих предках, за которую он готов платить гостиничным номером и едой.

Стоит ли говорить, что вскоре в архивных документах некто Кремер был найден, и — о, счастье! — он тоже оказался героем, как и Хорн.

Ральфу стоило огромных усилий — вот кто был истинным героем! — чтобы заставить себя воспеть в стихах ратные подвиги родственника хозяина гостиницы. Он поборол в себе отвращение к этому труду, просидел над рукописью несколько ночей и однажды утром преподнес оду такому привередливому судье и знатоку всего изящного, как господин Кремер.

Ода в целом ему понравилась, но Кремер не был бы Кремером, если бы не обнаружил в ней несколько неудачных оборотов и сравнений. Не понравилось ему также и окончание оды, где родственника разрывает в клочки взрывом пушечного ядра. Ральф был другого мнения об этих строках: он считал их самыми лучшими, потому что, сочиняя их, он живо представлял на месте несчастного своего мучителя и даже почувствовал что-то вроде давно забытого вдохновения. Кремер счел такую смерть неэстетичной и предложил, чтобы поверженного воина, одетого в рыцарские доспехи, несли на щитах.

Скрепя сердце молодой человек внес и эти правки в оду. Но появились другие... Кремер фонтанировал все новыми и новыми образами, один фантастичней и нелепей другого. Ральф понял, что эту оду он не напишет никогда, и лихорадочно стал соображать, как выйти из ситуации.

Наконец он нашел хитрый ход. Ланге начал так восхищаться замечаниями Кремера, говорить, что он гений, что в конце концов убедил его самостоятельно дописать оду так, как он видит и хочет.

— Господин Кремер, я склоняюсь перед вашим талантом и вкусом, а если честно, просто завидую вашему умению владеть словом и образом...

— Что ж, пожалуй... — устало и несколько надменно ответил благодетель. — Оставьте свое творение, я посмотрю, что с ним можно сделать...

После этих слов молодой человек покинул гостиницу, зарекаясь больше никогда не появляться даже по соседству. Но он недалеко убежал! Он еще не пересек площадь перед собором, как возле Ральфа остановилась богатая карета...

— Это вы, господин сочинитель? У меня есть для вас предложение...

Прошло пять лет. Стоит ли говорить, что Ральф Ланге так и не написал поэму, хотя своей конечной цели достиг — стал настолько обеспеченным и уважаемым человеком в городе, что при встрече с господином Хорном едва приподнимал краешек шляпы. Он даже хотел выкупить у него подвал, в котором начинал писать поэму о битве на реке Шванц, чтобы в будущем сделать в этом подземелье музей имени себя.

Теперь Ральф жил в просторной квартире с дорогой мебелью красного дерева, имел свой экипаж, одевался франтом и был приглашаем на все светские сборища. Золотые кудри его поредели, потускнели, зато появились солидные надменные бакенбарды и небольшой животик. Теперь уже никому в

голову не приходило окликать его на улице: «Эй ты, голодранец, не хочешь заработать на кружку пива?» Такую грубость даже представить себе было невозможно, потому как к сочинителю героических од в городе обращались не иначе, как господин Ланге.

По утрам он выпивал чашечку кофе и позволял себе не одну трубку ароматного табаку, что раньше было для него немислимой роскошью.

В публичной библиотеке он давно уже не появлялся. В том не было нужды. На первых порах он боялся, что заказчики попросят у него старинные рукописи, подтверждающие, что их родственник на самом деле участвовал в битве на реке Шванц, но этого ни разу не случилось. Вероятнее всего, они догадывались, что таких документов вообще не существует, но не будешь же отказываться от билета в вечность из-за такой мелочи? Им не нужна была правда, им хотелось гордиться героической славой своего рода, а точнее сказать — собой как потомком этого рода.

Впрочем, однажды Ральф, будучи уже при деньгах, любопытства ради все же попытался найти среди жителей города хоть одного настоящего потомка той достославной битвы. И он его нашел. Им оказался сапожник с соседней улицы, человек очень добрый и потому, наверное, бедный, у которого когда-то в годы нищеты поэт на последние гроши, а то и бесплатно чинил свои прохудившиеся башмаки.

Писать о предке сапожника Ланге не стал. Его тогда бы не поняли остальные клиенты, заплатившие ему кругленькую сумму, — теперь Ральф не работал за чечевичную похлебку и крышу над головой.

И все же мысль о том, что он предал высокое искусство ради наживы, иногда, особенно в подпитии, довольно болезненно теребила его совесть, но господин Ланге смог и с ней договориться. Он поклялся себе, что обязательно вернется к своей юношеской мечте и напишет правдивую и бессмертную поэму о битве на реке Шванц, как только окончательно поправит свои финансовые дела. Это означало, что у него должно быть столько денег, чтобы он был спокоен за свое будущее и мог позволить себе уже не работать над одами.

За те годы Ральф неплохо поработал — количество од стало едва ли не соразмерно числу самых обеспеченных людей города. Ланге разбудил в них такой пламень тщеславия, что им захотелось продолжить начатое: в магистрате всерьез обсуждался вопрос о возведении памятника, посвященного подвигу на реке Шванц. Был объявлен конкурс, и десяток художников трудились над его проектом. По предварительным просмотрам, лучшим мог стать памятник, где воины, взобравшись друг на друга, держат над головой знамя. Все герои в старинных доспехах, но по их лицам можно угадать, к какому роду они принадлежат, потому как рисовали их с нынешних потомков. Знамя держал предок нынешнего бургомистра, а помогали ему прародители двух его советников.

В то время как богачи города нашли себе новую затею — игру в памятник, Ральф Ланге слегка расстроился, так как желающих заплатить уже установившуюся цену за пропуск в бессмертие заметно поубавилось. Если так дела пойдут, через год он останется без заказов.

Можно было, конечно, взяться за людей менее достойных и обеспеченных, но писать за меньшую плату господину Ланге показалось оскорбительным, и он придумал другой способ обогатиться.

Ральф Ланге решил жениться. Не просто так, как безумец, по большой любви, а вполне осознанно, а поэтому на богатой женщине. В этом поступке ему даже виделся своеобразный подвиг — он жертвует своей молодостью ради искусства, ради создания своего поэтического полотна о битве на реке Шванц.

Вскоре такая женщина нашлась. Ею оказалась баронесса, вдова генерала, женщина еще достаточно молодая и кокетливая. На вечере у бургомистра она подошла к поэту с бокалом «швейцарской крови» — так называлось

красное вино, и не то упрекнула, не то пошутила, что в городе среди уважаемых людей почти не осталось никого, кто не имел среди предков героев битвы на реке Шванц.

— Наверно, мой бедный покойный муж-генерал скоро станет единственным человеком, чьи дальние родственники не были причастны к этой битве? Кстати, Ральф, а что там происходило? Я слышала, там была какая-то кровавая — фи, какой ужас! — заварушка?

— Ах, милая баронесса, вам лучше не знать об этом, — улыбнувшись, ответил с поклоном Ральф и краем глаза оценил фигуру и глубину декольте генеральши.

Да, ее муж понимал толк не только в баталиях! И это при том что вояка умер в таком преклонном возрасте, что, казалось, мог бы если не участвовать в той битве на реке Шванц, то хотя бы помнить ее.

Весь вечер Ральф Ланге не отходил от баронессы, с величайшей учтивостью и галантностью поднося ей то веер, а то тарелочку с бисквитом. Перед расставанием они договорились, что на днях Ральф заглянет к ней, чтобы обсудить вопрос о написании очередной оды, посвященной героическому роду предков и победам самого генерала. Вдова обещала достать из сундуков все его награды.

— Вы все увидите! — сказала баронесса, как показалось поэту, с какой-то многообещающей улыбкой. — Вам понравится, обещаю...

Прекрасная вдова обещала угостить его свежайшими форелями, а бишоф — напиток из красного вина с сахаром, лимоном и специями — она приготовит для дорогого гостя сама.

Молодой человек с волнением ожидал встречи с вдовой. Она сказала, что день он может выбрать сам, только пусть заранее пришлет ей записку. Ральф готов был сорваться к ней в первый же свободный вечер, но никак не мог придумать, что сделать такого, чтобы сразу же покорить сердце баронессы.

Дело в том, что писать о ее муже ему не хотелось. Даже за деньги. Ему неприятна была даже мысль об этом. Возможно, баронесса понравилась ему настолько, что он уже начал ревновать ее к престарелому вояке. Ральф Ланге морщился, как от боли, когда представлял, как генерал дрожащими морщинистыми руками гладит по нежнейшей коже свою молодую жену, трогает ее сокровенные места, наслаждается ими и хрюкает от удовольствия. Он готов был выкопать старикашку из могилы и отрубить ему его похотливые руки или что там от них осталось. А если этот сластолюбец был еще в силе и покушался на большее?! И тут Ральф, кусая кулаки и стenea, начинал бегать по комнате...

Наконец молодой человек понял, как ему покорить сердце этой женщины, — он сочинит в ее честь любовный мадригал. Это будет вершина поэтической лирики, перед которым не устоит ни одна женщина.

Когда-то Ральф Ланге был очень силен в этом жанре, можно сказать, он с него начал свой путь в поэзию. С помощью мадригалов когда-то он завоевал не одно девичье сердце.

Поэт тут же взялся за перо, готовый исписать божественными творениями все листы бумаги и выбрать лучшее из них, но... слова никак не хотели складываться в строчки. Да что строчки! Мысль, когда-то пылкая и дерзкая, теперь билась, как задыхающаяся рыба, он начисто забыл слова, способные очаровывать и волновать. Во рту появилась горечь от раздувшихся от пафоса слов. Ральф Ланге, мнивший когда-то себя величайшим, до времени непризнанным поэтом, теперь чувствовал себя человеком, который хочет что-то сказать, но рот его забит гнилой картошкой.

Измарав не один лист жалкими почеркушками — трупами слов, Ральф со слезами на глазах разорвал бумагу в клочья, тем самым признав свое поражение в этой поэтической битве.

Однажды вечером, когда Ланге упорно пытался вымучить из себя мадригал для баронессы, над дверью зазвонил колокольчик. Он никого не ждал, поэтому слегка встревожился, а потом сердце его бешено заколотилось от мысли, что это баронесса, не дождавшись его визита, сама нагрянула к нему в гости. Ральф спешно облачился в халат, а проходя мимо высокого зеркала, взерошил свои поредевшие волосы, изображая поэтическое вдохновение, в котором он якобы находился.

Увы, все приготовления оказались напрасными! На пороге стоял какой-то оборванец в замызганном сюртуке, с грязным платком на шее, вероятнее всего для того, чтобы скрыть отсутствие рубахи.

Ральф хотел тут же закрыть дверь — среди его знакомых не было голодранцев, но незнакомец дерзко выставил ногу в стоптанном башмаке и хриплым голосом спросил:

— Добрый вечер! Вы господин Ральф Ланге?

Поэт растерялся. Он не знал, что и подумать.

— Да, он самый. Что вам угодно, сударь? Говорите быстрее и уходите. Я занят.

Ральф не скрывал своего раздражения: во-первых, было бы перед кем упражняться в воспитанности и галантности, а во-вторых, он все же расстроился, что это была не баронесса.

— О-о, коли это вы, я просто так не уйду, — как показалось поэту, предерзко заявил гость. — Нам предстоит долгий разговор...

И он, отодвинув слегка в сторону Ральфа, протиснулся в коридор.

— Кто вы такой? — вскричал хозяин. — Приличные люди, прежде чем заговорить, представляются...

— Знаю! Знаю я ваши правила хорошего тона... Читал где-то, — криво ухмыльнулся неучтивец. — Мое имя вам ничего не скажет. Зовите меня, скажем... Мангус, что означает «великий»! Так, кажется, будет по-латыни?

«Сволочь... Он еще и грамотный!» — Ланге был удивлен учености незнакомца, потому что запущенный вид его говорил скорее об обратном.

Гость, с любопытством оглядывая квартиру, прошел в зал и плюхнулся в кресло без приглашения. Закинул ногу на ногу и нагло воззрился на хозяина.

Ральф был в полной растерянности. Он еле сдерживал себя, чтобы не послать кого-нибудь за полицейским. Между тем частое общение с сильными мира сего, от которых зависела его судьба и успех дела, обогатило когда-то беспомощного поэта бесценным умением ловко вести беседу и угадывать мысли собеседника.

Вот и сейчас он догадался, что незнакомец ведет себя столь хамовато потому, что у него явно есть какой-то тайный козырь в рукаве — нечто такое, что повергнет его в замешательство. Какая-то пакость, которая может омрачить его жизнь, и теперь эта скотина предлагает решить вопрос полюбовно и без посторонних.

«Ну, что ж, посмотрим, как у него это получится...» — Хозяин квартиры собрал всю свою волю в кулак и переменял раздраженный тон на более любезный.

— Любезный, э-э-э...

— Мангус! — с издевкой напомнил пришелец.

— Да, Мангус! Коли вы пришли о чем-то со мной побеседовать, то не выпить ли нам сначала по бокалу вина?

— Отличное предложение! Мне нравится, но я бы предпочел напиток покрепче и что-нибудь перекусить. Честно говоря, со вчерашнего дня не ел, — Мангус осклабился так широко, что Ральф заметил отсутствие левого клыка.

И это хамство поэт стерпел... Он принес себе бутылку дорогого вина, а гостю кусок холодной гусятины, хлеба и графинчик крепчайшей лечебной настойки, которой натирал ноги, когда простывал.

— О, отлично! Да вы, господин Ланге, не такой уж и сноб, каким кажется! — обрадовался Мангус при виде еды.

Он был так голоден, что не мог далее вести беседу, пока не удовлетворил первое чувство голода. В это время Ральф молча попивал вино и морщился всякий раз, когда гость чавкал слишком громко.

Наконец наевшийся и слегка охмелевший Мангус откинулся на спинку кресла.

— Ф-фу, теперь можно и поговорить...

— Я слушаю вас, — сказал хозяин дома, цепко следя за гостем. Пока еще он не мог понять, с какой стороны ожидать удар от этого мерзавца — Ральф даже не сомневался, что Мангус таковым является.

— А вас, господин Ланге, я знал еще таким же оборванцем, каким вы видите сейчас меня... — с гадким смешочком начал гость.

— И где же мы с вами встречались, любопытно узнать? — довольно холодно спросил Ральф.

— В библиотеке, в публичной библиотеке! Вы копались в книжных горах как крот.

— Ну, а вы что там делали? — Вопрос хозяина дома звучал примерно так: «Что мог делать такой хам и бродяга в святилище разума?»

— Ха-ха! — рассмеялся Мангус. — Да-да-да... Вам странно, что такой человек, как я, посещал библиотеку? Что ж, вы правы! У меня там был свой, отличный от вашего интерес. Вы читали книги, а я их... м-м-м, извините, приворовывал, чтобы продать за корку хлеба, а если повезет и кружку пива. В свое оправдание я могу сказать, что, прежде чем расстаться с книгой, я ее прочитывал и набрался некоторых знаний. Вряд ли вы осудите меня за воровство — я сам не раз видел, как вы приходили в библиотеку, пошатываясь от голода.

— Да, было такое... Но, насколько помню, в библиотеке я был не единственным убогим читателем, таких, как я, там было предостаточно. А вот сытых и обеспеченных людей, роющих в книжных развалах, я почти не встречал. Чем же я привлек ваше внимание?

Мангус опрокинул в себя рюмку настойки, занюхал хлебом и воскликнул:

— Вот, вы попали в самую точку! Оборванцы как ходили в библиотеку, так и трутся там до сих пор в своих обносках, а вас я однажды встретил на бульваре выходящим из ресторации и садящимся в дорогой экипаж. На вас был дорогой сюртук, а в руке трость с серебряным набалдашником. И я задал себе вопрос: «Что же такое узнал из книг этот человек, что так обогатился? Какие такие полезные знания он приобрел?» Однажды, когда вы, уже в новом обличье, ненадолго заглянули в библиотеку, я спросил торговца книгами: «А что читает этот господин?» И мне сказали, что раньше вас интересовала поэзия, а потом вдруг вы увлеклись книгами о войне, а особенно вас интересовала некая битва на реке Шванц. Торговцы мне сказали, что вы старались найти все, что хоть как-то касалось этого сражения. Верно я говорю?

— Пока — да, — ответил Ральф, потягивая вино из бокала и внимательно прислушиваясь к рассказу Мангуса. Он ждал, когда же наступит тот момент, когда будет понятно, из-за чего он явился в его дом.

— Отлично! Продолжу с вашего позволения дальше, — гость заметно хмелел, и речь его становилась все витиеватей — похоже, он на самом деле не только воровал книги, но и читал их. — Честно говоря, я сначала не понял, как можно обогатиться, изучая дурацкую схватку на еще более нелепой реке. Да сейчас она вообще почти пересохла! И тогда я подумал, что просто-напросто у вас отправилась к всевышнему какая-нибудь богатая тётка, и вы получили наследство.

— И чем вас не удовлетворило такое объяснение? — спросил бесстрастно хозяин дома, хотя почувствовал, что интрига близка к развязке, и каким-то образом она связана с битвой на реке Шванц.

— Почему? Вполне удовлетворило. Но! — до поры до времени, — пьяного Мангуса уже просто распирало от довольства собой. — Однажды я прочитал в газете, что на главной городской площади вскоре будет установлен памятник, посвященный грандиозной битве на этой самой реке Шванц. Еще я узнал о том, что вы написали огромное количество од, посвященных героям этой битвы, и вот что удивительно, все нынешние денежные мешки и высокие чиновники города оказались их потомками. Невероятное совпадение, не правда ли? Чем не чудо?!

Мангус откровенно ликовал. Ему казалось, что он загнал алчного поэта в угол своими подозрениями.

Но Ральф держал себя в руках. Он не стал защищаться и тем более оправдываться. Поэт понимал, что эти нападки еще не главное, из-за чего книжный вор решил его потревожить. Ланге решил поберечь свои силы, хотя не удержался, чтобы не щелкнуть наглеца по носу презрительным вопросом:

— Господин Мангус, вы, кажется, мне завидуете?

— Да, дьявол меня побери! — вскричал гость. — Я даже потерял сон, когда случайно узнал, сколько вам платили за оду!

Мангус залпом допил настойку и протянул хозяину дома пустой графинчик, не прося, а уже требуя добавки.

Ральф стерпел и это. Он принес ему еще настойки и приготовился к заключительному акту этой трагикомедии.

— Я молил бога, чтобы он помог мне отхватить такой же жирный кусок. Я спрашивал его: «Почему ты выбрал его, а не меня?» И бог услышал мои молитвы...

— Он наделил вас поэтическим даром? — Ральф не смог сдержаться, чтобы вновь не зацепить наглеца за живое.

Кажется, ему это удалось. Гость осторожно отставил в сторону полную рюмку и впервые в упор посмотрел в глаза Ланге. Тому стало не по себе, уж слишком недобр был взгляд проходимца.

— Напрасно смеетесь... — Мангус выдержал долгую паузу и, придвинувшись к поэту, спросил зловещим полусшепотом: — Как вы думаете, чем закончилась битва на реке Шванц? Хочется спросить вас как знатока этой темы...

Ральф ожидал чего угодно, но не подобного вопроса.

— Победой... — растерянно ответил поэт. — Героической победой воинов королевства, которому наш город имел честь принадлежать.

И тут Мангус расхохотался как умалишенный, громко и зловеще.

— А вот это вы видели?! — вскричал он и выхватил из кармана какие-то свернутые в трубочку бумаги. Ланге заметил только, что они очень старые, в желтых и бурых разводах.

— Я пока ничего не вижу, — как можно спокойнее сказал поэт, хотя самого уже начало потряхивать от волнения.

— О-о, эти бумаги дорогого стоят! — ликовал Мангус. — Особенно для вас... Вы заработали столько денег на своих лживых одах, что вас уже не интересовала судьба битвы на реке Шванц. А зачем? Вы ее придумали сами в том виде, какой был угоден потомкам его воинов! Ха-ха, отличная мысль, и все довольны... На вашем месте, дорогой сочинитель, я все же бы не поленился и наведывался бы хоть изредка в библиотеку, чтобы посмотреть, не появились ли новые сведения об этой битве. Зачем? — спросите вы. А затем, богатый и беспечный друг мой, чтобы уничтожить их!

Ральф все понял. Этот подонок, кажется, нашел какие-то документы, чьи-либо воспоминания, которые противоречат тому, что он писал в своих одах. М-да, какая неожиданная неприятность...

— Однажды, когда я в очередной раз пришел в библиотеку, чтобы чем-нибудь поживиться, я увидел старинную рукопись. Я люблю такие древние вещи, они хорошо продаются всяким умникам, — продолжал довольный собой Мангус. — Дома я пролистал свою находку — я же вам говорил, что

имею привычку ознакомиться со своей добычей, прежде чем найду для нее покупателя. Ба! — и что я обнаружил?! Полное описание битвы на реке Шванц! И должен заметить, никакой победы наших доблестных воинов не было! Они даже не погибли в кровавом сражении, а с позором бежали при первом же натиске врага. Как вам такой сюжетец, господин сочинитель?!

Кажется, гостю для полного счастья не хватало того, чтобы опростоволосившийся поэт упал перед ним на колени и стал умолять о пощаде, предлагать деньги за свою находку.

Но Ральф не доставил ему такого удовольствия.

— Покажите мне рукопись, — холодно и совершенно спокойно попросил он.

— Э-э, дорогой друг, только в моих руках... — заплетающимся языком сказал Мангус и погрозил ему пальцем: дескать, знаю я вас, жуликов!

Ланге взглянул на рукопись и все понял. Он узнал корявый бегущий почерк неизвестного воина, первые листы воспоминаний которого когда-то вдохновили его на написание героической битвы на реке Шванц. Мемуары были полны такого боевого задора, желания разгромить врага, что Ральф ничуть не засомневался в победе. И надо же — поражение... Да еще такое позорное. Как жаль, что ему достались лишь первые страницы рукописи, а не вся она целиком!

В богатом поэтическом воображении Ральфа Ланге промелькнули ужасающие картинки расправы над ним потомками пораженцев.

— И что вы хотите сделать со своей находкой? — после некоторых размышлений о своем печальном будущем спросил Ральф.

— Неужели не догадываетесь? — ехидно спросил Мангус.

— Догадываюсь.

— Ну?

— Сколько хотите за нее? — хозяин дома перешел на деловой тон.

— Очень хороший вопрос. Как мне приятно его слышать! — кривлялся пьяный гость.

— Сколько? — ледяным голосом повторил свой вопрос Ральф.

— Сколько... сколько... — Мангус оглядел глазами комнату. — Я предвидел этот вопрос и хотел взять с вас за свою находку и молчание деньгами... Знаете, такой увесистый мешочек золотых монет! Я думаю, они у вас есть... А после того как мы посидели с вами в этой чудесной комнате в мягком кресле, за прекрасным столом, за которым не кончаются выпивка и закуска, я подумал, что не отказался бы от такой квартирки. Ведь вы мне ее подарите, не правда ли? Дружище, вы знаете, как я устал мыкаться по холодным норам... У меня по вечерам болит каждая косточка, а у вас тепло. Деньги мне не нужны, я их пропью... Ну что, отдадите квартирку?

Терпение Ральфа иссякло. Глаза его сверкнули, в душевном порыве он дернулся в сторону пьяного Мангуса с единственным желанием придушить эту наглую скотину. Вымогатель неожиданно резво, как будто не пил вовсе, вскочил с кресла.

— Эй, господин хороший! Ведите себя прилично... Проиграли — платите! Я вам просто так рукопись не отдам, — и Мангус выхватил из рваной подкладки сюртука стилет. Кажется, он предполагал, что поэту будет тяжело расставаться со своим богатством.

Ральф Ланге устало опустил на свое место. Вспышка гнева забрала у него остатки сил.

— Ладно, живите... — Хозяин дома тяжело вздохнул и, не сдержавшись, бросил с укором: — Не стыдно таким образом зарабатывать деньги?

— А вам? Чем вы лучше меня?

Поэт махнул на гостя рукой и погрузился в размышления...

С квартирой, где он с любовью украсил каждый уголок, и с деньгами, собранными монета к монете, расставаться не хотелось. Не так-то просто они ему достались! Он пожертвовал ради них своим поэтическим даром и сове-

стью. А сколько было унижений?! Но с другой стороны, оставаться в городе ему нельзя — такой грандиозный обман ему не простят! Заставят вернуть все деньги, да еще, пожалуй, повесят на него строительство помпезного памятника. Нет, бежать, и как можно быстрее!..

— Хорошо... Черт с вами! — Ральф отставил бутылку с вином в сторону. — Еще раз покажите вашу находку, я должен убедиться, что вы не дурите меня...

— Ну, наконец-то созрели! — обрадовался Мангус. — Смотрите, но только в моих руках!

Худшие опасения подтвердились. Летописец с горечью писал, что боевой утренний задор и желание победить развеялись при первых же пушечных выстрелах, а как только конница врага кинулась на них, мало кто остался на поле боя, а те, кто не опозорил себя бегством, остались навсегда на берегу реки Шванц. О себе хроникер написал следующее: нет, конечно же, он не струсил — покинуть поле боя его заставила мысль о том, что он должен жить и оставить для потомков описание этой кровавой битвы.

Ральф ухмыльнулся, еле сдерживая желание выругаться: «Не струсил он... Бежал, небось, впереди всех! Уж лучше бы ты был героем и встретил смерть достойно... Еще один сочинитель нашелся на мою беду!..»

— Хорошо... — сказал он Мангусу. — Вы меня убедили. Ваша находка, наверно, что-то стоит... Сейчас вы убираетесь вон — честно говоря, я устал от вас! А через день на рассвете приходите сюда: я освобожу квартиру, а вы передадите мне рукопись. Смотрите не проспите! Я ждать не буду... И не вздумайте желать большего — можете потерять все! Да, и графин забирайте с собой... Я брезгую держать его рядом с собой...

Обрадованный Мангус, пытаясь сохранить чувство собственного достоинства, хотел раскланяться с хозяином, но споткнулся о ковер и едва не выронил из рук подаренный графин.

— Пошел прочь, скотина! — заорал Ральф. Ему уже нечего было терять.

Весь следующий день Ральф Ланге спешно избавлялся от своего имущества — этот алчный и подлый пьяница Мангус мог в любую минуту показать кому-нибудь свою находку, и тогда ему будет несдобровать. Сочинитель даже представлял, как под окнами его квартиры съедется, грохоча колесами по мостовой, множество богатых карет, и в его двери застучат золотые и серебряные набалдашники тростей. Эх, жаль, он не успел навестить прекрасную баронессу!..

Продавая по дешевке свое добро, Ральф даже и не думал, что за несколько лет накопил столько ненужных безделиц. А ведь когда-то все его имущество болталось на дне мешка.

У крючоктворов он подготовил дарственную Мангусу на свою квартиру. За спешность пришлось добавить несколько серебряных монет.

Ночь поэт провел, лежа на пледе в углу пустой комнаты. Вновь вспомнился сырой и темный подвал господина Хорна. Как ни странно, Ральф подумал о том, что по-своему он тоже был счастлив в то время — мечты о грядущей известности и богатстве согревали его изнутри.

Проснулся он на рассвете и подошел к окну. Последние года два Ральф привык вставать с постели к полудню, поэтому удивился сотням дымков над черепичными крышами, тянущихся кверху от зажженных в домах каминов и печей. Свежий ветер с полей никак не мог вытеснить из города запах гари.

К удивлению Ланге, Мангус не опоздал. Он ходил вдоль окон, зябко ежась в своем сюртуке и пиная дырявым башмаком сухие листья. Выходитель был трезв, но тем не менее Ральф подумал: «Не пройдет и пара месяцев, как ты, дружище, пропьешь мою квартиру и вновь будешь воровать книги в библиотеке...»

Мангус обрадовался поэту как родному. Он, кажется, боялся, что тот обманет его.

— Доброе утро, господин поэт! — вымогатель кинулся в объятия к своей жертве.

— Доброе утро, господин... вор, — Ральф остановил его, выставив вперед трость как шпагу.

Они молча обменялись бумагами — Мангус получил дарственную, Ланге — рукописи вояки. Сочинитель внимательно осмотрел их — он не доверял воришке.

— Да, предупреждаю, если нарушите наш договор и будете болтать лишнее, я вас засужу — без этой рукописи вам никто не поверит, — на всякий случай сказал Ральф и сел в карету.

Прежде чем покинуть город, он заехал на базар и купил корзинку фиалок и отвез их баронессе. Сама веселая вдова, конечно, еще спала после бала в доме бургомистра, цветы он отдал прислуге и просил передать их хозяйке, не называя своего имени...

Вот карета проехала мимо городской башни, простреленной в нескольких местах ядрами, через тяжелые ворота с маленьким часовым с огромным ружьем и шпажкой...

К обеду карета перевалила через мост над рекой Шванц. Ральф дал знак, чтобы извозчик остановился неподалеку в дубовой рощице, а сам, взяв саквояж, вернулся на мост...

Облокотившись на перила, поэт долго смотрел на безразличные к людской суете тихие воды и думал о том, что вот она, река, которая вознесла его до небес, а потом утопила. Ральф расстегнул саквояж, достал рукописи воина и свои хвалебные оды. Он хотел предать их забвению, бросив в поток реки. Откуда пришли, туда и пусть уходят. Пора начинать новую жизнь...

Но пальцы поэта никак не разжимались. Извозчик уже лег на траву и, кажется, задремал, а Ральф все стоял на мосту. И в тот момент, когда он уже готов был расстаться со своим прошлым, его вдруг осенила удивительная мысль.

— Боже, какой же я дурак! — вскричал он, запихав бумаги обратно в саквояж. — Если я восславил трусов и предателей, то почему бы мне сейчас не воспеть подвиг истинных героев?! Клянусь, среди их потомков тоже найдутся богатые люди, способные по достоинству оценить мой труд!

И карета поэта бойко покатила в Шванцбург.

Таинственный случай в библиотеке

В одном старинном городке жил ученый муж Клаус Штольберг со своей женой Луизой, в отличие от него женщиной полуграмотной, а к тому же сварливой и алчной. С утра до вечера она упрекала своего благоверного, что его кропотливый труд над древними рукописями приносит мало дохода. Дескать, пора уже задуматься над тем, чтобы сменить профессию: те часы, что Клаус проводит в библиотеке, он мог бы с большей пользой для кошелька употребить, сидя за столом городского судьи или на худой конец в лавке торговца колбасами.

Детей у них не было, возможно, потому, что Луиза считала, что этот нищий книгоечей не сможет прокормить ребенка, а Клаус опасался, что супруга переманит отпрысков на свою сторону, и тогда они его гуртом совсем одолеют.

Ссоры продолжались изо дня в день по самому вздорному поводу и при любой погоде.

Впрочем, Луиза предпочитала для скандалов дождь, мелкий, нудный и безысходный, как ее жизнь (так она считала).

В тот вечер сыпал как раз такой дождь...

Все началось с того, что эта парочка так разгрызлась меж собой за ужином, что муж в гневе швырнул в нее скомканной салфеткой, на что супруга, недолго думая, вырвала из его головы остатки волос и развеяла, как прах, по комнате.

Сказав все, что они думают друг о друге и даже больше, супруги дружно хлопнули дверями: Клаус — библиотеки, Луиза — спальни.

Жена ученого рыдала так громко и ужасно, что канарейка, обладавшая, безусловно, музыкальным слухом и радовавшая хозяев по утрам своим виртуозным пением, в отчаянии забилась в угол клетки и спрятала голову под крыло.

Луиза рассчитывала, что муж, услышав, как она нечеловечески страдает, одумается и придет извиняться. К тому времени женщина насквозь промочила слезами две подушки и уже была готова принять извинения, а возможно, даже простить его на день раньше, чем обычно.

Но Клаус не приходил...

Луиза удивилась, а потом страшно рассердилась, даже более, чем в начале ссоры:

— Каков негодяй! Какое черствое сердце! Обидел бедную женщину и еще извиняться не хочет... Уж я ему покажу!

Супруга ученого так себя накрутила, что, взяв руки горящий канделябр, в одной сорочке, мокрой от слез на груди, отправилась в библиотеку.

Обычно, когда ученый работал в библиотеке, из-под закрытой двери пробивался свет, но сейчас его не было.

«Он еще и заснул! — возмутилась Луиза про себя. — Какой черствый и безжалостный человек! Его жена места не находит от обиды, а он дрыхнет себе без задних ног. Сейчас я задам ему трепку!»

Жена дернула ручку двери с твердым намерением более тщательно прополоть клумбу волос на голове мужа.

Но... дверь была закрыта.

«Это что такое! Он еще и закрылся...» — пыхтела женщина, тарабани кулачком в дверь.

К двери никто не подошел. Более того, в библиотеке было тихо, никто за дверью не кряхтел и не издавал прочих звуков, которыми обычно заявляют о себе уже немолодые люди за работой.

Отбив руку и сорвав голос, Луиза ушла в свою спальню и плюхнулась на кровать. Нет, она уже не плакала. Слезы высохли, а ресницы опалились от жара мести, который светился в ее глазах.

Один план зловещей другого о том, как наказать мужа за строптивость, клубился в ее голове...

От выстрела из ружья в дверь и поджога комнаты Луиза, подумав, с большой неохотой отказалась. В доме было единственное ружье, которым никто не пользовался со времен покупки в далекие годы. Как и чем зарядить его, также никто не знал. Поджог двери библиотеки — мысль, конечно, очень хорошая, честно говоря, давно искушавшая жену ученого, но кто может пообещать, что сгорит только библиотека с его дурацкими книгами и рукописями, а не весь дом?

В отчаянии обглодав до мяса все ногти на руках, Луиза остановилась на плане, который казался ей слишком гуманным, но зато при его осуществлении не страдали ни дом, ни она сама. Она решила позвать слугу и велеть ему заколотить дверь досками, чтобы через пару дней Клаус, изможденный от голода и жажды, через щель стал умолять простить его.

Старый слуга Филипп, разбуженный среди ночи, долго не мог понять, зачем забивать досками дверь библиотеки. Наконец догадавшись, что задумала хозяйка, ушел за досками и не вернулся.

Это был ожидаемый заговор — Филипп был предан Клаусу, который обучил своего слугу грамоте, чтобы иметь возможность хоть с кем-то в доме поговорить о дорогих сердцу книгах.

Разозленная жена ученого вернулась в спальню. Выпив целый пузырек успокоительных капель, она решила лечь спать, чтобы набраться сил, которые ей пригодятся утром для сокрушительной битвы с мужем и чересчур дерзким и грамотным слугой...

Луиза проспала до обеда. Она и раньше не пробуждалась с первыми лучами солнца — валялась в кровати, пока бока не начинали болеть, но сегодня у нее на то была веская причина. Ночью ей снились кошмары: она стреляла в мужа, сбрасывала его в пропасть, пыталась топить в бочке, но Клаус только нагло улыбался, говорил гадости, и ничего ему не делалось.

Измотанная ночными безуспешными попытками наказать мужа, она тяжело поднялась с кровати и позвонила в колокольчик.

Пришла с пустым ночным горшком ее верная служанка Хулда, молчаливая, с суровым лицом незамужняя девица. Она была всем угодна для хозяйки — и рукодельница, и старательная, и достаточно непривлекательная, чтобы могла соблазнить мужа. Плохо одно — Луиза ни разу не слышала, чтобы Хулда сказала целое предложение: на любой вопрос она выдавливала из себя только одно слово. Конечно, если раскинуть мозгами, это тоже хорошо — не будет перемалывать на базаре с торговками семейные дела своих господ. Служанка бесила свою госпожу только тогда, когда ей хотелось узнать подробности какого-либо щекотливого дельца, а Хулда лишь цедила слова по каплям.

— Господин Клаус уже позавтракал? — первое, что спросила у служанки Луиза.

— Нет.

— Дождается меня?

— Нет.

— Хм-м... — жена ученого задумалась, устроить мужу взбучку до завтрака или после.

Решила, что на голодный желудок ругаться лучше — так она злее и подвижнее. К тому же после скандала, как после тяжелой работы, еда ей всегда казалась вкуснее и аппетит лучше.

— Господин Клаус все еще в библиотеке? — Луиза устроилась на горшок.

— Не знаю.

— Как не знаю? Он что, не выходил из библиотеки?

— Нет.

— А почему вы тогда не постучались и не позвали своего господина к завтраку?

— Стучали.

— И что? Он не открыл?

— Нет.

— А может быть, господина Клауса там нет?

— Не знаю.

Луизе хотелось надеть наполнившийся горшок Хулде на голову. Она поднялась и раздраженно сказала служанке:

— Забирай горшок и поди прочь! Завтрак подашь, когда я скажу...

— Слушаюсь.

Хулда ушла из спальни.

— Деревенская тупица! — негодовала жена ученого. — Все приходится делать самой...

Набросив на себя восточный, с лебедями, халат, она решительным шагом прошла к библиотеке.

— Клаус! — Луиза с надеждой дернула ручку двери, а потом с досадой ударила ее кулаком, как будто та была виновата в том, что закрыта. — Вы-

ходи немедленно! Считаю до трех, потом я скажу людям, чтобы они расколотили дверь топором... Ра-аз!.. Два-а!

Она подумала: надо было сказать, что будет считать до десяти, — слишком быстро закончился счет. Но ничего уже не поделаешь...

— Три!!! — закричала она так, чтобы Клаусу стало страшно.

Но муж не только не вышел, но и за дверью было по-прежнему тихо.

«О-о, он продолжает измываться надо мной! — честно говоря, ломать добротную дверь Луизе было жаль, поэтому она невольно задумалась о том, что происходит и что делать дальше. — Клаус стал какой-то бесстрашный... Странно. Это на него не похоже. Или... или его там нет? А может быть, Клаус убил себя с горя?!»

Остаться немолодой вдовой Луизе не хотелось. Случись это лет тридцать назад, она бы не так встревожилась: в ту пору ею живо интересовался торговец мехами и даже пару раз обернулся ей вслед старый граф, живший в роскошном доме неподалеку. А что теперь? Как сказала бы Хулда, ничего.

Луиза вызвала слугу. Она хотела дать ему трепку за вчерашний побег, но вид Филиппа был и без того испуганный, поэтому хозяйка сразу приступила к делу.

— Найди человека, который сможет открыть дверь. Я жду.

Филипп радостно закивал головой — на этот раз хозяйка, кажется, решила обойтись без вандализма.

Слуга нашел мастера раньше, чем Луиза успела облачиться в траурное платье. На всякий случай.

Конюх какой-то железякой отжал дверь, и она, жалостно скрипнув, слегка распахнулась.

Жене ученого вдруг стало страшно. Ей даже показалось, что на нее пахнуло сладковатым трупным запахом. Она побоялась туда заходить, поэтому сказала Хулде, которую взяла с собой на всякий случай:

— Зайди в библиотеку...

Служанка, вытирая руки о фартук, перешагнула порог комнаты.

— Что видишь?

— Книги.

— А еще что?

— Стол.

Луиза поняла, что, если она сейчас спросит, что та видит еще, Хулда скажет «стул» и так далее, пока не перечислит всю мебель в библиотеке.

— Пошла прочь, дура! Филипп, теперь ты зайди в комнату и скажи, что видишь.

Старый слуга с осторожностью проковылял в библиотеку, и через некоторое время хозяйка дома услышала его радостный голос:

— Госпожа Луиза! Тут никого нет...

Прошло уже три дня, как пропал господин Клаус.

Луиза провела настоящее расследование, тщательности и дотошности которого мог позавидовать главный городской полицейский.

Ей очень важно было знать, жив ее муж или нет, а если жив, то где находится. От этого зависела степень его вины перед ней и мера наказания.

Жена ученого внимательно осмотрела библиотеку. Раньше она ее мало интересовала, зато сейчас ей пришлось до чихания надыхаться книжной пылью. Не доверяя своим слугам, хозяйка пересмотрела все полки и ящики. Она надеялась найти нечто такое, что указывало бы на тайную жизнь мужа. Например, какая-нибудь записка, говорящая об умело скрываемых пороках Клауса, карточный счет или женский чулок. Далее воображение Луизы не уходило.

Она осмотрела также все окна в библиотеке, предполагая, что муж мог спуститься вниз на веревке или лестнице. На подоконнике и на рамах лежа-

ла вековая пыль — Луиза велела Хулде не убираться в библиотеке, чтобы мужу неприятно было там находиться. Девственность этой пыли невозможно было бы не нарушить, если выбираться из библиотеки через окно.

Осмотр двери тоже не раскрыл тайну, как из библиотеки мог пропасть господин Клаус.

Когда ее взломали, по ту сторону в замочной скважине торчал ключ, что могло означать только одно: после ссоры с женой ученый запер за собой дверь...

Хозяйка велела прислуге простукать и прощупать весь пол, стены и даже потолок в поисках лазейки, через которую муж мог сбежать от сурового, но справедливого возмездия.

Кое-что все же было найдено, но это никак даже не намекало на то, куда исчез господин ученый. Среди книг Луиза нашла пару бутылок рома, одна из которых была почата. На столе поверх бумаг лежала распахнутой ветхая книжица. Похоже, именно ее читал господин Клаус, прежде чем пропасть из библиотеки.

Луиза потеряла не только мужа, но и сон. С одной стороны, ей было бы гораздо легче, если б узнала, что муж выпал из окна и сломал себе шею. Тут все понятно. Не надо думать, где сейчас Клаус и чем он занимается. Вопрос, как его наказать, уже бы решился. Но с другой стороны, без мужа ее ожидало одиночество и безденежье. Положа руку на сердце, она была вынуждена признаться самой себе, что муж, несмотря на ее упреки в никчемности, все-таки приносил в дом кое-какие деньги за свои труды по истории и лекции в университете. Его уважал сам голова города и даже иногда приглашал чету Штольбергов к себе на ужин, где Луиза могла узнать все великосветские сплетни, а потом целый месяц их перемалывать с подружками.

И Луиза решила во что бы то ни стало найти мужа...

Она велела старику Филиппу постелить себе тряпок недалеко от двери в библиотеку и днем и ночью караулить этот вход в книгохранилище, прислушиваясь к каждому звуку, который раздается по ту или эту сторону. Обо всем подозрительном он должен был немедленно ей докладывать, несмотря на время суток. А Хулде она велела следить за Филиппом, которой, как ей казалось, всегда был на стороне мужа...

Минула неделя со дня исчезновения Клауса. Луиза, отчаявшаяся найти мужа, уже думала снять караул от двери, как вдруг под утро ее разбудил осторожный стук в спальню и надрывный шепот Филиппа:

— Госпожа Луиза! Госпожа Луиза, в библиотеке кто-то есть...

Хозяйку как подбросило. Она вскочила в кровати и кинулась к двери. Уже идя по коридору, Луиза заметила, что забыла набросить халат, а Филипп, когда говорил с ней, опускал глаза, чтобы не видеть колыхание тяжелых грудей под тонкой сорочкой.

По пути к ним присоединилась Хулда с канделябром в руке.

Жена ученого хотела послать служанку за одеждой, а потом подумала: «Ладно, кроме этого старого бздуна, меня никто не увидит, а Хулда, хоть и дура, еще может пригодиться — вдруг в библиотеку пробрались воры?»

Они еще не дошли до библиотеки, как Филипп осторожно ухватил хозяйку за рукав сорочки:

— Госпожа, надо подойти тихо, и тогда вы все услышите... И лучше задушить свечи.

Все трое подкрались к двери и замерли.

Прошло некоторое время, пока Филипп не прошептал:

— Вы слышите?..

Луиза напрягла слух, и до нее донеслось едва уловимое легкое позвякивание, как будто кто-то перебирал в руках не то стекляшки, не то деньги.

Алчной хозяйке звон понравился, хотя тут же возникал вопрос: «Откуда в библиотеке деньги?», а вернее: «Откуда у Клауса деньги? Неужели он скрывал от меня свое богатство, а сейчас в одиночку наслаждается видом золотых монет?! Нет, не может быть... Это, скорее всего, звенит битое стекло...».

И тут вновь удар: «А если это драгоценные камни, которые Клаус хочет подарить своей любовнице?!»

Терпеть далее это уже не было сил! Луиза дрожащими руками нащупала ключ, резко крутанула его и, распахнув дверь, ворвалась в библиотеку.

В комнате никого не было.

Взволнованная хозяйка велела зажечь все свечи и принялась вновь тщательней прежнего исследовать всю библиотеку. Все было проверено самым дотошным образом, сорочка Луизы была так перепачкана в пыли, что хозяйка походила на оборванку.

Она уже хотела дать указание слугам задуть свечи и закрыть библиотеку, как вдруг обратила внимание, что книга, лежавшая распахнутой во время предыдущего обыска, теперь захлопнута.

— Кто закрыл книгу? — грозно спросила Луиза слуг.

Они испуганно замотали головами, а Филипп даже побоялся.

— Странно... Стало быть, в библиотеке кто-то был, — сказала Луиза и взяла в руки книгу.

Жена ученого была неграмотна, поэтому в книгах ее интересовали лишь картинки. Не успела она распахнуть книгу, как из нее выпало нечто, звонко ударилось об паркет раз, другой, третий и мышонком укатилось в угол комнаты.

Филипп, держась одной рукой за спину, колченого кинулся за неизвестным предметом, и вскоре на ладони Луизы лежала старинная золотая монета. Какому времени и какой стране она принадлежит, не знали ни она, ни слуги...

Жена ученого потрясла книгу так, словно отряхивала от пыли ковер, но из ее бумажного нутра ничего больше не выпало.

— Да-а, муженек, хотелось бы мне с тобой поговорить. Что-то я о тебе не знаю... — со зловещей задумчивостью протянула Луиза и собралась бросить книгу обратно на стол, но передумала и сунула себе под мышку, но перед этим спросила Филиппа ее название.

— «Фортунат», моя госпожа, — покорно сказал Филипп.

— И что это значит? — поморщившись, спросила хозяйка — она не любила мудреных слов.

— Счастливчик, госпожа.

— Кто счастливчик?

— Не могу знать.

— От библиотеки не отходить ни на шаг! — приказала она и, потирая в пальцах неизвестную монету, отправилась в спальню — досыпать.

За завтраком Луиза задумалась о том, что, пожалуй, пришло время обратиться в полицию и заявить об исчезновении мужа. Это необходимо сделать, иначе чем она объяснит его отсутствие?

Вчера приходил посыльный-студент и от имени ректора приглашал господина Штольберга через неделю в университет прочитать несколько лекций. Луиза пообещала передать приглашение мужу. А если он до этого времени не объявится?

Так чего доброго ее саму заподозрят в убийстве ученого супруга, тем более что все соседи знали об их семейных скандалах. Но как преподнести ищейкам эту таинственную историю, она не знала. Ее сильно смущали захлопнутая неизвестным книга «Фортунат» и выпавшая из нее монетка. Все это говорило только об одном — в исчезновении Клауса не может быть про-

стого, понятного полицейским объяснения. Луиза боялась, что ее поднимут на смех, если она расскажет о своем расследовании и предчувствиях...

Пока женщина мучилась и не знала, что делать, произошло еще одно необъяснимое событие.

К ней в спальню ночью так же постучал Филипп и взволнованным голосом сообщил, что в библиотеке поселился какой-то дьявол.

На этот раз Луиза, в край истрадавшаяся от неизвестности, с зажженным канделябром в руке, как гладиатрикса с мечом, побежала в библиотеку. Она мчалась так резво, что слуги со сковородами в руках не поспевали за ней. Жене ученого было ничего не страшно, она не испугалась, даже если бы на самом деле встретилась с дьяволом, — единственным ее желанием было узнать, где этот негодяй Клаус.

Когда Луиза влетела в библиотеку, ей показалось, что кто-то шмыгнул в книжные ряды. Нет, она ничего не видела, но почувствовала в комнате кратковременное присутствие другого человека, и не просто человека, а женщины. Почему Луиза так решила, она не знала. Возможно, ей почудился не то шелест юбки, не то легкий шаловливый смех.

И вновь, как в первый раз, хозяйка дома тщательно осмотрела всю библиотеку. И не напрасно!..

На гвозде, торчащем из расшатавшейся нижней полки, Луиза обнаружила клочок грязной ткани. Раньше его не было. Преодолев отвращение, она взяла в руки этот обрывок и даже понюхала его. Ткань была дешевой и такой истрепанной, что, возможно, когда-то являлась частью юбки какой-нибудь простолюдинки, подметающей своими лохмотьями мостовую.

Луиза поняла, что ее предположение, что в библиотеке бывает женщина, похоже на правду. Неужели Клаус опустил до кухарок и торговок зеленью? Она прошла в тот угол, где, как ей показалось, утонул женский смех. Только она дошла до нужного ряда, как ей на голову упало что-то тяжелое. Жена ученого взвизгнула — все-таки она не была готова к встрече с дьяволом. К счастью, это была всего лишь книга. Но почему она упала? Если исключить, что в ее падении виновен враг рода человеческого, то книга полетела вниз по одной причине — она плохо держалась на полке. Кто-то очень спешил и поставил книгу на место, не пропихнув до конца. А кто это мог сделать? Только тот, кого они спугнули своим появлением...

Луиза уже не сомневалась, что Клаус приводил сюда женщину. Можно даже сказать, что она была в этом уверена, но как муженек это делал и где он сам, жена похотливого ученого не знала.

Она подняла книгу с пола, на всякий случай потрясла ее — а вдруг и тут выпадет монета? — и протянула Филиппу.

— Что это за книжица?

— «Варфоломеевская ярмарка», госпожа, — старый слуга одной рукой держал книгу, а другой потирал левую сторону груди — ночная погоня за неуловимым хозяином давалась ему тяжело.

— О чем она?

— Не знаю, госпожа, — развел руками Филипп. — Я ее не читал.

— Странно... — проворчала Луиза, не зная, на ком сорвать свою досаду. — Я думала, ты, как и твой хозяин-бездельник, только и занимаетесь тем, что читаете свои дурацкие книжки.

И чтобы еще более унижить слугу, выдумала ему наказание:

— Чтобы за три дня прочитал и «Счастливчика», и «Ярмарку» и рассказал мне, о чем они. Не выполнишь, прогоню прочь! Отправишься на поиски своего благодетеля...

Как ни хотелось этого делать, но полицию все же пришлось вызывать, потому как Клаус не думал объявляться. В дом пришел молодой офицер в

таком же новеньком мундире, в скрипучих сапогах и попросил провести его на место преступления.

— Какого преступления? — не поняла, но испугалась Луиза.

— На место исчезновения, а вероятнее всего, убийства вашего мужа, — надменно ответил страж порядка.

У жены ученого, а при таком раскладе вдовы, затряслись руки и ноги.

— Клаус пропал в библиотеке, но я не говорила, что его там убили. Он просто зашел в комнату, и... и больше его никто не видел, — Луиза чувствовала, что говорит нечто такое, что может навредить ей, и от этого еще больше паниковала.

— И после этого вы, госпожа Штольберг, будете утверждать, что вашего мужа не убили? Зашел и — пропал! Так не бывает... — Офицер был настолько убежден в смерти Клауса, что посмотрел на его жену с откровенной усмешкой. Дескать, не морочьте мне голову своими бреднями — от правосудия вам не уйти!

У Луизы так тряслись руки, что она долго не могла открыть дверь библиотеки. Ключ никак не мог попасть в скважину, а в это время полицейский стоял за ее спиной, мерзко кривил губы и нервно постукивал носком сапога по полу.

«Наверно, он думает, что я не хочу пускать его в библиотеку...» — бедная женщина уже видела себя в кандалах.

В библиотеку полицейский ворвался с прытью охотничьего пса, почуявшего дичь. Слегка пригнувшись к полу и хищно раздувая ноздри, он оббежал все углы и кинулся осматривать полки.

С полчаса Луиза стояла с обреченным видом у входа в библиотеку и наблюдала за метаниями офицера по комнате. Он простукивал шпагой пол и стены, дергал оконные рамы, осматривал потолок. Поиск его разочаровал, он не принес ожидаемых результатов, как, например, плохо затертая лужа крови на полу или обрывок веревки на потолке.

Молодой человек вперил в Луизу суровый взгляд. Кажется, он понял, что улик ему не найти, поэтому придется терзать жену убиенного мужа. Ну, не мог же он пропасть на самом деле?! Хотя... Офицер пристально осмотрел хозяйку дома: всклокоченные редкие волосы, выпученные водянистые глаза, засаленный халат. Нет! — побег из дома к какой-нибудь красотке тоже нельзя исключать.

— Госпожа Штольберг, расскажите, как это произошло...

— Как произошло... — от волнения Луиза плохо понимала, что от нее хочет молодой человек. — Как обычно... ничего особенного... Мы в тот день с Клаусом поругались, и он пошел работать в библиотеку.

— Так, так! Поссорились?! — молодой человек встрепенулся, можно сказать, принял охотничью стойку. — Почему же? Делили имущество? Он вам изменял? Имя любовницы? Вы его ударили? Ножом? Канделябром? Говорите же!

Офицер завалил бедную женщину вопросами, каждый из которых, как казалось Луизе, мог погубить её, она не знала, как ответить правильно, чтобы отвести от себя беду, и от отчаяния и бессилия разрыдалась. А она это умела!..

Полицейский смотрел на плачущую Луизу с сочувствием и некоторой долей брезгливости. Он был уверен, что еще немного, и хозяйка дома сознается в преступлении, но этого не случилось. Жена пропавшего мужа впала сначала в истерику, стала визжать и топтать ногами, а потом потеряла сознание и грохнулась на пол.

После того как слуги привели хозяйку в чувство и отнесли в кровать, полицейский решил их допросить.

Начал со служанки.

— Тебя как зовут?

— Хулда.

- Давно служишь у супругов Штольбергов?
- Давно.
- Сколько лет?
- Не помню.
- Как ты думаешь, твоя хозяйка могла лишиться жизни мужа?
- Не думаю.
- Сомневаешься, что она способна на убийство?
- Нет.
- То есть госпожа Луиза все-таки могла убить?
- Нет.
- Что значит твое «нет»? Не могла убить?
- Не думаю.

И так далее в том же духе...

Допрос неразговорчивой служанки так утомил молодого человека, что на Филиппа у него уже не осталось сил, и офицер, слегка пошатываясь, пошел в свой участок, сказав, что ещё вернется. Завтра или, вероятнее всего, послезавтра.

Утром, когда Луиза проснулась, она увидела сидящего рядом с кроватью Филиппа.

Обычно слуга мужа раздражал ее, но тут она почувствовала к нему некоторую благодарность, ведь, несмотря на все оскорбления и унижения в его адрес, Филипп добросовестно исполнял роль сиделки при ней.

— А-а, Филипп... — простила Луиза. — Давно сидишь?

— С вечера, моя госпожа.

У него были красные, лихорадочно блестящие глаза.

— Неважно выглядишь, старик. Иди спать и позови Хулду... Мне надо умыться.

Филипп поднялся, как будто собирался уйти, но, нерешительно потоптавшись на месте, вновь сел на стул.

— Мне надо с вами поговорить, госпожа Луиза.

— Что еще случилось? Говори...

Оглядевшись по сторонам, Филипп сказал таинственным шепотом:

— Знаете, если бы книги были людьми, я бы подумал, что господин Клаус у них в гостях.

Это был полный бред, и, скажи старый слуга это в другое время, Луиза с руганью прогнала бы его прочь, но теперь ей было жаль Филиппа — ведь он провел на стуле подле нее бессонную ночь, и не удивительно, что уже не понимает, какую ерунду несет.

— Иди, Филипп, отдохни лучше...

Но обычно покладистый старик на этот раз проявил упрямство.

— Помните, госпожа, что вы мне изволили приказать?

— Ах, я много чего говорила тебе...

— Вы мне велели прочесть книги, которые нашли на столе у вашего мужа.

— И что из этого?

— Я их прочел.

— Филипп, ты меня утомляешь! Молодец, коли прочел. Теперь иди отдыхать...

Лицо старика стало еще более загадочным.

— Я прочел книги и хочу сказать, что не кто иной, как они, забрали у нас господина Клауса.

Луиза слегка отодвинулась от слуги, настолько странные и даже пугающие вещи он говорил.

— Слушай, Филипп, я уже начинаю сердиться! Ты хоть понял, что сказал?

— Первая книга называлась «Фортунат», то есть везунчик, счастливчик, — старик никак не мог утомиться. — В ней рассказывается о бедном юноше, которому дева счастья дала кошель...

— Дала, и что?

— Это был непростой кошель, а волшебный — в нем никогда не переводились деньги.

— Могу сказать, что повезло парню...

— Перед тем как войти в библиотеку и обнаружить эту книгу, мы слышали какой-то звон. Я думаю, это был звон денег. Кроме этого в книге мы нашли старинную монетку. Сдается мне, книги как-то связаны с исчезновением господина Клауса.

Луиза не любила ломать голову над какими-то сложностями. Она с удовольствием прогнала бы прочь занудного Филиппа, если бы не почувствовала, что в словах старика есть разумное зерно. Кроме того, ей позарез нужно было найти мужа, иначе полицейский если не сведет ее в могилу, то посадит в тюрьму.

— Хорошо, — сказала она. — Какая-то связь в этом есть, ну а что ты скажешь про вторую книгу?

— То же самое. Мы слышали веселый женский смех и нашли клочок грязной ткани на полке. В библиотеке была цыганка или их было несколько. В пьесе Бена Джонсона «Варфоломеевская ярмарка» немало мест о том, как цыгане развлекают толпу.

— Значит, это был клочок цыганской юбки... — задумчиво сказала Луиза, и глаза ее зловеще замерцали. — Книжную бабу себе завел...

Госпожа Штольберг резво спрыгнула с кровати и пробежала к туалетному столику. В одной из шкатулок она хранила находки из библиотеки. Сейчас ей хотелось внимательней рассмотреть и монету, и клочок юбки.

Увы, шкатулка была пуста.

Луиза хотела вызвать Хулду и устроить ей разнос за исчезнувшие предметы из шкатулки, но Филипп остановил ее:

— Госпожа, если можно, потом мы все вместе поищем монету и клочок ткани, но сейчас есть дела поважнее. Ночью я заходил в библиотеку и увидел, что на столе появилась новая книга...

— Еще одна?

— Да. И на этот раз она, по моему разумению, гораздо опаснее прежних. Я сильно переживаю за господина Клауса...

— Что за книга? Как она может быть опасна?! Ведь это же бумага — в камин бросил, и всё! — Луиза, когда что-то не понимала, сердилась.

— Книга называется «История Германии», госпожа.

— И что? История — и что в ней такого? Ничего не понимаю...

— Ох, госпожа, в истории много чего происходит! Пойдемте, госпожа Луиза, скорее в библиотеку! На сердце у меня что-то беспокойно...

Набросив халат, жена ученого пошла вслед за стариком. Честно говоря, она не знала, зачем вообще поддалась на его уговоры.

От увиденного в библиотеке Луиза окаменела...

За столом, уткнувшись в сложенные руки, дремал какой-то человек. Лица его женщина не видела. Когда Луиза пригляделась, она вскрикнула, и не от того, что человек был в кольчуге, а больше потому, что стальные звенья ее на плечах были рассечены, а проглядывавшая из-под нее толстая стеганая одежда пропиталась кровью. В комнате стоял густой аромат степных трав и кисловатый запах овечьей шерсти и пота.

Грубо, словно саблей, бритая голова незнакомца была вся исцарапана и так прокалена солнцем, что стала бронзовой, как прожаренный на копье бычий бок. От нее даже на расстоянии нескольких шагов чувствовался исходящий жар.

— Филипп, что происходит? Кто это? — пролепетала Луиза. — Может, послать Хулду за полицией?

— Погодите, госпожа, сдается мне, что это наш господин...

— Клаус?! Ты с ума сошел...

Они — впереди Филипп, следом держащаяся за его локоть испуганная Луиза — осторожно подошли к человеку за столом.

Хозяйка дома широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела на кровавое пятно на спине незнакомца. Она не могла отвести от него взгляд. Луизе казалось, что она вот-вот упадет в обморок, но вдруг заметила, что кровь почему-то блекнет и вот-вот исчезнет, а кольчуга становится удивительно похожей на старый, вытянувшийся почти до колен свитер Клауса, в котором он любил работать в библиотеке.

Человек за столом повернул в ее сторону голову... Взгляд его был так тяжел и туманен, что жена ученого только шлепала губами и никак не могла произнести ни слова: вроде бы это был Клаус, но у ее мужа никогда не было такого сурового, безжалостного взгляда.

Прошло совсем немного времени, и ледяной холод во взгляде человека, как и кровь на спине, улетучились, и перед Луизой ссутулившись сидел похудевший, жалкий ее муж Клаус с привычным испуганно-настороженным взглядом. У него был вид виноватого пса, сделавшего в доме лужу.

Жена ученого выдохнула комком в горле...

— Ах ты, сукин сын! — и она поискала глазами что-нибудь тяжелое, чтобы треснуть мужа по плешивой голове.

Луиза потянулась рукой к мраморному бюсту какого-то ученого бородача, а Клаус тем временем кинул на книжные полки взгляд, полный мольбы и надежды...

День акуарри

Две недели непрерывно хлестал дождь, и вода в реке, берущей свое начало где-то в горах, поднялась на два человеческих роста. Ее бурные, пенистые потоки, разбив ветхую плотину и завалив набок каменный мост, как пьяный мужик табурет, хлынули в старинный город, сметая все на своем пути. Словно ласточкины гнезда, были разметаны в щепки лачуги бедняков, таверны, постоянные дворы и все пристройки для скота. Телеги и кареты плыли по узким улочкам, будто лодки по каналам, со страшным треском сталкиваясь друг с другом и со стенами каменных домов...

До этого прискорбного случая на городской площади целый месяц торговала и гуляла с размахом ярмарка, открыть которую предложила сама королева, чтобы пополнить худеющую, как старый осёл, казну. В город съехались торговцы, бродячие актеры и циркачи со всего королевства. Было шумно и весело.

Конечно, если бы страной правил король, он, наверное, не мудрил бы, а поступил старым, проверенным способом — чтоб пополнить кошелек, объявил бы войну соседям, но королева, будучи прежде всего женщиной, к тому же умной и осторожной, могла позволить себе лишь ярмарку.

Увы, кроме звонкой прибыли торжище оставило после себя сотни возов конского и ослиного навоза и испорченную просочившейся сквозь землю мочой воду в городских колодцах. К неприятностям стоит добавить рои жирных, с медно-зеленым отливом мух и такое зловоние, что даже привыкшие к естественным ароматам жители города зажимали носы и старались лишний раз не проходить мимо торговой площади.

Городской совет пришел в замешательство. Солидные мужи в золоченых камзолах словно не ожидали такого казуса. Они до хрипоты спорили меж собой, на кого возложить неприятную и даже в чем-то унижительную обязанность очистить город от «ночного золота». Они хотели привлечь к очистке крестьян из соседних деревень, но никак не могли решить, платить им за работу деньги или провести это как ярмарочную трудовую повинность.

И до того, как умные головы приняли какое-то решение, дождевой потоп за один вечер совершенно бесплатно очистил площадь от навоза и торговых рядов...

Все, что могло плыть, поплыло и понесло этот смрадный ужас в сторону королевского дворца, который стоял ниже рынка...

Королева и ее прислуга никак не ожидали, что во время ужина окна и двери в зале с треском распахнутся, и на дубовый воощенный паркет с мерзким чавканьем опрокинутся потоки зловонной жижи. Порывы злого мокрого ветра через разбитые окна ворвались в комнату и задули все свечи. Прислуга и музыканты не ожидали такого навозного вторжения и, в ужасе сбивая друг друга, кинулись к дверям...

Ее величество осталась совершенно одна в огромном сумеречном зале. Происшедшее так напугало ее, что она даже не могла подняться со своего украшенного золотом стула. Ее величество продолжала сидеть, держа в руке серебряную вилку с нанизанным на нее кусочком куропатки. Лишь только когда она почувствовала, что ноги ее по самые щиколотки погрузились в нечто холодное, бедняжка завизжала от страха и омерзения...

Она вскочила сначала на стул, а потом вскарабкалась на стол, продолжая звать о помощи, но никто не прибежал на ее крики. Ее величество в истерике топала ногами по скатерти, по тарелкам, пытаясь стряхнуть с туфелек и края пышного платья налипший навоз. Королева была уже готова упасть без чувств, но одна мысль удерживала ее на ногах: свалившись со стола, ей придется лежать совсем не на мягком ковре и даже не на душистой траве.

Жидкий навоз — а это легко можно было определить по запаху — быстро наполнял обеденный зал... Несчастная по-прежнему то зывала к богу, то кричала слуг. Небо стало зловеще черным, и только полыхающие молнии на краткое время освещали остроконечные крыши домов и далекие горы. По усилившемуся грохоту за разбитыми окнами королева поняла, что поднялся ураган, и дождь припустил еще сильнее. Женщине со страха уже казалось, что она видит сквозь темноту, как комната заполняется все выше и выше...

Последний раскат грома был так силен, что королева зажмурила глаза, обхватила голову руками и приготовилась к ужасной, оскорбительной смерти в навозном озере. И тут она вдруг услышала нечто похожее не то на ослиный рев, не то на отборную площадную брань. Да! — скорее последнее, потому что ее величество явственно различила некоторые слова, которые в другое время и в ином положении очень сильно оскорбили бы ее слух. Так ругался муж после неудачной охоты, и королева в таком случае всегда демонстративно выходила из комнаты. Но сейчас эта брань показалась благозвучней слов любовного изысканнейшего мадригала.

— Эй, кто там? Я здесь... Помогите мне! Я — королева...

От пережитых волнений голос ее был так слаб, что она сама с трудом слышала его.

Ей никто не ответил, королевой вновь овладела отчаяние. Ничего не оставалось, как молиться богу. Она хотела уже закрыть глаза, но в это время молния осветила комнату, и бедняжка увидела, как волной в зал забросило какого-то человека. Он был так крупен, что ее величество сначала подумала, будто в комнату через подоконник занесло утопшую лошадь, но после того, как существо разразилось страшными ругательствами, женщина возликовала.

Она поняла, что если ей суждено быть спасенной, то этот герой перед ней.

— Помогите!.. Эй, сударь... как вас там... — прохрипела королева, едва держась на ногах. — Спасите меня! Скорее же... Что вы там возитесь!

Незнакомец был так высок, что навозная хлябь, готовая залить длинный стол с дорогой посудой и стоящей на нем королевой, была мужику чуть выше колена.

Мужик не слышал мольбы о помощи, он продолжал метаться по залу, сотрясая темноту руганью:

— А-а, дьявол меня забери! Где я?! Куда меня занесло?! О-о, проклятье, ничего не видать! Еще скажут, что я вломился в чужой дом... Где тут чертовы двери?..

Здоровяк, ставший гостем дворца по воле стихии, хотел выбраться на свободу из окна, через которое продолжали течь с улицы потоки неизвестно чего. Он уже закинул ногу на подоконник, но в это время полыхнула молния, и мужик отпрянул прочь. Возможно, он увидел освещенную молнией разбушевавшуюся стихию на улицах и волны, колыхающиеся меж стен каменных домов. Деревянные здания были уже давно унесены в низину. Для незнакомца оставалась единственная возможность спастись — не просто не покидать дворец, но и подняться этажом выше.

В темноте он принялся искать лестницу наверх и только тогда заметил стоящую на столе женскую фигуру. Дамочка что-то попискивала, но что именно, разобрать было невозможно из-за бури за разбитыми окнами. А между тем спасительный стол вот-вот должны были поглотить навозные волны, и бездействие незнакомки удивило и даже возмутило мужика:

— Эй, кого вы там ждете?! Прыгайте, любезная, на пол и будем искать лестницу наверх... Похоже, еще немного, и мы будем кусками мяса в дьявольском вонючем супе... Прыгайте, ну же!

— Я... я не могу... Там... ужасно! — королева замерла на краю стола, не решаясь шагнуть в навозную бездну.

— Ну, тогда вы, слишком чувствительная дамочка, утонете в этом дерьме! — вскричал рассерженный мужик. — Не самая приятная смерть, я вам скажу...

— Спасите меня, я вас награжу! Дам вам все, что вы хотите!.. — взмолилась королева. — Или позовите моих слуг...

— Пока я найду ваших слуг, вы утонете... — Мужик вздохнул и с сожалением посмотрел на окно — он все еще надеялся покинуть чуждый ему дворец. — Ладно, идите ко мне на руки и скажите, где лестница на второй этаж.

Зловонные воды стали уже накрывать поверхность стола, и ее величество спешно кинулась в объятья мужика и... тут же чуть не выпрыгнула из них: незнакомца изрядно потаскало в водной стихии прежде, чем занесло во дворец, и его одежда, да и сам он были обильно измазаны жидким навозом.

— Сударыня, вы так не дергайтесь! — опять рассердился мужик. — Я ведь могу вас и не удержать. Где эта чертова лестница?!

— Там ... — пропищала королева, одной рукой указав в темный угол зала, а пальчиками другой — зажав нос. Впрочем, она не была уверена в чистоте своей руки, так как все равно чувствовала омерзительный запах...

Они взбежали по лестнице наверх, и, только оказавшись на втором этаже, мужик опустил королеву на пол.

Когда ее величеству уже ничего не угрожало, она впервые оглядела с ног до головы своего спасителя. Впрочем, в комнате было темно, и каких-либо подробностей она не разглядела, лишь увидела то, что едва достает ему до груди, и по возрасту незнакомец скорее молод, чем стар. Последнее королева поняла по его статной фигуре и могучим рукам, а не по лицу, которое было перепачкано грязью.

Здесь, на втором этаже, они словно поменялись ролями. До мужика стало доходить, что спасенная им женщина, вероятнее всего, знатная дама, может быть, даже фрейлина королевы. Во всяком случае, у прислуг нет такой гордой осанки и такого роскошного, пусть и изгаженного платья.

«Эх, не к добру меня сюда занесло!.. — забеспокоился мужик. — Я еще кричал на нее... Не сносить мне головы!»

Он хотел незаметно спуститься вниз и убежать, а точнее, уплыть из дворца, но, пройдя несколько ступенек вниз по лестнице, неизвестный понял, что первый этаж наполовину затопило...

— Эй, куда вы... как вас там? — окликнула королева своего спасителя. — Я разрешаю вам остаться во дворце, пока не прекратится потоп. Слышите? Подойдите ко мне!

Это была уже не насмерть испуганная, потерявшая дар речи бабёнка, а властная, привыкшая повелевать женщина. Неожиданные перемены в ней весьма напугали мужика.

«Точно знатная дама! Как я сразу не догадался?... Легкая, как птичка, не то что наши гусыни...» — мужик переминался с ноги на ногу, не зная, что делать.

Когда мужик боязливо все же подошел к королеве, она приказала ему:

— Видите камин, на нем должен быть колокольчик, принесите его мне!

Мужик выполнил указание, и королева взмахнула колокольчиком.

Тонкий звон пронзил дворцовые комнаты.

— Сударыня, ради Христа, скажите, кто вы? — взмолился мужик, не выдержав пугающей неизвестности.

Королева ждала этого. После всех пережитых унижений ей хотелось вернуться в прежний образ повелительницы и вершительницы судеб.

Она выдержала паузу, чтобы насладиться страхом своего спасителя, и надменно произнесла:

— Я — королева! Разве не похоже?

«Эх, надо было прыгнуть в окно! Еще можно было спастись...» — мелькнуло в голове у мужика.

— Ваше величество... — незнакомец рухнул на колени так, что со стены сорвалась одна из картин. Он хотел поцеловать край мокрого платья королевы, но она вовремя отдернула его.

— Довольно! Это я должна тебя благодарить. Ведь ты спас меня...

На звон колокольчика прибежали слуги со свечами и склонились в поклоне.

— Королева жива... Господь спас ее величество... Слава Всевышнему! — шептались они меж собой с восторженным удивлением, потому что те, кто присутствовал во время королевского ужина, а потом позорно бежал от потопа, сказали, что госпожу унесла стихия.

— Жалкие трусы! — с гневом сказала королева своим слугам. — Вы оставили меня одну и потому будете наказаны...

Подданные упали на колени, почти расстелились по паркету.

— О наказании вы узнаете завтра, трепещите до утра! А сейчас обмойте и облачите в лучшие одежды этого человека, — королева указала перстом на гостя поневоле. — Он спас меня! Слышите вы, ничтожества?! И накройте стол в моей опочивальне, а после пойдите прочь, чтобы я вас не видела до завтрашнего утра... Да! Мне тоже приготовьте воды и новые наряды... И заткните все щели и закройте окна, чтобы не было этого ужасного зловония!

Прислуга так испугалась угроз королевы, что обращалась с мужиком если не как с королем, то уж точно как со знатным вельможей. Возможно, они надеялись, что завтра он замолвит за них доброе словечко и защитит от наказания. Они не только его помыли, но и побрили, привели волосы в порядок и покрыли тело благовониями. Дворецкий, понимая, что завтра его голова первой полетит с плеч, хотел отдать мужику свою одежду, но тот был так велик, что пришлось заглянуть в шкаф покойного мужа королевы, который тоже отличался огромным ростом и умер десять лет назад, упав с лошади на охоте.

Из грязного громилы мужлана спаситель королевы превратился в величественного господина. Наверно, было бы большой дерзостью заявить, что он похож на короля, но так оно и было, если б не его робость: кажется, он хотел бы проснуться, чтобы понять, что все происходящее — кошмарный сон.

Когда мужика привели в опочивальню королевы, она даже не узнала его. При свете свечей он был прекрасен и напоминал мужа. Правда, спаситель был немного моложе ее, но это королева не сочла его недостатком.

За ужином она расспросила его, как случилось так, что его принесло потоками во дворец.

Мужик, а его, как выяснилось, зовут Хубертус, возвращался домой с рыбалки, когда прорвало плотину. Не успел он пройти рыночную площадь, как услышал рев воды и был подхвачен стихией и заброшен во дворец.

«А ведь его могло пронести и мимо дворца. Наверное, в этом воля божья... — подумала королева, любуясь мужественным обликом гостя, подсвеченным огнем. Имя «Хубертус» ей тоже понравилось — оно означало «надежность», это то, чего ей так не хватало последние одинокие годы.

— Дорогой Хубертус, — сказала королева. — Вокруг дворца до сих пор бушуют волны, и я не могу отпустить тебя домой. Лучше дождаться утра... А ведь тебя, наверное, ждут дома?

Ее величество неспроста задала этот вопрос, ибо ей очень хотелось знать, не обременен ли ее спаситель семьей. Впрочем, это ее не сильно смущало.

— Не беспокойтесь, моя госпожа! — грустно сказал Хубертус. — Теперь у меня ничего нет. Мою лачугу снесло теми же потоками воды, что и меня. Я видел, как она разваливается на части, когда меня самого кувырало по улице...

— Боже, что же стало с твоей семьей?!

Мужик впервые за все время их невольного знакомства улыбнулся.

— Моя королева, я впервые рад тому, что одинок как перст. Невесту я так и не нашел, а родители мои вознеслись на небеса в чумной год...

— Что ж, Хубертус, я, пожалуй, порадуюсь вместе с тобой. Теперь я могу смело оставить тебя во дворце, и мне не будет неловко от того, что я отняла тебя у кого-то...

Они еще выпили вина, и королева сказала:

— Я устала и хочу спать, но я боюсь, что вода поднимется еще выше, поэтому разрешаю тебе лечь у меня в ногах. С тобой мне ничего не страшно...

И королева затушила свечи.

Стоит ли обманывать прозорливого читателя, убеждая его, что Хубертус всю ночь лежал в ногах у королевы, как преданный пес?

Утро они встретили в объятиях друг друга.

Несколько дней дворец был омываем водами, но укрывшихся в опочивальне это мало тревожило...

Провинившиеся слуги подносили к дверям ее величества все необходимое для наслаждения жизнью и тут же исчезали, боясь, что королева чем-нибудь запустит в них.

Через неделю, когда вода разрушила все, что было ей под силу, и успокоилась, а в спальне наступила блаженная усталость и насыщение, королева велела собраться всем слугам в тронном зале для важного сообщения.

Она появилась, ведомая под руку фаворитом, о котором во дворце ходили разные слухи. Испуганные придворные сочиняли одну байку нелепее другой. Самая стойкая из них была о том, что неизвестный мужчина — младший брат погибшего короля, приплыл на лодке, чтобы спасти королеву и взять ее в жены...

Королева села на трон, а Хубертус встал рядом как лицо, приближенное к ее величеству. Вельможи зашептались меж собой, пытаясь угадать место новичка в дворцовой иерархии.

Королева топнула каблучком, требуя полной тишины.

— Слуги мои! К большой моей печали и разочарованию, я не могу назвать вас верными... Беда, обрушившаяся на мое королевство неделю назад, показала, что я окружена трусами и предателями. Вам придется очень сильно постараться, чтобы заслужить мою благосклонность...

И королева сказала все, что думала о своих подчиненных. К удивлению свиты, нынче их госпожа, обычно осторожная и даже деликатная в выражении-

ях, теперь допускала в своей речи слова, употребляемые обычно извозчиками, не могущими разехаться на узкой улочке. В завершение своего гневного выступления она велела разогнать весь городской совет, а главу всенародно выпороть розгами. И еще королева добавила как бы между делом: в вечер потопа она хотела отрубить головы своей трусливой свите, а также всем виновным в трагедии, но дни, проведенные со своим спасителем в исключительно душеспасительных беседах, смягчили ее обиженное сердце.

Затем королева сказала, что наведением чистоты и порядка в городе займется ее спаситель. Она видела его в деле и доверяет ему. У него самые широкие полномочия, и, если кто-то будет перечить проведению работ, она разрешает главному чистильщику тут же проткнуть шпагой этого человека.

Окружение королевы вздрогнуло и еще внимательнее присмотрелось к незнакомцу.

Но фаворит не выглядел счастливым, скорее растерянным. Огромной лапшой своей он теребил золоченую пуговицу на камзоле и казалось, вот-вот ее оторвет. Слишком круто повернулась его жизнь за последнюю неделю, очень уж стремительно взлетел он наверх от простого каменщика до возлюбленного королевы и одного из главных ее придворных. От прежней жизни у него ничего не осталось — ни одежды, ни дома.

Королева своим женским чутьем почувствовала, что фаворит в замешательстве, и после того, как поникшие придворные покинули зал, она взяла его за руку, крепко сжала ладонь и сказала, с нежностью глядя Хубертусу прямо в глаза:

— Я верю в тебя, милый! Ты должен завершить свой подвиг, мой могучий Геракл... Пойдем же в мою опочивальню, я вдохновлю тебя на это благое дело.

Из королевской спальни Хубертус вышел чеканным шагом. Это был уже решительный, уверенный в себе и даже дерзкий человек. Конечно же, он не знал, кто такой Геракл и чем сей господин прославился на века, но благосклонность такой женщины, как королева, вдохновила фаворита на нечто великое, чтобы заслужить ее одобрение. Она верила в него, и он готов был не только очистить город от нечистот и последствий потопа, но совершить и более безумные отважные поступки. Если бы возлюбленная сказала собрать войско и двинуть его на соседнее королевство, баловень судьбы не задумался бы ни на миг.

Хубертус со старшим лакеем обошел до вечера весь дворец и ознакомился с той разрухой, которую совершил злосчастный потоп. В подвалах до сих пор стояла жижа и своим зловонием отравляла воздух до самого последнего этажа дворца. Погибли съестные припасы, а бочки и бутылки с королевским вином оказались утопленными.

Утром Хубертус собрал команду из дворцовых слуг, не занятых обслуживанием королевы, и вместе с ними взялся очищать залы от навоза. Плотников и стекольщиков он отправил приводить в порядок разбитые окна и двери, заменить вздувшийся зловонный паркет на первом этаже. Между тем крестьяне из ближайшей деревни выгребали навоз из подвалов и в бочках вывозили его за город в овраги. В награду за этот труд Хубертус с позволения королевы распорядился отдать им дорогое вино из погребов. То, что оно безопасно для здоровья, фаворит доказал, выпив чуть ли не ведерный ковш красного вина, стоя перед чистильщиками на одной из повозок. Такой жест королевского любимчика вызвал понимание и восторг у простого люда, и они приветствовали его радостными криками и бряцанием навозных черпаков.

С каждым днем дворец становился чище, а воздух в нем не так удушлив. Хубертус приказал не закрывать даже на ночь окна и двери, чтобы неприятный запах выветрился из комнат. Вокруг дворца он расставил ох-

рану, которая должна была беречь королевское имущество от желающих поживиться им. В одной лишь комнате во всем дворце — опочивальне королевы — время от времени закрывалась дверь, да и то только тогда, когда в нее входил фаворит.

Вечером после очистных работ Хубертус омывался прямо под окнами королевы ледяной водой, привезенной крестьянами из горных родников — во всех городских колодцах колыхался скорее гной, чем вода. Фаворит огородил свою умывальню забором, но королеве сверху было видно все, и она ни разу не могла отказать себе в этом завораживающем зрелище...

Вот он зашел в умывальню и, напевая какую-то варварскую веселую песню, скидывал с себя одежду и набрасывал ее на забор. Королева, как подглядывающая в комнату взрослых девочка, затаивала дыхание, во рту пересыхало так, что она кончиком языка смачивала себе губы. Женщина любовалась своим новым мужчиной, его могучей фигурой. Ей нравилась его бугристая от мышц спина, тугие, играющие ягодицы и столпы ног. Королева ждала, когда он повернется к ней лицом, и тогда она, сгорая от стыда и страсти, сможет вперить свой взор в густые заросли внизу живота, сквозь которые едва проглядывался удивительный зверь, который может быть маленьким и огромным, грубым и нежным, но всегда неожиданным и чувствительным к ее прикосновениям.

И когда Хубертус с диким рычанием поднимал над головой, как поверженного врага, целую бочку с ледяной водой и опрокидывал ее на себя, у королевы от сладостных судорог подкашивались ноги, она едва не падала на пол без чувств...

Хубертус с каждым днем входил во вкус своей новой жизни, хотя порой ему продолжало казаться, что все происходящее с ним — это лишь прекрасный сон. Проснувшись среди ночи и не увидев нависшего над ним низкого прокопченного потолка своей лачуги, он первое мгновение вздрагивал от ужаса: «Боже мой, где я?!» Он лежал на воздушной кровати, как на облаке, вокруг которого свисали полупрозрачные шелковые ткани. На столбах по краям просторного ложа поблескивали при лунном свете разноцветными огоньками, как глаза кровожадных зверей, драгоценные камни. Высокие и узкие окна спальни взлетали в ночное небо, их узорчатые рамы бросали на ковры причудливые тени. Пасть огромного камина, сложенного из диких камней, зияла такой чернотой, словно там рождалась ночь.

Окончательно проснувшись, Хубертус с великим облегчением и радостью понимал, что теперь это его настоящая жизнь. Он замирал и напрягал слух, чтобы услышать, как дышит во сне королева. Для него это было величайшей из музыки, напоминавшей легкое дуновение ветерка и шелест листьев.

Вдоволь насладившись дыханием королевы и налюбовавшись ее прекрасным профилем, хорошо знакомым жителям королевства по чеканным монетам, лишенная утонченных изысков, грубая и невежественная натура фаворита требовала большего. Дикого зверя не накормишь яблоками и медом. И тогда Хубертус запускал руки под одеяло, чтобы нащупать там хрупкое тело королевы, укрытое тончайшей сорочкой. Он сначала гладил его по ткани, жалея, что мозоли на его руках мешают в полной мере насладиться теплотой и мягкостью этого чудного творения природы. Блаженный, он бродил по его изгибам, пока рука не оказывалась там, где было жарко и влажно. Королева, не открывая глаз, не то постанывала, не то мурлыкала от его прикосновений. Это окончательно сводило с ума Хубертуса, и он резким движением срывал с женщины одеяло и, уже как вепрь, набрасывался на нее...

Не проходило и ночи, чтобы фаворит оставлял прелести королевы без внимания. Она поражалась его мужской силе и вынуждена была признать, что он, пожалуй, в постели был привлекательней её мужа-великана — дру-

гих мужчин королева просто не знала. Хубертус был хорош не только на любовном ристалище, но и как работник: за две недели он не просто очистил дворец от нечистот, но и восстановил разруху, нанесенную потопом, а также посадил в саду новые деревья. Её муж наверняка поручил бы эту грязную работу главному придворному, ленивому, как закормленный кот, а сам на месяц усакал на охоту, чтобы не дышать смрадом.

Пока Хубертус топтал сапожищами по всему дворцу, то громко горланил свои дикарские песни, а то громоподобно ругая нерадивых чистильщиков, ее величество возлежала на любимом турецком диване и, шурясь от проникших в спальню лучей солнца, размышляла о переменах, происшедших в ее жизни после потопа...

Она была уже в том возрасте, когда старость еще не пришла, но уже замаячила тревожным облачком на безмятежном горизонте. Женщина понимала, что пройдет совсем немного лет, и ее будущее будет затянуто мрачными тучами. Старость будет всюду — и в зеркале, и в движениях руки и ног, и в снисходительных взглядах окружающих. Ее величество не хотела и боялась ее прихода не только как женщина, но и как человек, во власти которого целое государство. Она была умной и понимала, что вместе с ее дряхлостью будет и королевство, потому что у нее уже не останется тех сил, чтобы вникать во все тонкости управления, искать выход из неприятных ситуаций, вовремя пресекать опасность. Ее королевство может показаться лакомым куском для более сильных соседей, или же среди подданных найдется человек, жаждущий власти настолько, что сбросит старую королеву с трона, и тогда ее будущее непредсказуемо. В лучшем случае она встретит смерть в монастыре.

Появление в ее жизни Хубертуса, молодого и сильного, ее величество сочла добрым знаком, даром божьим. То, что он безродный мужик, было с одной стороны ужасно и унижительно — она не сможет выйти за него замуж, но с другой — великан будет всю жизнь ей благодарен за то, что королева достала его из грязи (вернее, из навоза — во всех смыслах!) и приблизила к себе. Хубертус будет бояться потерять сытую жизнь при дворе, поэтому, когда ее лицо покроет сеточка морщин, он не станет засматриваться на молодых грудастых девок, как это сделал бы полноправный король. Кроме того, могучий и смелый фаворит сможет защитить ее на случай войны или внутреннего переворота.

Чтобы оставить Хубертуса при дворе, оставалось только придумать для него какую-нибудь должность, желательно посолдней, чтобы он оправданно мог находиться рядом с ней денно и нощно. Держать его просто так, как любовника, ее величество сочла неприличным и подрывающим ее авторитет в королевстве. И она всерьез задумалась...

Хубертус, в отличие от своей возлюбленной, не любил много размышлять над чем-либо. Он предпочитал действовать. Счастливчик был из тех людей, которые не будут думать, как развязать сложный узел, — они возьмут нож и разрежут его. Выйдя на развилку дорог, они пойдут по тому пути, что суше. Любые сомнения для них — невыносимое страдание и пустая трата времени.

А ведь другой человек на месте Хубертуса непременно задумался бы о своем будущем. Такое высокое положение при дворе было не просто щекотливым, а опасным. Того и гляди отравит какой-нибудь завистник или королева наскучит новая забава, и она отправит его куда подальше, чтобы не вспоминать о былой слабости. Жизнь не по рангу всегда грозит неприятностями!

Но Хубертуса ничто не тревожило и не смущало — он был счастлив! Он стремился к тому, чтобы выполнить любое пожелание королевы и тем самым доставить ей радость.

Как понял фаворит, сейчас возлюбленную больше всего омрачало то, что не только дворец, но и весь главный город королевства покрыло навозной жижей. Здесь нечем дышать, нечего пить, и, конечно, совсем неприлично приглашать в такой загаженный город благородных гостей.

Поэтому со всем задором и страстью, свойственными простым и крепким натурам, Хубертус устремился выполнить желание королевы.

После того как был очищен дворец, он взялся за город. Ежедневно сотни повозок, в которых колыхался жидкий навоз, выезжали за поле. Вычерпывались колодцы, очищались подвалы домов.

В отличие от главного чистильщика, крестьяне неохотно выполняли новую повинность. У них и без того было много работы дома по хозяйству, а пропадать весь день и к вечеру возвращаться в семью усталым, с пустыми желудком и кошельком никому не нравилось.

Хубертус, как никто другой, понимал причины нерадивого отношения к работе крестьян, поэтому попросил королеву, чтобы она освободила этих людей от повинности, иначе королевству может грозить голод. Для работы по очистке города он предложил привлечь тех жителей, чей дом пострадал от потопа, а за труд городской совет пусть выделит им лес и кирпичи на строительство, а если нет того и другого, то часть денег, вырученных на ярмарке.

Королева поддержала своего фаворита.

Она вызвала к себе нового главу городского совета.

Речь ее была краткой и строгой.

— Сударь, если вы не хотите повторить судьбу своего предшественника, выслушайте предложение господина Хубертуса и исполните его в точности. И не забывайте, что именно вы отвечаете в первую очередь за чистоту города...

Сановник упал на колени перед королевой и поклялся исполнить все указания фаворита.

Хубертус был неутомим. Поддержка королевы придала ему какие-то нечеловеческие силы. За месяц со своей командой он не только очистил весь город от зловоний, но и принялся рыть повсюду каналы, чтобы избежать ужасных последствий будущего затопления.

Поздно вечером вернувшись во дворец, помывшись и поужинав, Хубертос с той же неутомимостью принимался вспахивать своим плугом поле любви...

Королева не могла надивиться и нарадоваться силе своего любовника. Она уже не представляла жизни без него.

Впрочем, один раз между ними едва не пробежала кошка... Вернее, клоп. Конечно, спать на пуховых перинах и укрываться дорогими тканями большое и мало кому доступное удовольствие, но не все знают, что королевская кровать нравится не только людям, но и клопам. Более того, она для них не только место проживания, но и питания.

Хубертус до того, как попал в королевскую опочивальню, спал в своем доме на охапке соломы, которую время от времени менял. Вездесущие и ненасытные клопы и тут его доставали, но их количество было несравнимо с тем, которое он обнаружил на ложе своей возлюбленной.

Клопы же, напротив, очень обрадовались появлению в спальне огромного, пышущего здоровьем мужика. Можно сказать, они никогда так вкусно и сытно не питались. До этого им приходилось довольствоваться жидкой кровью уже немолодой и не совсем здоровой королевы, а тут привалило такое пиршество! Конечно, если бы среди них были долгожители, они, наверное, могли бы вспомнить короля, человека тоже не хлипкого, но кровь его, наполнину состоящая из вина, прежним клопам не очень нравилась.

Однажды ночью Хубертус после любовных игр с королевой намеревался заснуть крепким, праведным сном человека, с честью исполнившего все свои обязанности. Обычно он засыпал сразу же, как только выпускал из объятий хрупкое тело ее величества, но в эту ночь фаворит невольно нарушил правило, так как днем, перенося на плече поваленное дерево, он подвернул руку, и теперь боль напомнила о себе. Она не мешала ему любить королеву, но, оставшись ночью один на один с ломотой в плече, Хубертус никак не мог найти удобное положение, чтобы заснуть.

Вскоре он обнаружил, что не только ноющая боль, но и укусы ночных животных мешают ему отдаться в объятия Морфея. На первых порах к последней неприятности он отнесся пренебрежительно, ведь он был знаком с этими тварями еще при жизни в своем доме. Почесавшись и осторожно перевернувшись на другой бок, Хубертус очень рассчитывал на то, что вот-вот забудется сном. Но не тут-то было! Вскоре ему начало казаться, что его плоть остервенело рвет стая голодных собак. Тело горело огнем от укусов так, что забылась боль в плече.

Хубертус осторожно сполз с кровати, зажег свечу и, прикрывая ладонью свет ее от лица спящей королевы, осмотрел свое ложе. Фаворит был не только крепким физически, но и сильным духом простым мужиком, не отягощенным какой-либо фантазией. И тем не менее то, что он увидел, ужаснуло его: место, где он спал, было сплошь усыпано полчищами набухших от крови клопов. Те, кто успел поесть, еле шевелились от обжорства. Они намеревались уползти под кровать и там отдохнуть до завтрака. Зато их место спешили занять более стройные твари, прибежавшие с половины королевы. Как еда их величество уже не интересовало насекомых...

Грязно выругавшись шепотом, Хубертус принялся с бешенством давить ногтями клопов. Они были такие упитанные, что кровь брызгала из-под пальцев, как будто он давил сочные ягоды. Фаворит так увлекся этим занятием, что не заметил, как проснулась королева. Она увидела, что ее возлюбленный шарит кровавыми руками по кровати, и вскричала от страха.

— Милый, что с тобой?!

Хубертус вскинул голову.

— А-а... прости, моя дорогая, что разбудил тебя... Эти твари чуть меня не сожрали...

И он, поймав самого жирного клопа, показал его королеве и с наслаждением раздавил тварь в пальцах.

Только теперь королева поняла, чем был занял ее возлюбленный.

То, что она сказала, очень удивило Хубертуса.

— Прекрати это немедленно. Я приказываю!

Фаворит с недоумением воззрился на королеву.

— Ну, почему же? Они мешают спать!

Королева неожиданно посмотрела на него надменно и даже холодно.

— Ты, надеюсь, не забыл, кто я?

— Нет, моя королева.

Хубертус поднялся во весь рост и застыл перед ней голый, с горящей свечкой в руке.

Королева, несмотря на то что была сердита, невольно залюбовалась его мужественным видом. Её величеству даже захотелось выманить любовного зверя из зарослей. Одним словом, ей стоило больших усилий вернуть прежний недовольный тон.

— Это хорошо, что ты не забыл, что я королева, а это значит, что в животных, обитающих в моей кровати, течет моя кровь. Вместе с кровью они приняли и мою веру. Это не твари, а божьи жемчужины. Я запрещаю тебе убивать их! Ложись спать...

— Слушаюсь, моя королева, — покорно сказал Хубертус и, потушив свечку, осторожно прилег на краешек кровати.

Королева успокоилась. Она уже не гневалась на фаворита за то, что он раздавил в своих железных пальцах несколько десятков несчастных «божьих жемчужин». Честно говоря, они ей тоже не нравились и тревожили по ночам. Порой у нее также возникало острое желание раздавить некоторых особенно наглых животных, но матушка еще в детстве строго-настрого запрещала ей обижать этих носителей королевской крови.

— Это грех, дочь моя... — говорила она.

Королева закрыла глаза и попыталась заснуть, но сон не приходил. Неблагодарные спасенные клопы, кажется, все переползли на ее половину кровати. Кроме их укусов женщине мешало уснуть еще кое-что... Во-первых, чувство некоторой вины за то, что она так сурово отчитала Хубертуса, а во-вторых, перед глазами все еще стоял обнаженный гигант с окровавленными руками, с печально опущенным взором и таким же поникшим мужским достоинством. Королеве хотелось как-то взбодрить своего фаворита, она осторожно покосилась глазами в его сторону: Хубертус лежал, как каменная статуя, недвижимая и холодная...

«Ладно, утром его прощу...» — подумала она, не зная, что сказать Хубертусу.

Не извиняться же ей, королеве?

Утром ей тоже не удалось примириться со своим фаворитом, так как под утро, когда она наконец-то заснула, он уполз с королевского ложа и лег на ковре у входа в опочивальню.

Вечером Хубертус вернулся в спальню угрюмый и сразу же, как собака, лег на ковер, но в одежде, а не голый, как прошедшей ночью.

Королева задумалась. Ее возлюбленный, к ее удивлению, оказался не так прост — он обладал чувством собственного достоинства. Это был тихий бунт. Она, конечно, могла приказать ему раздеться и лечь с нею в постель или, еще пуще того, повелеть выпороть его и прогнать с позором из дворца. Все эти наказания были ей под силу, она даже могла отрубить ему голову за убийство носителей королевской крови, но тогда она должна будет проститься с теми давно забытыми душевными и телесными радостями, которые приносил ей фаворит. И вероятнее всего, их больше не будет в ее жизни. В лучшем случае ее ждет одинокая старость, а может быть, даже и смерть, если кто-то из окружения не задумает совершить смену власти...

Впрочем, извиняться перед простым мужиком королева тоже не собиралась. Она придумала другой способ примириться с Хубертусом.

За следующим завтраком она как бы между прочим сказала:

— Дорогой, когда ты уничтожал животных, не заметил, что все они разных размеров?

Хубертус напрягся. Он почувствовал какой-то подвох в словах ее величества, но, к чему она клонит, он так и не понял. На всякий случай согласился с ней.

— Да, госпожа, они были разные.

— Хорошо. Коли ты это заметил, то я разрешаю тебе давить самых крупных тварей, потому что в них течет твоя кровь, не королевская. Можешь смело уничтожать их, если хочешь... — Королева протянула руку для благодарного поцелуя с таким видом, как будто совершила великую милость, достойную поклонения на века.

Хубертус настороженно посмотрел в глаза королеве. Он не сразу поверил в то, что ее величество проявило такую снисходительность и даже жалость к его страданиям. С ее стороны это был очень смелый и благородный поступок, оценив который фаворит со слезами на глазах кинулся пылко целовать ей руку.

В то утро очистные работы в городе начались чуть позже, чем обычно...

Время шло, а королева так и не смогла придумать своему возлюбленному такую должность при дворе, чтобы она звучала благородно и одновременно позволяла ему заниматься тем, что у него так хорошо получается, то есть спасти королевство от потопа и нечистот.

В ее совсем неглупую голову приходило только народное грубое прозвище людей этой унижительной, но такой необходимой профессии — дерьмовозы. Королеве становилось дурно, когда она представляла, что говорят за ее спиной придворные: ее любовник — простой мужик, главный дерьмовоз.

С этим надо было что-то делать, и она тайно велела отыскать ученого мужа, который смог бы поведать ей всю мировую историю очистки городов от всякой гадости. Королева очень надеялась найти в ней то, что смогло бы облагородить профессию чистильщика и дать ей другое название.

Через несколько дней дворецкий доложил ее величеству, что такой грамотей найден.

Королева попросила придворных покинуть зал и оставить ее наедине с ученым мужем.

Ученый, зная, что от него требуется, дребезжащим от волнения голосом предложил ее величеству начать прогулку с истории Древнего Рима. Именно там он обнаружил первые попытки противостоять стихиям и содержать города в чистоте. Он рассказал ей о глиняных трубах и каналах, по которым грязная вода покидала город.

— Как интересно! — сказала королева. — А они имели какое-то название?

— Не понял, ваше величество... Вы сейчас меня спросили о трубах и каналах?

— Да, да! Вообще обо всем этом хозяйстве...

Ученый покраснел и, потупив взор, промямлил что-то невразумительное, чем вызвал у королевы легкое раздражение.

— Ну же, говорите! Для меня это очень важно

— Извините, но римляне прозвали их так грубо...

— Говорите же! — их величество уже начинало сердиться всерьез.

— Все трубы и каналы они называли клоакой, моя королева...

Королева расстроилась. Это слово ей тоже не понравилось.

«Да-а, это название мне не подойдет. Мой возлюбленный — начальник клоаки... Бр-р...» — содрогнулась она.

— Хорошо, а как же назывались люди, которые обслуживали эту... клоаку? — королева не теряла надежды.

— Акуарри, ваше величество...

— Акуарри? Акуарри... акуарри... Хм, что ж, совсем неплохо! Лучше, чем чистильщик... — приободрилась королева. — А как переводится это слово?

Старый ученый уже раскрыл рот, чтобы сказать, но ее величество остановила его:

— Нет, нет! Я не хочу знать. Пусть будет так... Это даже хорошо — непонятно и красиво — а-ку-ар-ри...

— Можно сказать, гуси спасли Рим от врагов, а акуарри — от нечистот, — слегка осмелел приободренный ученый.

— Да-да... Замечательно сказано!

— Вы, наверное, удивитесь, ваше величество, но самого Леонардо да Винчи тоже при большом желании можно назвать акуарри... — глаза ученого уже начали поблескивать научной страстью.

— Неужели самого Леонардо? — изобразила удивление королева, хотя не знала, кто такой да Винчи, но догадалась, что это не последний человек в мире науки.

— О-о-о! — заблеял от восторга ученый. — Когда Франциск I пригласил его в свой дворец, великий мыслитель был поражен зловонием, которое окутало все строение. Оно было всюду, и на улице, и даже во всех залах...

— Довольно! — остановила разошедшегося ученого королева. — Я еще не забыла недавний потоп...

— О, простите меня, старого дурака, ваше величество!..

— И что же сделал этот Леонардо?

— Он придумал, извините, стул с ночным горшком, из которого смывалось все, что туда попадало.

— Фу, господин ученый, вы, вероятно, забыли, что перед вами не только королева, но и дама! Дай вам волю, так вы... — рассерженная госпожа махнула веером на старика. — Пойдите вы... в библиотеку!

Ученый муж, извиняясь и кланяясь, отполз к двери...

— Милый, завтра я объявлю во дворце, что ты — главный акуарри королевства!

Сияющая от счастья ее величество объявила это во время ужина, отчего Хубертус едва не подавился рыбной костью. Он не понял, наказывает его королева или повышает в чине.

С тревожным выражением лица фаворит выпил стакан пряной настойки. Он лихорадочно пытался вспомнить, что такого недостойного совершил в последнее время и что стало известно королеве.

А грешок был... После того как ее величество разрешило ему давить лишь самых жирных клопов или тех, которых он снял с себя, Хубертус нарушил свое обещание. Пару раз ему случалось проснуться ночью от клопных укусов, и, взбешенный их наглостью, фаворит, честно говоря, не сильно разбирался, где просто клоп, а где божья жемчужина.

Эх, наверное, она не спала и все видела, приподняв краешек одеяла!

Хубертус готов был уже покаяться и бухнуться ей в ноги, но королева опередила его.

— Мой милый, ты как будто не рад? — спросила она с некоторым расстройством. — Я тебя из простого мужика произвела в дворяне, наградила почетной должностью, ввела в свой ближайший круг, а ты сидишь как надутый индюк! Может быть, ты хочешь обратно в мужики?

Фаворит упал ей в ноги и принялся целовать край платья.

— О-о, прости меня, моя королева! Я туп, как осёл, и неблагодарен. Я просто не понял, кем ты меня сделала и чем должен заниматься. Я готов выполнить любое твое указание, моя любимая госпожа...

К тому времени Хубертус уже чмокал губами не платье, а колени, поэтому королева сменила гнев на милость раньше, чем хотела.

— Ну, довольно, довольно... Еще не наступил вечер. Давай поговорим...

Разволновавшийся любовник слегка успокоился и лег возле ее ног, как верный пес.

Королева рассказала ему, что теперь он не просто счастливчик, волею судеб оказавшийся на ее ложе, а человек свиты, наделенный властью и выполняющий очень важную для государства задачу. Он — главный акуарри королевства, человек, отвечающий за чистоту в городах. Отныне он может даже наказывать городских глав, если они не будут слушать его указаний...

От услышанного Хубертус был ошеломлен еще более, чем тогда, когда королева приказала ему лечь рядом с ней. От природы фаворит был человеком не только трудолюбивым, но и ответственным. Он понимал, какой непотчатый край работы распростерся перед ним после слов королевы...

— Это большая честь, ваше величество... — пробормотал он. — Справлюсь ли я с должностью этого... Э-э...

— Акуарри, — подсказала королева. — Привыкай, мой дорогой Хубертус! Я верю в тебя...

И фавориту ничего не оставалось, как принять эту новую должность при королевстве.

Дождливая осень показала, что работы, проведенные командой Хубертуса, спасли улицы города от гигантских луж, ставших уже привычными в это время года. Кареты знатных горожан тонули в них по самое днище, а жители победнее снимали обувь и засучивали штанины или задирали подолы до колен, чтобы попасть в свой дом.

Особую гордость у главного акуарри вызывала огромная, вырытая его работниками яма, в которой могли поместиться с крышей несколько домов. Именно в нее стекла дождевая вода со всего города и превратила ее в озеро.

Королева рассказала фавориту все, что узнала от ученого мужа о древних римских акуарри, поэтому Хубертус по их примеру окрестил свежерырытую яму Клоакой. В отличие от королевы, главному акуарри это непонятное слово показалось очень нежным и даже мелодичным, как имя девушки или ребенка.

Нельзя сказать, что работники Хубертуса также любовались наполнившейся водой Клоакой. Если еще летом они с энтузиазмом рыли канавы и лихо катили тележки с навозом, то теперь мужики работали нехотя и, кажется, только тогда, когда неподалеку стоял он, главный акуарри.

И тогда Хубертус решил как-то поднять настроение своей команде.

Он рассказал об этом королеве, но она тут же сказала, что у нее нет лишних денег, чтобы поощрить копальщиков и чистильщиков. Нет даже особых наград. Не будешь же награждать их орденами и шпагами, присуждаемыми за победу в сражениях?

Хубертус опечалился — уж очень ему хотелось чем-нибудь порадовать работников лопаты и ковша. Фаворит так упал духом, что в тот вечер перед сном оставил ее величество без сладких удовольствий.

Это не понравилось уже самой королеве. Она проводила унылого любовника на службу, а сама задумалась, как сделать так, чтобы отметить славный труд акуарри и при этом не потратить ни единого талера из казны.

К приходу возлюбленного у нее появилась спасительная мысль.

— Милый, знаешь, я, кажется, придумала, как поощрить твою команду. Давай учредим в королевстве День акуарри?

— Д-давай... — неуверенно сказал Хубертус.

Его практичный мужской ум никак не мог понять, что в этом радостного.

— И в этот день мы подарим каждому работнику по камзолу, шитому золотыми нитками? — с надеждой спросил он.

Королева посмотрела на него как на умалишенного.

— Дорогой, ты меня совсем не любишь... — с досадой сказала она. — Я к гостям выхожу на обед и ужин в одном и том же платье, после дождя сушу обувь, как какая-нибудь крестьянка, а не отдаю ее слугам, а чистильщики дерьма будут ходить в камзолах, шитыми золотыми нитками?!

Ее величество уже готова была сорваться на крик, но, увидев расстроенное лицо фаворита, смягчилась и даже провела рукой по его волосам.

— Мой милый Геракл, ты же не хочешь оставить меня голой?

Хубертус встрепенулся, и королева поняла, что неправильно задала вопрос.

— Я хотела сказать, ты же не хочешь опустошить мою казну, а?

— О, нет, моя королева! Хорошо, если нет денег на камзолы, тогда давай им дадим... Давай подарим...

— Мой дорогой, мне нечего им подарить...

— Давай тогда позволим им... Нет — запретим! Нет-нет — позволим! — У Хубертуса в голове появилась какая-то спасительная мысль, но он никак не мог ее ухватить. — Все-таки лучше запретим... Да! Запретим, но не им... Запретим в этот день забирать их в полицию! Пусть отметят этот день от души, и, даже если разобьют пару лавок или трактиров, не будем наказывать их за это... Как тебе такое, а?

— О-о, как ты умен и добр, милый!

День акуарри решено было отмечать в королевстве в первое воскресенье октября. Придворные советники, выслушав сначала пожелания королевы и ее фаворита, изучили хроники и подготовили текст указа, в котором, нырнув в прошлое государства, указали всю необходимость и важность существования такой профессии, как акуарри. Они отметили, какой урон королевству наносили в разные годы нечистоты на улицах городов, сколько людей и скота загрызли полчища крыс, сколько съели они урожая и сколько человек отравились водой из грязных источников.

Согласно указу, отныне в этот день все чистильщики королевства имели право на отдых и бесплатную кружку пива в любом из трактиров и таверн. Хозяева увеселительных заведений в этот день должны были обеспечить работу пивных прилавков до полуночи. Всякий из них, кто откажет в пиве акуарри, приравнивался к преступнику и подвергался наказанию плетью на площади. Полиция, в свою очередь, была обязана не мешать празднику и не сажать за решетку тех акуарри, которые устроят небольшую драку или разобьют какую-нибудь лавку.

Королеве указ понравился — из казны на него не тратилось ни талера! — и, оставив на документе свою изящную, витиеватую подпись, она собственноручно скрепила его печатью...

Хубертус решил сделать своей команде сюрприз — он ничего не сказал им о готовящемся празднике, а велел всем прийти на площадь, где будет зачитан новый, никому не известный королевский указ.

Сам он подготовился ко Дню акуарри очень серьезно. Фаворит выпросил у королевы почти новый камзол ее покойного мужа и даже хотел нацепить его шпагу, но ее величество отговорила возлюбленного от этого излишества.

— Дорогой, ты же командуешь не солдатами... На следующий праздник я прикажу, чтобы тебе изготовили серебряную лопаточку, украшенную камнями, которую ты будешь носить на груди, хорошо?

На городской площади, пока зачитывался указ, Хубертус горделиво возвышался в королевской свите. Его просто распирало от счастья. Ему казалось, что он сделал такое великое дело, после которого его команда — новоиспеченные акуарри — будут благодарны ему до самой смерти. Фаворит был уверен, что сотни юношей, еще не знающих, чем заняться в жизни, захотят стать акуарри. Хубертус даже подумывал о том, чтобы построить для них школу, где будут обучать этому благородному и такому нужному людям ремеслу. Конечно, королева не даст денег, но их можно взять у богатых горожан, если взяться отводить от их домов ливневую воду и вывозить мусор.

Планов было много, и Хубертус рассчитывал их обсудить за кружкой пива со своими помощниками, можно даже сказать, друзьями. Он был уверен, что грядет лучший вечер в его жизни, если, конечно, не считать тот день, когда он волею судьбы оказался в королевском дворце.

Мужики выслушали восторженные планы своего начальника с угрюмым недоумением. Хубертус чувствовал, что работники не разделяют его радости, и очень рассчитывал, что пиво поможет найти им понимание, придаст легкости и непринужденности беседе. Во всяком случае, пусть хотя бы выскажут свое мнение по поводу Дня акуарри.

Хубертус обошел с мужиками несколько трактиров. Акуарри пьянели, уже еле держались на ногах, но не становились радостней. И тогда фаворита осенило...

Королева в тот вечер так и не дождалась своего возлюбленного. Ожидание Хубертуса напомнило ей прошлую жизнь, когда она просыпалась под утро от того, что на супружеское ложе падал как статуя вернувшийся с пирушки муж.

«Если и этот притащится под утро, получит от меня хорошую взбучку! — решила ее величество, как на ее месте подумала бы любая простая крестьянка. — Я ему устрою День акуарри!»

Придумывая, как она отомстит Хубертусу, королева так разозлила себя, что в гневе раздавила на себе нескольких присосавшихся к боку божьих жемчужин.

Ближе к утру она решила, что ее возлюбленный, перебрав пива, дрыхнет без задних ног в какой-нибудь таверне, а утром вернется во дворец.

Измученная королева заснула. Её преследовали кошмары, и только перед пробуждением ей приснился любимый, с которым они так страстно целовались, что, открыв глаза, она некоторое время ощущала на шее жжение от его горячих губ и колючей бороды.

— Хубертус! — сладко потянувшись, позвала она сонным голосом, уверенная, что он где-то рядом.

Но возлюбленного в спальне не было. Не было его и во дворце.

И тогда королеву охватила тревога. Она уже не сердилась, что пирушка с акуарри затянулась, ей хотелось только одного — пусть Хубертус вернется к ней живой и невредимый.

Она отправила охрану на поиски фаворита и даже пообещала им награду. Все кабаки были пройдены, и в каждом из них видели господина Хубертуса с его командой.

Королева приказала собрать всех акуарри и найти тех, кто видел его в последний раз.

Еще не пришедшие в себя после пьянки чистильщики путались в показаниях и, кажется, сами не знали, где их хозяин. Тогда королева, чтобы быстрее отрезвить их, приказала каждого окунать в бочку с ледяной родниковой водой, и, вот когда первый из них оказался в бочке, он тут же вспомнил, что господин Хубертус предложил всей компании ночью прогуляться к дорогой его сердцу Клоаке и полюбоваться отражением звезд на водной поверхности. Мужики не хотели идти, но он пообещал, что возьмет с собой бочонок пива, и они разопьют его на берегу этого озера.

Что было дальше, никто толком не помнил, несмотря на отрезвляющие макания в родниковую воду. Вернее, каждый из них рассказывал свою историю. Одни говорили, что после распития бочонка все разошлись по домам. Другим запомнилось, как господин Хубертус прыгнул в Клоаку, а потом всем предлагал искупаться вместе с ним. Поговаривали даже о том, что он с кем-то плавал наперегонки по озеру, хотя был ли это человек или пустой бочонок из-под пива, никто точно не знал. Из этих рассказов ясно было лишь одно — Хубертуса нужно искать возле Клоаки.

Вскоре охрана привезла на повозке голое бездыханное тело главного акуарри, которое нашли колыхающимся в прибрежных водах...

Королева проплакала несколько дней, в государстве объявили траур.

Когда тело Хубертуса было предано земле и ее величество немного пришла в себя, она приказала привести пред ее очи всех акуарри.

Она сказала, что всех сначала посадит в тюрьму, а затем каждый день будет топить в Клоаке по одному из них, пока не узнает всю правду.

— Завтра ты будешь первым! — сказала она, выбрав из этой компании самого здорового и угрюмого. Такой запросто мог быть убийцей.

Несмотря на то что она еще не решила точно, будет ли так жестко наказывать чистильщиков, но обустроила все так, что будто бы полна решимости совершить казнь.

Утром предполагаемого злодея вывели из тюрьмы и подвезли к дворцу. В повозке уже лежал приготовленный огромный камень, обвязанный веревками и предназначенный для того, чтобы вскоре оказаться на шее несчастного.

Королева вышла на балкон.

— Последний раз спрашиваю тебя, негодяй, как погиб господин Хубертус? У тебя осталось совсем мало времени, чтобы обманывать меня... Жду!

И тут чистильщик, похожий на убийцу, не выдержал и все рассказал.

Услышанное повергло королеву не просто в раздумья, а в смятение.

По словам мужика, в тот несчастный день радовался празднику один лишь бедный, наивный господин Хубертус. Новоиспеченным акуарри не было повода для радости: обещанная оплата за их труды так и не поступила. Глава городского совета выдал им по талеру и несколько повозок гнилых бревен и битых кирпичей на строительство снесенных потопом домов.

— С вас хватит! — сказал он. — А если пожалуетесь кому, берегитесь...

Чистильщики надеялись, что в День акуарри господин Хубертус даст им денег, чтобы построить жилье, но он предложил им только пиво и веселье. Да! Еще пообещал: что бы они сегодня ни натворили, за это им ничего не будет...

Они целый день и полночи терпели неукротимую радость господина Хубертуса. Молчали, пока он таскал их по пивнушкам и сам резвился, как младенец. Скрежетали зубами, когда фаворит заставлял их любоваться отражением звезд в Клоаке. Но когда он предложил им искупаться в озере нечистот и тем самым принять крещение настоящих акуарри, они зароптали:

— Господин Хубертус, не кажется ли вам, что вода не только грязна, но и холодна?

— Жалкие трусы! — взревел в ночи, как балаганный лев, королевский фаворит. — Что я слышу — акуарри испугались грязи?! Холод вам страшен?! Может быть, вы еще не переносите запах вони?! Благовония вам подавай?!

Он поносил свою команду такими площадными словами, что пьяные мужики кинулись на него, желая крепко поколотить, тем более что, согласно указу, за это их никто бы не наказал. Но господин Хубертус своими кулаками, похожими на ядра, раскидал их по поляне.

Тогда самый хитрый из акуарри предложил:

— Хорошо, господин Хубертус, вы убедили нас, только нам хотелось бы, чтобы вы показали нам пример и доплыли до другого берега...

Главный акуарри громоподобно захохотал и, скинув с себя одежду, нырнул в озеро.

— Как только он доплыл до другого берега, мы разбежались в разные стороны. Возможно, вода оказалась слишком холодна, или господин Хубертус наглотался нечистот... Мы не убивали его. Пощадите, ваше величество...

Королева ушла с балкона с опущенной головой и несколько дней не показывалась на людях. В это время мужики томились в тюрьме в ожидании своей участи.

Наконец королева вызвала к себе главного судью и повелела отпустить чистильщиков по домам.

— Никого топить не будем, ваше величество?

— Почему же не будем... Будем! Отправьте людей за главой городского совета...

Так королева осталась одна.

Зиму она провела в тоске, никуда не выезжала из дворца, а весной стала выходить на балкон. По вечерам она садилась в кресло и, закутавшись в плед, погружалась в свои грёзы. Она вспоминала возлюбленного, те чудесные моменты ее жизни, которые были связаны с Хубертусом.

Ее очень расстраивало то, что со временем воспоминания становились все расплывчатей, выцветали, теряя свою яркость и остроту. Ее воображение уже не возбуждал вид умывальни, в которой когда-то плескался могучий Хубертус, а она из окна любовалась его обнаженным телом. Королева дорожила своими грезами, потому что ценнее их у неё ничего не было.

Но — увы! — безжалостное время уносило возлюбленного в небытие. Иногда королева с ужасом ловила себя на том, что не может вспомнить цвет его глаз или голос, не говоря уже о том, какие песни распевал он за работой.

Однажды, когда яблони уже зацвели в саду, она задремала под лучами теплого закатного солнца. Ей приснился такой необычайно явственный и чувственный сон, как будто Хубертус в эти минуты был рядом с ней. Вот он, легко подхватив ее на руки, куда-то стремительно побежал... Да, да! — рванул вверх по лестнице все выше и выше... и вот уже небеса, взбитые перины облаков, на которых они могут возлечь...

Даже проснувшись, королева продолжала ощущать не только присутствие Хубертуса, но и его сильные руки, обнимающие ее талию. От волнения королева встрепенулась, вскочила с кресла, надеясь увидеть рядом возлюбленного. Увы, его не было, хотя что-то по-прежнему очень ярко напоминало о нем.

Сердце рвалось из груди. Королева глянула вниз с балкона и увидела старого садовника, который, что-то мурлыча под нос, рассаживал цветы и удобрял их навозом. Зловонные испарения поднимались вверх...

В другое время ее величество приказала бы наказать неучтивого садовника, но сейчас она, тяжело дыша, крикнула вниз:

— Эй, садовник, можешь не убирать на ночь тележку с навозом... Пусть останется здесь до утра.

Александр Калужский

Музыка сумерек

Танюше

У сестры была волшебная шкатулка
из причудливого бука цвета мёда —
перламутром инкрустированный ларчик,
привезённый ей в подарок с дельты Нила.
Вынешь каури — волна взрокочет гулко,
заиграет аметистами жеода...
Но диковинок и самоцветов жарче
жгли желания, что та в себе хранила.

В ограниченном и замкнутом пространстве,
чьи детально проработанные грани
оттеняли перламутра переливы
лакированной фанерной подоплёкой,
мне повеяло *вещественностью* странствий —
убедительнее кадров на экране, —
будто втиснулся в привычные мотивы
звук пленительный мелодии далёкой.

И теперь по кварцу, смолотому в крошку,
я бреду уже спустя полвека с лишним;
жгут костры на берегу — обрывки речи
заглушают водяных валов раскаты.
Я глазами выбрал лунную дорожку —
так яснее разговаривать с Всевышним
о сестре и нашей с нею первой встрече;
так светлее сердцу в ночь её утраты.

Александр Калужский (1958) — поэт, переводчик. Родился на Чукотке, жил и работал в Свердловске. Сейчас живет на юге Калифорнии, куда ежегодно приплывают серые киты, чтобы продолжать свой род. С Чукотки. Напрямик.

В чужбине жизнь — контузия по сути;
и за полночь, глаза свои закрыв,
я возвращаюсь к неизбывной смуте;
переживаю заново разрыв:
железа лязг, удушье от угара,
несущийся во тьму локомотив
и пламя на лопате кочегара —
так изведут, что к вящему стыду,
бессильный перед тягою кошмара,
с подножки в ночь срываюсь на ходу...

Когда же хворь не валит столь сурово,
а небеса падучую звезду
лишившему себя родного крова
зажгут перед рассветом напослед,

сырые крылья выпрастает слово
из кокона немотного — на свет.

Сонора

Сушь от нескончаемого зноя;
жёсткий, словно крылышки стрекоз,
кроет воздух яблоко глазное
едкой солью от горячих слёз.

Языками киноварной хмари
наплывает марево, и в нём
никнут долу дерева и твари
под неутихающим огнём.

Впереди хребтов багровый контур
и провалы меж отрогов гор,
где уже когтил огромный кондор
этот издыхающий простор.

Вытесненным обитателям ночь возвращает предместье:
цокают когти койота, разносится хохот совы, и
духи вождей диегуэньо выходят, взыскуя возмездья,
будто оралом, корнями сосен взбугрив мостовые.

Глухо стучит каучуковый шланг на безлюдной заправке,
пращуров прах разметавшей под резервуары с горячим.
Видишь сноп искр? — Это призраки правят свои томагавки,
скачут, да так, что заходится почва в недуге падучем.

Вместе с ней скачет и валится с кухонных полок посуда,
рамы сползают по стенам гостиных, столовых и спален...
Пригород бьётся в ознобе от новых толчков из-под спуда,
глядя на свежие трещины — карту грядущих развалин.

Над Большим каньоном облаков гряда
обостряет ощущение глубины
здесь, где даже с парапета не видны
ни земля на дне разлома, ни вода.

И когда, назад от кромки отступив,
уловил внизу зеленоватый свет,
он играл, как жадеитовый браслет,
узкой змейкой заползая в объектив —

на запястье чьей-то вскинутой руки
в знак прощанья... или был тому виной
колыхавший воздух августовский зной,
оживлённый переливами реки?..

Померещилось, как есть, из-за жары...
даже сразу не припомню, сколько лет,
и потерь, и расставаний с той поры
промелькнуло, как исчез её браслет,

как растаял в летнем воздухе паром
с лепесткам подобной облачной грядой...
и дышал бедой зияющий разлом
под студёною прозрачною водой.

Я гляжу, как если бы извне,
на себя, идущего домой;
но глазам, привыкшим к белизне
в эту пору, следом за каймой
снежных дюн рисуется лыжня,
ледяных торосов бирюза,
где малец, похожий на меня,
снег смахнув, посмотрит мне в глаза —

нависая над озёрным льдом,
смотрит сквозь студеную слюду,
чувствует: сейчас войду я в дом
и усталый взгляд свой отведу,

продолжая разговор немой
за прозрачной гранью ледяной.

Blind Man's Holiday¹

Враскачку мотается тамбур,
гремит межвагонная клеть, —
как будто курьерскому в Гамбург
потребно до света успеть.

¹ Дословно: «выходной незрячего» — устойчивое словосочетание, означающее сумерки, т.е. время окончания работ, поскольку дневной свет угас, а свечи ещё не зажгли (англ.).

Не с тем ли, чтоб образы, лица
и тени сплетались в канву
двойных и тройных экспозиций,
непрочных, как сны наяву,
но твёрдых в своём постоянстве
являться опять и опять
и времени срезы в пространстве
затейливо переставлять,
прельщая надеждой на ёмкий,
реальностью дышащий срез,
покуда густеют потёмки
у палевой кромки небес?

Случается, вкус или запах —
сколь б ни были беглы они —
приносит в невидимых лапах
пред очи предальные дни;
но музыка сумерек чаще
вершит свою власть надо мной,
сплетая черты настоящей
картины и грёзы иной.
Три ноты тревожных совпали,
и паузу крик распорол:
то рвётся на красный в Занкт-Паули²
подвальная голь — рок-н-ролл.

Как палуба, подиум валок;
*elektrische Kabel gefunkt*³,
и вывеска полуподвала
краснеет во тьме: «Агитпункт»...
А музыка льётся всё та же;
но яблоко бабушки Смит⁴ —
клубок убывающей пряжи,
и диск на погоду скрипит. . .

И впрямь поскорее в отель бы
и шишек подкинуть в камин —
отвлечься на время от Эльбы,
её чёрно-белых картин —
пусть гонит огонь свою повесть,
смола, полыхая, течёт.
А завтра чуть свет — и на поезд —
оплачивать гамбургский счёт.

² Значный район Гамбурга, квартал «красных фонарей», где «Битлз» начали свою сценическую карьеру.

³ Электрический провод заискрил (нем.).

⁴ Сорт яблок ярко-зелёного цвета, выведенных изначально в Австралии; изображение этого яблока стало торговым знаком компании «Эппл», созданной музыкантами «Битлз» в 1967 г. (все примечания автора).

Татьяна Андреева

Стремительный почерк

Рассказы

Море

После первого класса за буйство, двойки и мамкины слезы Сашку послали к прабабке в гиблое место. Вымершая деревня, избы разной степени разложения, иных и вовсе нет, их могилы заросли крапивой, лопухами, поминальными факелами иван-чая.

Кроме прабабки, ни одного самого завалящего взрослого, не говоря уж о пацанах. Бабка ведьма ведьмой: скрюченная, чуть выше Сашки, вся в черном, только и видно мелкое печеное личико и коричневые кривые пальцы. Молчит как неживая, смотрит мимо.

Сашка заскучал, собрал манатки, стырил у бабки хлеба и еще до обеда пустился в бега. Лучше пусть дома выпорют, не привыкать.

Тропинка шла через лесок, потом по полю вниз к ручью, спрятанному в кустах, от него поднималась вверх. Обдумывая, не срезать ли через поле, он глянул вперед и остолбенел. Замер, поморгал — оно не исчезло. «Откуда оно здесь? А чё никто не сказал?»

От кустов до самого горизонта синело море. Настоящее море с волнами. Ветер гнал над ним лёгкие облака, их тени плыли, как стая огромных китов. До этого Сашка видел море только на картинках. Он рванул вниз по полю, навернулся, уронил сумку, бежал под стук в ушах, трава стегала по ногам.

Почувствовал подвох, когда с разбегу перелетел ручей рядом со сгнившими серыми мостками. Море исчезло. Оно распалось на тысячу отдельных растений, под голубыми волнами видна была зеленая восковая подкладка. По краю росли отдельные низкие стебли льна вперемешку с васильками, а дальше поле, поле до горизонта.

Саша как подрезанный плюхнулся на берег поля в низкую сухую траву. Он держал в себе слёзы, пока в руку не впилась колючка. Только тогда заплакал. Ревел долго, как маленький, пока слезы из горьких не стали сладкими.

Встал, все еще прерывисто вдыхая, подобрал рыхлый березовый сук, побрел в глубь поля, махал им сначала вяло, нехотя, но начал злиться на гибкие ускользающие стебли и бил уже наотмашь, сражался с азартом, представлял себя безжалостным пиратом, а когда палка сломалась — пиратским кораблем. Менял галсы, раскинув руки, под ладонями влажно струились волны. Подставлял ветру лицо на просушку, улыбался облакам, шурился солнцу, бороздил просторы, наконец затонул и долго-долго следил со дна за проплывающими над ним белыми китами, осьминогами и дельфинами.

Татьяна Андреева — родилась и живет в Москве. Закончила Финансовый университет при Правительстве РФ. Выпускница литературных курсов Creative Writing School. Участница семинаров Школы писательского мастерства «Пишем на крыше». Публиковалась в журнале «Пашня». В «Урале» печатается впервые.

Повернул голову и заметил среди бледно-зеленых водорослей синий кристалл. Сашка знал, что это василёк. У берега их много, и они скучные. Здесь, на глубине, васильки попадались редко, как драгоценные камни. Сашка выискивал их, нырял, задерживая дыхание, и вытащил целых девять — крупных, с сине-фиолетовыми гранями.

Лег на дно, прижал их к себе и превратился в сундук с сокровищами. Над ним рябили волны, подрагивало сквозь них солнце, где-то высоко металась чайка, торговцы бились с пиратами, шторм сменялся штилем, море выталкивало острова и забирало обратно, менялись течения, рассыпались царства, дворцы зарастали лопухом и иван-чаем, а волны качали всех без разбора: и правых, и виноватых, и двоечников, и отличниц, и он лежал на дне тысячу лет, пока не проснулся оттого, что хочет пить и писать.

Пошел обратно, попил воды из ручья, хозяйским глазом прикинул, где лучше сделать запруду. Отыскал нагретую солнцем сумку, начерно заглянул в заброшенный дом на краю деревни, втянул манящий запах гнилого дерева и лежалого сена, заметил рядом куст черной смородины, а за ним яблоню, но не полез через крапиву — успеется.

Бабка стояла у калитки. Тут только он понял, что несёт букет васильков, как девчонка, и от смущения протянул его бабке. Та постояла неподвижно, вытерла руки о блеклый передник, взяла цветы, поднесла к острому носу и посмотрела на Сашку. Сашка тоже посмотрел на бабу. Глаза у нее были под цвет васильков.

Последний август

Лев Семёнович — легенда. Лучший ветеринар в городе, тонко заточенный на собак. Из года в год вытаскивает их с того света, удерживает на краю пропасти, чтобы хозяйка смогла прожить с ними еще один день. Пусть под капельницей, пусть под наркозом.

Попасть к нему невозможно, особенно если срочно. А надо срочно, а запись на сентябрь. Отчаяние тем сильнее, чем слабее Грета. Все мысли о том, как поела, сколько раз вырвало. Уколы, таблетки, капельницы.

И вдруг удача — сосед по дачному поселку Борис, сто пятьдесят килограмм доброты, тоже ветеринар, но лечащий коров, свиней и овец, к которому в двенадцатом часу ночи прибежала Маша, а к ним можно было в полночь-за полночь, такие они, Боря с женой Наташей.

Оказалось, Боря знал Льва Семеновича, да как знал! Учились вместе в институте, в аспирантуре, даже защитились в один месяц. Боря по куриным каким-то болезням, Лев по собачьим. Дружат, советуются, вместе отдыхали в Карелии в мае, и он, конечно, примет их с Гретой. Все это Боря говорил, пока Маша, которую отпустило впервые за несколько дней, сморкалась в бумажное полотенце и остаточное всхлипывала.

Августовская ночь чернела за окном, а здесь надеждой сияла старорежимная люстра с бахромой, грел руки незаметно подсунутый Наташей чай, Боря обсуждал со Львом Семеновичем по мобильному что-то свое, а потом дал трубку Маше, чтобы не играть в испорченный телефон.

Маша растерялась, заговорила торопливо, сбивчиво про все подряд, что Грете тринадцать лет, что три дня не ела, лежала едва дышала, что вызвала ветврача Светлану, анализы, лекарства, беготня по аптекам, но ожила, поставили почечную недостаточность и кучу болячек помельче. А сегодня стало хуже, совсем плохо.

— Завтра к девяти в клинику. Возьмите все анализы. Что у вас есть?

Маша перечислила, рентген пришлют завтра утром.

— И мочу возьмите, утреннюю порцию. Все, жду.

Наутро ливень. Маша надела штаны, футболку, ветровку с капюшоном, спустилась с крыльца, позвала Грету. Та не шла.

Грета боится ступеней. Грета глухая. У Греты катаракта, и Маша не знает, как собака ее видит, и видит ли вообще. Маша зовет Грету, стучит ладонью по мокрому колену, в другой руке баночка из-под томатной пасты «Ящик астраханских помидоров», стерилизованная ночью в СВЧ. Как ее брать, эту первую порцию? Грета не идёт. Маша возвращается на крыльцо. Звук Ватсап. Результат рентгена и сообщение от ветврача Светланы. Метастазы в легких, четвертая стадия неоперабельная, химия только продлит мучения... на дожитие... окружите любовью... последние дни.

Маша за ошейник стаскивает Грету с крыльца, открывает калитку. Выходят. Пустая улица дачного поселка. Ливень, искривленный мокрыми очками. Может, Грета вот так видит? Пойдем, — говорит Маша и идет. Грета стоит. Маша возвращается. Грета сходит на обочину, приседает. Маша срывает с банки крышку. Нужен анализ. Или уже не нужен? Какой смысл? Закручивает крышку. Поднимает теплую банку, смотрит на просвет. В ней нет просвета, она мутная, кроваво-коричневая. Висит между Машей и небом. Небо не выдерживает, падает на землю, исходит полосами ливня. Они облепляют куртку, как серые мокрые бинты. Машу сжимает холодная, скользкая от пота ветровка, Маша задыхается. Она ничего не видит за дождем. Да и нет ничего за дождем, он смыл золотые шары в палисаднике, яблони, реку, высокое небо. Небо упало на землю, а земля, жадная земля, тянущая в грязь мокрые кроссовки, полна трупов. Они прямо здесь, в глубине, под ногами, никто не увернулся, и Грета не увернется, и Маша. Не сегодня, так завтра. Грета исчезает за серой пеленой, будто и не было ее никогда. А может, и не было? От этой мысли становится легко и сразу стыдно.

Маша шмыгает носом. Грета подходит, прижимается мокрым боком к ноге, как всегда, когда хочет утешить. Не видит, не слышит, чувствует запах слез. Грета пьет из лужи, уходит вперед. Остановилась, обернулась. Дождь немного притих. Маша смотрит на Грету сквозь мокрые очки, Грета смотрит на Машу сквозь катаракту. Запоминают.

У ветклиники ливень стих, осталась морось.

— Лев Семенович, уже поздно.

Маша показывает снимок и сообщение в Ватсапе.

— Пока собака жива, ничего не поздно. Вот направление, сейчас едете на КТ, по результатам назначим химию. Не таких вытягивали.

— Она выздоровеет?

— Нет, на этой стадии нет, но мы продлим ей жизнь. Надо бороться!

— Но какой тогда смысл, зачем продлевать мучения, ведь все равно потом...

Лев Семёнович перегибается через стол:

— Нет никакого потом. Забудьте! Есть сегодня, и сегодня делаем все, чтобы она не умерла. И так каждый день. Я так живу. И вам советую.

Маша выходит на улицу, садится на мокрую скамейку. Грета валится на бок у ее ног, надрывно дышит, закрывает глаза. Дождь опять гсущается, капли бьют по листку с направлением, оставляют от слов бесполезные жалкие буквы.

Кругосветка

Дачное лето истекало мёдом, лопалось от спелости. Солнце жгло спину, слепило глаза, бежало по венам. В доме бесчинствовал сквозняк, трепетали ситцевые занавески, в медном тазу томно булькало вишневое варенье, и лишь старое супружеское ложе желало проводить дни и ночи в спокойствии и неподвижности. Стоило нам пошевелиться, и оно кряхтело, трещало и взвизгивало. Ритмичный скрип в ночной тиши выдавал нас с головой. Мы стекали на пол, но пол, тоже не первой молодости, принимал эстафету от ложа. Кругосветка возникла из безысходности, и вначале называлась «мы на пляж».

«Мы на пляж», — говорили мы после завтрака, оставляли двухлетнюю дочку на бабушку и спешили, томясь, к реке Воронеж. Пляж назывался Первый коровий. Когда-то сюда гоняли коров на водопой, теперь паслись дачники. Мы на ходу бросали полотенца, у воды скидывали шлепанцы и уплывали по течению мимо Второго коровьего — маленького, с неудобным входом в реку, но тоже оживленного — до Тропиков.

Тропики не были пляжем. В высоких зарослях камыша и осоки виднелся расчищенный нами узкий проход на берег. Чтобы не снесло течением, метрах в пяти до прохода мы цеплялись за камыши — при этом избегая осоки, — перебирали руками, захватывая сразу несколько стеблей, и яростно работали ногами. Наградой была полянка с шелковой мягкой травой, окруженная непролазными кустами. Иногда уже издали мы видели серый нос лодки, торчащий из Тропиков, высоко поднятое удище и красный поплавок, застрявший в камышах.

Мы переворачивались на спину. Вода ласкала нас, небо стелило бесшумные перины облаков. Река изгибалась, пляжи скрывались из виду. Выходили на другой берег — высокий, обрывистый, с торчащими корнями и норками ласточек-береговушек. У тарзанки толпились подростки. Они разбегались, летели пару секунд, плюхались в воду, карабкались обратно, оскальзываясь на мокрой глине, и так по кругу ради мгновения полета. У них была своя кругосветка.

Мы бежали по колкой тропинке в дубовую рощу. Кусты цеплялись, оставляя на нас письма. Комары, слепни и мошки слетались, как вечерами к лампе на веранде, и мы стегали себя ветками по спинам. Углублялись в тень, в нежную прохладу, в шелест листьев, сливались с рощей, друг с другом, со стрекотом кузнечиков, запахом мятой травы. Звуки стихали, мир тонул, растворялся, исчезал. Оставались только мы, только мы вдвоем, никого, кроме нас.

Потом возвращался стрекот, крики с тарзанки, солнце путалось в дубовых ветках, муравей полз по руке. Мы лежали, сплетаясь ветвями, бессильные и безмятежные. Пот высыхал, становилось зябко. Саднили царапины, чесались комариные укусы. Мы надевали влажные купальники и шли греться на солнце.

Плыть против течения не было сил. К счастью, река здесь петляла, образуя полуостров. Лениво, не торопясь, по чуть заметной тропинке пересекали поле с тархтящим вдали трактором, переходили мелкую безымянную речку с усталыми ивами по берегам. За речкой ждало нас второе поле, уже скошенное. В отдалении по правой его стороне толпились кружком два десятка молодых дубов. Пара коршунов то кружила над ними, то замирала на ветках. Мы сворачивали к этому островку, шагали осторожно, замирали на одной ноге, опираясь друг на друга, высматривали брод в колкой стерне. Не устояв, падали, напарывались на острые низкие стебли. Поднимались, дули на жарко нывшие ладони, растирали бордовые вмятины, шли дальше. Юные дубы принимали нас в свой круг. Коршуны улетали.

В конце концов вновь выходили к реке, но уже выше Коровьего, напротив турбазы «Белые пески». Переплывали реку, ложились на белый раскаленный песок на солнцепеке или на белый прохладный песок под деревом и дремали.

Плавали, прыгали с мостков, играли в волейбол со знакомой компанией. Иногда возвращались через турбазу по суше, но чаще плыли по течению, лежа на спине, глядя в небо, соприкасаясь плавниками. Облака висели над нами пыльными булочками, воздушными безе, подтаявшим мороженым. Завершали круг на Коровьем, надевали шлепки на исколотые ноги, накрывали полотенцами плечи и шли на дачу обедать. Аппетит в дни кругосветок был у нас зверский.

Журавлики

С одеждой Марина не заморачивалась. Летом джинсы и майка, зимой джинсы и свитер. Для редких особых случаев у нее были широкие а-ля мужские брюки, бежевая шелковая блузка и кашемировая водолазка цвета пыльной розы. Эти покупки лет пять назад дались ей нелегко. Было жалко и нервов, и денег.

Давняя университетская подруга пригласила на крестины дочери. Отказываться неловко, да и с подругой хотелось повидаться. В храме Марина была лет пятнадцать назад, во время экскурсии в Киево-Печерскую лавру. И помнила про церковный дресс-код — длинная юбка и платок.

Юбок в шкафу не оказалось, равно как и платьев. И немудрено. Марина безжалостно выбрасывала всё, что не надевала более полугода, освобождаясь от ненужного хлама.

Доставка к крестинам не успевала, и Марина обреченно потащилась в ближайший торговый центр. Чтобы не растеряться, как это с ней бывало в магазинах одежды, по дороге сформулировала четкие критерии платья для церкви: длинное, скромное. На этом мысль останавливалась. Ну и довольно, лишь бы поскорее отмучиться.

Сделав лицо посуровее, чтобы защититься от консультантов, она ступила на территорию магазина «Оффпрайс». Первого попавшегося ей на пути. Быстро отобрала пять экземпляров, подходящих по критериям и размеру, получила табличку и нырнула в кабинку. Потев и задышавшись, вошла в первое платье. В зеркале отразилась сорокалетняя тетка с красным испуганным лицом, в дурацком платье поверх джинсов.

На втором она устала и отчаялась.

На третьем решила отказаться от крестин.

Четвертое было вроде бы ничего. Лёгкое, длинное, с летящими по нежно-голубому шифону журавлями. «Ну, не знаю», — раздумчиво протянула она, глядя в зеркало. Сняла джинсы и немного покрутилась. Подол свободно и весело разлетелся, задев стены кабинки.

Марина вышла, чтобы посмотреть на себя в зеркало издали. «Очень вам идет, — услышала она голос за спиной, — ваш фасон, и село идеально». И пока продавщица говорила, Марина такой и видела себя в зеркале: помолодевшей на десять лет, стройной, легкой. И чувствовала, что уже любит это платье и даже себя в нем.

«А почему только в церковь? — она стремительно шагала к дому в обнимку с пакетом. — Летом буду носить, а то все джинсы да джинсы». И вспомнила, что в детстве, ещё до школы, у неё было любимое платье с журавликами.

Дома продолжила примерку и отправила фото маме в ватсап с подписью: «Подойдет для церкви?»

А потом еще: «Помнишь, у меня в детстве было похожее?»

Ответ пришел через пару минут: «Тебе не идут рюши. И тебе не пять лет».

В зеркале отражалась растерянная сорокалетняя женщина в дурацком платье с рюшами.

На крестины Марина пошла в брюках и блузке, а платье сдала обратно в магазин.

Сумочка

Резкий, судорожный звонок в дверь, сразу за ним стук. В глазок Аня видит девушку. Та мечется, звонит во все двери на площадке. «Откройте! Откройте мне, пожалуйста!» — кричит она, и голос срывается. Никто не открывает. Аня зовет мужа.

— Не открывай, — говорит он, посмотрев в глазок, — я читал, так поступают грабители: подсылают девушку, ты, наивная, распахиваешь дверь, а они врываются вслед за ней.

Были девчонистые, черт-те что творилось.

— А если нет? Если за ней действительно гонятся? — хватается за вертушку замка.

— Нет! Не смей! Подумай о детях! Мы впустим, и те, кто за ней гонится, ворвутся следом! У нас же дверь картонная. Ее убьют, и нас заодно, и наших девочек. Ты этого хочешь? Открывай! Давай!

Не открыли. Никто не открыл. Пятый этаж, последний. Девушка срысывается вниз по ступеням, на площадке роется в сумочке, мелкие вещички падают на плитку. Аня отрывается от глазка, уходит в глубь квартиры. Через полчаса выходит. В подъезде тихо, ни девушки, ни крови, ни вещей на полу.

Несколько дней читает новости в московских газетах, раздел происшествий молчит. Соседи молчат. По телевизору ничего. В воображении картины одна страшнее другой.

Четверть века спустя ей снится чужой подъезд, немые глухие двери, дрожащие руки. Сыплются из сумочки на кафель бесполезные ключи, тубик помады, скомканный носовой платок с розовым кружевом в уголке, картонный билет с дырочками цифр. Топот приближается, спасения нет. Кричит, муж будит ее.

— Никогда тебя не спрашивала, но помнишь, когда мы только переехали в Первый Рижский — у нас ещё дверь держалась на честном слове, — к нам звонила девушка, а мы не открыли. Помнишь?

— Нет, не помню такого. Какая девушка? Это она тебе снилась?

— За ней гнались, а ты запретил открывать. Прикрылся детьми.

Муж включает лампу, смотрит внимательно.

— Когда мы только переехали, дети жили у твоей мамы. Вспомни. Мы их забрали после того, как дверь железную поставили.

Да, детей не было.

— Неужели ты думаешь, что я бы не открыл?

Анна Петровна идет на кухню, садится у окна. Да, он бы открыл. В ее воспоминании был другой муж, предыдущий. Но он никогда не был в Первом Рижском. После развода она его не видела. Может, это было в квартире на Филах, где они жили с первым мужем? Нет, там в глазок не видно лестницу.

Окна соседнего дома темны. Фонари не горят. Тьма лезет с улицы на кухню. Анна Петровна роется в памяти, и что-то сыплется на кафельный пол, не разобрать, где явь, где сон, где память, где фантазия. Может, и другие ее воспоминания — пустота и морок? Может быть, она спит, и нужно закричать, и какой-нибудь муж, предыдущий или последующий, разбудит ее, если он существует. Если она существует.

«Откройте!» — закричит она. Если кто-то откроет, растворится картонный билетик, истлеет платок, сумка рассыплется в прах, обернется трухой, труха впитается в землю, и не останется ничего, совсем ничего не останется от девушки, которой не было.

— Откройте, откройте мне, пожалуйста! — кричит Аня так громко, как только может, и голос срывается.

Стремительный почерк

— Нарисуй мне такое же, — я пододвинула альбом соседке по парте. Учительница задала нарисовать другую планету. У Ирки в альбоме плавные холмы и несколько солнц в небе. Она и мне нарисовала то же. Дома я сделала холмы зелеными, небо синим, лишние солнца стерла, зато добавила двух космонавтов с буквами СССР на шлемах. Честный пионерский рисунок.

У Ирки не было космонавтов. Инопланетный пейзаж, от которого невозможно оторвать глаз. Этот рисунок я вспомнила, когда впервые увидела «Звездную ночь» Ван Гога.

Она и сама была как инопланетянка. Выше всех в классе, легкая, с длинными руками и ногами. Статуэтка африканской девушки, только белая. В художественной школе с ней носились как с юным дарованием. Нам, простым смертным, она рисовала всё, что попросишь. Сочиняла стихи на ходу и тут же их забывала. Колька Егоров попросил написать для его мамы на день рождения. Ирка продиктовала. «Слишком складно, мамка не поверит, что это я». — «Ухудшай, — засмеялась она, — не жалко». Дарила рисунки, давала списывать, делилась завтраком. Непохожих часто травят. Её не трогали, а случись такое, она бы не заметила.

Однажды её несколько дней не было в школе. К телефону никто не подходил. Потом вернулась — тихая, бледная. Спросила:

— Ты веришь в реинкарнацию?

Мы стояли у окна на перемене и смотрели вниз. Карапуз, раскинув руки, неуверенно шел за голубем, бабушка, раскинув руки, — за карапузом.

— Во что?

— Что мы умираем и потом снова рождаемся, — она подняла лицо к небу. — Я верю. Мы живем вечно.

Мне было двенадцать. Впереди и так была вечность.

— Да ну, ерунда какая-то, бабкины суеверия.

Она рассказала о наследственной болезни, которая делает руки и ноги восхитительно длинными, а жизнь исчезающе короткой. Ирина жизнь будет короткой. Её мама уже исчезла.

Мы учились вместе до десятого класса. Ирка рисовала на уроках, на переменах, дома, в гостях. И дарила, дарила работы всем, кто попросит.

Иногда мы гуляли после уроков, наматывали километры по микрорайону. Она всегда что-нибудь рассказывала — быстро, взхлеб. Восклицала, размахивала руками, пританцовывала. Я слушала. Играли в стихи, по очереди сочиняли по две строчки. Я надолго задумывалась. Она кричала: «Не думай, просто говори, что в голову придет!» Получалось глупо и смешно. Мы складывались пополам от хохота, Ирка начинала икать, становилось ещё смешнее, болели живот и щеки.

После школы я поступила в финансовый, она в Суриковское. Часто уезжала на этюды или просто где-то пропадала, виделись редко.

Помню, как ждала зимой у МХАТа, не чувствуя пальцев. Кляла себя, что доверила Ирке билеты. Ведь прекрасно знала, что она в лучшем случае опоздает, а в худшем вообще забудет. Тот случай был худшим и кончился для меня воспалением лёгких.

Она брала займы и не отдавала. Если напомнить, говорила «ой, я забыла» и снова забывала. Денег у неё никогда не было. Однажды ее, стройную красавицу, прямо на улице пригласили манекенщицей к Славе Зайцеву. Там хорошо платили, но и эти деньги утекали неизвестно куда.

Моя жизнь обогатилась замужеством, пеленками, ветрянками и квартальными отчетами. Ирка вела детскую изостудию, писала картины, выставлялась на неведомых мне выставках. Изредка забегала. «Какие фаномские глаза у твоих девочек!» — восклицала она и бросалась рисовать. «Это ты сама сделала? — склонялась над бухгалтерским балансом. — Снимаю шляпу! Меня от цифр в дрожь бросает».

Я всегда звала ее на день рождения. Иногда она приходила. В последний раз, когда мне стукнуло тридцать. Влетела в цыганской какой-то юбке, в браслетах на тонких запястьях. Протянула листок из блокнота. «Подарок-экспромт! Извини, если неразборчиво, в метро писала». Я успела прочесть только «Стремительный почерк...», и ввалились новые гости.

После дня рождения листок пропал. Через месяц пропала Ирка. Уехала в Крым на этюды и не вернулась. Её долго искали. Надежда то разгоралась, то

гасла. Я замирала перед картинами, всматривалась, будто через них можно увидеть ее. Акварельное порхающее небо. Зимний московский двор в синих сумерках. Портреты меня восемнадцатилетней. «Мы живем вечно».

Её не нашли. Через пять лет официально признали умершей. Спустя два года мы затеяли ремонт в прихожей. Муж отвинтил от стены обувницу, и к моим ногам спланировал листок.

Стремительный почерк, слетающий косо
с карандаша...
Прорваться что хочет — стихи, или проза,
или душа?

Что сказано — былью ложится навеки,
не сказано — тлен.
Бумага послушно хранит человекам
память колен.

По кругу идет это или спирали,
я знаю одно:
мы вечно рождались, и мы умирали,
как заведено.

Несчетные даты рождений и смерти
все стёрлись — осталась одна.
Осталось рождение, а смерти не верьте,
не вечна она.

После десяти

К привычным летним звукам: чириканью, далекому гулу шоссе примешивается тихий стон, вздох. Оля открывает глаза. Марсель, увидев это, прекращается из изваяния в живую собаку. Морда его лежит на краю кровати, карие глаза полны страдания, но не укора. Оля трет горячие щеки, смотрит на часы.

— Прости, мальчик, прости.

Лабрадор скулит громче, притопывает, виляет хвостом.

— Идем, идем, милый.

Они спускаются по горячим желтым ступеням на первый этаж. Оля распахивает дверь. Марсель выскакивает на участок и бежит к дальнему забору.

Всегда, с раннего детства, у Оли были собаки. Иногда ей кажется, что своих Лапу, Трезора, Салли и вот сейчас Марселя она любит не меньше, а то и больше, чем людей. Их тени мелькают тут и там под деревьями и в беседке, будто не уходили они на радугу, а так и живут с нею.

Солнце почти в зените, немилосердное июльское солнце. Оля опять проспала все, что так любит: прохладную рассветную зелень, длинные тени, подводную тишину дачного утра, яркий рассветный запах гортензий и лилий.

Возвращается в дом, поднимает с пола контейнер, чисто вылизанный Марселем. Вот опять. Пеняет мысленно Игорю — трудно ли убрать в посудомойку? — но радуется, что поел, хоть и ночью. Игорь теперь приходит поздно, когда Оля уже спит, уходит рано, когда она еще спит. Ест оставленный в контейнере ужин. Оля сквозь сон чувствует, как он ложится, ворочается, слышит его дыхание. Ранним утром он прикасается к ее спине, шепчет что-то в затылок, будто заранее оправдываясь за позднее возвращение. Она недовольно мычит сквозь сон.

Оля начинает ждать его, едва проснувшись, перечитывает смски, крутит снизу вверх, потом сверху вниз, до последней: «Родная, буду после десяти». Она почему-то тревожится, хотя совсем не тревожна, напротив, своим не-

торопливым, плавным спокойствием смягчает чужое волнение. Ей нравится, как Игорь, войдя в дом взвинченным, резким, уже через десять минут расслабляется, как становятся медленней движения, появляется ее любимая бесшабашная улыбка. В этом ее власть, ее сила — укрощать бурные волны, смирять, приносить безмятежность.

Она любит забраться с ним в ванну и долго-долго водить мочалкой по его каменным мышцам, пока они не станут мягкими. Нравятся его руки, длинные сильные пальцы, овалы ногтей, как и в любом другом существе, нравятся детали и мелкие подробности.

Оля делает кофе, он переливается через край розовой керамической чашки. В лужицу светит луч из окна, и она отсвечивает темной венозной кровью. Оля смахивает лужу и потом долго держит руки под краном. Вытирает каждый палец по отдельности, мажет руки кремом с запахом лаванды. Берет поводок, Марсель виляет хвостом.

Они выходят на улицу, идут под высокими деревьями вниз, к реке. Лабрадор не рвет поводок, как в юные годы, спокойно шагает рядом. Солнце пытается достать их сквозь листву. Пахнет теплой пылью, скошенной травой, гудит за высоким забором газонокосилка.

Первый раз Олечка приехала в Кужекино после второго класса, сняли домик на каникулы. Когда Оля родилась, папе было пятьдесят два, маме сорок шесть. Папа преподавал в военной академии. Позади была кочевая жизнь, скитания по военным городкам: Дальний восток, Урал, Калуга и наконец Москва. Никуда уже не хотелось им ехать, а только вращаться и укореняться.

Снимали каждое лето, а потом купили его у хозяина, перебравшегося в Красную Пахру. Дом был маленький, его расширяли и улучшали по мере возможности. Зато участок тридцать соток и на самом высоком месте в деревне — вровень с церковью. Церковь стояла разрушенная, мальчишки лазили по ней, как по скалам. Олечка не лазила. Она была неспортивная, невысокая, с детства полненькая, округлая, мягкая и неторопливая.

Оле, сколько она себя помнит, тоже не хотелось ни новых мест, ни стран, ни людей. С детства она любила все знакомое: папу с мамой, свою собаку, свою комнату, дачу, реку, тропинку к реке.

Дачная речка течет медленно и плавно, вглядываясь в себя, замедляясь у кувшинок, поглаживая коряги. Спокойная, не широкая, заросшая по берегам камышом, осокой, с нетронутыми островками водных лилий.

Идут подальше от бесящихся на матрасах детей, надувающих сапы взрослых. Марсель топчется под ивой, ходит кругами и ложится в тени. Оля снимает шлепанцы, заходит в речку по щиколотку. Плавать она не любит. Не любит холодную воду, струйки на спине от мокрых волос. С детства боится глубины, хотя какая там глубина. Стоит, любит кувшинками, следит за полетом ласточек, впитывает тепло.

Выходит, садится на складной стульчик, оставленный рыбаками, и видит под ногами мертвую рыбку, вздущуюся на жару. Вскрикивает, шагает назад, сбивает стул, отходит и отворачивается. Голова вспыхивает болью, ощущение ужаса поднимается, как тошнота. Поднимает голову к небу. Небольшое облако напоминает профиль Игоря. Она смотрит долго, не отрываясь. Облако теряет очертания, растворяется.

Оля зовет Марселя и идет, не оборачиваясь, на соседний бережок — маленький, безлюдный, с заросшим осокой выходом к реке. Садится на траву, обхватив колени, следит, как бегут живые муравьи к не видимому ей муравейнику. Две стрекозы, сцепившись паровозиком, поблескивают над осокой. Оса гудит, пристраивается к белому цветку клевера так и этак.

Возвращаются с речки, разморенные солнцем. Их дом виден издалека. Даже сейчас, когда от деревни осталось только название да пара старых развалюх, когда все застроено коттеджами и Кужекино стало частью Новой Москвы, их дом — один из самых больших и красивых.

В девяностых папа ушел из академии. Со старым другом, удачно что-то приватизировавшим, занялся строительным бизнесом. Сначала в Подмосковье, потом добавились Клин и Ярославль.

Тогда и построили дом: трехэтажный, просторный, с бильярдом, бассейном и сауной в подвале. Гулкий, неуютный, чужой. Оля долго скучала по домику, но потом обустроились, обутились, привезли из московской квартиры любимые вещи, и она привыкла. После окончания школы переехали в Кужекино окончательно.

Церковь стараниями и вложениями папы восстановили, крестились там всей семьей. Подружились с многодетными батюшкой и матушкой. Раньше они приходили в дом после воскресной службы, трапезничали. Дети чинно сидели за столом, вели себя тихо, с каждым годом матушка становилась полнее, детей делалось больше. Оля тогда решила, что если и выйдет замуж, то детей заводить не станет.

Оля достает ключи из-под вазона, отпирает замок и электронную защелку.

Из-за огромного дубового стола, папиной гордости, улыбаются ей родители. Они не живут в доме много лет, ушли вскоре после того, как Оля с Игорем поженились. Сначала папа, а спустя неделю мама.

— Как же вы вошли?

— Как обычно, Оленька, как обычно, — улыбается мама. Встаёт, подходит, обнимает, гладит голову теплой рукой, будто солнечный луч из окна.

— Смотри-ка, шва почти не видно под волосами, отрасли и виться стали сильнее.

— Не люблю короткие, и Игорю тоже длинные нравятся. Буду отращивать.

— Тебе любые идут, моя красавица.

Папа из-за стола показывает большой палец.

— Как ты?

— Марселю сделали прививки. Иван Сергеевич осмотрел, послал на УЗИ и рентген позвоночника. Сказал, он молодцом для его возраста. Посоветовал лечебный корм, я уже заказала.

— Он в отличной форме, — мама смотрит на лежащего у двери Марселя. Глаза у него закрыты, но уши шевелятся, слушает.

— Игоря совсем не вижу, только ночевать приходит.

— Что же поделать, Оленька, что же поделать. Но у него все хорошо, мы с ним на связи, не волнуйся.

— Мамочка, когда же я волновалась. Просто скучаю. Давайте чаю попьём, так жарко, пить хочется.

Оля ставит чайник, достает с полки печенье, варенье из холодильника. Кто-то стучит в дверь, Оля оборачивается — родителей нет. За дверью соседка, Анна Филипповна. Стоит, опершись на палочку. Оля заглядывает ей за плечо на подъездную дорожку — никого.

— Оленька, зашла проведать, как ты? Пряники вот купила имбирные, ты в детстве любила.

— Я и сейчас люблю. Проходите, как раз к чаю.

Анна Филипповна усаживается, пристраивает палку. Марсель ложится у ее ног, закрывает глаза.

— Как у тебя волосы отросли, шва почти не видно.

— Не люблю короткие. Игорю тоже длинные нравятся.

Звякает о блюде чашка, падает палка. Вскикивает и гавкает Марсель. Анна Филипповна смотрит на Олю долгим взглядом. Оля не любит этот взгляд. Встаёт, поднимает палку.

— Вы пейте чай, Анна Филипповна, остынет.

Подвигает к ней варенье.

— Ты бы, Олечка, зашла в церковь. Может, на службу в воскресенье, а? Батюшка спрашивал, мол, пусть приходит. Он папу твоего всегда поминает. Церковь его трудами стоит. Ты видела, как внутри расписали?

— Нет.

— Вот полюбуешься. И на кладбище зайди, так рябинка хорошо подросла, ягоды уже краснеют.

— Вкусные пряники, Анна Филипповна. Свежие.

— Да ты не попробовала. Голова часто болит? Или получше уже?

— Болит иногда... и как будто, не знаю, — Оля говорит негромко, не топясь, подбирает слова, как раскатившиеся бусинки, — странно бывает немного, нереально, не знаю, как объяснить. Это, наверное, мигрень. У мамы тоже мигрени. Наследственное. А вот у Игоря никогда голова не болит, и даже простуды не бывает.

Старушка отодвигает чашку, поднимается.

— В воскресенье зайду, и пойдем. Сил моих нет на это смотреть.

Приходит курьер из «Вкусвилла». Оля разбирает пакет. Пахнет кинзой и укропом, разбегаются по столу помидоры черри.

Готовит ужин. Раскатывает тесто длинными плавными движениями, оно идёт волной и становится ровным, как река в тихий вечер. Оля нажимает пальцем и смотрит, как медленно-медленно выравнивается ямка, пока не остается едва заметный след. Похлопывает по нему, и след исчезает.

Моет зелень. Струя гремит по металлической раковине, как водопад. Выключает воду. Капли падают с зеленого пучка, кап-кап, будто кончился дождь, светит солнце, и влажный воздух пахнет хвоей и землёй, и падают капли с узких рябиновых листьев на укрытый цветами холмик.

Оля режет салат. Отвернув лицо от жара, достает из духовки пирожки. Капают минуты. Заглядывает в телефон, читает смс от Игоря «Родная, буду после десяти».

Выходит, садится в саду. Сумерки, прохладный ветерок на горячих от духовки щеках, цветы пахнут все сразу, кричат где-то дети, лают собаки. Марсель ложится теплым мягким боком на ее ноги. В августе в это время будет темно. Будет небо в слепящих, как искры, звёздах. Оля не станет на них смотреть, звёзд она тоже боится. Не с детства, в детстве любила.

Укладывает ужин в контейнер, защелкивает тугую крышку. Убирает в холодильник. В десять ложится спать.

Лабрадор Марсель засыпает у нее в ногах чутким служебным сном. Просыпается в темноте, вслед за хозяйкой спускается по лестнице. В свете холодильника лицо ее с полуприкрытыми глазами такое, будто она спит. Она как те собаки, что не пахнут и не лают и выются вокруг его хозяйки. Щелчок — и Марсель чувствует запах того, что ему нельзя. Она ест из контейнера рукой, неряшливо и жадно, тяжело опирается о стол. Уходит наверх. Марсель сбивает контейнер на пол, доедает остатки. Поднимается в спальню, ложится на бок, упираясь лапой в спину хозяйки, и засыпает. Сопит, похрапывает, вздыхает. Иногда вздрагивает и сучит лапами, будто бежит за кем-то и никак не догонит.

Оле снятся хорошие сны. В них нет визга тормозов, слепящих искр автотогена, тошнотворной ямы небытия; в них Игорь спит рядом, дышит ей в затылок, под утро шепчет в светлые завитки на шее так, что ползут по позвоночнику мурашки:

— Мне пора.

— Я не могу так больше, мне плохо здесь одной. Можно с тобой?

— Конечно, можно, но не сейчас.

— А когда?

Просыпается от бьющего в глаза солнца — забыла занавесить окно. Включает телефон. «Родная, буду после десяти». Оля начинает ждать Игоря с утра, и ей немного тревожно.

Адель

«Домой-домой, домой-домой», — укачивают колеса. Пахнет свежим бельем, покоем, сладким сном.

В Великих Луках вкатилась пыхтящая толстуха. Клетчатый баул «привет из девяностых», запах табака, вокзала, мокрой куртки. Извлекла из баула коробку от подгузников, намертво заклеенную скотчем, аккуратно убрала под полку, баул пнула туда же. Уселась, тяжело дыша, протянула:

— Хоромы.

Наклонилась, поправила коробку.

— Ты сама-то с Москвы?

— Допустим.

— Знаешь, где там Новая Третьяковка? Как доехать?

— Вам-то зачем? В смысле, знаю, конечно.

— Мне зачем? Я ж туда и еду, на выставку, выставка там у Пашки, завтра последний день — и все, тью-тью, где его потом искать? В Амстердаме? Вот отгул взяла, обыдёнкой еду.

— Чем?

— Обыдёнкой, чем, за день управлюсь, ночь на поезде, потом еще на автобусе — и дома. Дотянула, что билеты за бешеные бабки. И к Дашке в психушку не успела, ну теперь уж как вернусь. Спальный вагон, — огляделась, — зачем мне спальный вагон, если я не сплю? Пить охота. И курить. Ты не куришь?

Вернулась с чаем, с запахом табака. Зазвенела ложкой в стакане.

— Ты мне напиши подробно, как доехать. Надежды мало, ну а вдруг! А то каждую ночь, каждую ночь, блин, перед глазами стоит. Я их со стены убрала вон в коробку, — мотнула головой, — а все равно лежу, в потолок пялюсь. Все думаю, если бы я самый первый рисунок ей отдала, сразу, как из ящика вынула, что б тогда? Сошлись бы они, помирились? Лежу и представляю: достаю из почтового ящика газету, а с ней лист из альбома, рисунок. Я его беру, два пролета вверх — их дверь напротив моей, — звоню, Дашка открывает, я ей — вот, мол, хахаль твой ящиком ошибся. Кабы так! Тут мне совсем хреново делается, тащусь к холодильнику и жру все подряд. Каждую ночь такая фигня, каждую ночь. Если так дальше пойдет, до психушки недолго, к Дашке в соседнюю палату.

Засмеялась, закашлялась. Отхлебнула. Помолчала.

— А что, поговорили бы. Я ж не поняла тогда. Да нет, вру, все я поняла, сразу, там, на лестнице, узнала ее на портрете, я ж ее с детства знаю. Такой был веселый лягушонок, рот до ушей, локти-коленки торчат. Карандашом нарисовано: Даша в окне стоит, тоненькая, руки подняты, шторы раздвигает.

Они в десятом классе учились, а мне-то уже под тридцатник было, перестарок. Стыдно сказать, завидовала им. Идут через двор, светятся оба. Мы в двухэтажном, соседи с Дашкой, а Паша напротив в пятиэтажке, окна в окна с ней.

Что за кошка между ними пробежала? На обороте там «прости меня». Через день открываю — новый портрет, тоже в окне она, вниз смотрит, и на обороте, ну не важно, хорошо так написал. Я и его не отдала, себе заграбастала. Потом еще, еще. С работы чуть не бежала к ящику, будто он мне пишет и рисует, будто у меня прощения просит.

Последний — в тот день, как он в Ленинград уехал, в художку поступать. Они вместе собирались, а вот. Рисунок акварель: окно зашторено, посреди узкая полоска, из нее свет, из комнаты, значит. И на обороте: «я буду ждать тебя всегда».

На другой день, говорят, «скорая» приезжала, вроде как Дашка травилась, я на работе была, не видела.

Закопошилась в полумраке, завозилась, поднялось и опустилось одеяло. Голос стал глуше.

— Да ничего я тогда не видела, как опоенная. Рисунки каждый вечер перебирала, письма наизусть помню. Мне девки в магазине — я в продуктовом работала, — девки говорили, влюбилась, что ли, аж светишься вся. Рамочки для них купила деревянные, со стеклом. Дорого, кстати, обошлись. Повесила в спальне против кровати. Представляла, что я там нарисована. Короче, крышак у меня тогда реально съехал.

«Крышак-крышак, крышак-крышак», — лязгают колеса, раскачивают полку. Шипит радиоточка. Бьет в окно мутный свет чужих полустанков.

— Даша после школы на фабрику устроилась, к матери. Мать ее, Ольга, закройщица была, царствие небесное. Хорошая женщина, хоть и без мужа родила и дочь назвала Аделаида. Ну что за имя? Все ее Дашей звали, а Паша писал — Адель. Есть у тебя знакомая Адель? Спишь? Ну, спи, спи.

В девяностые швейную закрыли, обувную, завод туда же, городок маленький, работы нет. Народ тык-мык, кто уехал, кто запил. Пашкины родители сразу в Питер укатили. Тогда многие в Питер, мы ж в Псковской области, рядом, но были, кто и к вам в Москву.

Мне-то что, я в магазине так и работала, а Дашке с матерью хоть вой. Я им в долг продукты отпускала, по-соседски. Про Пашку слух прошел, что за границу уехал, в Амстердам. Вот тогда она водку и стала покупать. Но тогда всё, дети клей нюхали, взрослые бухали. Дашка стала с компанией ходить, веселая такая, дерзкая, глаза отчаянные. Когда мать умерла — она от сердца умерла, быстро, «скорая» приехала, а уже все, — домой водить стала, пьянки-гулянки, мне ж через стенку все слышно. Через ту стенку, где картины висели.

Села, звякнула стаканом, чертыхнулась, ушла, вернулась с чаем.

— Скатилась она быстро, худая стала, глаза засинели от пьянки, мужики табунами ходили, а че не ходить, за бутылку-то. Тогда и прозвище к ней прилипло, Адель-бордель. Сколько раз милицию вызывала, чтоб не убили ее там. Спишь? Ну спи, спи, а я пойду покурю.

«Адель-бордель, Адель-бордель», — бьются на стыках колеса. Небытие, металлический лязг, деревни растворяются в ночи.

Пришла, поживаясь.

— Я ее подкармливала горячим, она ж одной водкой питалась. В спальню не пускала. У меня в квартирке как войдешь — зала проходная, за ней спальня. Раз не уследила. Дашка в спальню, я за ней, а уже все — увидела. Прямо застыла. Повернулась, глаза такие, смотрит на меня. Потом опять к картинам. Закричала. Страшно так — «ааа, ааа». Трясу ее, она каменная, глаза сухие, мимо меня. «Ааа, ааа». От укола только замолчала. В «скорую» тихую вели, ну и в психушку положили, в Великие Луки, у нас-то нет. Езжу, передачи вожу, фрукты там, как положено. Больше некому, не алкаши же ей повезут.

Я тогда спать перестала. Могли ж они без картин этих помириться? Поговорить могли? Могли! Или не могли. Они ж дети были, хрупкие, как рюмочки хрустальные.

Замолчала надолго. Поезд дернулся, затормозил, снова набрал скорость.

— Я картины прям в рамках сложила. Пусть. Отдам, повинюсь, так, мол, и так, погибает Адель. Как думаешь, возьмет он ее? Столько лет прошло. Но написал же, что будет ждать всегда. Там бы ее вылечили. Как думаешь? А? Спишь? Ну, спи, спи. Мне-то не уснуть.

«Возьмет — не возьмет, возьмет — не возьмет», — пульсируют колеса. Столбы, платформы, черная вода, свет, тьма. Пустой стакан, ложка в нем звенит.

Невель

Бабуля в семье главная, потому что у обоих моих родителей в голове ветер, у мамы к тому же розовые очки, а папа делает, что его левая нога захочет. В выходные они спят, пока солнце в попу не упрется. Бабуля говорит другое слово, но мне его повторять нельзя.

Есть ещё бабушка Уля, папина мама. Я ее никогда не видела, поэтому мы с родителями собираемся в Невель. «Тащат ребенка за тридевять земель», — ворчит Бабуля. В нашем дворе про Невель никто не знает, даже пятиклассник Андрей.

«Не-вель, Не-вель», — мчит меня поезд за темные леса, за высокие горы, в Псковскую область, в Великие Луки. Невель — это то, что не-велено, запрещено, как пирожок с повидлом за пять копеек. Бабуля говорит, что он на машинном масле, и не покупает. Папа купил мне один раз, но я проболталась, и нам попало.

Оказалось, что Невель — это двухэтажный деревянный дом, оба подъезда распахнуты настежь от жары. Внутри темная гулкая прохлада, пахнет кошками, «осторожно, здесь порожек». В прихожей ведра с водой, как в деревне. В бабушкиной комнате высокая, до потолка, полукруглая печка, называется «голландка».

Если не слушать скучных взрослых разговоров, а выйти из квартиры, подняться по узкой лесенке и просунуть голову в квадратный люк, то можно увидеть в полумраке длинный-предлинный чердак, расчерченный веревками, как тетрадь в линейку, а на линейках висит скучное взрослое белье. И пахнет тоже бельем. Эка невидаль!

А можно спуститься во двор и пробежать по жухлой траве, перепрыгивая серые проплешины, прямо к низким сарайчикам. Называются «дровяные». Сарайчики покосились, подпирают друг друга, как старички, но у каждого — свой замок.

Если прижаться ухом к занозистой двери, то слышно, как кто-то скребется внутри. Пахнет оттуда пылью, мазутом и дохлой мышью. Дураку понятно, что там спрятаны несметные сокровища, а охраняют их дворовые собаки Сыч, Баранка и Шкет и дворовые доминошники «а ну кыш, мелочь пузатая».

Бабушка Уля кругленькая, мягенькая, в детских туфельках на маленьких ножках, как ежика Ухти-Тухти из любимой книжки. Ее ручки что-то насыпают, месят, заталкивают в кастрюлю, а оно потом само лезет обратно. Бабушка хватает его, мнет, получается колобок. «Я колобок, колобок, по сусекам скребен, на сметане мешен», — говорит она мне, как маленькой, заглядывая в глаза и улыбается.

Рассказывает небылицы. Будто родилась она в Озерном крае, на станции Опухлики, будто было их тринадцать сестер, и она младшая. Ага, и все они опухли в своих Опухликах. Вот только мне Бабуля рассказывала, что они с мамой опухли совсем даже не в Опухликах, а в деревне Власьево в сорок седьмом году. Я запомнила год, потому что, когда балуюсь за столом и не ем, Бабуля ворчит: «Сорок седьмого года на тебя нет». И ещё мама не ходила на улицу, у нее валенок не было. Сидела у окошка и смотрела на ледяные разводы. Растопит пальцем дырочку, а и в дырочку не видно — сугроб выше окна намело. Так она и не увидела зиму. Сидела опухшая и ждала еду. Еда тогда называлась «жмых».

Что ли тринадцать сестер в Опухликах тоже у окошка сидели? Они же не уместятся, только если посчитаться и сидеть по очереди. Можно «на золотом крыльце сидели» посчитаться, или «эни-бени-рики-паки», или совсем по-простому: «кышил-мышил взял и вышел». Хотя на тринадцать сестер ее не хватит.

Время у бабушки Ули перепутано, как нитки в швейной банке. «В старину, в молодости, жил у нас в Опухликах такой Григорий...» Будто «в молодости» и «в старину» одно и то же. В молодости — это когда она была

молодой — прошлое. В старину — когда она станет такой старенькой, что даже с палочкой — будущее.

Ещё она говорит «я свой век прожила», хотя прожила она пятьдесят лет, а даже шестилетнему ребенку известно, что это только половина века. «Девичья моя фамилия — Живодеркина». Это не фамилия совсем, это обзывательство, у нас так во дворе дразнят Костика. Не того Костика, у которого папа с балкона поёт, а того, который второгодник.

Когда мы уехали, Невель исчез. Я стояла коленками на сиденье, приплюснув нос к заднему окну автобуса. Мама сказала «не облизывай стекло», а папа спросил «вкусно?». Я ответила «очень» и снова повернулась, а Невеля-то и нет!

Возвращаться из тридевятого царства долго. Поезд останавливается у каждого столба. В такси пахнет бензином, меня рвет пирожком с повидлом, и мама извиняется перед таксистом тонким голосом. Бабуля говорит: «Ну, наконец-то. Чисти зубы и в постель».

«Невель-небыль», — шепчу я, засыпая. Мне снятся тринадцать сестер у замерзшего окна и голландская печка; ряды веревок на чердаке, где Ухти-Тухти, неутомимая ежиха, развешивает красный халатик белки и рукавички полосатого кота среди плоских тяжелых пододеяльников и стыдных атласных лифчиков.

Снятся трехголовый Змей Горыныч по кличке Шкет, что охраняет золото-бриллианты. Нужно кинуть ему колобок, и дверь откроется — бери сколько хочешь, вот и тачка рядом. Я бегу за колобком к бабушке Уле, но ее нет. И Невеля нет, нет Опухликов и Озерного края, все они смешались, вздыбились, закрутились вихрем до самого черного неба и вдруг осыпались золотыми хлопьями, бриллиантовой пылью и растворились во мне: растерянной, шестилетней, вечной.

Коврик

Маша жила в Проектируемом проезде, каких в Москве великое множество. Квартирка осталась от родителей. Она пряталась в ней, как в норке, спешила на работу и юркала обратно. Боялась начальника, была безотказной, безропотной и при этом ждала, что не сегодня завтра ее уволят.

Опоры у Маши в жизни не было никакой. Она будто шла по шаткому дощатому мостику, перекинутому через тревожную серую реку. Мостик провисал до воды, волны пробивались между досками и раскачивали его. Перила скользкие, хлипкие, если что — не удержат, не спасут.

Норка ее была не слишком уютной. Маша будто стеснялась устроить ее по своему вкусу и разумению. Смотрела на квартиру глазами кого-то чужого и строгого, словно готовясь к его приходу, и чувствовала себя дома, как в гостях.

В окно заглядывала береза. Она переросла ее третий этаж и даже верхний, и Маша видела, как клонится макушка березы под ветром, что дул с той стороны дома. Ей казалось, будто с той стороны неведомые края, заграница, хотя она знала, конечно, что там еще одна пятиэтажка, а за ней еще и еще. Маша никогда за границей не была и даже не мечтала, хотя, пока росла береза, за окном прошли семидесятые, восьмидесятые и девяностые. В благополучные двухтысячные все ездили куда-то в края глянцевого красота. Маша все сидела в норке, смотрела на березу да выбегала на работу с заходом в магазин.

Подоспел пенсионный возраст. Пенсия с московской надбавкой вышла почти как зарплата. Купила себе ноутбук, потому что рабочим компьютером пользоваться уже не могла. Времени стало много. Некого стало бояться. Ходила в магазин, завела привычку гулять в парке и любоваться деревьями. В такие моменты она чувствовала, что изменяет своей березе, и мысленно говорила ей, что она — самая любимая.

В парке к Марии подошла девочка лет восьми и сказала: «Тетенька, возьми котенка!» Котенок был худенький, рыженький, как и девочка, и Мария взяла котенка, а вместе с ним как бы и немножко девочку. И хотя никогда ее больше не видела, но, глядя, как растет котенок, представляла, что подрастает где-то и девочка.

Назвала котенка Марсик, но, когда он повзрослел, стала называть Марс и немного его робела. Кот ходил гулять: выпрыгивал из форточки на березу, спускался вниз и исчезал в траве, или в снегу, или в опавших листьях — по сезону. Мария перестала закрывать форточку, чтобы коту было куда возвращаться. Еду она готовила на двоих, такую, чтобы Марсу было вкусно. Поест он любил, а она любила только жаренную на сале картошку, какую готовила ее деревенская бабушка.

После первого класса Машеньку на лето отправили к этой бабушке Шуру. Машенька полюбила и бабушку, и еду, которую она готовила, и веселые половики, которые она вязала. Пестрые дорожки лежали под ногами, закрывая пол в комнате. Она старалась наступать в узкие зазоры между ними.

— Почему ты так странно ходишь? — спросила бабушка.

— Мне жалко их топтать, — Маша взмахнула руками, чтоб удержать равновесие. Бабушка только вздохнула.

У дома росли деревья: береза, рябина и клен. Чуть дальше за калиткой — огромная липа. Их она тоже полюбила.

На следующее лето Машу к бабушке не отвезли, хотя она просилась. Сказали, умерла. Она не поверила, думала, что жалеют деньги на дорогу — жили бедно. До сих пор ей казалось, что бабушка так и живет в деревне, хотя, конечно, это было невозможно.

Маша ела картошку, смотрела на березу, ждала Марса и вспоминала бабушку Шуру. Иногда еще вспоминала одного сотрудника, Ивана Сергеевича, который подал ей как-то раз пальто. Неловкость от того, что она запуталась в рукавах, с годами сгладилась и почти забылась.

В гости никто не приходил, и она решила устроить свою норку по собственному вкусу. Украшала вышивками наволочки. Из нарезанных полосками старых футболок вязала веселые половики. В интернете ей попался коблен Уильяма Морриса «Древо жизни». Она вглядывалась в глубокую синеву фона, в цветы, ветки, орнамент.

На следующий день подобрала полоски так, что на половичке вышел деревенский дом с березой, рябиной и кленом. Липа не уместилась. Липу она связала на другом коврике, отдельно, а под ней бабушку Шуру. Связала кота Марса с рыжей девочкой, уже подростком. Ивана Сергеевича с букетом цветов. Букет вышел небольшой, и она сделала еще коврик отдельно, с большим букетом.

Она теперь ходила в секонд-хенд. Там бывали дни «все по 50». Покупала футболки нужных цветов, а дома резала на полоски, ползая по полу. Относила Марса на кухню, когда он мешал. И даже называла его Марсиком. «Не путай, Марсик, не мешай» — вот так.

В сэконд-хэнде познакомилась с Тамарой. Тамара тоже была пенсионеркой и первая заговорила с ней. Мария насторожилась, зная о мошенниках, но Тамара показала ей на телефоне фото своих ковриков с ромашками и васильками. На одной фотографии полукругом стояли женщины. У каждой в руках был коврик: у кого круглый, у кого квадратный, а у седой высокой дамы яркая полосатая дорожка стлалась до фотографа.

Первый раз в незнакомую компанию шла с опаской. Тамара, обнимая ее за плечи, представила. Мария развернула свой новый коврик. Текла незабудковая река. Ветер из неведомых краев нёс лодку к берегу. Стрекозы дрожали над россыпью желтых кувшинок. Над рекой — полукруг моста, а на его вершине — невысокая женщина с рыжим котом на руках.

Ксения Герасимова

Милосерден смотрящий

Ты шёл в дожде
в надежде
на новый день —
надень
его поверх
дождя
и жди
меня.

Расскажи молчание своё,
Сизая луна, —
Я не буду закрывать окно.

Перекрести меня
Оловом солнечным
Слова не ведая
Ангельски молча
В листья укрой меня

Пахнут снегом и дымом
Те слова.
Степь бела
И поёт о любимом.
И поют о любимом
Бурелом, провода.

Ксения Герасимова (2000) — родилась в селе Бишкуль Северо-Казахстанской области. Училась в Челябинске. В настоящее время живет в Екатеринбурге, учится в Екатеринбургском государственном театральном институте.

Города
Пахнут снегом и дымом.
Боль была
И застыла —
Стала снегом и дымом.

Смерть не прячется
за дверью,
за широкой тенью
шторы
не поджидает.
За морем не ходит.
Не видит насквозь.
Смерть ежедневна, как жизнь,
ничего не желая,
не воспевает себя.
Проста, как жизнь.
Не торопиться бы,
не торопиться.

Всё, чего ты ни коснёшься, —
Это тоже Бог.

Я ходила в листьях,
В листьях над водою.
Всё мне было близко,
Всё здесь было мною.

Упадут на воду
Солнечные нити.
Вы мою погоду,
Листья,
Заберите.

Милосерден смотрящий,
Как осколок стекла.
Только там настоящий,
Где вода утекла.
Выживает лишь спящий.
Дверь я не заперла.
Он такой же пропащий.
А она умерла.

Настя Неустроева

Бабка

Рассказ

Бабка, сухая и крепкая, стоит в одной ночнушке в темноте избы.

— Да садись ты, садись скорее!

Спросонья я подбегаю к ней. Давлю на плечи, чтобы посадить на пластиковое ведро со стульчаком. Не поддаётся. Хватает меня за руки, и её пальцы больно впиваются в мои запястья. Шипит:

— Не сдюжишь! Ох, не сдюжить тебе со мною.

Конечно, не сдюжить, куда мне с ней тягаться. Бабка сопротивляется всей своей деревенской силой — кажется, не растеряла ни капли. Скорее пол под ней треснет, чем она сядет.

Струя бежит на выкрашенный деревянный пол, глухо раздаётся в тишине журчание из-под бабкиной ночнушки, и под ногами растекается лужа. Не успели.

Бабка тут же поддаётся и оседает, в темноте смотрит на меня совсем другим — непонимающим и испуганным взглядом. Кажется, сейчас расплачется от стыда, как ребёнок.

— Ну, ничего, — вздыхаю я. — Вот видишь, как хорошо, что мы с тобой пижаму не надели. Сейчас только носочки снимем, ножки протрём. Вот так: одну ножку, другую. Ну, всё, походи садись. Или ложись подремли — рано ещё.

Шесть утра, на дворе зимние сумерки и стужа. Мокрые бабкины носки тут же твердеют на морозе и, долетая до облупившегося эмалированного тастика, падают на дно с тонким ледяным звоном. Крыльцо до самых ступенек занесено снегом. Оно большое и широкое, перила под стать — всё из крепкой древесины. Доски, прогибаясь, глубоким скрипом отзываются на каждый мой шаг.

Домом бабка всегда гордилась. Не домом даже — целой усадьбой с амбаром, баней, хлевом и огородом. Построенный её предками-старообрядцами, он гордо возвышается над другими домами в округе. Соседские избышки уже подрыхтели и покосились от времени, а наш стоит. Высокий фундамент крепко держит его на болотистой почве, не даёт опуститься.

Внутри комнаты с высокими потолками, соединённые по кругу: длинная прихожая, гостиная, спальня и просторная кухня с большой русской печью и широкими деревянными полатями. Дом на огромную семью, в котором теперь по-хозяйски гуляют сквозняки. Протопить все эти хоромы удаётся с трудом — пока разожжёшь одну печь, другие начинают остывать. Нетопливая бабка могла провести за этим занятием целый день. Я так не за-

Настя Неустроева — родилась и живёт в Екатеринбурге. Окончила СУНЦ УрГУ и физтех УПИ, по специальности переводчик. Более 12 лет работает в маркетинге и PR образования. Обучалась писательскому мастерству в CWS и на курсе Маши Конторович. Печатается впервые.

морачиваюсь: перетащил в кухню её кровать, раскладное кресло для себя и топлую одну русскую. В ней же грею воду и готовлю. А когда замерзаю, забираюсь полежать на печи, как в детстве.

Рядом на верёвках сушатся постиранные вещи. Я заносу с улицы таз с накопившейся за ночь стиркой, ставлю на широкую лавку у стены и заливаю остывающей водой. Дом уже давно пропах обмоченными детскими пелёнками: запах впитался в половики, одеяла и тряпки. Зимой хорошо постирать их не получается. Да и какой смысл, если завтра всё повторится опять.

Бабка сидит и дремлет, покачиваясь в кровати. Старая панцирная сетка прогибается под её весом так, что она проваливается вниз и торчит из одеяла, как птенец из гнезда. Глаза плотно закрыты тонкими веками, будто пришиты к щекам. Лицо застыло белёсой, текущей вниз маской, всё в бороздах и чёрточках морщин.

Я сажусь в кресло напротив бабки, чтобы немного поработать до её следующего пробуждения. Читаю по-немецки дотошную инструкцию к новому заводскому оборудованию. Сил на подбор слов и упрощение структуры нет, так что перевод делаю такой же грузный и неповоротливый, почти подстрочник. От нудности и монотонности работы клонит в сон. Не даёт заснуть только боль в руках от этой бесконечной стирки и морозного ветра. Ладони горят. С внешней стороны руки покрылись обветренной коркой и лопнули парой кровавых трещин. Крем не помогает, но я всё равно тянусь за ним и втираю, глядя на бабку. Раньше у неё были натруженные руки, все в глубоких трещинах, которые она промазывала клеем, чтобы кожа не разрывалась дальше. Теперь они затянулись — засохли старой, мятой перчаткой. Мои же из тонких, хиленьких, как говорила она, превратились в разбитые, деревенские.

— Ты прости меня, внучок, — вдруг шепчет бабка. — Совсем я плохая стала.

Её грустные глаза выглядывают из груды одеял и с сожалением смотрят, как я втираю крем в покрасневшие ладони.

— Ну чего ты, бабуся. Нормально всё.

Уже две недели, как я не был в городе. С каждым днём всё сильнее хочется вернуться, нормально поспать, помыться в тёплой ванной, зайти по дороге на работу за хорошим кофе. И наконец-то сводить Катю, помощницу нотариуса, на обещанные короткометражки.

Последний раз мать приезжала на новогодние каникулы и отпустила меня отдохнуть. Кати в городе не было, да и терять время, чтобы просто слоняться по дому и случайным вечеринкам, не хотелось. Пока была возможность нормально заработать, а не перебиваться письменными переводами, я взял пару заказов. Поработал на переговорах и водил приехавших из Германии инженеров по музеям. Это уже давно стало для меня простой рутиной, но теперь оказалось таким привлекательным.

С каждым днём вся моя жизнь будто рассыпается на кусочки и ускользает. С наступлением рабочего дня в чатах закипает жизнь. Волонтеры снова собираются в приют, бюро ищет переводчиков для крупной конференции. Приходит сообщение от Кати. Она уже не спрашивает про короткометражки и не шлёт подмигивающих смайликов, а просто просит срочно заехать и подписать переводы перед проверкой. Я в очередной раз отвечаю всем: «К сожалению, на этой неделе не смогу». Хотя какие тут сожаления. Вот когда сидишь в городе, а мать в деревне с бабкой мается, всхлипывает в телефонную трубку, молчит... Уж лучше здесь. Бабка ведь мне всё отдала, и я отдам, одинаково. Нет решения проще и честнее.

И всё равно что-то точит душу, потихоньку размывает эту каменную решимость. Каждый день накатывает небольшой волной и уносит песчинками сомнений.

Иногда посидеть с бабкой приходит наша соседка, Петровна. Относительно бабки она молодая — ей чуть больше шестидесяти. Крупная и весёлая, она заполняет собой всё пространство нашего дома. Он будто оживает и становится теплее.

Она сидит и всё говорит и говорит с бабкой.

— Ну, здравствуй, Татьян Михална, как твоё здоровье?

Бабка молчит и неуверенно кивает. Но Петровне и не нужен ответ, она сама заполняет тишину рассказами:

— На деревне-то у нас какие новости? Вчерась Колька Фирсов в яму упал. Ты Кольку-то знаешь? Васьки Фирсова сын. Ну, значит, шёл он вчор с центру, всё снегом припорошено, он яму-то и не заметил. То ли фонари ещё не светили, то ли пьяный был. Видать, всё ж таки пьяный. Он ведь любитель к беленькой приложиться.

Пётровна всё рассказывает и рассказывает. Бабка сначала просто, как отражение, повторяет за ней: то удивится, то посмеётся, то поохает. Потом потихоньку начинает и правда узнавать. Вспоминает отца Кольки и дорогу из центра.

— Плоха дорога, ох плоха. Грязь да колдобины. Да в снег-то оно получше, — размеренно отвечает бабка.

— Получше-то оно получше. Ак тут надо ж знать, куды идёшь. Под снегом-то не видать, где ещё дорога, а где уже поле и ямины эти. Свернёшь не туды и провалишься.

Они всё говорят, а я пока могу спокойно выйти на улицу, расчистить крыльцо и ограду, натаскать воды — и не бояться, что бабка, оставшись одна, закроется в доме или что-то натворит. Закончив все дела, я заново дрова и начинаю топить печь.

— Мать-то когда приедет? — спрашивает Петровна.

— На следующей неделе должна.

— Давно уж её не было. Измаялся, поди?

— Есть немного. Да и дел в городе накопилось.

— Ну, ничего, поедешь, значит, скоро. Отдохнёшь, — говорит она, одеваясь. — Только я тебе честно скажу: бабке с тобой лучше. Мать у вас беспокойная, волнуется всё, переживает. А чего переживать? Жизнь какая уж есть. Всяко хорошо. Даст бог, мы с Татьян Михалной ещё в саду летом похозяйничаем, яблочки пособираем да компотов наварим.

Бабка улыбается, вспоминая свой сад. Кажется, жизнь и память замерли только на время. Уйдёт зима, оттаёт и зацветёт сад, колодец наполнится водой, бабка выйдет из дома и станет такой, как прежде.

Когда разгорается печь, в комнате становится жарко. Руки отходят после ледяной колодезной воды, покалывания вторят щёлкающей древесине в печи, поленья разгораются, и ладони вместе с ними занимаются огненной краснотой.

Жар медленно, как кисель, разливается по комнате и обволакивает своим густым теплом. Бабка, укачивая себя киваниями головы, погружается в забытие и утягивает меня в дремотные воспоминания о прошлом лете.

Тогда она была ещё в уме. Целый день хозяйничала в саду. Сил у неё уже почти не было: всё делалось медленнее, с ещё пушей тщательностью. Она то подходила к кустам и прищипывала садовыми ножницами ветки, то разводила в воде какие-то порошки и поливала из ковша стволы деревьев. Со сгорбленной спиной проходила вдоль грядок, выщипывая сорняки, и после бесконечных блужданий по саду приходила ко мне.

Я сидел на крыльце с книгой, а бабка неспешно вышагивала вдоль ограды и рассказывала про свои яблони. Но никак не могла вспомнить, как называется тот жук, что поел все листья. Я вспоминал названия, но они будто сталкивались со стеной — слова пропадали в какой-то внезапно открывшейся пустоте. Взгляд бабки, всегда такой знающий и спокойный, вдруг стал

растерянным. Она продолжала вышагивать, испуганно глядя себе под ноги — будто отчаянно искала что-то в траве, но не находила. В конце концов она в задумчивости села на лавку и со смирением в голосе сказала:

— Вот видишь, всё забывать стала. Знала, и нету.

Теперь она не помнит ничего. Постоянно перебирает какие-то вещи, топчется у полок, ищет. Пытается вспомнить, что есть что. Но не может. Найдёт книгу, крутит её в руках, рассматривает, пристально вглядывается. Но не для того, чтобы прочитать, а чтобы понять, зачем эта вещь вообще нужна. Смотрит отрешённым взглядом куда-то в глубь себя. Потом начинает вертеть книгу, берёт её за уголок, и та повисает, раскрывается вниз веером страниц. Корешок хрустит, и разошедшийся от старости клей отрывается от обложки. Меня за такое прежняя бабка поставила бы в угол за печку и сказала бы, что книгу нужно уважать. Теперь её словами говорю я:

— Бабуль, ну ты что! Книга — это же великий труд, помнишь? Надо его уважать.

Где-то в глубине бабкиных глаз проскакивает проблеск узнавания. Она молчит. Пытается его удержать, потянуть за ниточку, вспомнить что-то ещё. Не получается. Нить обрывается, и бабка с надеждой смотрит на меня.

Подходя, я беру книгу и предлагаю:

— Давай я тебе лучше почитаю?

Она сдержанно кивает. Как иностранец, который не понимает, что ему говорят, но хочет что-то ответить.

— Ну, садись. Твоего любимого Кедрина, ага? — заполняю я пустоту и опускаюсь с книгой в кресло. Читаю «Зодчих». Бабка внимательно, с интересом смотрит на меня, немного наклонив голову. Будто лесная птица на ветке, наблюдающая за нечаянно забредшим в безлюдную чащу человеком.

— А теперь моё любимое.

Бабка с готовностью отличника кладёт ладони на колени и слегка похлопывает по ним в нетерпении. Я читаю:

Какое просторное небо! Взгляни-ка:
У дальнего леса дорога пылит,
На тихом погосте растёт земляника,
И козы пасутся у каменных плит.

Бабка начинает возиться. На её лице проступает беспокойство и нетерпение, а затем оно озаряется радостью.

— Машка, — улыбаясь, говорит она. — Хорошая была коза.

Её взгляд проясняется и становится осмысленным. Будто в памяти открылось какое-то давно закупоренное окошко и она наконец видит свет.

— Очень хорошая! — соглашаюсь я.

Сколько себя помню, коза была всегда. Я был ещё маленьким, а она уже считалась старой. Кажется, они с бабкой прожили рядом всю жизнь, да и расстались совсем недавно.

— Очень умная коза, — добавляет бабка.

— Ещё бы! — соглашаюсь я, — Помнишь, как она овец домой сама водила?

Бабка смотрит одновременно и на меня, и в глубь себя. Силится вспомнить. Через мгновение на её лице проступают тоска и растерянность. Она качает головой — нет, пусто.

— А как она меня от коровы спасла, помнишь? — пытаюсь я нащупать ниточку её воспоминаний. — Корова у тебя тогда злая была — на всех бросалась. Рыжая такая. Красуля, кажется.

— Красуля, — повторяет бабка.

— Ну, дак вот. Я пошёл куриц кормить, а дверь в пригон открыта оказалась. Красуля меня увидела и как побежит. Тут Машка из загона выскочила,

встала передо мной. Смотрит так сурово, голову наклонила, рогами из стороны в сторону водит и бородой трясёт. Заблеяла во весь голос, корова и отступила. Все Машку слушались, уважали.

— Уважали, — повторяет за мной бабка. Но в глазах по-прежнему пусто.

А раньше она сама всем эту историю рассказывала. Качала головой, охала, причитала: «Ай-ай, забодала бы, и нет внучка!» С гордостью хвалила Машку: «Дал бог козу такую умную!» А в конце обязательно добавляла: «А шерсть какая ладная и добрая».

— Бабусь, а шерсть-то какая у Машки была, помнишь? — с последней надеждой спрашиваю я. — Тёплая! Но колючая-а. Сколько ты её вычёсывала? Целыми мешками! Потом всё пряла и пряла по вечерам. И следышки всем на зиму вязала. Я вон всё ещё в них хожу. — На мне и правда серые следки толстой жёсткой вязки из колючей шерсти. — А какая Машка была лохматая, пока ты её не вычешешь, помнишь? Пушилась и кудрявилась вся.

Я уже сам, как наяву, представляю Машку. Помню, как любил гладить её и приобнимать за бока. Прислонялся щекой к её спине, обхватывал руками её круглое пузо, зарывался пальцами в кудряшки шерсти. Поглаживал её, а она терпеливо стояла — ждала, пока я не разожму руки, чтоб благодарно лизнуть меня в лоб.

Бабка будто слышит мои мысли, её лицо вдруг озаряется пониманием. Словно воспоминания о козьей шерсти ещё здесь, в её руках. Она гладит свою кофту на пуговках, такую же серую, пушистую, как наша коза. Слегка прикасается ладонями к поверхности: то прижимает, то отводит их, потом поглаживает, зарывается пальцами и тянет за завитки.

Руки помнят, и ниточка воспоминаний тянется в прошлое. Бабка похлопывает по кофте, будто по Машкиным бокам, и снова повторяет:

— Хорошая коза.

Дни тянутся бесконечно долго, похожие один на другой. Тихие и сонливые, их сменяют беспокойные ночи.

Однажды я просыпаюсь от холода. Вижу, что в постели бабки нет. Дверь в дом открыта, и я выбегаю на крыльцо. Босая бабка пытается спуститься по заснеженным ступенькам, ноги проваливаются в наметённые сугробы. В ужасе думаю про пневмонию, больницу, капельницы и разочарованную во мне мать — не доглядел, проворонил, погубил родную бабку.

Хватаю её за руки и тащу в дом. Она сопротивляется, не даёт себя увести. Хватается за перила и строго хрипит:

— Ты пошто меня тянешь, у меня огурцы не політы!

В панике я сильнее тяну её к себе, тороплюсь увести с мороза. Но она будто примёрзла ногами к ступеням.

В отчаянии я ору, будто могу докричаться до её сознания:

— Да полил я огурцы, полил!

Только тогда она поддаётся и позволяет себя увести.

Уложив бабку в постель под все наши одеяла, я растапливаю печь. Пытаюсь согреть выстуженный дом. Когда огонь разгорается и поленья начинают трещать, я чувствую свои промерзшие ноги и усталость в теле. От жалости к себе щиплет глаза. Кажется, я старею вместе с бабкой и этим домом. Зима вытягивает из меня силы, питается моим теплом и со сквозняками уносит настоящую жизнь.

Ночь и день в нашем быту почти поменялись местами. Таблетки с мелатонином не помогают: бабка встаёт часа в три и ложится только под утро. Я теперь тоже не сплю. Просыпаюсь вместе с ней и смотрю, как она бродит по дому. Пытаюсь работать или читаю, а днём занимаюсь хозяйством. Хочется подремать, но дел много, и за ночь она подкидывает ещё. Принести воды и дров, расчистить дорожку до калитки и туалета, постирать описанные вещи, а если не повезло, то и постельное бельё. Зашить, прибрать, приготовить.

Ест бабка с удовольствием и иногда бесконечно много. Она не помнит, что поела полчаса назад, не распознаёт чувства насыщения и голода. Как и не понимает, когда ей нужно в туалет.

Приходит Петровна и снова затягивает свою шарманку:

— Чегой-то у вас совсем стужёно. Давно печь-то топил?

— Да только перед вашим приходом. Часа не прошло, как задвижку закрыл.

— А остальные?

— Остальные я не топлю, только русскую.

— Смотри, выстудишь дом. Нельзя так. Холод из других комнат идёт, вот вы и мёрзнете. Надо весь дом протапливать.

— Да не мерзнем мы! Да и потепление скоро обещают — не успеет выстыть.

— Ну-ну, обещают оне! Ты давай не ленись, затопляй все печи — дров-то у вас, глядишь, в достатке.

— Ладно, затопим, — соглашаюсь я с Петровной, закипая от этого «не ленись». Но спорить с ней бесполезно — себе дороже, как говорила бабка.

Я иду за водой. Колодец почти опустел, можно зачерпнуть от силы половину ведра. Вода мутная, с осадком ила и песка — всё, что осталось от прежнего изобилия.

В детстве, когда я приезжал к ней на лето, всё казалось богатым и насыщенным. Вода, плещущаяся через край. Пригон, полный скота: корова с телятами, куры, овцы, кролики и старая упрямая коза. В саду мы ведрами собирали яблоки, груши и ягоды. Огород был полон картошки с капустой, а по краям колосился петухами зелёного лука и закрученными, будто пороссячьи хвостики, стрелками чеснока. Эти стрелки мы ели вприкуску с деревенским хлебом и запивали тёплым парным молоком.

Каждый вечер бабка уходила доить корову. Я садился на лавку у окна и в нетерпении ждал. И вот наконец она приносила почти полное ведро молока. От него шёл приятный густой аромат младенчества и коровьего вымени. Мы садились за стол, бабка отрезала два ломтя белого хлеба и процеживала молоко через марлю. Оно было тёплое, сладковатое. Я делал глоток из своей эмалированной кружки, с хрустом откусывал чесночную стрелку и заедал её остроту мягким хлебом. Не было на свете ничего вкуснее. От удовольствия я ёрзал на стуле. Широко улыбаясь, нарочито громко чавкал, мычал, напевая песню своей еде, и восторженно говорил: «Вкуснотища!»

Бабка сидела напротив, подперев щеку рукой, смотрела на меня и заботливо отвечала:

— Кушай, кушай, внучок. На здоровье.

Это был момент абсолютного счастья. Вечернее солнце освещало половицы комнат, из окна в кухню вливался тёплый запах травы и земли, остывающей после жаркого дня. Время замирало. Кажется, если задержусь в этом воспоминании, я навсегда останусь маленьким и свободным.

Бабка не может сидеть без дела — привыкла к работе. Вот и теперь она по-прежнему находит себе занятие. Будто, пока движется, продолжает жить.

В ночной темноте она ходит по дому, пытается открывать закрытые на ключ шкафы, шарит по полкам, потом возвращается к себе в кровать и перетряхивает всю постель. Ковыряет пуговицы на пододеяльнике, пытается вытащить из него одеяло, а если не получается, рвёт его по шву. И каждый раз я встаю, чтобы её остановить.

Но иногда усталость накатывает с такой силой, что хочется просто провалиться в сон и спать всю ночь. Я слышу, как бабка возится, но не хочу вставать. Становится безразлично: сделает что-то, так сделает, уйдёт, так уйдёт. Проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от того, что она лупит меня полотенцем.

— Ты пошто, рыжий, на кровать забрался? Ишь чего удумал! А ну брысь на пол, там и лежи! А на чистой постеле нечего, — она ещё раз хлопает по мне полотенцем. — Пшёл, кому сказала!

— Бабусь, да это ж я, перестань ты! — Я обалдеваю от неожиданности и вскакиваю. Пытаюсь её успокоить, хватаю за плечи, чтобы удержать от следующих ударов. — Это я! — повторяю в отчаянии. Стараюсь говорить терпеливо. Но хоть с котом она путает меня не впервые, к этому сложно привыкнуть.

Когда чувствую, что она успокоилась, веду её к постели. Она нерешительно переступает, не понимая, то ли сопротивляться, то ли подчиниться.

— Ну всё, давай укладываться, — говорю я спокойно, пытаюсь звучать убедительно. — Ночь, а ты всё гуляешь. — Я даже не знаю, кому нужнее эти слова: ей или мне. — Давай ложись.

Помогаю ей улечься в кровать. Под давлением моих рук сначала медленно туго сгибается бабкин таз, потом я поднимаю её тонкие жёсткие ноги на кровать, и в конце концов её спина медленно опускается на постель. Каждый сустав разгибается с трудом. Она будто старая деревянная кукла на ссохшихся шарнирах. Я накрываю бабушку одеялом. Подтыкаю его так плотно, чтобы она лежала, как туго спелёнутый ребёнок, и никуда больше не выбиралась.

А в голове стучит этот страшный вопрос: сколько, сколько это будет продолжаться? Полгода, год, а может, больше? Разве можно об этом думать, и как об этом не думать? «Мысли твои, внучок, — это грех, — звучит в голове голос прежней бабки. — Сколько нам богом отмерено, всё наше. Надо просто жить». Но когда на тебя обрушивается бабкин вывернутый наизнанку мир, когда у колодца руки ломит в намокшей варёжке, когда ноги коченеют на ледяном, промерзшем полу и так хочется просто по-человечески уснуть, накатывает отчаянием это пульсирующее в голове «сколько?». Сколько ты отмерил, господи?

Утром звонит бабкин дисковый телефон. Им пользуются только родственники. То ли по привычке, то ли потому, что надеются застать бабушку в доброй памяти. Но она всегда только молчит. Слушает, что ей рассказывают дочери и внучки. Потом, так и не узнав их голоса, протягивает трубку мне или просто кладёт её рядом с телефоном и уходит.

— Алло, мама, ал-лоо? Ты меня слушаешь?

Я поднимаю брошенную бабушкой трубку.

— Уже нет. Ушла, — отвечаю я матери.

Она говорит бодрым и по-деловому торопливым голосом:

— А, привет, сын. Ну что, как вы там?

— Как обычно, нормально.

— Как мама?

— Ну как? Не спит опять всю ночь.

— А ты ей мелатонина вечером давай.

— Да даю я. Не помогает он.

— Смотри, его надо за два часа до сна принимать.

— Мы уже по-всякому попробовали. Не помогает. Осталось только мне им начать закидываться.

— Ну, всё, значит. Надо её перевозить, — снова начинает мать привычный разговор. — В городе и к врачу ходим, и будет кому за ней приглядеть.

— Не знаю, с чего ты решила, что тёти-Светины девчонки будут этим заниматься. Они сюда-то только летом приезжают, и то не к бабушке, а загорать и купаться.

— Ничего, будут взрослеть, они же внучки как-никак. Первое время тебе, конечно, тоже придется приезжать, пока сиделку не найдем.

Звучит заманчиво: в городе можно будет хотя бы ненадолго возвращаться в свою привычную жизнь. Я представляю, как выхожу из квартиры матери, когда она приходит с работы, и на целый вечер и ночь становлюсь свободен.

Могу пойти куда угодно, поболтаться по книжному, увидеться с друзьями, принять горячий душ и спать в своей постели. И встретиться с Катей. А ведь раньше она мне даже не нравилась особо — так, лёгкий флирт, чтобы скрасить постоянные приезды к нотариусу. Теперь воображение приукрашивает её образ, он манит всё бросить и вернуться в город.

Но каждый раз мы с матерью не можем решиться, вспоминая начало зимы. Тогда бабка стала надолго забываться. Мы поняли, что уже не можем оставить её одну, и попытались увезти. Пока собирали вещи, бабка всё ходила в беспокойстве, понимая, что происходит что-то страшное. А когда начали грузиться в машину, стала упираться, рвать с себя кофту, хвататься за провожающую её Петровну. И в полной осознанности сказала: «Не хочу я никуда, внучок. Как же вы не понимаете? Здесь мой дом, вся моя жисть». Потом ещё были долгие уговоры, попытки вывести бабку на улицу. Она хваталась за косяк и злобно кричала, чтоб ей дали спокойно помереть дома. Неужто она не заслужила? И мы остались. Только тут, в стенах родного дома, бабка могла ещё пожить, что-то вспомнить среди своих старых вещей и хоть ненадолго остаться самой собой.

— Ну, дак ты приедешь на следующей? — наконец спрашиваю я мать.

— Пока не знаю.

— В смысле? Мы ж договаривались.

— Сынок, ты же знаешь, я не могу всё бросить. У нас поставки задерживают. Закончим, и приеду.

— Я тут уже две недели безвылазно, мне в город надо. Переводы у нотариуса подписать. И вообще.

— Ой, ну что ты опять оправдываешься!

— Что? Это я оправдываюсь? Смешно.

— Ну всё, не злись. Ты же можешь задержаться — твоя-то работа позволяет, — она, как обычно, торопится побыстрее закончить этот разговор. — Давай, скоро приеду, позвоню. Целую.

От злости и бессилия я со всей силы бросаю трубку на рычаг. Телефон переживал это уже не раз, но по-прежнему цел и продолжает приносить пустые слова поддержки и обещания от родных. Они возвращаются к своей беззаботной жизни, а я остаюсь в этом холоде. В этой замершей бесконечности минут, часов и дней.

Когда Петровна приходит, чтобы отпустить меня в магазин, я наконец могу выбраться из дома. Вдыхаю свежий морозный воздух и иду по угасающей деревне дорогой своих воспоминаний: мимо заброшенных, покосившихся избушек в центр. Вьюга метёт. Она вдыхает и выдыхает вместе со мной. Как и я, беспokoится, кружит, хочет вырваться. Тяжело и возмущенно дышит — не находит себе места. С каждым её выдохом тысячи снежинок налетают роем и, словно мелкие копы, с шуршанием ударяют мне в лицо.

В центре площадь с магазином, заброшенным кафе и домом культуры, который раньше был местом притяжения всей деревенской жизни. Сейчас он заколочен досками и зияет пустыми глазницами окон. Работает только старый продуктовый. По привычке все называют его зелёным, хотя он уже давно выкрашен в синий цвет. Напротив магазина — остановка. Две бабки в нарядных платках и с сумками на колёсиках ждут автобус, который приходит в полдень. Именно на этом автобусе я обычно уезжаю в город. На нём можно добраться до ближайшего городка, потом пересестись на маршрутку до вокзала, купить билет на поезд и всё ехать, ехать и ехать, с каждым стуком возвращаясь к своей настоящей жизни. Я больше не могу сопротивляться. Вместо того чтобы зайти в магазин, я будто на автомате перехожу дорогу и встаю под козырёк рядом с бабками.

Автобус подходит. Гармошка дверей хлопает, и прямо передо мной открывается проход в тёплый салон. Усатый водитель в лихо сдвинутой на затылок меховой шапке оборачивается и радушно кивает, приглашая внутрь.

В салоне играют «Белые розы», на приборной панели по-домашнему лежит кружевная салфетка, а старые сиденья накрыты мягкими цветастыми ковриками. Передние уже заняты укутанными в китайские пуховики тётками, и я прохожу назад. Сажусь на сиденье над колесом, где можно поставить ногу на выступ и, облокотившись, смотреть в окно.

Автобус идёт через тёмный сосновый лес: то справа, то слева открываются заснеженные просторы полей. Дорога извивается, течёт сквозь обледеневшую зимнюю чистоту навстречу теплу и солнцу. Я знаю её наизусть. Совсем скоро будет поворот на трассу, и автобус начнёт разгоняться в потоке машин по оттаявшему асфальту, увозя меня от забот и бесконечного холода.

Когда я еду по этой дороге, то сначала испытываю чувство облегчения, а чем дальше от деревни, тем сильнее нарастают тоска и тревога. Их нужно просто подавить, перетерпеть до города. Там можно будет быстро отвлечься — нырнуть в рутину своей привычной жизни, засыпать чувства мелким ворохом задач. Но среди этой повседневной суеты всё равно будет прорываться сомнение. Болеть в душе, тянуть обратно из этой удобной, заваленной мелочами жизни в глубину лесов. Туда, где ещё теплится последний огонёк памяти, всё медленнее стучит сердце в деревенеющей оболочке тела, в остывающем доме ещё дышит жизнь.

Иногда нужно уехать, чтобы снова ощутить эту внутреннюю уверенность. Перестать ломаться. И выдохнуть, чтобы продержаться до конца.

Подъехав к станции, я выхожу из автобуса на солнечную улицу. Радостно виляют хвостами бродячие собаки, встречая пассажиров. Водитель выпрыгивает из кабины, закуривает и, облокотившись на капот, подмигивает мне. Как будто знает, что я не сяду в ту маршрутку до вокзала, не возьму билет на поезд.

Я неспешно иду по площади старого купеческого городка и глазею по сторонам. Вокруг лотки с мороженой рыбой, соленьями, цветастыми халатами и шерстяными носками. Продавцы с красными щеками аккуратно сметаю снег с товара и торгуются с покупателями. Я захожу в захолустную провинциальную кафешку-столовую. Внутри несколько водителей и крупных раскрасневшихся тёток. За прилавком нарядная продавщица в накрахмаленном колпаке. Заказываю себе кофе — по вкусу тот же «три в одном», зато в красивой чашке с блюдцем — и сажусь за столик. До обратного автобуса ещё несколько часов — можно никуда не торопиться и ни о чём не переживать. Я смотрю, как за окном пролетает снег и из-за тучи немного выглядывает солнце.

Возвращаюсь в деревню я уже затемно и, заходя в дом, жду, что Петровна будет ворчать. Но в доме тихо и спокойно. Соседка с бабкой дремлют перед телевизором. В экране очередные цыганские страсти: ругаются мужчины, женщины в рыданиях срывают с себя платки, убегает из дома босоногий ребёнок. Ничто их не тревожит, ничто не удивляет, и только хлопнувшая за мной дверь заставляет Петровну проснуться. Она смотрит на меня спокойным, отдохнувшим взглядом и с облегчением говорит:

— Жаждались мы тебя.

Ночью мы снова не спим. Лёжа в темноте, я слышу, что бабка снова начинает тревожиться.

— Пойдите прочь, кыш! Уходите! — Она мечется в постели. То отмахивается руками, то сучит ногами, то замирает и горестно смотрит в пустоту. За всю жизнь я ни разу не видел, чтобы она плакала. Теперь ночные сны, вернее видения, заставляют её рыдать.

— Бабуль, что такое? — наклоняюсь я к ней. Беру за руку и стараюсь поймать её взгляд. Широко открытые глаза испуганно белеют в темноте, смотрят в пустоту. Потом фокусируются на моём лице и немного успокаиваются. Она с надеждой хватается за мою руку, будто хочет, чтобы я помог ей выбраться из этой мрачной колодезной черноты.

— Опять они. Пошто они пищат и смотрят? — с отчаянием спрашивает она.

— Кто, бабуль? Тут нет никого.

— Да знаю я, что согрешила, — продолжает она, не слыша меня. — Ак сделанного-то не воротишь. Забрала у них жизнь, да в деревне-то иначе никак. И пушай не смотрят, пушай уходят восвояси. Скоро и мне туда отправляться. Даст бог.

— Ну ты что, бабуль! Это тебе просто сон плохой опять приснился.

— Да вот же они. Чего ж ты не видишь? — Она соединяет ладони, будто в них что-то есть, и протягивает мне.

— Нет тут ничего, бабуль, — убеждаю я её.

Но ей всё вокруг видится иначе. В очертаниях стен оживают ошмётки воспоминаний. В силуэтах предметов видятся то люди, то звери. Она отчаянно пытается распознать забытое и восстановить утерянную картину реальности. Оставшиеся связи в мозгу создают в ночной темноте ужасные образы того, что поразило её в жизни больше всего. Того, что запомнилось и не отпустило. Того, что она хранила в самой глубине и никому не показывала.

Она больше не пытается укрыться от этих видений. Горестно смотрит в свои ладони, опускает руки к одеялу и будто аккуратно кого-то с них спускает.

Я вспоминаю, что вот так же она держала котят. Брала из коробки маленький комочек и протягивала мне. Котята были пушистые и очень нежные. Они жалобно пищали в моих руках, и я так же жалобно просил не раздавать их всех, оставить хотя бы одного, чтоб я мог с ним немного поиграть. И она оставляла.

— Простите вы меня, — уже спокойно говорит бабка. — Пойдите с миром и не держите зла, что я жизни ваши отнимала. Куда ж мне вас было? Всех-то не прокормишь.

Теперь я понимаю, что её тревожит. Котята у её кошек появлялись в год не по разу. Бабка сетовала на очередной приплод и тихонько уносила коробку. Если я спрашивал, говорила, что раздаст соседям. Соседи и правда иногда кого-то брали, но, конечно, не всех. Однажды я услышал, как бабка горестно сказала Петровне: «Моя-то снова окотилась. Взяла я опять грех на душу». Так я узнал, куда деваются в деревне котята. Думать об этом было страшно, и моя память быстро стёрла эти воспоминания. А бабкина нет. Очистив уже почти всё то радостное и прекрасное, что было в жизни, её память ещё хранит самые страшные картины прошлого и, как диафильм, всё показывает и показывает ей в ночной темноте.

В доме тихо, только перестукивают часы на тумбочке. Через окно падает лунный свет, освещая бабкино лицо. На нём больше нет тревоги, глаза плотно закрыты, и она мерно дышит в такт часам. Кажется, эти последние воспоминания наконец её отпустили. Я ещё долго сижу рядом с бабкой, похлопывая её по сложенным на груди рукам. И когда слышу, как она начинает похрапывать, иду к себе и проваливаюсь в сон до следующей побудки.

Но больше она не просыпается. Я открываю глаза около пяти. Бабка спокойно лежит в своей постели, в тишине всё так же тикают часы, и мне кажется, что я слышу её дыхание. Значит, можно не вставать. Впервые за много-много ночей просто спать.

Эрика Ефремова

Филипп! Филипп! Пойдешь чай пить?

Рассказ

Апрель всегда действовал на меня угнетающе, что сейчас, что тогда, в студенчестве. Весны настоящей еще надо дожждаться, каникулы далеко, браться за учебу рано — до сессии время есть. Не месяц, а сплошное ожидание, с которым в одиночку справиться непросто. И захотелось мне в ту весну две тысячи двенадцатого не то влюбиться, не то просто подержаться за кого-то, оттого и полез я на сайт знакомств.

Тогда еще в телефоне таких приложений не придумали, все сидели на сайтах с компьютера. Выбирали не пальцем, а мышкой. Вот и я выбрал не улыбчивую брюнетку с длинной, как все тогда носили, прямой челкой. Лера, кажется, ее звали. Место встречи Лера выбрала сама: западный вход в Ботанический сад, рядом с остановкой у метро «Владыкино». Говорит, встретишь меня после пар и проводишь до дома, заодно и прогуляемся по лесопарку. Бродить по лесу в такую погоду не очень-то и хотелось, но деньгами на ресторан я не располагал, да и выбора не было: на сайте, кроме Леры, мне никто не ответил.

В назначенный день чавкаю я сырыми кроссовками по грязному снегу, поджимая ледяные пальцы ног, как вдруг слышу:

— Филипп! Филипп! Пойдешь чай пить?

Я остановился и взглянул на лавку, пытаюсь рассмотреть, кто меня по имени окликнул.

— С сахаром, с сахаром, — полушепотом пролепетала женщина, заулыбалась, закусив уголок перчатки, и кивнула куда-то вверх. — Прилетели!

— Извините, это вы мне?

— Ч-ч-ч, — поднеся указательный палец к губам, строго погрозила она. — Садись сюда, сейчас покажу.

Я сел рядом, даже не успев толком рассмотреть ее лица, половина которого скрывалась за вычурной театральной шляпкой. Женщина сидела с прямой спиной, широко, по-барски, расставив ноги, которые окутывали слои пестрой одежды: юбка, пальто, шарф из перьев. Возможно, что-то еще, но этих тряпок красно-коричневого, даже, я бы сказал, куриного окраса было так много, что я в них потерялся. От такого размаха я почти вжался в лавку.

Эрика Ефремова — родилась в Ярославле, сейчас живет в Москве. Окончила исторический факультет МГУ по специальности «историк искусств». Работает редактором нейросетей. Победитель Пятого фестиваля русской речи «Русское слово». Училась в литературной мастерской у Ольги Славниковой (CWS). Участница пятой школы критики в Ясной Поляне. В «Урале» печатается впервые.

Она прижалась ко мне плечом, держа руку у лица, как будто собиралась рассказать какой-то секрет, который никто не должен услышать.

— Во-он туда гляди. Раз, два, четыре, пятая. Пятая ветка справа. Видишь? Задержи взгляд, он затаился. Увидел? — все так же с азартом, но едва-едва слышно сказала она.

— Птицу? Вроде что-то вижу.

— Это дрозд. Певчий. Они в ботсад только сегодня прилетели, еще распеваются.

— Они всегда так в апреле прилетают?

— В первую декаду апреля обычно петь начинают, да. Вчера еще не было, а сегодня пожалуйста. И в нашу обитель пожаловали.

Прищурившись, я внимательно наблюдал за дроздом, как будто впервые видел эту птицу. А может, и вправду впервые.

— Фйуу, — на вдохе присвистнула женщина. — Слушай!

Дрозд, закрутив головой, начал ритмично выпячивать горло и раздувать белую грудь в пятнистых коричневых треугольниках. Запел. Женщина наконец развернулась лицом и поставила руку в разноцветной перчатке со стразами мне на колено так, как будто собралась играть на пианино. Растопырив пальцы, она начала отбивать мотив песни дрозда и сама вполголоса, беря высокие ноты, по-колыбельному запела:

— Фии-липп. Фии-липп, — кивала головой в такт пению. — Пой-деш чай пи-ить?

Из-под шляпки показалось ухоженное широкое лицо, возраст в котором выдавали лишь коричневые пигментные пятнышки вокруг глаз и нависающие мясистые щеки. Произнося мое имя, женщина смешно пучила подведенные черным глаза и выставляла сероватые, словно мраморный пол, глянцево широкие зубы.

— С сахар-ром, с сахар-ром, — на этой фразе она стала по-птичьи вытягивать голову вперед, оголив красновато-пухлячатый второй подбородок, который нависал над шеей, как у пеликана. — У каждой птицы своя песня. Так их проще различать. У певчего дрозда — про Филиппа.

Мимо нашей лавки прошли школьники со спущенными до копчика рюкзаками на длинных лямках. Их оружие рты роняли сухарики и маты. Дрозд улетел.

— Спугнули! — резюмировала женщина. — Ну, ничего. Они сейчас везде в парке петь будут, еще послушаешь. А как звать тебя?

— Филипп.

— Не похож ты на Филиппа, — причмокнув, сказала она.

Я не нашел, что ей ответить.

— Меня зовут Инга.

— Будем знакомы. А у других птиц тоже такие странные песни? С именами связанные, — я не знал, как продолжить беседу, а встать и уйти вроде как-то неловко.

— По-разному. Синички, к примеру, о чистоте хлопочут. Чис-тота, чис-тота, — так же ритмично пропела Инга. — А еще мне чечевица нравится, такая, с красноватым чепчиком, она Витю зовет. Витю видел? Витю ви-дел? Быстро так зовет, тараторит. Но это в июле, сейчас рано, не ищи.

Потом Инга рассказала про обычных дроздов и синиц, кажется, но я уже не вспомню. Зато я хорошо запомнил ее настоящий голос. Не тот, которым она поначалу шептала, а обычный. Было в нем что-то такое журчащее, колкое, как будто кто-то позвякивающе перебирает в воде гальку.

— Пррр, — затрещала губами Инга. — Я заболтала вас! Вы, наверное, спешите куда-то?

— Вообще да, время поджигает, — передернул я плечами, собираясь вставать с лавки.

— А куда? — непосредственно спросила Инга и достала из кармана пакетик с сушеными яблоками, которые тут же принялась жевать.

— На свидание. С девушкой.

Инга убрала пакет, смахнув перчаткой кожанку с губ и еще сильнее развернулась ко мне. Лицо ее стало серьезным. Она оперлась локтем на свою ногу и строго спросила:

— Какие у нее руки?

Я опять ничего не понимал.

— Руки, — она покрутила кистью передо мной. — Руки какие у твоей девушки?

— Я... я не знаю. Мы еще в общем-то не знакомы. Я не знаю, какие у нее руки.

— Значит, так, сейчас я все расскажу. Руки — первое, на что надо обращать внимание. Руки, — Инга снова потрясла рукой в перчатке, — говорят о человеке гораздо больше, чем сам человек тебе расскажет. Если кисть вытянутая, а пальцы острые — истеричка будет, дама непостоянная. Но скорее всего красавица, да-а. Ручка маленькая, с округлыми пальцами — домовитая, сговорчивая. Таких берем. Есть еще лопатообразная кисть. Пальцы такие квадратненькие. Редко встречаются, и люди сложные. Сами с усами, знаешь ли, нос воротят, но интересные. Интересные.

— Буду смотреть, спасибо, — мне все еще было очень неловко от этого разговора.

Инга закивала, прищурившись, и поджала подбородок, как будто что-то еще хотела сказать, но в последнюю секунду одернула себя. Затем снова полезла в карман, зашуршала пакетом. Я еще раз поблагодарил Ингу и попрощался. До назначенного свидания оставалась пара минут, поэтому я ускорился. Усиленно давил кроссовками снег, согревая замерзшие ноги.

Лера так и не пришла. Я ждал ее почти час, высматривая черные волосы среди выходящих из метро и автобусов. Дважды спросил у людей, точно ли я стою у западного входа в ботсад. Мне подтвердили — он тут один. Вы скажете: надо было позвонить ей, написать. Но куда? Номера я у нее почему-то не взял, и писать некуда, мы же общались только на сайте.

Я шел обратно по узкой асфальтированной дорожке Ботанического сада. Основной поток людей, возвращающихся с работы, уже прошел. Стемнело, зажглись фонари. В парке было спокойно и тихо, пела какая-то птица. Возможно, даже тот же дрозд, но никакого Филиппа на чай он не звал. Свернув у дуба на свою дорожку, я снова оказался у той лавки, где познакомился два часа назад с Ингой. Там уже, конечно, никто не сидел. Сбоку от лавки на земле голуби жадно растаскивали кучку семечек, не обращая на меня никакого внимания.

По дороге домой я думал, написать Лере или хватит уже с меня унижений. Вечером зашел на сайт, но новых сообщений от Леры не высвечивалось, хотя она была онлайн. Я кликнул на ее фотографии, чтобы еще раз убедиться, что не пропустил ее у входа в парк. И тут я все про нее понял. Посмотрел на руки и все понял.

Сергей Ивкин

Из избранных сонетов

Нравоучительный сонет

У каждого из нас случается зажим,
мол, как ты ни пахал — вновь недооценили.
Дух преисполнен мерзости и гнили,
рвёт оболочку строй взбесившихся пружин.

Всего-то лишь нарушен твой режим:
нехватка сна, засилие ванили.
Тебя ещё ни в чём не обвинили,
а ты уже над пропастью во ржи

хватает за руки испуганных щенят,
кричишь «Там волк!» и прочие абсурды,
воздвигнув на Земле свой личный ад.

Сядь, выдохни и отодвинь посуду.
Франциск сказал, что любит всех подряд.
И ты прости друзей и поцелуй Иуду.

Обидный сонет

На детях гениев природа отдыхает.
Но всякий гений норовит рискнуть:
авось удастся передать искру,
и сын помянет лучников Ахайи.

Нас пожирает время с потрохами —
хотя бы дочка новую весну
сумеет встретить, миновав блесну
и крюк Судьбы, заточенный о Камень.

Сергей Ивкин (1979) — родился в Свердловске. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «преподаватель декоративно-прикладного искусства и народных технологий». Автор 13 книг стихотворений. Главный специалист отдела культурно-массовых коммуникаций Свердловской областной научной библиотеки им. В.Г. Белинского. Преподаватель студии издательства «СТИХИ» и «Лаборатории им. А. Л. Решетова». Постоянный автор журнала «Урал».

Надеждами питаются юнцы.
Кто здесь давненько перерос в отцы?
Скрипи зубами, Мастер офигений:

гораздо хуже у твоих коллег.
А вырастет нормальный человек —
и осознаешь: «Боже, я — не гений!»

Сонет Эвридики

Если хочешь любить меня,
полюби и мою собаку.
Можешь выплакать все флэшбэки,
перечислить своих менад.

Твои песни как мармелад.
Только ты — не беспечный Бахус.
Я надела твою рубаху,
приняла твои семена —

и теперь, дорогой Орфей,
на два голоса строй мотивы.
Каждый в шкуре её репей

полюби, чтобы стать счастливым.
Место дай на своей софе,
обними, почеши загривок.

Сонет в Сочельник

Сложи сонет на тему «Рождество»:
картонный кляссер, в каждую ячейку
клади по слову с зубчиками. Чей ты?
В какое ты поверил Божество?

Всю осень ожидаешь Волшебство
и накануне празднуешь Сочельник
забавой, выпекая, как печенье,
стихи на появление Его.

Когда есть Дата, то не нужно Имя.
И баловство тебе прощают люди,
поскольку ты — в одном потоке с ними.

Сегодня стал волхвом из словоблуда:
пускай раз в год под пальцами твоими
понятное для всех возникло чудо.

Благодарный сонет

Господи, дай мне надежду в горниле страха,
в шающей яме хаоса и грызни.
Высший орнамент не различить вблизи:
сложно поймать гармонию в горстке праха.

Там в ноутбуке осталась «Токката» Баха.
Или Серёжей Курёхиным раздразни.
Разницы нет мне, кому доверять из них, —
только б не слышать, как бьётся грудная птаха.

Невыносимый, чудовищный чик-чирик.
Не подводи меня к зеркалу: Мунка «Крик»
помню до чёрточки. Жёлтый истошный лик

нарастающего безумья.
Сам раскрываю рот я — смешной, беззубый,
только Тобою ведомый вперёд старик.

Открытый сонет

Потоп на оба дома, бро, —
не будет никакого после.
Там — тот же ты. И та, кто возле,
как ни крути, — твоё ребро.

Мы все топили за добро.
Но верный путь другого — козни.
Зачем себя ж кидать на гвозди?
Свет окисляет серебро —

и выплывут на фотоснимке
масштабы мировой поломки.
Поэтому снимаем нимбы.

Какие, Господи, потомки?
Вот ты, вот я — стоят в обнимку.
Иконы. Символы. Иконки.

Бодлеровский сонет

В поэзии есть капелька стыда
затем, дабы испытывать бесстыдство,
побег, самодовольное эстетство:
ты — шёпот звёзд, а не червей еда.

Спасительна любая ерунда,
когда судьба с башки сбивает «Стетсон»,
ты в небеса протягиваешь сердце,
а видишь в небе только провода.

Поэзия — бинокль или лупа?
Мы все изобретаем облака,
терзая ложкой мешанину супа.

Но зуд честолюбивый на века
желает сохранить, что часто глупо.
И тем сильнее стыд издалека.

Прощальный сонет

О чём мы вспомним на похоронах?
Никто вслух не помянет «идиотом».
Летит душа над питерским болотом,
блаженно кувыркается в парах.

В каких замешан был «договорах» —
теперь не важно. Только кони Клодта
махнут вослед копытами. И кто-то
прошепчет обречённо: «к праху прах»...

Навытяжку в углу молчит гитара.
Когда со шкафа слезет домовой,
протянет лапу с поминальной тарой,

прорвётся голос сквозь подспудный вой:
«Такой, как он, не мог остаться старым.
Теперь он — вольный ветер над Невой».

Пушкинский сонет

Не помню в детстве Пушкина, ко мне
пришёл он ближе к сорока: собрание
случайных текстов, где есть место брани
и на пути достаточно камней.

Мне мыслилась коллекция камей,
а тут такая простота на грани
с банальностью. Я понял, что награбил
отсюда век свой лексикон. Коней

и брички сразу вывел составитель
за скобочку: обложку оторвать —
не опознать в прозрачной аква вите

густого виски. Сумасбродный Питер,
промозглый день, холодная кровать,
а что до счастья... Счастье — в алфавите.

Сонет-сомнение

«Детям убийц становятся поэтами
ангел в печали своей положил?
Предположил: будет так меньше лжи ль?
Определил это карой? Поэтому

слово живёт, и скончания нет ему?! —
с ужасом смотрит отец-старожил
на порождение, пьющее джин,
томик Кальпиди марая пометами:

«Разве поэзия — это награда?
Кто перерезал тугой волосок?
Может, не будет ни Рая, ни Ада?

Шедший на Запад пришёл на Восток?..»
Похоть тирана — поэта тирада:
голубь влетает в пробитый висок.

Сонет-удивление

Утренний ветер — песец, догоняющий зайца.
Улочки эти — кошмары автомобилиста.
Можно представить, что родину видишь туристом,
что у тебя без числа вариантов и импровизаций

в городе новом. Смотри, начинает казаться
в целом приятной уже незнакомая пристань.
Впрочем, и сам ты стремительно глуп и неистов
и считаешь за лучшую долю — эрзацы.

Вся твоя мудрость растаяла в дымке восторга:
ветер надул тебе куртку — лети, монгольфьерик.
На шлакоблоке случайном — Бажов у конторки —

пишешь сонет, как вступил на неведомый берег.
Ветер в зубах — и стоишь ты счастливее корги:
карта полна не открытых тобою Америк.

Сонет о сонете

Подыскиваю добрые слова,
хотя навскидку просится угрюмый,
то медицинский, то военный юмор.
Когда болит под вечер голова,

прописываю кошку вместо льва
и безымянный пляжик вместо юрмал.
И рифмочки как ряд хрустальных рюмок
сияют. Пусть идея не нова,

но выверена ровно по глоточку,
и в ней находишь свежий аромат.
Что ягодки? Достаточно цветочка —

беру словесный антиквариат:
кристалл дыхания выращен. И точка.
А всё равно сложился компромат.

Колыбельный сонет

Я — маленький, меня качают в зыбке.
Отец ушёл на реку — рыбу удит.
Вновь праздники. Родня готовит студень.
Я — солнышко, я им дарю улыбку.

Есть время на безделье и ошибку,
есть время захотеть пожить, как люди,
есть время осознать «меня не будет»,
и всё, что вижу, — призрачно и зыбко.

Но небо состоит из наших грёз,
и каждый колыбелец — юный зодчий,
как в лодочках плывём среди берёз,

затопленных разливом зимней ночи.
Эскадра, выходящая на плёс,
Ершалаим Небесный зрит воочью.

Нижегородский сонет

Она красива — только когда улыбается.
Его забота — делать её счастливой.
Мир — слишком шумный и торопливый.
Ничего не поделаешь — цивилизация.

Блажь позволяет тебе ничего не бояться:
ангел крылом прикрывает обитель наива.
Трутся носами — это почти огниво.
Вспыхнет полгорода, если сплетутся пальцы.

И горожане на остановке автобусной
смотрят опасливо: нет ли дымка над ними?
Фары проносятся — и незаметны проблески

пламени. Время Зимы ревнивой
кончилось. И поцелуи — способ наш
встретить Весну. Дать Весне женское имя.

Евгения Гордина

Наехал трактор на забор

Рассказы

В наши дни

- Мам, а этот наш квартирант вообще нормальный?
- Какое нормальный! Ты как не слышишь, что я тебе рассказываю. Два дня назад настоящего психиатра привозили, укол какой-то ставили. Да и сразу ведь предупреждали. А что такое?
- Вон он на берегу скачет, как дикий.
- Голый?
- Да нет, вроде в штанах. Пойду я посмотрю. Говоришь, он не опасный?
- Какое опасный — веселый. Добрый-добрый.
- Тихопомешанный.
- Да не сказать, что тихий.

Полина вышла за калитку и направилась к берегу. Она училась в городе и приезжала домой где-то раз в месяц. А звонила часто. Новостей особых обычно не было, а тут целое происшествие. Глава поселковой администрации попросила приютить на пару летних месяцев гостя. Их дом выбрали за то, что он выглядел самым историческим образом. Построили его в конце XIX века; таких домов в Березовке было много. Но их дом был крепкий и ухоженный. В целости сохранились наличники, резьба по фронтону, украшения столбов у ворот, хотя сами ворота уже металлические, совсем новые. Деньги за постой предложили хорошие — отчего не согласиться. Председательша по секрету сказала, что постоялец — личный знакомый нового мэра Прикамска Трухина. А слегка не в себе он то ли от переутомления, то ли от каких-то неудач.

И немудрено: новый мэр водворился на место старого по результатам скандальной, в высшей степени драматической кампании. Даже Полина, не интересующаяся ничем за пределами своей молодой девичей жизни, была в курсе.

С любопытством, но без всякой робости подошла она к крутому обрыву, нависавшему над рекой Сылвой, по краю которого дико скакал их квартирант Герман. Скакал он босиком и с голым торсом, в спортивных штанах, закатанных до колена. Худющий, сутулый. Однако танец его выглядел изящно, вполне в стиле модернистского балета.

— Здравствуйте.

Странноватый постоялец сделал еще два пируэта, и танец остановился.

— Здравствуй.

— А что это вы делаете?

Евгения Гордина (1976) — родилась в Потсдаме (ГДР). Окончила филологический факультет Пермского государственного университета. Работала в пермских СМИ и рекламных агентствах. Последние 15 лет занимается страхованием. Живет в Перми. В журнале «Урал» печатается впервые.

Герман захохотал и, резко запрокинув голову, отбросил на спину темные космы.

— Я играю.

— Во что?

— В кого. В Алкивиада. Давай расскажу. — Герман собрал волосы в хвост и поднял с земли олимпийку. — Ты живешь здесь с самого детства, а понимаешь ли ты, какая здесь невозможная красота?

— Красота, — спокойно сказала Полина.

Березовка стояла со стороны крутого берега Сылвы, в одном из самых высоких мест. Стояла, скорее всего, века с XVII. В таких местах любили селиться русские переселенцы. Под обрывом на неохватную взглядом даль тянется долина, по которой петляет река. Подобраться незаметно невозможно — человек с обрыва всю землю обозревает, как творец мироздание.

— Ты Древнюю Грецию в школе проходила? — Полина даже не сочла нужным утвердительно кивнуть. — Итак, мы с тобой стоим на берегу моря, на мысе Геллеспонт. Перед нами главное морское сражение Пелопонесской войны. Спартанцы уничтожают флот Афин, а вместе с ним и сами Афины, и даже самую классическую Грецию, которую мы в школе проходили. А я — Алкивиад. Меня изгнали из Афин. Я уехал сюда, на Геллеспонт. Когда я увидел здесь, так близко от своего убежища, корабли, то понял, как слабы позиции афинян. Я прихожу к ним, предлагаю помощь: я уверен, что под моим командованием будет одержана победа. Но... — Герман звонко шлепает себя по лбу. — В общем, не делается ничего из того, что я советую. И я наблюдаю за этой катастрофой с высокого берега Геллеспонта.

Какое-то время Герман величаво смотрит вдаль.

— Ладно, пойдем домой, — говорит он — Есть хочется.

Встречая человека более высокого социального статуса, естественно чувствовать какое-то волнение, неловкость. Полина чувствовала скорее умильную жалость — как к больному ребенку. Ведь любой больной — немного ребенок. Поздно вечером Герман сидел на веранде с густым чернушным чаем, и Полина под села к нему без всякого стеснения.

— Отчего вы в депрессии?

— Оттого, что мир не так прекрасен, как должен был бы быть.

— А вы не боитесь, что если будете вести себя так неблагодарно, то у вас появятся более серьезные поводы для депрессии?

— Ух ты! Глубоко. В бога веруешь?

— Еще про Деда Мороза спросите.

— Загадочная вещь русский народ. Даже в форме атеизма сохранять православную философию.

— А вы, конечно же, не народ. — Впервые Полина почувствовала раздражение и позволила ему проявиться.

— Нет, саркастическая девица, я — не народ. Я вырос в квартире, где все стены сплошь с пола до потолка покрыты книгами. Видела такие квартиры?

— По телевизору.

— Когда увидишь в натуре — не зевай. Учись, дружи. Только замуж не выходи за уроженцев таких квартир — сгоришь.

— Интересно с вами. Я на следующей неделе тоже приеду. А сейчас пойду — вставать завтра рано. Меня соседи обещали до Прикамска довезти, а они выезжают в шесть.

Когда в следующую субботу Полина приехала в Березовку, то застала Германа в совершенно другом расположении духа. Вялый, почти аутичный. Родители Полины не заговаривали с ним, не подходили — в общем, не трогали.

Полина постучалась к нему в комнату, мама сделала молчаливое движение, чтобы удержать, но ничего не сказала. Герман дал знать о себе каким-то невнятным звуком. Полина раскодировала это мычание как разрешение войти.

Герман сидел на стуле перед окном, он будто растекся по подоконнику руками, грудью, головой. Спрашивать, как дела, было бы глупостью, и она просто села рядом. Он поднял голову:

— Однако прекрасная погода.

— Да, хорошо. Пойдемте купаться.

— Не хочу купаться.

— А чего вы хотите?

— Я хочу залезть на колокольню.

— Наверное, можно отца Константина попросить.

— Я просил. Этот бестолковый березовый пенек мне не разрешил. Мне. Не раз-ре-шил!

— Странно. Он обычно очень любит всем колокольню показывать. Прямо уж так и не разрешил? А что сказал?

— Сказал, что я сброшусь оттуда, а ему отвечать. Что за бред!

— А вы точно не сброситесь?

— Какое ваше дело? Твое! Его! С чего это он должен за меня отвечать.

— Чаю хотите?

— Я уже сказал, чего я хочу. Слушай, а ты ведь могла бы за меня поручиться.

— А вы точно не сброситесь?

Его прямо ломало — хоть убей, не хотелось просто ответить «нет». Хотелось сказать что-то остроумное или язвительное, а лучше что-то остроумно-язвительное. Но такой ответ не привел бы к нужному ему результату. И он сказал:

— Сегодня точно нет.

Рядом с тем местом, где Герман в прошлые выходные играл в Алкивиада на Геллеспонте, стоял полуразрушенный храм. Восстанавливать эту громадину целиком у местного священника не было никакой возможности. В начале двадцатого века со всех окрестных деревень на большие праздники сюда сходилась около двух тысяч человек. Сейчас воскресную службу отец Константин частенько служил в одного. Но все-таки это были уже не заброшенные руины, здесь теплилась жизнь.

От огромного пространства храма отгородили метров пятьдесят. Такое помещение можно было отапливать и хоть как-то обустроить. На колокольню водили гостей и туристов — иногда за плату, иногда так.

Отец Константин антикварным ключом отпер сколоченную из свежих досок дверь. За ней начиналась витая внутренняя лестница на колокольню. Батюшка и правда был похож на березовый пенек; из-под широкого лба он вопросительно смотрел на Полину. Она уверенно кивнула: в том смысле, что беспокоиться нечего и сопровождающие им не нужны.

Сделав несколько шагов, Герман и Полина оказались загерметизированы в старинной лестничной галерее: ничто, кроме их собственной одежды, не выдавало современности. Герман ступал вверх медленно, вдумчиво ощупывая зашерблённые кирпичные стены. Полина видела, что он опять что-то фантазирует. Но за собой он ее пока не звал. Полина прищурила глаза, чтобы видеть, куда ступает, но при этом не видеть яркие сланцы и бриджи из синтетического трикотажа. Через несколько ступеней на ней уже была длинная, в несколько слоев одежда, и она сделала произвольное движение рукой, поднимая подол.

Колокольня была выше ста метров, и на верхнюю площадку они вышли запыхавшиеся.

— Афффигеть!!! — выразил Герман свой восторг открывшимся видом.

Полина не боялась высоты, но взялась за металлический поручень у столба, поддерживавшего свод.

— Представляешь? — Герман стал в центр площадки. — Вон оттуда, с востока, прут какие-то злобные толпы в лохматых шапках, может, пугачёвцы, может, просто башкиры. Вон там горит деревня. А здесь стоит человек и бьет в набат. Долго-долго.

Ничего особенного он не сказал. Она слышала это, и даже не раз. Но никогда не представляла. А сегодня впервые почувствовала и страх земляника, подпавшего под набег, и отвагу того, кто здесь, на колокольне, долго-долго бил в набат.

Вечером за чаем Герман рассказывал о том, какой сложной штуковиной была Золотая Орда и до какой степени условен термин «татары».

Уже темно, и Полина время от времени вытягивает шею в ту сторону, откуда рано утром отправляется автобус в город. Герман замечает это движение.

— Завтра ко мне приезжает Алкивиад. Он тебя и в город отвезет.

— Алкивиад? Неудачник?

— Отнюдь. Он баловень судьбы, любимец богов. У него все всегда получалось, все само в руки падало. Ведь почему взбеленившийся демос его из Афин выгнал: в какой-то момент победы перестали быть легкими и быстрыми. Это вызывало подозрение в нерадивости. Вот если бы он постарался как следует — все бы блестяще удалось.

— Странно. А как он выглядел?

— Фотографа при нем не было. Есть бюст, который то ли он, то ли не он. Греки относились к сходству довольно свободно. Современные ему хронисты говорят, что он был необыкновенно красив. Давай пофантазируем, что значило для греков «необыкновенно красив». Тебе что вспоминается из древнегреческих скульптур?

— Я в Эрмитаже не была.

— Пожалуй, я тебя свожу.

Полина резко дернулась назад, но Герман и не думал приставать. Он улетел в свой фантастический мир. Взглядом что-то искал в темных деревьях.

— Он, конечно же, был высокий, атлетичный. Представляешь, он сам участвовал в Олимпийских играх в гонках на колесницах. Для греков красота предполагала изящество, и, я думаю, у него были длинные пальцы, правильный овал лица. Глаза должны быть какие-то такие... синие-синие.

Утром приехали гости. Кавалькадой из трех огромных черных джипов. Полина видела Трухина по телевизору, и теперь ей было удивительно, что он такой невысокий, если не сказать маленький. Правда, очень атлетичный, хотя совсем не в античном смысле: широкоплечий до квадратности. А глаза — тюркские, почти черные; цепкие, умные. Но Полине показалось интереснее не то, как смотрел он, а как смотрели на него. Вместе с ним приехали шесть человек. Если использовать армейскую терминологию, то трое были рядовыми, а трое — старшими офицерами. Все они смотрели на своего командира одинаково — преданно-влюбленно.

Отец Полины показывал мэру Прикамска свое хозяйство: крепкие дворовые постройки, мастерскую. Два упертых в хозяйство человека встретились, и деревенский мужик не сомневался, что тому, кто в телевизоре insпектирует дорожные работы, интересно, как хитро он подает воду в баню: сразу и в бачок над каменкой, и в бочку для обливания.

В жадности, с которой Трухин слушал, не было ничего фальшивого. Он набрасывался на каждого нового интересного человека. Ему хотелось прогрызть, как ореховую скорлупу, защитную отстраненность, а затем разжевать сердцевину — распробовать, понять всю жизнь человека. Критерий, по которому определялась интересность человека, был трудноопределим для самого Трухина. И уж точно никто из помощников не мог бы заранее сказать, в кого захочется ему вгрызаться.

Свита Трухина спокойно ждала, не смея оборвать его удовольствие. Один Герман позволил себе вмешаться, напомнить о себе:

— Пойдемте купаться.

Удобного пляжа в Березовке не было. К реке надо было спускаться по карстовым выступам, практически по горной тропе. В одном месте берег выставлял вперед площадку, с которой открывался головокружительный вид. В прямом и переносном смысле. Трухин подошел к самому краю.

— У нас парни иногда прыгают отсюда прямо в реку, — сказала Полина.

Трухин засмеялся и стал стягивать футболку с явным намерением повторить подвиг березовских парней.

Герман усмехнулся: только тот, кто дал бы себе труд сильно приглядываться к движению его губ, прочитал бы слово «пижон».

— Надо поговорить с главой администрации, чтобы запретить эти прыжки, — сказал Трухин то ли шутя, то ли нет. И поправил футболку.

После купанья сели обедать.

Герману везде мерещились сцены из античной жизни. Но Полине это застолье не казалось похожим на картинки из учебника про Древнюю Грецию. Больше напоминало кино про викингов. Вот дружина, которая собралась вокруг того, кого сочли самым умным, сильным и удачливым. Полотнище стола было квадратным, но совершенно ясно, что Трухин — во главе. При этом за обедом все чувствовали себя на равных: и охранник, и владелец сети торговых магазинов, и тракторист — хозяин дома. Такой былинный демократизм.

Поломав ожидаемую рассадку, Трухин сел рядом с Полиной. Никаких игривых ужимок. Трухину захотелось разгрызть этого нового человека, как до этого он разгрыз ее отца: как учишься? нравится? что планируешь? чего ждешь от жизни?

Но в какой-то момент надо было выбрать: или полностью сконцентрироваться на миленькой соседке, или руководить общим разговором за столом. И Трухин выбрал второе. Две скупые фразы — и все смотрят ему в рот. Тогда он встает и позволяет себе даже пафос.

— Давайте выпьем за Германа, за его удивительную голову. Моя победа — это не моя личная победа. Это касается всех нас. Пришло наше время. Твое здоровье, Гера.

Когда гости засобирались в город, Герман пошел их провожать, и как-то так вышло, что они уехали, не дождавшись, когда Полина вернется из дома с большой сумкой. Она растерянно смотрела на Германа.

— Не надо тебе с ним ехать. Я позвоню, такси закажу.

— Вы с ним друзья?

— Трудно сказать. Мы познакомились в летнем лагере, было нам лет по двенадцать. Это был лагерь пионерского актива. Я всегда чувствовал превосходство: он такой правоверный кондовый пионер, а я... как тебе сказать... скептически настроенный золотой мальчик. Потом пришло новое время, и я был уверен, что это мое время. А он со своим спортивным упорством, знаешь, тоже как-то вписался. Какой-то бизнес. Хотя нет, не какой-то, а очень даже крупный, с комсомольским размахом бизнес.

Герман посмотрел на звезды; звезды посмотрели на Германа. Он вроде как хотел, чтобы Полина помогла ему закончить разговор, но она молчала. Пришлось продолжать.

— Я выиграл для него выборы. Год назад он пришел ко мне и сказал: всё — швах. Единственный шанс не быть пристреленным — стать мэром этого города. В выборах он ничего не понимал, а я понимал. Я работал и на федеральных предвыборных кампаниях, и на региональных. А уж наш-то родной город я точно понимал, как устроен. Я думал, что это я кукловод. Но все не так — это он Алкивиад.

— И что теперь? Утопиться, что ли?

— Можно и утопиться.

— Тьфу. — Полина резко и без сочувствия тряхнула головой.

— Смотря в Эрмитаже не плюйся.

Наехал трактор на забор

У всех нормальных советских детей была бабушка в деревне, к которой можно приехать на лето. Я нормальная.

И тогда и сейчас бабушкину деревню можно обозреть с высоты. Выходишь из электрички — и сразу оказываешься на краю огромной чаши. Лестница из бетонных блоков-ступеней резко уходит вниз. В детстве я могла встать у первой верхней ступеньки этой лестницы, поворачиваться в любую сторону — и с любого ракурса обозреть пейзажи. Да, в этих домах не было газового отопления, горячей воды и теплого туалета. Но они так складно прижимались друг к другу, что хотелось познакомиться с художником и пригласить его с собой.

Сейчас я тоже часто стою на этом холме, но картина передо мной разворачивается другая. Прежде всего довольно шумная: в каждой усадьбе визг электроинструмента. Люди строят мансарды, беседки, новые дома со всеми удобствами. Только эти новые усадьбы при взгляде с холма складываются в какой-то неряшливый набросок. Незачем звать сюда художника, с которым я так и не познакомилась.

Вы скажете, что тоска по давно закончившемуся детству заставляет смотреть на вещи так язвительно; скажете, что деревня моего детства тоже была отнюдь не пастораль. Кто спорит — тоже бывало шумно. Время от времени дядя Леша Александров и дядя Толя Мазунин орали на всю деревню, выясняя, кто из них худший алкоголик. И того и другого встречали мы бредущими в одних носках по дороге, разделявшей их дома. Сейчас по дороге в носках не пройдешься — щебенка. Машина проедет в любой дождь, а вот босой ногой в горячий песок уже не ступишь.

И конфликты между соседями приобрели несколько иной колорит. Вот, допустим, стоят на берегу реки две усадьбы. В одной из них ведет красивую жизнь сын председателя нашего товарищества. Он взрослый и серьезный человек, но я помню его мальчиком — поэтому в глаза и за глаза зову Димкой. На участке его мамы аккуратные грядки и теплицы с капельным поливом, тропинки густо посыпаны опилками, чтобы не пробивались сорняки. У Димки нет никаких грядок — даже регулярных бетонных дорожек нет. Ухоженный газон прикидывается нерукотворным. Хозяева и гости ступают по плоским диким камням, уложенным на ширину среднего шага. По этим камням разгоряченный парильщик добегает от бани до пирса и прыгает в речку.

И вот рядом с этим эдемом задумал строиться владелец единственного в деревне павильона-магазина. Петькой его зовут все, а не только те, кто помнит с детства. Душевная организация у него простая и ясная, как ящик с пивом. Парень он по-своему неглупый, но на соседний участок, где двадцать соток покрыты просто травой, смотрит с недоумением. Взаимная снисходительность соседей могла оставаться молчаливой годами, если бы не стройка.

Стройка это такое дело — развороченная бетономешалками дорога, грязь, рабочие, громко разговаривающие на специальном языке, и другие неудобства. Все это гармонию непоправимо разрушает. И Димка стал защищать свой прекрасный мир дикими криками. Но Петьке тоже надо строиться; и он свое право на прекрасную жизнь с видом на реку стал отстаивать опять же диким криком. Технически правда на его, Петькиной, стороне — дорога общая, на участок к тебе я ведь не лезу. Но какая уж тут правда, когда вокруг Димки мир рушится. Угрозы физической расправы, комичная драка и установка видеокамер обоими конфликтующими сторонами.

Дядя Леша Александров и дядя Толя Мазунин после такого, скорее всего, проспались бы и как-то наладили общение. Мы сейчас не так отходчивы, особенно если чувствуем за спиной ресурс. Димка со своей обленченной маленькой властью мамой взялись за Петькин магазин. Как же это стало возможным?! Тетенька она пробивная, но добрая и всегда готовая помочь. А тут просто как коршуниха взвилась — и давай разить обидчика своего птенчика.

А Петькин магазин и правда существовал на птичьих правах и при должном подходе полежал исчезновению.

Итак, поселок остался без ларька.

Тут граждане определились, на чьей они стороне, и подписались под письмом, которое составил Петька о сносе участка в водоохранной зоне. Потому как Димкин райский уголок, подходящий к самому берегу, сидел тут тоже на птичьих правах, хотя и освященных традицией. То есть без всяких документов всегда тут был.

Приехала большеколесная техника и разобрала по бревнышку, по досочке и деревянный забор, выкрашенный в цвет ореха, и баню, построенную в стиле Васнецова. Димка теперь парится в бане у мамы, а Петька ездит на вахты в Новый Уренгой.

Селяне потеряли магазин, но приобрели парк. После сноса Димкиной усадьбы сидеть в тени деревьев, с такой нежностью им посаженных, могут все желающие.

Мы с сестрой сидим на мягком газоне под ветками сортовых пихт.

— Тебе кого больше жалко: Димку или Петьку?

Сестра меланхолично шевелит пальцами вытянутых ног.

— Думаю, дядя Леша и дядя Толя умели предвидеть последствия и никогда ничего не сделали бы себе во вред.

Наталья Полякова

За всех своих

Семейная сага

Часть III

Глава 1 Папа

Я вижу себя со стороны.
Деревянный дом,
Тусклый свет.
Я маленький, голый,
Лежу, раскрытый, в постели,
Мама склонилась надо мной,
Меня мучает кашель.

Мне было десять месяцев —
Мама потом рассказала, —
Жили в то лето в хуторе Бударине.
Двустороннее воспаление лёгких.
Но дед Григорий достал где-то
Тот самый
Спасительный
Пенициллин.

...
А потом мы поехали из Ростова-на-Дону
К отцу на Дальний Восток
В гремящем вагоне
Через осеннюю пасмурную Москву,
Которую начало заносить снегом.
1952 год.

...
Село Воздвиженка
Уссурийского края.
Двухэтажный дом,
Снаружи каменный, внутри деревянный,
Двускатная крыша.

Наталья Полякова — родилась г. Капустин Яр Астраханской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг «Клюква слов» (СПб., 2011), «Сага о московском пешеходе» (М., 2012). Лауреат премии им. Риммы Казаковой (2009). Живет и работает в Москве.

¹ Окончание. Начало — «Урал», 2025, № 9, 11.

На два подъезда.
Коммунальная квартира,
Две комнаты —
В одной — семья лётчика,
В другой — семья лётчика —
Мы:
Отец — Пётр Андреевич,
Мать — Мария Григорьевна,
Я, Володя Поляков, названный так
В честь погибшего на Донбассе
Брата отца.
Мне четыре.

...
Садилов не было.
Со мной сидела тётя Фрося,
Дальняя родственница,
Специально приехавшая с Дона.
Мама — врач,
Мама работала.

...
Мне было 4,
Когда однажды вечером
Пришла соседка,
Забрала к себе.
Было тревожно всю ночь.
На следующий день
Мама вернулась домой
С новорождённым братом
Игорем.

...
Зимой — катались на санках,
У кого были,
У кого не было — на кусках фанеры
От раскуроченных бочек.
А горкой служили земляные скаты
Продуктовых хранилищ.

...
Летом — бегали на аэродром,
На площадку,
Где стояли отлетающие свои самолёты.
Искали подшипники
Ради металлических шариков.
Стеклянные — тоже были в цене.

У пруда росли сосны и ивы,
На коре которых
Жили майские жуки,
Мы любили собирать их.
Положишь такого жука
В спичечный коробок,
Ночью слушаешь,
Как он шуршит.
Хорошо засыпалось
Под этот шум.

Глава 2

В ожидании затопления хутора Бударина
Казакам выделяли земли для переселения.
Дедов надел оказался на краю
Станицы Красноярской Цимлянского района.

Сначала поставили кухню
Из перевезённых брёвен старого дома.
А в лето 1952 года началось строительство
Нового дома.

27 июля 1952 года состоялось открытие
Волго-Донского судоходного канала.

...
Котлован под будущий дом уже был готов,
Когда в него попала гадюка.
Долго гоняли её вилами,
Пока не удалось убить.

Всюду дедушка меня брал с собой —
В поле за сеном,
Встречать корову,
Собирать дыни, арбузы на бахче...

Дедушка работал на ферме,
Приезжал домой на бричке.
Своих лошадей не было.
Я кормил лошадку
хлебом и сахаром.
Мягкая морда.
Кусковой желтоватый сахар,
Наколотый дедом
Самым маленьким плотницким топориком
На верстаке под белой тютюной².

Глава 3

— Переезжали в Новосибирск в 1956 году.
Всей семьёй.
Лето. Товарный вагон,
Наспех переоборудованный в пассажирский, —
Деревянные лавки — спальные места.
Старая железная дорога вдоль озера Байкал.
Мне шесть лет.

У меня в руке стеклянный шарик.
Не простой, а с цветными вкраплениями.
В чемодане ехали остальные игрушки:
Кубики, резиновый мячик, резиновый зайчик,
Надувной олененок.
Вот и все богатство.

² Шелковица, также тутовник, тутовое дерево, тютюна, — род растений семейства тутовых.

А с шариком я не мог расстаться
Ни на минуту.
Я положил его рядом с собой на лавку.
(Это была роковая ошибка!)
И смотрел, как он покачивается
В такт едущему вагону,
Как скользят по его поверхности блики.
В какой-то момент поезд сильно дернуло,
Будто споткнулся обо что-то и сейчас полетит...
И упадет...
Но он просто замедлил ход.
А полетел, и упал, и покатился стеклянный шарик.
Мой стеклянный шарик!
И попал в сквозную дырку в полу,
Как в лузу.
Что такое бильярд, я тогда не знал.
Где-то он до сих пор лежит...

...
На месте нас временно подселили
К семье подполковника.
Отец служил в Толмачёво, пригороде Новосибирска.
Вскоре дали комнату в коммуналке —
Маленькую комнату на четверых человек.
Электрической плиты не было,
Готовили на примусе.
Разжигали его в подъезде —
Керосин часто проливался, —
Потом заносили домой:
Накачиваешь воздух, подносишь спичку,
Вспыхивает огонь.
Сперва сильный, потом тише, тише...
Подкручиваешь...

Чтобы мы с братом не мешались, —
Нас отвезли к дедушке Григорию, бабушке Ане.
На Дон.
Ехали поездом до Сталинграда,
Потом теплоходом до Волгодонска,
Где дедушка встречал
На запряжённой бричке.

С тех пор приезжали с Игорем на Дон
Каждый год.

Глава 4

Однажды спросил деда Григория и бабушку Аню,
Услышав историю их женитьбы:
Вы хоть понравились друг другу,
Когда впервые увиделись?
Бабушка улыбнулась:
«Симпатичный был».
А дедушка пожал плечами:
«Не помню, но хорошая попалась жена, работающая...»

Дедушка Гриша был невысокого роста.
Ниже папы. Сухой, поджарый. С орлиным носом.
Бороду не носил.
Носил френч, брюки-галифе без лампасов, сапоги.
Матерчатая фуражка зелёного цвета.

Бабушка маленькая, худенькая.
Тёмная в цветах юбка и белая блузка,
Белый платок летом, зимой шерстяная шаль.
Косу затыкала за пояс.
А когда расплетала — мыла яйцом и простоквашей.
Почти не видела —
Мир представлял перед ней в очертаниях —
Бельма заволокли оба глаза.
Сейчас говорят: катаракта.
На ощупь она жила, готовила,
Поддерживала в порядке дом.
На завтрак вареники с вишней
Или творогом,
Блинчики, шанежки-ватрушки.
На обед донской борщ без свёклы,
На мясном бульоне —
Из цыплёнка или утёнка,
Дед забивал, бабушка готовила.
Кролика хватало на три дня.
На вечер каша —
Овсяная, гречневая, перловая —
С мясом.
Тушёные баклажаны.
Овощи и зелень с огорода,
Приправленные своим
Душистым маслом.

Хлеб брали в хлебной лавке —
Деревянном домике на перекрёстке.
Привозили свежие буханки к 10 часам.
Ходил с бабушкой, потом один.
Брали белый кирпичиком.
Любимое лакомство —
Хлеб с каймаком (томлёной пенкой от молока)
Или сливочным маслом.
Пока мы с братом спим,
Бабушка корову подоит, молоко вскипятит...
И сметана, и масло —
всё было своё.

Нальёт бабушка сметану
В трёхлитровую банку и трясёт.
Три дня банку эту трясёт, пахту³ сливает,
На третий день доставала масло — тягучее —
И в лёдник.

³ Обезжиренные сливки, побочный продукт, получаемый при производстве масла из коровьего молока.

Лёдник был в огороде —
Землянка с низким потолком —
В нём лёд,
Пересыпанный опилками и соломой.
...

Зимой бабушка готовила на печи в доме.
Летом — на летней кухне —
Печь во дворе под навесом.
Она больше всего у бабушки трудилась:
То празднично пенилось абрикосовое варенье,
То поднималось облаком молоко
В эмалированном тазу...
Завтраки-обеда-ужины...
А если быстро подогреть что-то или дождь с утра,
Бабушка готовила на керогазе или примусе.
Для них нужен был керосин.
И для освещения нужен был —
Стемнеет — в доме зажигали керосинки.
Ходовой товар был тогда керосин.
Электричество провели в 60-х.
Вот и ездила по дворам телега,
Гружённая канистрами с керосином:
— Кероси-и-ин! Кому кероси-и-ин?!

Кроме этой телеги ездили и другие.
Одна была от колхоза —
Собирали у населения излишки —
Творог, масло, молоко, сметану...
Замеряли, завешивали, записывали...
В конце месяца за сданные продукты
Получали деньги.
Поэтому и колхоз богатый был,
Своя маслобойня была, всё было...
Это потом уже, после 58-го года,
Когда начал Хрущёв проводить мероприятия
По «укрупнению» колхозов,
Лошадей забрали
И много чего забрали...
Разорили и маслобойный цех,
И колбасный...
Колхоз-миллионер разорился.
Жаль было,
Да что сделаешь...

...
Дом стоял на ул. Победы, 1.
Не дом, а одна большая комната с перегородкой —
Часть печи с одной стороны, часть — с другой.
На одной половине железная кровать и диван,
На другой — ещё одна кровать
И обеденный деревянный стол —
Дедушка его сам делал.
В углу чёрный шкаф-сервант —
Тоже дедушкиной работы.
Кроме вещей хранились в нём

Серебряные советские рубли —
На аверсе монеты
Рабочий указывал крестьянину
На заводские трубы,
За которыми вставал рассвет.

Кроме комнат в доме была веранда,
И сени с кладовкой,
И чердак.
На участке были ещё постройки:
Летняя кухня из кирпича,
Где бабушка обычно готовила,
А дедушка летом ночевал —
А зимой они оба, —
И сарай с овцами и козами.
Пять коз, двенадцать овец, три барана.
С каждым годом их становилось всё меньше,
Пока не стало совсем.
Личные подворья обложили большими налогами
На деревья и скот.
Проще стало избавиться...
...
Резал как-то дедушка козу —
а в ней козлёнок маленький...

Глава 5

Мы с братом спали под яблонями.
В саду стояла железная двуспальная кровать.
Скосишь полынь, подсушишь
И набьёшь ею чехол для матраса.
Сверху — тёплое одеяло и простынь кинешь.
И остальное бельё.
Полынь пахнет — комаров отпугивает.

А дождь пойдёт —
Похватаешь постель и — на веранду.
На веранде спишь. На полу.

...
На веранде любил читать книги.
На крылечке.
На крылечке под навесом несколько лет
Лепила ласточка гнездо,
Пока однажды
Не оставили на крыльце мешки с зерном,
Которое получали за трудодни —
Была такая система оплаты —
Колхозник получал зарплату продуктами.
Кошка забралась на мешки и прыгнула —
Но охота не удалась —
Прыгнули подросшие птенцы из гнезда.
С тех пор стала ласточка вить гнездо
Под самой крышей.

...

Сад был большой — десять соток,
Яблони, вишни, абрикосы, черешня...
Виноградник — в половину сада.
Плюс пять соток за садом — огород:
Картошка, подсолнухи, кукуруза, огурцы-помидоры...
Плюс за станцией шесть соток дали под бахчу:
Арбузы, дыни...

Глава 6

Дедушка вышел на пенсию, но
Продолжал ещё работать в колхозе плотником.
Остальное время у него забирали сад и огород.
Особенно виноградник:
«Пухляковский донской» сорт —
Салатово-янтарный
И «цимлянский чёрный»,
Ароматный «плечистик».

Делал домашнее вино
И вялил виноград на чердаке —
Сушились гроздья на натянутых верёвках.
А поздний, самый сладкий,
Клал на хранение в ледник —
В бочки с солёной капустой,
Чтобы зимой, под Новый год, —
Достать к столу кисть свежего,
Напитавшегося летним солнцем
Винограда.

...
Излишки урожая —
Арбузы, дыни, вишню, абрикосы —
Возили на лошадях
На колхозный рынок в Цимлу,
А позднее в Волгодонск на базар.
Приедем — дед задание даёт —
Оббежать продавцов, узнать цены.
Узнав, ставит на полрубля меньше и —
Меньше, чем за два часа, всё распродается —
Едем налегке домой.
А впереди ещё целый летний день.

...
Заготавливать сено ездили в поля.
Дед косил, отец и я загребали.
К этому времени списали его с неба на землю —
В рамках масштабного сокращения армии,
Которое начал Хрущев в 1960 году.
С 1960 года отец работал диспетчером,
А с 1962-го в школе завхозом
И летом смог помогать тестю.
Выезжали вечером, ночевали в поле,
Чтобы с раннего утра
Начать косить.
А как сойдет роса —
Собирали скошенную траву.

Однажды отец проснулся раньше деда,
А у того в ямке у плеча
Спит свернувшийся колечком ужонок.

Глава 7

Близость Дона ощущалась во всём —
В отдыхе, в образе жизни, в детских играх...
Купались, купали коней, ловили рыбу,
Ходили с бреднем на раков.
Иногда их ловили руками в норках.

Однажды был сильный разлив Дона,
Вода в огороды зашла
Вместе с рыбой.
Мы большого судака вилами поймали,
Соседи — сома.

...
Когда дед первый раз
Посадил меня на лошадь, —
Повёл ту купать на речку Кумшак.
Мне было шесть лет.
Я от страха в гриву вцепился.
Но тепло лошадиного тела —
Я ехал без седла, —
Но её размеренный шаг
Успокаивал, и я успокоился.
Так все вместе мы зашли в воду,
Дед мыл лошадь размашистыми движениями,
Потом шутил со мной и брызгал водой.

Класса с третьего ездил на лошади сам,
Тоже без седла.
Дед приедет с работы в бричке,
Я распрягал лошадь и
Ездил на ней купаться.
И купал её.

...
Долго приставал я к деду —
Покажи шашку да покажи...
Однажды показал —
Переделанная из турецкого ятагана —
Ближе к рукояти
Виднелась полустёршаяся арабская вязь.
Положил дед
На верстак большой гвоздь,
Ударил шашкой и разрубил пополам.
— Ты её точишь?
Дед в ответ помотал головой.

Глава 8

В 1960 году родителям выделили
Двухкомнатную квартиру в Новосибирске.
Хрущёвку на четвертом этаже.

Я перешёл в 4-й класс в новую школу.
Которую впоследствии и окончил.
В новой квартире на кухне
Стояла дровяная печь.
У каждой семьи в подвале дома
Была своя кладовая с замком для дров.
Когда через пару лет в дом провели газ
И все заменили дровяные печи на газовые,
Там стали хранить лыжи,
Велосипеды и прочий скарб.

Глава 9

Бабушка Аня умерла внезапно
В 1966 году.
За три дня сгорела. Сердце.
А до этого почти никогда и не болела.
Вставала рано-рано.
Переделает к обеду все дела,
После обеда отдохнет часик-другой,
Поспит — и опять хлопотать.
Баба Соня, золовка,
Григория старшая сестра,
Бывало, придёт в гости на обед
И тоже вздремнёт.

Бабушка верующая была,
Зажигала лампадку
Перед иконами.
Перед тем как спать пойти,
Молилась.
Крестик всегда носила.
А дедушка не молился и крест не носил,
А потом стал носить,
Года за два до смерти жены.
И изредка украдкой —
Креститься.

Плакал сильно,
когда хоронил жену.

Всё в доме изменилось
Со смертью бабушки Ани,
Хотя внешне и казалось,
Что идёт по-прежнему:
Сад-огород, прочая живность,
Домашние дела.
Мы с братом продолжали приезжать
Каждое лето.

Глава 10

Шесть лет прошло.
В 1973 году пошёл служить в армию
Двухгодичником после института.

По распределению попал в Капустин Яр —
В первом же увольнении на танцплощадке
С мамой твоей познакомился.
А потом на сборы в Баку отправили.
И еду я обратно,
Решил по пути в часть к дедушке заехать,
Показаться в форме.
Благо, что время позволяло это сделать.
Увольнительная была дана из расчета,
Что я на поезде в Капустин Яр поеду,
А я на самолет билеты взял
И сэкономил пару дней.
Захожу в дом деда —
А там все —
Мать, отец, брат, вся родня...
Только дедушки нет.
Говорят:
— Утром деда Григория похоронили.
— Почему мне не сообщили?!
— А как тебе сообщишь?
Ты же на сборах был,
Куда телеграмму слать?..

Глава 11

Мать продала дом деда внезапно.
Какому-то милиционеру.
Вместе со всем, что было:
Шашкой, зарытой где-то под деревьями,
Фотографиями,
Уникальным кованым плотницким инструментом,
Моими детскими воспоминаниями,
Любимыми зачитанными книгами...
Ничего не удалось забрать.
Полученные деньги
Она положила себе на сберкнижку,
При этом сказала:
— Дом продала, но денег вам с Игорем не дам.
И в 90-е всё сгорело.
А мне бы не деньги...
Шашку...
Инструменты...
Пожелтевшие фотографии со стены...

...Кладбище, где похоронены
Григорий Евлампиевич Наумов
И Анна Федоровна Наумова,
В девичестве Сорокобаткина,
Давно закрыто.
Разрушается само по себе.
Могилы их затерялись.
Мы искали...

Послесловие

Иностранцы замечают,
 Что русские не улыбаются.
 Есть даже термин такой —
 Russian face.
 Я смотрю на порыжевшие
 От времени фотографии —
 Те немногие, что сохранились, —
 Пётр Андреевич и Мария Григорьевна.
 Вглядываюсь в лица —
 Тонкие губы, опустившиеся уголки рта,
 Взгляд такой, словно
 В напряжении человек думает о чём-то.
 Люди войны.

Пётр Андреевич и Мария Григорьевна
 Познакомились в школе
 После 7-го класса.
 Учились вместе.
 В 1947 году Мария Григорьевна
 Ездил к Петру Андреевичу в Коломыню.
 Обратного билета до Ростова-на-Дону,
 Где училась в мединституте,
 Не было.
 Часть пути ехала на подножке поезда,
 Руки от холода онемели,
 Еле держалась.
 На случайном полустанке
 Заскочила в вагон.
 Проводник пожалел, оставил.
 Простыла сильно тогда, болела.
 Карточки ей, как студентке,
 Давали на питание.
 Но все равно не хватало.
 Жила у тетки, дальней родне.
 Отец табак выращивал, продавал,
 С этих денег платил тетке,
 Продукты дочке домашние привозил.
 Тем жива была.
 А как закончила мединститут,
 Снова в Коломыню приехала,
 Там и поженились с Петром —
 В 1948 году.
 В 1950 родился мой отец.
 Много лет их мотало по гарнизонам:
 Коломыня, Ростов-на-Дону, Дальний восток, Уссурийск,
 Новоуссурийск, Новосибирск...

В детских воспоминаниях моего отца,
 Владимира,
 Их старшего сына,
 Остался двухэтажный дом
 В селе Воздвиженка.
 И много всего ещё:

Рождение брата Игоря,
Командировка Петра Андреевича в Китай —
Когда Китай попросил составить подробные карты —
Летали наши лётчики на максимальных высотах.
В том числе над Юго-Восточной Азией —
Вьетнам, Лаос...
Часть Петра Андреевича
Относилась к «авиации дальней разведки».
За отличную работу был награждён
Китайским трудовым орденом.

Мария Григорьевна окончила медицинский,
Всю жизнь работала терапевтом,
Была заведующей отделением,
Начальником медслужбы аэропорта Толмачёво.
Может быть, это,
А может, война сделали её такой —
Неулыбчивой, резкой —
Что я не смогла её полюбить,
Когда увидела в первый раз —
Мне было 5 лет —
Потом во второй раз — в Москве в 1993-м,
В третий — в 1999 году...
А больше мы не виделись.
Она жила в Новосибирске одна,
Они развелись с Петром Андреевичем
Ещё до моего рождения.

Пётр Андреевич последние годы жил в Цимлянске.
Я видела его только короткий период,
Когда он жил у нас в Капустином Яре.
Его я тоже считала странным.
Воспоминаний о нём осталось мало.
Помню только сильный запах одеколona.
А ещё помню — мне четыре или пять,
И мы с Петром Андреевичем
Пролезли через дыру в заборе,
Которым был обнесён военный городок, —
Перед нами лежала степь,
И красные тюльпаны горели в ней
Как свечи.
Возвращаясь домой, он подобрал на крыльце
Надкушенную булочку:
— Это тебе на ужин...
Придя домой, я пожаловалась маме,
Но булочку в итоге не нашли.
Дедушка сказал, что это
Была такая шутка.
Сейчас думаю, это были отголоски
Голодного прошлого.
Но были и другие странности,
Связанные с едой и вещами...
Но о них не хочется...
Будто в нем барахлить что-то начало...
Как в отлетавшем свое самолете.

В тридцать девять лет
Я поехала на Дон, чтобы увидеть землю,
Где жили предки.
По зову сердца, крови, души.
Но всё кануло в Лету, точнее — в воду —
На дно Цимлянского водохранилища.
При строительстве его
С 1948 по 1952 год
Под затопление попали 164 населённых пункта.
Среди них станица Нижне-Курмоярская
И станица Маркинская...
Только хутор Бударин не затопило окончательно,
Часть воды ушла, но его не стали восстанавливать,
Теперь это «урочище».
Под воду ушли казачьи дома,
Многочисленные церкви,
Старые кладбища...
А ещё поля, пастбища, виноградники, сады...
Ковыльные степи, заливные луга.
Бурная вода Волго-Донского канала
Долго несла разбитые гробы.
Историю моего рода.
Целый мир.

Валерий Соловьев

Точка приложения силы

Рассказы

Пространство и время

В летний субботний день Дормидонт Серовикин шел знакомой дорогой села Полохино, которое за свою сознательную жизнь покинул только дважды: в первый раз, когда учился в ПТУ, а второй — когда служил в армии. Здесь же он и женился на Нинке Серовикиной, то есть тогда она была Нинка Воронова.

Серовикин шел и думал: «Как же все относительно в этом мире». Небольшую брошюрку по теории относительности он прочитал накануне, взяв её в библиотеке птицефабрики, где работал электриком. Оказывается: время — относительно, пространство — относительно. Но особенно его взволновало наличие черной дыры во Вселенной. В брошюре было написано, что по мере приближения к ней время замедляется. А это значит, что у черной дыры ему могло быть не сорок лет, как сейчас, а гораздо меньше — там вообще возможна вечная жизнь.

Своим открытием Дормидонт немедленно поделился с супругой, но Серовикина равнодушно отнеслась к теории относительности и съязвила.

— Далась тебе эта дыра! — сказала она. — Ты бы лучше дыру в заборе заделал, второй год не могу допроситься.

«Так, стоп, что у меня сегодня на повестке? — Он остановился и стал припоминать. — Начальство приказало ехать на дальний объект — там света нет. Срочно нужен электрик. Сказали, что автобус будет ждать у конторы!

— А, вот и он! — Серовикин хлопнул себя по лбу и уверенно зашагал, увидев знакомый «пазик».

Он запрыгнул в автобус и сел на сиденье рядом с зоотехником Николаем Ефимовичем.

У того на коленях лежал журнал с шахматной задачей. «Белые начинают и в три хода делают мат черным», — было написано под картинкой. Совместными усилиями они решили эту задачу.

Покончив с задачей, Дормидонт посмотрел в окно и чрезвычайно удивился — автобус неся по шоссе, которое вело в город. Потом — на часы. Прошло больше тридцати минут, а до объекта ехать максимум двадцать.

— Ефимыч, а куда это мы едем? — спросил он.

— В город, — ответил тот.

— Как это в город? А мне на объект надо, — заволновался Дормидонт.

Валерий Соловьев (1957) — родился в Ленинграде. По образованию — корабел, окончил Ленинградский кораблестроительный институт, кандидат технических наук (Крыловский научный центр). В 2022–2023 гг. принимал участие в конкурсах короткого рассказа (журнал «Рассказки»). Занимал призовые места, рассказы опубликованы в коллективных сборниках. В «Урале» печатается впервые.

— Так на объект другой автобус должен ехать, он стоял за этим. А этот в город наряжен, он нас попутно везёт, и платить не надо, — пояснил Ефимович.

— Во... дела! Прошляпил я. У меня ни денег, ни документов с собой нет. Как же я вернусь домой?

И холодный пот прошиб его. Что-то подобное снилось ему, когда он зимой лежал в горячке.

— Да ладно! Дам я тебе денег на метро и на электричку. Коли так получилось, потом отдашь, — успокоил зоотехник.

Автобус подъехал к станции метро и открыл двери. Потихоньку пассажиры пошли на выход. Дормидонт вышел первым и пропустил Николая Ефимовича, потом помог выйти из автобуса птичнице Насте, та застряла в дверях, зацепившись огромной корзиной. А когда оглянулся, то оказалось, что Ефимовича нет — пропал, как-будто сквозь землю провалился.

Дормидонт добежал до метро — нет его там, вернулся к автобусу, но и у автобуса не было зоотехника. «Беда, да и только!»

Вспомых он налетел на Васю Жердина, который тоже ехал в автобусе.

— Вася, друг, — взмолился Дормидонт, хотя тот его другом никогда не был, — войди в моё положение. Я по ошибке не в тот автобус сел. Ни денег, ни документов. Одолжи мне на метро и электричку, я тебе завтра все верну.

Вася порылся в карманах, но, кроме табачной трухи, там ничего не нашлось. Потом он порылся ещё и достал несколько жетонов на метро.

— Я к сыну еду. Мне жена денег не дает, боится, что пропью. Вот жетоны есть на метро. Дать?

— Давай, — разочарованно сказал Дормидонт, а сам подумал: «Доеду до вокзала, а там что-нибудь придумаю».

На вокзале он долго рассматривал расписание: оказалось, что ближайшего поезда ждать ещё больше часа. «Поеду зайцем», — решил он и попытился. За спиной кто-то пискнул — он наступил на ногу миниатюрной блондинке.

— Извините, — повернулся он к ней.

Перед ним стояла его бывшая одноклассница — Вера Николаева. Дормидонт обрадовался ей гораздо больше, чем она могла ожидать. И когда восторги по поводу их встречи утихли, он изложил суть дела.

— Да, да! Конечно! — сказала Вера и полезла в сумочку.

Сверху лежал сверток с пирожками, Дормидонт это почувствовал по запаху, он уже проголодался.

— Подержи, — Вера протянула ему пакет, продолжая копаться в сумочке. Но тут взгляд её застыл.

— Муж! — произнесла она дрожащими губами. — Он сказал, что убьёт меня, если еще раз увидит рядом с мужчиной.

Сказала и нырнула в толпу, оставив Дормидонта с пакетом и недоумением.

— Я вижу, у вас проблемы? — сказал мужчина, наблюдавший за ними.

Дормидонт подробно рассказал о своей беде.

— Ну, это не беда, я вам помогу. Только у меня к вам просьба. Услуга, как говорится, за услугу. Составьте мне компанию, — он распахнул полу пиджака, в кармане у него была бутылка водки, — я ведь один не пью. Пойдемте в зал ожидания — разопьем, и поедем.

В зале ожидания они примостились в углу на лавочке недалеко от туалета. Мужчина откупорил бутылку, достал два пластиковых стаканчика. Дормидонт вспомнил про Верин пакет и развернул его. Пирожки оказались с капустой, очень вкусные. В бутылке уже почти ничего не оставалось, когда мужчина неожиданно метнулся в туалет. Через минуту за спиной Дормидонта раздался строгий голос:

— Так, пьем в общественном месте. Нарушаем административный кодекс. Забирайте улики. Пойдем в пикет вокзала.

Перед Дормидонтом стоял полицейский. Ничего не оставалось, как забрать оставшиеся пирожки, недопитую бутылку и покорно следовать за стражем порядка.

— А что мне за это будет? — робко спросил он полицейского.

— Штраф выпишем, — ответил тот.

— А у меня денег нет, и документов тоже, товарищ сержант, — сказал нарушитель.

Сержант остановился и подозрительно посмотрел на него.

— Тогда под арестом посидите, пока будем выяснять вашу личность.

«Ну, надо же так влипнуть. А всё этот злосчастный автобус, будь он не ладен, — подумал Дормидонт. — Вот тебе и пространство, и время, Додик. Посидишь теперь в кутузке неделю! А как же Нинка? А как же работа?»

В пикете Дормидонта допрашивал лейтенант. Он задавал вопросы и писал протокол. Дело уже подходило к концу, когда потух свет.

Офицер встал и вышел из помещения. А когда он вернулся, то с раздражением сказал:

— Черт знает что такое! Электрика у них сейчас нет, сиди теперь в темноте, жди.

— Я электрик, — сказал Дормидонт и в доказательство раскрыл маленькую сумочку, которая висела у него на плече. Там был пробник, несколько отверток и пассатижи, монтажный нож — там было все, что могло вернуть учреждению свет. Ему понадобилось минут двадцать: лампы вспыхнули, телефоны заурчали, принтер компьютера заскрипел.

— Ну, ладно, — сказал повеселевший лейтенант, — я вас отпускаю, но больше не нарушайте.

Он взял лежавший на столе протокол и порвал его.

— Никогда больше не буду, товарищ лейтенант, — искренне заверил Дормидонт.

Через десять минут он прохаживался вдоль стоявшего поезда, соображая, в какой вагон лучше сесть, чтобы не попасться контролерам.

Мимо шла группа туристов, они остановились у третьего вагона, и экскурсовод стала проверять, все ли на месте.

— Одного не хватает! Граждане экскурсанты, подходите поближе, — сказала она, посчитав народ по головам. — Так, проверяю по списку...

И стала называть фамилии.

— Самсонов! Где Самсонов?

— Я — Самсонов, — отозвался Дормидонт.

— Всё! Заходим в вагон, — скомандовала экскурсовод.

Вечерело, когда Серовикин открыл калитку своего дома.

— Где тебя носит? На работу он, видите ли, на часик поехал. Небось с дружкой своим, Серегой, опять самогонку пили. А я тут одна картошку должна окучивать! — кричала из окна разъяренная Нинка.

«Наконец-то я дома», — вздохнул он облегченно.

Точка приложения силы

Дормидонт Серовикин сидел в своей маленькой, но уютной кухне и грустно смотрел в открытое окно на палисадник. День подходил к концу. Тени от кустов стали длиннее, солнце зашло за березу и светило сквозь ее листву. В окно потянуло вечерней прохладой.

Грустил он оттого, что с утра его запрягла Нинка: «Это ей сделай, то ей сделай! Замучила баба. Целый день — по хозяйству. Выходной день называется — суббота. А собирался с Серегой сходить порыбачить».

И тут за калиткой мелькнула знакомая кепка Сереги. «Во... легок на помине», — успел подумать Дормидонт, прежде чем Серега появился в палисаднике весь. Он запыхался, видимо, бежал всю дорогу.

— Тут у нас такие дела, Додик, такие дела! — затараторил он, подходя к окну. — У деда нашего, сторожа Петра Васильевича, палец застрял, и никак не вытащить.

— Ничего не понимаю, — остановил его Дормидонт. — Где застрял? Почему застрял? Да говори ты толком.

— Короче... Ты знаешь, что на птицефабрике мужская и женская душевые разделены перегородкой. Кто-то просверлил в перегородке дырочку, так — любопытства ради. Сегодня, когда первая смена закончилась, девчата пошли мыться. Дурачатся, визжат там... вот дед и решил заглянуть в дырочку. А дырочка паутиной забита, тогда он засунул палец в нее, чтобы убрать паутину, а назад — никак. Застрял палец. Да ты же знаешь, какой у него палец: кривой, заскорузлый, прокуренный, как не застрял такому пальцу.

— Хорошо, что он только палец туда сунул, — съязвил Серовикин.

— Ну, теперь-то что поделаешь. Я позвал Колю... такой здоровый, тракторист, чтобы он помог палец вытащить. Тот дернул изо всей силы. Дед как завопит благим матом, а пальцу — хоть бы что! Подумали мы с Колей и решили спросить зоотехника, Николая Ефимыча, все-таки по медицинской части, может, подскажет что. Тот осмотрел потерпевшего и посоветовал помазать палец вазелином. А что там мазать, когда палец весь в дырке. Тогда зоотехник и говорит: «Надо позвать нашего электрика, Серовикина. Без него здесь не обойтись, он толковый, обязательно что-нибудь придумает». Вот я и побежал за тобой.

Серовикин задумался, потом почесал затылок и сказал:

— Ладно, пошли.

Войдя в мужскую душевую, Дормидонт и Серега обнаружили деда стоящим, как провинившийся школьник, лицом к стене. Он смотрел на неё с ненавистью и страдал. Сочувствующие ему тракторист и зоотехник обступили страдальца и досаждали бесполезными советами.

Когда Дормидонт подошел к деду, консилиум расступился, предоставляя возможность хорошенько рассмотреть обездоленного деда.

— Видишь, Дормидонтушка, бес попутал. Девчонки мылись — ну я и решил заглянуть, все ли у них там в порядке, — успел сообщить ему сторож жалобным голосом, пока Дормидонт производил осмотр.

Серовикин молча закончил диагностику, затем сходил на женскую половину, а когда вернулся — лицо у него было озабоченным.

— В любом деле главное — это точка приложения силы. Сила не обязательно должна быть сильной, — сказал он, подняв указательный палец вверх и посмотрев почему-то на Колю, — главное, чтобы она была правильно приложена.

Сказал и пошел в каптерку, где располагались электрики. Оттуда он с мотком провода и какими-то инструментами опять направился в женскую душевую. За перегородкой слышались шорохи — что-то происходило за ней.

Дед приложил ухо к стенке и пытался понять, что же там делает Дормидонт.

— Ай! — вдруг вскрикнул Петр Васильевич, и какая-то волшебная сила в момент отбросила его от перегородки. Он махал освободившейся рукой, повторяя: — Он меня током, он током меня шарахнул!

Через несколько минут появился Серовикин.

— Васильевич, — сказал он, стоя на пороге, — я не буду давать нравственно-моральную оценку твоему поступку. Но по-моему...

Серега не дал договорить другу.

— Дед, с тебя бутылка за избавление, — подытожил он.

Петр Васильевич был скуп, но понял, что по этому случаю ему придется раскошелиться. Отсчитывая деньги, он только тихо попросил:

— Ребята, вы только никому... Проклятые бабы!

— Могила! — за всех твердо заверил Серега.

Разговор по душам

Ранним июльским утром Дормидонт Серовикин выехал на своей «ладушке» за ворота собственного дома. Запирая их, он пытался вставить дужку замка в отверстия ушек ворот, но ничего не получалось — они не сходились. «Ну, хоть ты тресни!» Он давил на них, захлопывал с размаху, но ворота, как замороженные, не поддавались. Все усилия приводили лишь к тому, что по округе распространялся гулкий железный грохот, нарушающий утреннюю интимную тишину. Дормидонт давно заметил, что с воротами это происходило всякий раз, когда он с Нинкой накануне пытался выяснить отношения. В других случаях они запирались без проблем, мягко чмокая створками.

Домашние страсти вчера вечером накалились до предела. Упрямая супруга стояла на своем насмерть. «А дело-то выеденного яйца не стоило». Объяснил же он ей, что пора менять резину на «ладушке», нельзя ездить на «лысой» — опасно. А ей хоть кол на голове теши — ей телевизор новый нужен. Ну, конечно, потом перешли на личности, после чего он долго не мог уснуть, а теперь вот ворота.

Наконец с воротами удалось справиться, они закрылись, и можно было ехать. У Дормидонта в городе было небольшое, но неотложное дело. В городской зоопарк недавно привезли павиана, а он никогда не видел павианов, и теперь представлялся такой исключительный случай.

От его родного Полохина до города более ста километров, но дорога отличная, её недавно отремонтировали. Дормидонт смотрел на пустынную ленту шоссе, которая неслась на него, и думал: «До чего же упертая баба эта Нинка, чувство уважения к личности у нее отсутствует полностью. Грызет и грызет меня — не подавится. Эх, женился на скорую руку да долгую муку, так, кажется, говорится в пословице».

За кустом на обочине мелькнула фигура гаишника, тот махал жезлом, требуя, чтобы Серовикин остановился. «Вот черт, откуда он тут взялся в такую рань, — Дормидонт посмотрел на спидометр, тот показывал сто тридцать километров в час, — как же это я так разогнался?» И понял, что все то время, пока он думал о Нинке, с досады машинально давил на газ.

Он ударил по тормозам, но машина все равно пролетела еще метров пятьдесят вперед, пришлось сдавать задним ходом, чтобы вернуться для приятного диалога.

— Лейтенант Желтков, — представился полицейский. — Что вы так несетесь, жить надоело?

— Да я вот задумался, случайно как-то нажал на газ.

— За рулем надо за дорогой следить, а не задумываться.

— Да супруга меня вчера так достала, что тут невольно задумаешься. То ли бежать от нее куда глаза глядят, то ли...

— ...то ли в петлю, — не дал договорить лейтенант.

— То ли в петлю, — повторил за ним Серовикин.

— Моя тоже из меня вчера всю душу вытряхнула. Ну что за человек, никакой женской обходительности, мягкости — прет как танк. Ни уважения, ни понимания. Грызет и грызет.

— Вот, вот!.. Грызет и грызет! Я ей говорю, резина лысая — пора менять, а она свое — ей новый телевизор подавай. По старому-то смотреть нечего. Пока не добьется своего — не отстанет.

— А эта еще и ревнует меня. «Не знаю, говорит, где ты по ночам шляешься. Странная у тебя работа — по ночам. У тебя наверняка есть кто-то». Ну, и со всеми вытекающими отсюда последствиями. А я ведь человек подневольный, куда начальство пошлет, «есть» — и пошел. Вот тоже удовольствие — за кустом целую ночь торчать. Ушел бы я от нее, да дочку жаль. Люблю я дочку очень. А так бы ушел.

— А у меня сын. Мы с ним и на велосипедах, и на рыбалку.

И оба вздохнули.

— Ну, ладно, поезжайте, — сказал лейтенант. — А все-таки — поосторожней, — добавил он деликатно.

«Хорошо поговорили, по душам», — подумал Серовикин, отъезжая, и почувствовал, что теперь ему дышится легче.

Выехав на шоссе, он взглянул в зеркало заднего вида, в нем отразилась одинокая фигура Желткова, стоявшего на обочине.

Правило буравчика

Ночь была ясная, тихая. Полная луна ярким софитом повисла над Полохиным, отбрасывая косые тени на смежные участки Петра Васильевича и Серовикиных. Редкие порывы ветра шелестели листьями на кустах смородины, которая росла на сопредельной территории у забора. Там стояла бензиновая ручная газонокосилка, которую накануне купил Серовикин, заправленная и приготовленная к работе.

Низко наклонившись и максимально скрытно, стараясь не шуметь, подбирался к ней Петр Васильевич. Он твердо решил вывести её из строя.

Дело в том, что покупка газонокосилки стала той последней ядовитой каплей, которая упала на ранимую душу деда.

А случилось вот что: сначала Серовикины купили телевизор новейшей модели — это он стерпел, решив, что у него хоть и старый телевизор, а показывает не хуже нового; затем Дормидонт привез колеса для машины, тут дед рассудил так, что машины у него нет, так чего горевать за эти колеса. Лично он и велосипедом вполне обходится — пусть тратят деньги, если девать некуда. А когда появилась косилка, Васильевич расстроился по-настоящему.

«А всё эта Нинка! — размышлял дед, видя в окно, как Додик суетится вокруг косилки. — С тех пор как она открыла лавку в деревне, Серовикины сразу начали богатеть. Капиталисты проклятые! Раньше люди как люди были: я кошу косой, и Додик — машет косой за забором. “Здравствуйте, Петр Васильевич, мое вам почтение”. А теперь им косилки подавай!»

Дед сегодня с утра намахался косой, и это прибавило ему решимости. Он добрался до забора, нащупал плохо державшуюся штaketину и, отодвинув её в сторону, просунул в щель костлявую руку. Пальцы не сразу нашли пробку заправочной горловины, но вскоре, дотянувшись до нее, легко отвернули, после чего опустили в горловину кусочек сахара.

— Вот теперь пусть попробует завести тебя, — сказал он назидательно косилке.

Утром, сойдя с крыльца, он услышал, как Серовикин безнадежно дергает пусковой шнур. Косилка не заводилась. Злорадная прятная истома заворачивалась в нижней части живота деда, но, чтобы в полной мере насладиться ситуацией, он решил подойти к Серовикину.

— Дормидонтушка, может, я чем могу помочь тебе? — сказал он, поприветствовав соседа.

— Наверное, свечку залило... — угрюмо предположил Дормидонт и пошел в сарай, где у него лежали инструменты.

Дед вернулся в дом и продолжал прислушиваться к звукам за забором. До обеда были слышны громкие чавканья косилки — один раз она даже завелась, но тут же заглохла.

Васильевич уже налил себе только что разогретого борща, когда взревел мотор.

— Догадался бензин поменять, — прошептал дед, — вот зараза!

Но все-таки успех с косилкой окрылил деда, и он стал обдумывать, чем бы еще досадить этим проклятым капиталистам. В результате короткого мозгового штурма возникла идея проколоть колесо. Давным-давно в том месте, где стояла машина, в заборе образовалась дыра, которую не заделали

потому, что не могли решить, кому же из соседей вменить эту обязанность. Этим обстоятельством и решил воспользоваться Петр Васильевич.

На сей раз было пасмурно, тьма накрыла сразу за крыльцом. Больше доверяя рукам, чем глазам, которые еще не привыкли к темноте, дед уверенно двигался к заветной дыре в заборе. Преодолев демаркационную линию, он припал к левому переднему колесу и, ощупав его, воткнул нож в резиновое тело. Но звука выпускаемого воздуха не последовало. «То ли колеса стали делать такими прочными, то ли нож оказался тупым», — недоумевал борец с капитализмом, стоя на корточках перед колесом. Отдышавшись, он набрал воздуха в легкие и, размахнувшись, ударил еще раз — результат оказался тем же самым. Обессиленный, дед присел у колеса и тут обнаружил, что у него в кармане лежит штопор. «Вот уж штопором я его точно проткну!» — воодушевился Петр Васильевич.

Он с энтузиазмом стал буравить колесо, но на третьем витке случилась авария — у штопора отломилась ручка. Создалось критическое положение: штопор нельзя было завернуть дальше, но и нельзя его также и вывернуть.

В этот кульминационный момент на веранде у Серовикиных зажегся свет, и ничего не оставалось, как оставить позицию.

Утром Петр Васильевич зашел к соседям «официально» — через калитку и застал Дормидонта рассматривающим штопор, торчавший из колеса, при этом все оттенки недоумения отражались на его озабоченном лице.

— Ай-яй-яй! — изобразил искреннее сочувствие дед. — Это надо же!

Однако излить свой гнев и выразить соболезнования он не успел — громко хлопнула калитка, и вошел Серега. Он весело тряхнул пакетом, который держал в руке, в нем звякнули бутылки.

— Во... все компания в сборе, — сказал он. — А Нинка дома?

— Дома, — ответил Дормидонт.

— Тогда, дед, тащи свой штопор, и пойдем в беседку от греха подальше, там выпьем, — быстро проговорил он, подходя к машине. — Тю! Васильевич, так ведь это твой штопор торчит в колесе! Я его хорошо запомнил.

В момент лицо у Петра Васильевича стало красным, как первомайский кумач, он понял, что отпираться бессмысленно.

— Прости ты меня, паразита, Дормидонтушка, бес попутал. А все ведь это зависть проклятая. Прости ты меня, золото мое! Ты мужик-то хороший, хоть и капиталист, — сказал он надломленным голосом, и по щекам потекли слезы. Он еще что-то хотел сказать.

— Да ладно тебе. Что ты как маленький. Повинную голову меч не сечет. Тащи лучше стаканы в беседку, — прервал его Серовикин.

Дед смахнул слезы и потрусил к своему дому.

— Буравчик! — сказал Дормидонт и тронул воткнутый штопор пальцем, тонкая спиральная нить зазвучала, как струна. — Серега, тебе ничего не напоминает этот штопор?

— Напоминает мне то, что дед мелкий противный пакостник, — уверенно ответил тот.

— Ну, положим, в каждом из нас хватает и пакости, и благодати, — А мне почему-то вспомнилось правило буравчика из физики. Вот мне бы придумать что-нибудь такое.

ДРАМАТУРГИЯ

Надежда Колтышева

Арабская зима

Шутка в одном действии

Действующие лица

ЗЕЙНА, 20-летняя арабка

ЗОЯ, 20-летняя русская

Общежитие театрального института. Наши дни.

Зима. Зейна на балконе. Курит, кутаясь в дешёвую шубку не со своего плеча и с тоской озирая ненавистный заснеженный город, распростёртый внизу. Балкон на восьмом этаже. Докурила, бросила окуроч, проследила за его полётом, пошла в комнату. Но не зашла — дверь с балкона не открывается.

ЗЕЙНА. Эй. *(Бьётся в дверь, та не поддаётся.)* Эй! Зоя, эй! *(Стучит в стекло.)*

С противоположной стороны двери появляется заспанная Зоя. Зевает.

ЗОЯ. Чё?

ЗЕЙНА. Эй!

ЗОЯ. Чё тебе?

ЗЕЙНА. Открывай!

ЗОЯ. Сама открывай.

ЗЕЙНА. Так нет! *(Дёргает дверь, показывает, что она закрыта.)*

ЗОЯ. Закрыла, что ли? *(Пытается открыть со своей стороны, не получается.)* Так открывай.

ЗЕЙНА *(бьёт в стекло, кричит)*. Зоя, ты кандон!

ЗОЯ. Ты пообзывайся там ещё! Я вообще пойду тогда. *(Уходит.)*

Зейна ожесточенно бьётся в дверное стекло и кричит. Зоя возвращается.

ЗОЯ. Чё ты колотишься? Открывай сама. Ты там на что закрыла?

ЗЕЙНА *(не понимает)*. Зоя, холодно!

ЗОЯ. Так я что тебе сделаю? Ты зачем там закрылась?

Надежда Колтышева — окончила филологический факультет УрГПУ и отделение драматургии ЕГТИ (семинар Н. Коляды). Пьесы публиковались в журналах «Урал», «Современная драматургия», «Традиции & Авангард», «Нарру», альманахе «Чудеса под вишней», сборниках пьес современных драматургов «Репетиция», «Театр в бойлерной», сборнике «Новые писатели» и др. Лауреат премии журнала «Современная драматургия». Сценарист анимационных фильмов «Кто в доме главный» (кинокомпания «Снега», 2008) и «Валенки», «Шигирская байка», «Любовь и мотоциклы» (студия анимации ИКЦ г. Первоуральска, 2020, 2022). Художественный руководитель МХТ им. П.П. Бажова. Живет и работает в Екатеринбурге.

ЗЕЙНА. Открой!

ЗОЯ. Как я тебе открою? Я тебе объясняю, что тут всё открыто. Это у тебя там что-то. Посмотри, может, шпингалет какой?

ЗЕЙНА. Что?

ЗОЯ. Шпингалет! Защёлка такая.

ЗЕЙНА. Не понимаю!

ЗОЯ. Ну, защёлка какая-то есть там, посмотри?

ЗЕЙНА. Что?

ЗОЯ. Защёлка. Ну, замок, крючок какой-нибудь. Мне не видно же отсюда. Как ты захлопнулась так?

ЗЕЙНА. Открой! Я замёрз.

ЗОЯ. Зейна, ты достала. Ты понимаешь, что с моей стороны всё ок?!

ЗЕЙНА. Я не понимаю!

ЗОЯ. Ещё раз. Ты вышла, дверь закрыла сама. Понимаешь?

ЗЕЙНА. Проклятая ваша Россия!

ЗОЯ. Но-но-но!

ЗЕЙНА. Вы так со мной, потому что я иностранец!

ЗОЯ. Зачем ты попёрлась курить на балкон? Сказано же, что нельзя!

ЗЕЙНА. Балкон предназначена для курящих!

ЗОЯ. Не предназначена, а предназначен! То есть — не предназначен! Понимаешь? Не! Ключевое слово: НЕ предназначен. У нас тут нельзя, у нас законы. Поедешь в свой Тунис и кури хоть где, хоть у себя на бороде!

ЗЕЙНА. Не понимаю! Открой, Зоя, я замёрз!

Зейна кутается в свою чужую шубейку, поднимает воротник, закрывает уши, ресницы все в инее — белые, как у Снегурочки. Она дышит на руки: греется, потом прячет их в карманы.

Зоя дёргает дверь, но дверь не открывается. Она обследовала уже её со всех сторон, но безрезультатно. Переодевается, собирается.

ЗЕЙНА. Зоя, Зоя, куда ты?

ЗОЯ. Поищу кого-нибудь, может, соседи помогут.

ЗЕЙНА. Надо к комендант!

ЗОЯ. Вот коменданту делать больше нечего. Разберусь без тебя! (*Уходит.*)

Зейна скукожилась, выглядывает с балкона, смотрит вниз.

ЗЕЙНА. Проклятая Россия. Злая тётка. Здесь когда-нибудь бывает тепло? Кандон. (*Далее следует непереводимая арабская вязь из бранных слов.*)

Возвращается Зоя. Стучит в стекло Зейне.

ЗОЯ. В общем, всё плохо. Все пацаны на парах, мне тоже, блин, надо.

ЗЕЙНА. А комендант?

ЗОЯ. Да что ты привязалась! Коменданту не до тебя! Давай так попробуем. Ты можешь перелезть через балкон к соседям?

ЗЕЙНА. Здесь?

ЗОЯ. Ну да. Дойди вон до края и перелезь. Сможешь?

ЗЕЙНА. Зоя, ты нормальная?

ЗОЯ. Смотри. У нас с тобой дверь заклинило, так?

Зейна молчит.

А у них, может, не заклинило. Понимаешь?

Зейна молчит.

И вот поэтому — потому, что у них всё нормально работает, — они тебя выпустят.

ЗЕЙНА. А если не нормально?

ЗОЯ. Ну, тогда и будем думать.

ЗЕЙНА. А сейчас мне туда?

ЗОЯ. Да.

ЗЕЙНА. Восемь этаж.

ЗОЯ. Ну, ты как-нибудь аккуратненько.

Зейна рисует на стекле восьмёрку.

ЗОЯ. Да, да, восьмёрка. Знак бесконечности.

ЗЕЙНА. Зоя, ты дурак?

ЗОЯ. Ну, а что я тебе ещё могу предложить? Стекло бить?

ЗЕЙНА. Давай.

ЗОЯ. А как потом будем жить? Зима только начинается. Да и нам не разбить эти долбаные стеклопакеты.

ЗЕЙНА. Я замёрзнула!

ЗОЯ. Ну что я сделаю? Говорила тебе: нельзя курить на балконе!

ЗЕЙНА. Ты ведьма! Наколдовала.

ЗОЯ. Слушай, кто из нас ещё ведьма, надо посмотреть!

ЗЕЙНА. Я умереть, у тебя будут проблем. Между народ.

ЗОЯ. Ты посмотри на неё, она ещё мне угрожает. Да я уйду сейчас на пары и приду вечером. И посмотрим, у кого будут проблем.

Молчат. Зоя уходит. Возвращается с телефоном.

ЗОЯ. Так. Давай в службу спасения звонить.

ЗЕЙНА. Один — девять — семь.

ЗОЯ. Ты не в Тунисе, детка. Один — один — два. *(Набирает.)* Алё, здравствуйте. Тут у нас такое дело. Девочка из Туниса закрылась на балко... Да нет, не в Тунисе, у нас! Я сказала, ИЗ Туниса. Вы русский понимаете?

ЗЕЙНА. А?

ЗОЯ. Послушайте! *(Зейне.)* Трубку бросили. Вот уроды.

ЗЕЙНА. Кандон.

ЗОЯ. Да не говори.

Молчат.

ЗЕЙНА. Зоя! Зоя!

ЗОЯ. Что, Зейна-Зейна? У тебя сигареты ещё остались?

ЗЕЙНА. Курить?

ЗОЯ. Да. Зажигалка?

ЗЕЙНА *(показывает сигареты, зажигалку)*. Да, есть.

ЗОЯ. Ну, согревайся пока как-то самостоятельно. Я не знаю, костёр разведи там или что...

ЗЕЙНА. Не понимайт!

ЗОЯ. А надо понимайт! Грейся, говорю, уши закрой, руки в карманы. Попрыгай вот так: «Надо меньше пить! Пить надо меньше!»

ЗЕЙНА. Пить?

ЗОЯ. Ну да, в твоём случае — курить. Бросай курить, Зейна, я тебе сколько об этом говорю! Знаешь, как у нас говорят? Целоваться с курящей девушкой — всё равно что лизать пепельницу.

ЗЕЙНА. Что такое пепелныц? Не понимайт.

ЗОЯ. Ладно, пошла я кого посмотрю ещё, поспрашиваю.

Зейна опять остаётся одна. Трёт руки, уши, нос, скачет, как её научила Зоя. Выглядывает с балкона, кричит людям: «Эй! Эй! Злой! Пе-пель-ныц! Эй! Эй!» Но никто не слышит, никто не поднимет головы, все спешат на работу, в институт, в школу, по делам, домой — холодно.

ЗЕЙНА. Как любить эта Россия?! Как они тут жить? Это так неудобно. Понятно, почему они пьют. Что им ещё делать в такой холод? Здесь когда-нибудь бывает тепло? *(Кричит с балкона.)* Ненавижу, ненавижу, ненавижу вы! Холод, холод, хо-лод-но! Вы злые все, злые! Потому что холодно. *(Устала, садится у двери, вся скукожилась, нахохлилась, как воробушек, бормочет себе под нос.)* Я так любить русский театр, я хочу быть артистка. Я хочу на сцене, чтобы играть. Мне так нравится играть! Станиславский, Чехов, Пушкин. Мороз и солнце, день чудьесный! *(Плачет.)* Они специально всё, специально! Я хочу свой тьеатр, я хочу на сцену!

Зейна закрывает глаза, и её начинает окутывать сон медленно замерзающего человека. В нём она в роскошном золотом платье, в бриллиантовой диадеме на сцене самого большого театра мира. В свете софитов бриллианты переливаются, платье переливается, всё переливается. И Зейна переливается, как переливающийся календарик. То она в золотом, то в платиновом, то в серебряном, то в изумрудном... У её ног цветы, из зала раздаются несмолкаемые аплодисменты. Зейна кланяется, еле удерживаясь на ногах от тяжести букетов в руках. Зейна улыбается во сне.

В комнату входит Зоя и, не увидев в окне Зейну, бежит к балкону. Не сразу, но обнаруживает заснувшую у дверей девушку. Колотит в дверь.

ЗОЯ. Ну-ка не спать! Эй!

Зейна не реагирует — спит. Ей снится, что она на огромной яхте президента ОАЭ, вокруг цветы, шампанское, прислуга... И конечно, самый главный поклонник её таланта, это... тот, чьё имя она не знает, поэтому и не может называть, пусть будет просто — шах.

И мат! Зейна открывает глаза и видит сквозь сон обезображенное гримасой ужаса лицо Зои, которая отчаянно барабанит в дверное стекло и что-то кричит. Зейна не хочет возвращаться в суровую российскую реальность, Зейна хочет спать. И она ныряет в тридцатиградусное (с плюсом!) Средиземное море. Справа дельфин, слева другой, ой, нет, это не дельфины, это два охранника, стремительно прыгнувшие в море за Зейной, главной достопримечательностью этого мира. Она плывет, а навстречу ей волна за волной, волна за волной, она качается на волнах, как чайка. «Я — чайка! — кричит Зейна. — Нет, не то...» — «То, то!» — вторит ей шах со своей яхты.

Нет, не шах, шахиншах! Нет, не шахиншах, падишах!!!

Сильнейший порыв ветра как пушинку уносит её в открытое море. Охранники кричат, как дельфины, но плывут, как люди: медленно. Зейну заматывает в волну за волной, в волну за волной, уносит глубоко под воду. Все морские коньки встают в стойку, когда мимо проплывает Зейна, медузы кланяются, рыбы изумленно открывают рты. Вдруг Зейна впечатывается своим прекрасным лицом в коралловый риф, от страха закрывает, а потом резко открывает глаза. И оказывается на российском балконе театрального общежития на восьмом этаже, буквально у разбитого корыта, как в сказке этого, как же его... мороз и солнце, день чудьесный...

ЗОЯ. Ну, слава богу!

ЗЕЙНА. А?

ЗОЯ. Слава богу, говорю!

ЗЕЙНА. Нет, не то...

ЗОЯ. Что не то? Ты чуть не околела, понимаешь, нет? Всё, будем бить стекло. Ещё не хватало нам тут покойника на балконе. Отходи.

ЗЕЙНА. Зоя, что?

ЗОЯ. Отходи, говорю!

Зоя надевает шубу, надевает варежки, разбегается, прыгает на балконную дверь, но стеклу хоть бы хны.

ЗОЯ. Так вот вы какие стеклышки у себя завели! (*Отходит, готовится к прыжку.*)

ЗЕЙНА. Зоя, что ты! Мне неуютно!

ЗОЯ. А мы вот так!

ЗЕЙНА. Зоя, не надо! Уже уютно!

Зоя разбегается, прыгает, но стекло стоит крепко.

ЗОЯ. Ну, всё. Харакири Нагасаки! Ки-ай!

Лёгким движением ноги Зоя разбивает стекло вдребезги. На Зейну красиво падают сотни осколков, как бриллианты, они переливаются в лучах сурового, но яркого солнца. Одновременно с этим великолепием балконная дверь без стекла внезапно открывается сама.

ЗОЯ. В смысле?

ЗЕЙНА. Зоя, ты кандон.

ЗОЯ. Зейна, у тебя, видимо, есть свободных тридцать тысяч?

ЗЕЙНА. Что?

ЗОЯ. Зей-на.

ЗЕЙНА. Я не понимаю!

ЗОЯ. Всё ты прекрасно понимаешь. Садись пиши письмо родителям в жаркие страны.

ЗЕЙНА. Я вышла. Курить. Ничего не деляля. Она сама. А стекло — ты.

ЗОЯ. А ты, значит, не при делах?

ЗЕЙНА. Я — да. Я — нет.

ЗОЯ. Принято. Тогда раз ты ни при чём, оставайся здесь, а я пошла на пары.

ЗЕЙНА. Здесь?

ЗОЯ. Заодно и к коменданту зайду, попрошу меня в другую комнату поселить.

ЗЕЙНА. А я?

ЗОЯ. А ты не при делах. Поэтому счастливо оставаться!

Зейна бежит к входной двери, крутит замок.

ЗЕЙНА. Зоя! Так нельзя! Мы с тобой один кров. Ты русский! У тебя душ!

ЗОЯ. Так, быстро отошла от двери!

ЗЕЙНА. Зоя!

ЗОЯ. Считаю до трёх! Три!

Зоя разбегается, но Зейна предусмотрительно ретируется. Зоя впечатывается в дверь и пытается её открыть. Но не тут-то было: волшебные ручки Зейны снова сделали замок неоткрываемым. Зоя дёргает дверь, но снова безуспешно.

ЗОЯ. Зейна, ты специально это делаешь?

ЗЕЙНА. Это ваша Россия. У вас всё так.

ЗОЯ. А чё ж ты приехала сюда, раз Россия тебе нехороша?

ЗЕЙНА. Я люблю русский театр! Станиславский, Чехов, Пушкин! Я — чайка!.. Не то. Я — актриса.

ЗОЯ. Так, ну это все знают. А ещё что-нибудь?

ЗЕЙНА (читает с акцентом, но зато наизусть):

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

ЗОЯ. Ну а что, и правда мило. Кто написал? Пушкин?

ЗЕЙНА (смеётся). Пушкин.

ЗОЯ. Правда, что ли, Пушкин? Двадцать лет прожила и не знала. О, сколько нам открытий чудных... Кто написал?

ЗЕЙНА. Пушкин?..

ЗОЯ. А чём так неуверенно? Конечно, Пушкин! У нас вообще всё Пушкин написал! Знаешь, почему? Потому что Пушкин — наше всё. А ваше всё — кто? Омар Хайям?

ЗЕЙНА. Я не понимаю.

ЗОЯ. Всё ты понимаешь. (Дёргает дверь.) Лучше, Зейна, жить одному, чем жить, Зейна, с кем попало. Знаешь, кто написал?

ЗЕЙНА. Пушкин?..

ЗОЯ. Ну, типа.

ЗЕЙНА (хлопает в ладоши). Ай да Пушкин, ай да сука!

ЗОЯ. Однако надо двигаться, а то холодно, однако. (Дверь так и не открывается.) Как ты говоришь, Зейна, ты кандон?

ЗЕЙНА. Не я, а ты!

ЗОЯ. А ты откуда такие слова знаешь?

ЗЕЙНА. Я в России живу.

ЗОЯ. Хорошо. Тогда следующий вопрос носителю языка. А ты его через какую букву пишешь?

ЗЕЙНА. А. Я его не пишу.

ЗОЯ. Вот. Понимаешь, значит. Есть у нас слова печатные, а есть другие. Великий и могучий русский язык!

Зоя ещё подёргала дверь, устала, села.

Ну что, надо вызывать кого-нибудь. А то околеем.

ЗЕЙНА. Околеем — это как?

ЗОЯ. Скоро узнаешь. (Набирает службу спасения.) Какие будут варианты?

ЗЕЙНА. Комендант.

ЗОЯ. Комендант снежной крепости. Книга такая есть.

ЗЕЙНА. Пушкин?

ЗОЯ. Ну, почти. Гайдар. (Звонит.) Зейна, а ты откуда про мы с тобой одной крови знаешь?

ЗЕЙНА. Читаль.

ЗОЯ (дозвонилась). Алё, здравствуйте. Тут у нас такое дело. Девочка из Туниса закрылась на балко... Да нет, не в Тунисе, у нас! Я сказала, ИЗ Туниса. Да, звонила. С балкона мы её достали, теперь она... Да вы дослушайте до конца! (Зейне.) Ну ты смотри, бросают трубку, и всё. Как выбираться будем, Зейна? (Задумывается.) Кстати, а почему Зейна?

ЗЕЙНА. Зейна — значит красивая, прекрасная. Красавица!

ЗОЯ (смотрит в телефон). Да? Ну, вот тут есть и другое мнение. Смотри: «В арабском языке Зейна означает “угощение”, “обед” или “пища”».

ЗЕЙНА. Это нет! Красавица!

ЗОЯ. Да красавица, красавица. Может, поедим?

ЗЕЙНА. Суп?

ЗОЯ. Чё сразу суп-то?

ЗЕЙНА. Потому что вы всё время едите один суп.

ЗОЯ. Мы разные супы едим.

ЗЕЙНА. Суп, суп, суп. Утром, днём, вечером — один суп!

ЗОЯ. Не ел суп, считай, что труп. Какой обед без супа? (*Открывает холодильник.*) Зейна, будешь сало?

ЗЕЙНА. Что это — сало?

ЗОЯ. Как бы тебе объяснить?.. Сало — это то, чего у нас с тобой не должно быть.

ЗЕЙНА. Это религия?

ЗОЯ. Ну, можно и так сказать. (*Делает себе бутерброд с салом.*) Театр — это ж храм. И мы в нём служим. И чем меньше сала, тем меньше тело. А чем меньше тело, тем больше дела. (*Жуёт.*) Но, Зейна, если нельзя, но очень хочется, то можно. Закон жизни. А ты знаешь, кстати, Зейна, что значит имя Зоя. Зоя, Зейна, — значит жизнь. Вот так-то, Зейночка. Без Зои никакой жизни тебе не будет. А ещё у нас была такая героическая женщина. Да даже не женщина, девочка молодая, моложе нас с тобой. Зоя Космодемьянская. Её фашисты пытали и повесили. А до этого по снегу водили босиком. Ты ходила когда-нибудь по снегу босиком?

ЗЕЙНА. Нет.

ЗОЯ. Сегодня у тебя есть уникальная возможность. Пошли!

Зоя идёт на балкон. Снимает обувь и идёт по снегу. Точнее, скачет. Зейна смотрит на неё с ужасом.

ЗОЯ. Зейна, иди скорее, непередаваемые ощущения! Такого ты в своём Тунисе никогда не почувствуешь.

ЗЕЙНА. Зоя, ты дурак?

ЗОЯ. Нет, Зейна, это ты дурак, если немедленно не будешь делать, как я.

Зейна думает несколько минут, а потом снимает обувь и присоединяется к Зое.

ЗОЯ. Ты должна почувствовать Россию всем телом! Всеми фибрами души! Вот так мы и живём: из огня да в полымя! Из огня да в полымя! А мы просо сеяли-сеяли, а мы просо вытопчем-вытопчем!

ЗЕЙНА. Это как? Не понимаю.

ЗОЯ. Я сама не понимаю, это на древнерусском. По-моему. Круто же, Зейна? Прыгай выше! Мы с тобой, как Зоя Космодемьянская! Нет, как две Зои! Зоя Русская и Зоя Арабская!

Скачут, смеются, визжат, поют. Точнее будет сказать: орут. Зейне на миг показалось, что она снова в тридцатиградусном (с плюсом) Средиземном море, рассекает волну за волной, волну за волной.

ЗОЯ. А теперь бегом ноги в валенки и чай пить!

ЗЕЙНА. Что такое валенки?

ЗОЯ. Валенки, Зейна, это такая зимняя обувь. Но у нас её нет, поэтому надеваем носки.

ЗЕЙНА. Носки? Это? (*Показывает свои короткие хлопчатобумажные носки.*)

ЗОЯ. Это не носки, это порнография. Вот это — носки! (Достаёт огромные шерстяные носки.)

ЗЕЙНА. А. Джорабы.

ЗОЯ. Похоже, международный конфликт всё-таки будет. Джорабы — это... джорабы. А носки — это носки! Сейчас ты почувствуешь разницу. Ты делаешь чай, я валяю носки.

ЗЕЙНА. Валяй.

Зейна, напевая красивую восточную мелодию, хлопчет с чайником, Зоя ищет носки для Зейны. Наконец они садятся подальше от балкона, прижимаются друг к другу, пьют чай.

ЗОЯ. Ноги так горят, да?

ЗЕЙНА. Что?

ЗОЯ. Ну, ноги, говорю, горят. Чувствуешь, как горячо от них?

ЗЕЙНА. Как это? Горят — это же *(показывает жестами, как горит огонь)* вот так?

ЗОЯ. Ну да, ну это, как бы тебе объяснить, в переносном смысле. Так у нас говорят: щёки горят. А ещё ноги, если устали, гудят. А вот суставы на погоду ноют.

ЗЕЙНА. Не понимаю.

ЗОЯ. Я тоже пока не понимаю, но у папы моего ревматизм, он поэтому всё время просит бабушку вязать ему новые носки. А старые вот мне перепадывают. Я всю общагу обула.

ЗЕЙНА. Как у вас всё сложно. Я ничего не понимаю.

ЗОЯ. А говоришь, русский театр любишь.

ЗЕЙНА. Но жизнь — это не театр.

ЗОЯ. Ха-ха. Жизнь, Зейна, это и есть настоящий театр. От счастья к несчастью, от счастья к несчастью.

ЗЕЙНА. А обратно?

ЗОЯ. А обратно — только вперёд ногами.

ЗЕЙНА. Как это? Не понимаю.

ЗОЯ. Я ещё и сама не до конца понимаю, я же только учусь. Но нас так учат мастера: идите, говорят, живите в театр и умрите в нём, если можете. А иначе зачем и начинать.

ЗЕЙНА. Нет. Жизнь — это жизнь. Жизнь — это ты, Зоя. Это я. А театр — это... там. Цёна, цветы, мужчины...

ЗОЯ. Знаешь, с такими мыслями тебе, конечно, вон из профессии. Но что-то в этом есть. Я подумаю об этом завтра. Однако холодно же. Давай хоть одеялами дыру заткнём. *(Снимает одеяло со своей кровати, несёт к балкону.)* Помогай.

ЗЕЙНА *(помогает)*. Как вы живёте в этой Россия? Это же неудобно. Я приехала, сразу стала грязь. А теперь это. Жутко. Холодно.

ЗОЯ. И так примерно на пять месяцев.

ЗЕЙНА. Пять месяцев эта?

ЗОЯ. Да.

ЗЕЙНА. А потом?

ЗОЯ. А потом польются реки из растаявшего снега.

ЗЕЙНА. А потом?

ЗОЯ. А потом жарышка недели на две.

ЗЕЙНА. А потом?

ЗОЯ. А потом суп с котом. Давай своё одеяло.

ЗЕЙНА. Зачем?

ЗОЯ. Ну, моего не хватает, видишь же.

ЗЕЙНА. Нет.

ЗОЯ. Не видишь?

ЗЕЙНА. Не дам. Моё.

ЗОЯ. Так моё уже тут.

ЗЕЙНА. А моё — это моё.

ЗОЯ. Ну ё-моё, Зейна, моё — не моё. Тебе уже не холодно?

ЗЕЙНА. Холодно.

ЗОЯ. Так давай одеяло, видишь, моего не хватает, чтобы дыру заделать.

ЗЕЙНА. Нет.

ЗОЯ. До меня дошло. Ты думаешь, я тебе его не верну, что ли?

ЗЕЙНА. Я не понимаю.

ЗОЯ. Зейна, знаешь, что заметила. Как только тебе тема неприятна, ты резко перестаешь понимать.

ЗЕЙНА. Нет.

ЗОЯ. Ок. Одеяло-то дашь?

ЗЕЙНА. Нет.

ЗОЯ. Ну, на нет и суда нет. *(Сдёргивает и своё одеяло, идёт к двери, снова пытается открыть, снова безуспешно, тогда садится возле и укутывается в одеяло.)*

Зейна стоит посреди комнаты.

ЗЕЙНА. Зоя.

Зоя не отвечает.

ЗЕЙНА. Зоя!

Зоя не отвечает. Зейна подходит к Зое.

ЗЕЙНА. Ты расстроен из-за меня?

ЗОЯ. Нет.

ЗЕЙНА. Я хочу тебе помочь мне исправить ошибку. Пожалуйста.

ЗОЯ. Зейна, проехали, я больше не хочу. Будем замерзать поодиночке. Пока не придёт таинственный незнакомец и не спасёт нас из этого ледяного дома.

ЗЕЙНА. Пойми, Зоя. Я иностранец, мне надо думать о себе самому.

ЗОЯ. Ну, вот сиди и думай. Сам. *(Пауза.)* Я ж сказала, что одеяло тебе верну. Я ж и своё повесила.

ЗЕЙНА. Ты дома, я — в гостях.

ЗОЯ. Между прочим, русские — самый гостеприимный народ.

ЗЕЙНА *(смотрит в телефон)*. Как это — гостеприимный?

ЗОЯ. Есть у нас такая известная эпитафия на памятнике на кладбище:

Прохожий, ты идешь,
но ляжешь так, как я!
Присядь и отдохни
На камне у меня.

Это он приглашает так к себе на скамеечку. Присядь, говорит, гость дорогой, отдохни на лавке у меня. Знаешь, как у нас любят прохожие отдыхать на кладбищах! А потом говорит: «Сорви, говорит, былиночку и вспомни о судьбе. Я дома, говорит, а ты, говорит, в гостях — подумай о себе!»

ЗЕЙНА. Пушкин?

ЗОЯ. А ты посмотри в своём телефоне, ты же там поселилась.

ЗЕЙНА. Да я делаю в интернете, чтобы мне переводить! Чтобы тебя понимать!

ЗОЯ. А у вас вот что, например, на памятниках пишут?

ЗЕЙНА. Зачем это?

ЗОЯ. Нет, ну правда что? Посмотри в своем интернете. Да я и сама посмотрю. Мне самой реально стало интересно. *(Ищет в интернете, находит.)* «Надписи на мусульманских памятниках допустимы, но это должны быть даты рождения и смерти, ФИО ушедшего человека. Также некоторые духовники говорят, что допустимо наносить и суры из Корана, вернее, выдержки из них, небольшие цитаты. Гравировка тоже может использоваться, чтобы нанести портрет, рисунок, орнамент. Обратите внимание: мусульманский орнамент на памятник

очень тонкий, скромный и не должен занимать большую площадь. Допустимо наносить и рисунки, но набор их очень ограничен. Так, например, женщинам на надгробии часто наносят букет роз, в котором количество цветов должно равняться числу детей усопшей. Мужчинам на стелу чаще наносят классический полумесяц или полумесяц со звездой». Вот видишь? А у нас стихи и даже ноты иногда пишут. И вообще что хотят, то и пишут. И портреты в полный рост. Короче, твоим умом, Зейна, Россию не понять.

ЗЕЙНА. Это почему это?

ЗОЯ. Людям, Зейна, надо доверять. Так жить легче. И вообще хороших больше, чем плохих.

ЗЕЙНА. Я не понимаю меня.

ЗОЯ. Я, если честно, тоже тебя не понимаю! Сколько километров от твоего города до нашего?

ЗЕЙНА. От Монастира?

ЗОЯ. От твоего города!

ЗЕЙНА. Я живу в Монастире!

ЗОЯ. Серьёзно?

ЗЕЙНА. Это город такой.

ЗОЯ. Ааа... Ну хорошо, сколько от Монастыря до нас?

ЗЕЙНА (*показывает на пальцах: четыре*). ...километра.

ЗОЯ. Четыре километра?!

ЗЕЙНА. Тысячи!

ЗОЯ. Не проходили ещё числительные, что ли? Так. Четыре тысячи километров ты едешь в Россию, чтобы изучать русский театр! А сама не любишь Россию.

ЗЕЙНА. Да лублу я! Уже. Но здесь так неудобно. Так холодно. Так грязно. У нас в Монастире так чисто, всё белое.

ЗОЯ. У нас тоже белое.

ЗЕЙНА. У вас белое холодно.

ЗОЯ. Холодно ей. Иди сюда!

Зейна подходит к Зое, Зоя закутывает её в одеяло. Теперь они сидят в одном одеяле, обнявшись и прижавшись друг к другу.

ЗОЯ. Вы в детстве строили себе домики под столом?

ЗЕЙНА. Нет.

ЗОЯ. А штабы на деревьях?

ЗЕЙНА. Что это?

ЗОЯ. Как бы тебе объяснить... Такое отдельное пространство. От родителей отдельное. Полностью своё. Чтобы никто из злых тётенек и дяденек туда не мог влезть. И там, естественно, были у нас свои порядки, всё своё абсолютно. Мы однажды с братом и его другом устроили себе штаб в тренерской на стадионе. Там между трибун была комната, мы её случайно нашли, брат с другом крышу разобрали и спрыгнули внутрь. А там целый дом! И мы убегали из ненастоящего дома туда, в настоящий. Ну, однажды нас там застукали, конечно. Тренеры входят такие. Через дверь. А в их комнате три беспризорника. Еле мы успели удрать.

ЗЕЙНА. А мы жили на берегу моря.

ЗОЯ. А какое у вас там море?

ЗЕЙНА. Средиземное. И каждое утро купаться.

ЗОЯ. Летом?

ЗЕЙНА. Почему? У нас всегда можно купаться. С апрель.

ЗОЯ. А у нас зато зимой можно ходить по воде! И даже стоять на воде.

ЗЕЙНА. Зато у вас нет вкусный манго.

ЗОЯ. Манго нет, это да.

ЗЕЙНА. Ты можешь ехать со мной. После учёба. Будем плыть. Будем танцевать на белый песок.

ЗОЯ. Зейна! И ты из такого рая в наш дубак!

ЗЕЙНА. Мне скучно.

ЗОЯ. А мне вот чё-то вообще нет. «Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем. Такая ли я была! Я жила, ни об чём не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не при-
нуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдём с маменькой в церковь, все и странницы — у нас полон дом был странниц да богомолков. А придём из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать, где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдёт. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!»

ЗЕЙНА. Красиво. Это ты сам?

ЗОЯ. Это, Зейна, великий русский драматург Островский.

ЗЕЙНА. У вас всё такое. Великое. Ваш система Станиславский — самый великая в мире. Потому я здесь.

ЗОЯ. Это монолог Катерины из «Грозы». Я с ним поступала в институт. А ты, кстати, с чем?

ЗЕЙНА. Я читала письмо Татьяны.

ЗОЯ. Пушкин?

ЗЕЙНА. Пушкин.

Смеются. Молчат.

ЗЕЙНА. Ты читала сейчас про церковь и богомолков, а я вспоминала свой родной Монастир. Наш город очень древний.

ЗОЯ. Как система Станиславского?

ЗЕЙНА. Нет, что ты, сильно старше. Его основали монахи. Потому так и называется. Там даже Юлий Цезарь был.

ЗОЯ. А сколько у твоего папы жён?

ЗЕЙНА. Зоя!

ЗОЯ. Ну, прости.

ЗЕЙНА. Одна у него жена! Моя мать. И у всех так. У нас там всё не так! А так, как у вас.

ЗОЯ. Что, и работают женщины?

ЗЕЙНА. У нас Европ!

ЗОЯ. А у нас тогда Африка! *(Смеётся.)* К утру тут будет два сугробика. *(Ещё подумала.)* А потом два гробика. У нас есть детский фильм про Тома Сойера. Так вот там в одной из серий индеец Джо — главный злодей, бегал за богатствами по пещере и заблудился. Ну вот. А потом пещеру как-то так отомкнули, и он выпал оттуда спиной. Мёртвый.

ЗЕЙНА. Что такое гробик?

ЗОЯ. Гробик? Как бы тебе объяснить... У нас когда человек умирает, его кладут в гроб. Ну, ящик такой, чтоб понятнее было.

ЗЕЙНА. Умирает — это так? *(Изображает мёртвого человека.)*

ЗОЯ. Ну, примерно.

ЗЕЙНА. Зоя, ты всё время говорить про умар! Умар, умар, у тебя кто-то умар?

ЗОЯ. Умерли все. Осталась одна Таня.

ЗЕЙНА. Таня? Какая Таня? Ларина? Я не дочитала до конца. Только письмо. Бедная. *(Качает головой, молчит.)* Зоя, но ты же не Таня? Ты же Зоя. Ты же не одна. У тебя есть я!

ЗОЯ. О, да.

ЗЕЙНА. Зоя, надо про жизнь! Твоё имя — это жизнь! Надо жить, Зоя! У вас всё время про смерть... Вот и зима у вас такая. И театр такой. А жить — это вставать, ехать, танцевать, петь...

ЗОЯ. Неопределённая форма глагола.

ЗЕЙНА. Цветы! Богатый мужчин! Успех! Цена!

ЗОЯ. Сцена?

ЗЕЙНА. Да, цена!

Самая огромная сцена самого огромного театра мира. В самом огромном зрительном зале сидит огромное количество зрителей. А на сцене двое — Зоя и Зейна, в роскошных костюмах, блистательном макияже, пляшут и танцуют, а потом кланяются под несмолкаемые аплодисменты огромной аудитории. Их забрасывают цветами, подарками, цветами, подарками, цветами, подарками... Ошеломительный успех!

ЗЕЙНА. Ну, должны же о нас вспомнить. Давай стучать.

ЗОЯ. Бесполезно. Мы на восьмом этаже. А все в институте. И придут в двенадцать ночи.

ЗЕЙНА. Почему здесь так долго в институт?

ЗОЯ. Потому что наша система — лучшая в мире.

ЗЕЙНА. Давай ломать.

ЗОЯ. Я уже одну сломала. Теперь твоя очередь.

В коридоре слышатся громкие тяжёлые шаги — будто идёт не человек, а, например, статуя Командора.

ЗЕЙНА. Зоя, ты слышишь?

ЗОЯ. Похоже на шаги Командора.

ЗЕЙНА. Коменданта?

Зейна с Зоей изо всех сил колотятся в двери комнаты, но Командор-комендант явно проходит мимо.

ЗОЯ. Это была Снежная королева.

Зейна приносит своё одеяло, они с Зоей прижимаются друг к другу и укутываются в оба одеяла.

ЗЕЙНА. Мы не замёрзну.

ЗОЯ. И не умрём.

ЗЕЙНА. Нас найдут.

ЗОЯ. И спасут.

ЗЕЙНА. А летом едем в Монастирь.

Зоя и Зейна засыпают, уткнувшись друг в друга. Дверь в комнату тихо открывается, в неё входят Командор, Комендант и Снежная королева. На балкон поднимается пожарная автолестница, в комнату впрыгивает бригада не очень богатых мужчин-спасателей. Комната наполняется людьми — зрителями, все аплодируют Зейне с Зоей. Девочки просыпаются.

Конец

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Николай Григорьевич Никонов — один из самых интересных писателей, когда-либо работавших в Екатеринбурге-Свердловске. Урал второй половины XIX века связан в первую очередь с именем Дмитрия Мамина-Сибиряка. Творчество Павла Бажова пришлось на первую половину XX века. Послевоенный период литературной истории Свердловска, от второй половины 1950-х и до 1990-х, время Николая Никонова. Большими тиражами выходили его книги — «Солнышко в берёзах», «Глагол несовершенного вида», «Весталка» и многие другие. Николай Григорьевич много лет был постоянным автором журнала «Урал». Мы печатали и будем печатать материалы, посвященные его жизни и творческому наследию. Статья дочери писателя, Илоны Николаевны Поповой, посвящена истории рода Никоновых.

Редакция

Илона Попова

Николай Никонов и его родословная

В нашей семье как-то считалось естественным знать имена ближайших родственников до второго-третьего колена. Наверно, потому, что многих из них родители мои застали в добром здравии или слышали семейные рассказы, знали их по фотографиям. Но никому не приходило в голову заняться изучением родословной всерьез. Видимо, всему свое время. Внешним импульсом к поискам информации о родне стало мое знакомство с Екатериной Калужниковой, когда мы года три назад с ней встретились на зарисовках городских пейзажей. Мой сын Алексей рисовал в группе ребят-художников, с которыми занималась Екатерина, речь зашла о нашей семье и о том, что Никоновы давно живут в Екатеринбурге, хорошо бы исследовать историю рода. В Музее истории Екатеринбурга как раз тогда проходила очередная выставка об истории семьи коренных екатеринбуржцев, в подготовке которой Екатерина участвовала. Мне идея такой выставки о семье Никоновых очень импонировала, было что рассказать и показать. Улица Николая Никонова уже стала привычной частью городского пространства, и, что особенно ценно для нашей семьи, именем отца названа одна из центральных улиц города, как раз проходящая в том месте, где стоял дом его родителей и куда его привезли в годовалом возрасте. В сквере на месте дома мама моя, Антонина Александровна, вместе с его коллегами-писателям в октябре 2006 года высадила дубок с нашей дачи. Он вырос из желудя от дуба, посаженного отцом еще в 1980-е годы и по-прежнему исправно засыпающего желудями

Илона Попова — дочь Николая Никонова, родилась в Свердловске в 1962 году. Окончила факультет иностранных языков Свердловского государственного педагогического института. Работала преподавателем английского языка кафедры иностранных языков Уральского госуниверситета, затем — переводчиком, сайт-координатором в клинических исследованиях в Екатеринбурге.

весь наш участок. Молодые дубки мы традиционно раздаем желающим на посадку каждый год.

Мама моя, Антонина Александровна Никонова, поддерживала отца всегда, умела тихо и незаметно со стороны сглаживать острые моменты и поддерживать в любых обстоятельствах. Семейный архив бережно сохранила она. Именно благодаря ее усилиям в 2006 году вышло девятитомное собрание сочинений Никонова. Именно она занималась рукописями и письмами, атрибутировала большинство семейных фотографий и документов.

Родители познакомились в Свердловске в пединституте, на танцах. Мама закончила учебу в 1949-м, отец — через год, закончив за год два курса, чтобы ее догнать. Поженились они 14 марта 1950 года в деревне Поречье, где мама работала. Отец начал работать учителем истории («и в двадцать три года уже исполнял обязанности директора дневной школы-семилетки», потом перевелся в школу рабочей молодежи — «все с тайной целью высвободить лишнее время для творчества». Надежды не оправдались. «Где там! Глазом не успел моргнуть, как опять оказался запряженным в административные постромки, снова стал директором...» (Н. Никонов. «*Размышление на пороге. Опыт автобиографии*».) Ко времени директорства он уже был автором пяти книг, а с 1959 года — членом Союза писателей. Но уйти «на вольные писательские хлеба» решился только в 1968-м.

К концу жизни Никонов был автором 67 книг самых разных жанров. Среди них публицистическая поэма в прозе о разрушении природы «След рыси». «Старикова гора», повесть о судьбе деревни. Та самая, по поводу которой был конфликт с первым секретарем Свердловского обкома партии Б.Н. Ельциным.

Книги отражали широчайший круг увлечений Николая Григорьевича. Он выращивал кактусы и суккуленты, позднее — орхидеи. Мне в детстве пришлось делить с ними свою комнату, и занимали они все окно, там была теплица с особым микроклиматом. Появилась книга «Созвездие кактусов».

Всю жизнь, с детства, отец занимался певчими птицами. Держал их, наблюдал, выращивал и выпускал. Итогом стала книга «Певчие птицы», за которой до сих пор гоняются птицеловы-любители. Своими мыслями и наблюдениями о любопытнейшем мире любителей и собирателей, который он знал досконально, Никонов поделился в эссе «Золотой дождь» и повести «Орнитоптера Ротшильда». После поездок по Европе в конце 1970-х — начале 1980-х были написаны повести «Париж стоит мессы» и «Северный Запад». Многие высказанные там мысли и сейчас как нельзя более актуальны.

Николай Никонов был членом Правления (1968–1991 гг.), а с 1988-го по 1991-й и секретарем Правления Союза писателей РСФСР. С 1999-го по 2002-й — членом правления Союза писателей России, с 1991-го по 2020-й — председателем Екатеринбургского отделения Союза писателей России.

Николай Григорьевич шутил: «плох тот солдат, что не стремится стать генералом». Вообще же подходил ко всем своим обязанностям из того посыла, что, если что-то хочешь сделать хорошо, делай сам. Работал, пока позволяло здоровье.

Мне ближе всего те книги отца, которые автобиографичны, потому ли, что люблю искать факты в прошлом. Потому ли, что это самые подлинные и искренние вещи, а я могу только из них почерпнуть данные о том, кем и какими были мои предки. В повестях «Глагол несовершенного вида», «Мой рабочий одиннадцатый» есть тот Никонов, которого я никак не могла знать в силу своего возраста. В «Солнышке в березах» описаны многие родственники, которых я застала в живых или о которых слышала. Это воспоминания «из первых рук».

Читая книги отца, я представляла себе людей, которых не застала в живых или помнила детским сознанием. Больше всего я любила деда, Григория Григорьевича, на попечении которого меня часто, как ребенка «неорганизованного» (что в советские времена означало не посещавшего детский сад),

оставляли до школы. Мы с ним часто вместе смотрели семейные фото. Позднее для меня обрели лица люди и стали гораздо понятнее описания, данные отцом многим из родственников в его автобиографических вещах. Не только лица, но и места. Не буду пересказывать, обращусь к первоисточникам.

Николай Григорьевич писал о бабушке, Ирине Карповне, и о доме в Мельковской слободе: «Моя бабушка Ирина Карповна купила дом в Мельковке опять же у ремесленника, но более высокого ранга — это был портной... Наша немногочисленная семья занимала верхнюю часть дома. Он был и остался для меня самым родным, ведь я прожил в нем почти с рождения (был доставлен в него годовалым) тридцать три года» (*«Размышление на пороге. Опыт автобиографии»*).

«Населенная ювелирами, гранильщиками, камнерезами и даже как будто старателями — золото мыли тогда и на городском пруду, и в верховьях речки Мельковки, — она должным образом подтверждала свою именно уральскую суть».

«Бабушка была уроженкой Староуткинского завода. Десяти лет ее увезли в город, отдали в люди. И жила она в городе нянькой, стряпкой, кухаркой, горничной вплоть до замужества. Жила у англичанина Ятеса, потом у купцов Селивановых, у помещика Клепинина».

Она вспоминала: «У всех было, батюшко, хорошее житье. У Селивановых самое богатое, у Ятеса пожестче, но сам-то он был шибко обходительный, звал меня только на «вы», Эрар называл... Забавный был такой. А уж Клепинин был и вовсе человек. Слова грубого от него никогда никто из прислуги не слыхивал. Я когда уж потом, замужем жила, — дом мы строили и в деньгах зануждались, — надумала, пойду к барину, к Клепинину-то, и попрошу, может, не откажет. Дак он, батюшко, не только денег мне дал без разговору, а и расписки не взял, процентов никаких. «Возьмите, Ира, пожалуйста. Я вас знаю» (*«Размышление на пороге. Опыт автобиографии»*).

Что самое удивительное, фото помещика Клепинина, председателя земской управы, у нас сохранилось. Как и фото Ирины Карповны среди прислуги. Нашла я место, где стоял дом, который строили Ирина Карповна с мужем, моим прадедом. И снова помогли воспоминания отца связать прошлое и настоящее.

«Дед мой, служа фельдфебелем в Туркестане, дважды награждался за стрельбу именными серебряными часами» (*«Размышление на пороге. Опыт автобиографии»*). Тяжелые часы на толстой цепочке, с гравировкой скрещенных ружей на крышке сохранились, хоть и с нерабочим механизмом.

«Оба мои деда, по отцу и по матери, были страстнейшие лошадики. У деда по отцу Григория Андреевича Никонова была кровная вороная кобыла Лезгинка, был иноходец (бабушка, вспоминая, говорила: «виноходец»))» (Н. Никонов. *«В поисках вечных истин»*).

Сохранился даже «паспорт лошади» с подробным перечислением нескольких поколений ее предков. Лошадь была приобретена на конном заводе Соломирских в Сысерти.

О прадеде со стороны Ирины Карповны: «Слышал я рассказы, как графа Строганова, приехавшего в Утку на медвежью охоту, до берлоги тащили на лубках шестеро мужиков; про купца Селиванова, который кормил собак орехами; и про то, как прадед мой, кричный мастер на демидовском заводе, успевал, пока подымется водяной молот, так и сяк перевернуть клещами пятипудовую каленую штыку» (Н. Никонов. *«Солнышко в березах»*).

И вот совсем недавно выяснила я, откуда же на Урал попали предки Ирины Карповны, в девичестве Колотовой. В Государственном архиве Свердловской области (далее — ГАСО) нашла изумительный документ: «Список составленный вследствие указа Уральского Горного Правления от 24-го сентября 1855 года за № 11075, Исправником Суксунских заводов о людях, принадлежащих к разряду «вечноотданных» к Уткинскому Гг. Демидовых заводу». И там нашла записи о семье Колотовых с 3-й ревизии 1762 года по 8-ю ревизию 1834

года. В записи 8-й ревизии указано, что Карпу, сыну Емельяна, 1 год! Значит, родился мой прапрадед в 1833 году. А у нас есть фото, где Карп Емельянович держит на коленях свою внучку, сестру Григория Григорьевича Никонова, папиного отца. И главное, я теперь знаю место, откуда Колотовы пришли на Урал. Цитирую: «По описи Г. Баженова, составленной по Уткинскому заводу в 1746 г. под № 236 числятся родом Казанской губернии, Вятской провинции, Великокорецкого стану, Подрельской волости деревни Безводной государственные крестьяне, за которых заплачены в казну деньги, как значится по росписи № 145, Иван Ефимов Колотов и ему сыновья...»

Но вернемся к текстам Никонова. Там можно найти и строки об его отце и матери:

«Отец мой, Григорий Григорьевич, по профессии бухгалтер, был действительно человеком завидного физического и духовного здоровья. Скромная жизнь и такая же негромкая профессия, которую, кстати, сам он никогда не считал ни неудачной, ни малозначительной, в сочетании с характером сделали его жизнелюбом, никогда не верившим в возможность исхода. Он всегда был убежден, что худое перемелется, перейдет, обернется в лучшую сторону; часто-часто он вселял эту эфемерную веру в лучшее в своего всегда склонного к лишней мрачности и тревоге сына». ... Охотник он был замечательный, удачливый, добычливый, выносливый в ходьбе и непредвиденных лишениях... имел снайперский значок «Ворошиловский стрелок».

«Полной противоположностью уравновешенному отцу была моя мать Елена Александровна, женщина статная, плотная, голубоглазая... Добрая, непрактичная, бесконечно щедрая, но вспыльчивая, она могла разгневаться по сущим пустякам, была очень обидчива, хотя не помнила зла и старалась держаться в пределах людской справедливости» (*«Размышление на пороге». Опыт автобиографии*).

От себя могу добавить, что дед мой окончил Крыловское городское начальное народное училище 30 августа 1912 года, а затем торговую школу Общества взаимного вспоможения приказчиков по специальности «бухгалтерское дело» в 1917 году. В 1922–1924 годах служил в Красной Армии. Затем работал бухгалтером в «Снабчермете». С 1941 по 1948 год — главный бухгалтер эвакогоспиталя № 1716, затем — № 3867 вплоть до его расформирования.

Елену Александровну я помню сидящей на скамейке во дворе дома на Спорта, 20. Грузная, с печальной улыбкой. Готовя материал к выставке, выяснила по записям в домовых книгах, что она происходила из старообрядческой семьи села Гробовского (ранее Гробовская крепость), ныне село Первомайское около Первоуральска. Отец ее служил управляющим спичечной фабрики товарищества Логинова. Супруга фабриканта Логинова была крестной матерью Елены Александровны. У нее было пятеро братьев. В 1918 году ее старший брат, Петр Копытов, был расстрелян прямо на улице за то, что отказался снимать погоны царской армии.

Елена Александровна окончила Екатеринбургскую женскую гимназию № 1. Когда она выходила замуж, братья приданое разделили между ней и ее сестрой Зоей. «Осколки» этого приданого до сих пор хранятся в нашей семье — большая морская раковина-кассис, бочонок кузнецовского фарфора и крушонница немецкого завода, блюда для рыбы. Не проданы они были во время войны по простой причине: на всех сколы и трещины. И имеют они ценность чисто сентиментальную.

Работала делопроизводителем в правлении Пермской железной дороги. В 1940 году поступила в педагогический институт, на естественно-географический факультет, который так и не окончила из-за войны, и продолжила работать учителем начальных классов. Она «считалась в доме главным растатчиком и фигурой увлекающейся».

Услышанное в семье и прочитанное позднее стало для меня источником вдохновения и основой для поисков.

Когда в 1979 году не стало моего деда, в наследство нам остался большой черный портфель с множеством фотографий, в том числе и профессиональных, с витиеватыми надписями и медалями на обороте: «Фотография Хамьянова», или «В.А. Метенкова», «Н.Терехова, Театральная ул. № 21, собственный дом», «Н.Н. Введенского, Златоустовская 22, тел. 2-51», «Фотография Бр. Козловых» и «Visit Portrait», «Cabinet Portrait» — с лицевой стороны. Ближняя родня была родителям более или менее известна, но с многих фото на меня смотрели лица, о которых в семье никто ничего сказать определенного не мог. Тогда еще была жива младшая сестра моей бабушки, она знала многих родственников, и почти ко всем фотографиям мы с ней сделали подписи на обороте. Кроме того, я услышала интересные комментарии к фото.

В том же портфеле были и семейные документы. Логичным казалось подойти к поискам корней хронологически. Отправным пунктом стала справка о рождении моего деда по отцу, Григория Григорьевича, выданная заведующим архивом Градо-Екатеринбургского Екатерининского собора дьяконом Василием Штениным 24 июня 1912 года для предоставления в начальную школу, Крыловское народное училище. В метрической книге за 1902 год под № 16 значится, что 30 января родился, а 2 февраля крещен Григорий, его родители екатеринбургский мещанин Григорий Андреев Никонов и его жена Ирина Карпова.

Был и еще один документ, многое мне подсказавший по направлению дальнейших поисков. Ополченский билет, выданный моему прадеду, Григорию Андрееву Никонову, фельдфебелю 18-го Туркестанского линейного батальона 4-й роты в городе Коканде в 1894 году. Призвали его на службу в декабре 1889 года, в билете стоят отметки «в походах не был», «имеет знак за отличную стрельбу». И самое главное, есть дата рождения, 16 декабря 1868 года, дата увольнения в запас, записи о временных отлучках и запись священника о браке: «11 сентября 1895 года вступил в первый законный брак с крестьянкою дочерью Уткинского завода Красноуфимского уезда Ириною Карповою Колотовой, 27 лет. Событие сие записано в метрической книге Градо-Екатеринбургского Екатерининского собора под № 51 сего 1895 года».

Удостоверившись, что именно Екатерининский собор являлся для предыдущих поколений моей семьи значимым местом, я стала просматривать метрические книги и исповедальные росписи. Процесс долгий и медленный. По записям в метрических книгах можно установить даты, имя и фамилию, иногда сословие, воспитанниками детей или свидетелями со стороны жениха и невесты часто являются их близкие родственники. Если неизвестны даты рождения и брака предыдущих поколений, приходится просматривать метрические книги с большим разбросом по годам. Не говоря уже том, что не по всем годам такие метрические книги есть. Дойдя до даты рождения моего прапрапрадеда, я зашла в тупик. В записи о рождении от 15 ноября 1802 года лаконично значилось, что у «мастерового Дмитрея Никонова родился сынъ Григорей». Ни отчества отца, ни имени и отчества матери не указано. К счастью, позднее я выяснила отчество «Дмитрея Никонова», он был записан уже как «Дмитрей Борисов Никанов» в качестве воспитанника своего внука Андрея. По метрическим книгам Екатерининского собора в ГАСО можно проследить данные до 1801 года. И где искать того Дмитрея Брисова Никанова? Нет ни возраста, ни места рождения, можно только предположить, что проживал он в Екатеринбурге. Здесь мне очень повезло, нашла данные о семье Никоновых в городском обывательском списке 1810–1815 годов. Там среди домовладельцев числился монетной команды мастерской Дмитрей Борисовъ Никановъ, 50 лет. Он записан старожилом, а не вновь прибывшим. Женат был на канцеляристской дочери Анисье Стефановой и проживал с семьей в «доме деревянного строения с приданным к оному местом, своей постройки во 2-й части города, под № 502» (Государ-

ственный архив Свердловской области. Фонд 8. Опись 1. Дело 458). Детей было шестеро. От третьего сына в этой семье, Григория, и пошла наша ветвь Никоновых. Григорий Дмитриевич записан в метрической книге при рождении уже как Никонов, а год его рождения я вычисляла, исходя из данных обывательского списка, а позднее — ревизских сказок по золотым промыслам и формулярных списков на горных и заводских служащих.

Стало ясно, что нужно смотреть ревизские сказки Екатеринбургского монетного двора. В ревизской сказке 1815 года (ГАСО. Ф. 56 Оп. 1. Д. 238) я действительно нашла всю семью, да еще там указана «Матрена Васильева Никанова, Дмитрея Борисова Никанова мать», 100 лет (запись № 669). Там же была пометка, что сыновья Павел и Григорий с возраста 18 и 9 лет соответственно были переведены в Березовские золотые промыслы в 1814 году. Работать начинали в те времена на приисках золотопромывных очень рано, два сына Дмитрея Никанова были так называемыми «присыльными». Есть письмо из Екатеринбургской монетной конторы № 1156 от 14 января 1816 года в Березовскую золотых промыслов горную контору с перечнем мастеровых, присланных на Березовские золотые промыслы с 1812 по 1916 год, оба сына в списке. Они оба вновь поступили из золотых промыслов в мастеровые Монетного двора (согласно ревизской сказке мастеровых и присыльных Березовского завода от 1834 года). По формулярному списку установлено, что Григорий в 1820 году был направлен из Березовска на Екатеринбургскую золотопромысловую фабрику и какое-то время состоял «при амальгамирном действии». По ведомости на получение жалованья и провианта мастеровыми и членами их семей 1825–1826 годов Павел и Григорий получали оклад в 12 рублей. Григорий в 1827 году работал в партии с шихтмейстером и плотинным мастером Грамотчиковым. Павел в 1837 году ушел на золотые промыслы, дожил до 77 лет. Григорий дожил до 1849 года, умер от чахотки. Сам Дмитрий Борисов ушел в отставку в 1830 году, а скончался в 1856 году в возрасте восьмидесяти трех лет.

Сын Григория, Андрей, родился 28 сентября 1825 года, он представлял уже третье поколение мастеровых Екатеринбургского монетного двора. Согласно ревизской сказке Монетного двора 1853 года, поступил он на службу в 1840-м и был грамотен. Женат был на крестьянской дочери Татиане Никифоровой Бутаковой, уроженке деревни Боярской Логиновской волости. Записи о её рождении и браке её родителей нашлись в метрических книгах Николаевской церкви Белоярской слободы. Уволен от обязательной службы на основе «Высочайше утвержденного Положения о городских людях за выслугу 20 лет» в 1863 году, есть отметка о медали. После увольнения с обязательной службы он остался в службе по найму на какое-то время, потом был переведен в мещанское сословие, но до закрытия Монетного двора в 1876 году.

В именном списке о мастеровых Екатеринбургского монетного двора даже есть описание внешности в графе «рост и приметы увольняемых»: «рост 2 аршина 6 вершков, волосы на голове и бровях русые, глаза голубые, нос, рот и подбородок обыкновенные, лицо чистое» и отметка о том, что «в штрафах и под судом не был».

Именно его младший сын, Григорий (имя в роду повторяется), родившийся 16 декабря 1868 года, мещанин города Екатеринбурга, и есть тот фельдфебель 18-го линейного Туркестанского батальона, чей ополченский билет дал мне так много сведений для начала поисков. Я нашла информации о нескольких поколениях семьи гораздо больше, чем могла ожидать.

Для выставки в музее было важно узнать, где именно в городе семьи жили. Первые данные я нашла в городском обывательском списке 1810–1815 годов. Семья Дмитрея Борисова Никанова жила в деревянном доме 2-й части города под № 502. В ГАСО (Ф. 59. Оп. 7. Д. 353) есть еще «Ведомость, показывающая Города Екатеринбурга обывательские строения кто под каким номером жительство имеет и какое пространство квадратных сажен и

аршин земли под строением и усадьбами занимает» за 1809–1810 годы. Во второй части города, по течению реки Исети на левой стороне на улице Новой Завальной, запись № 1103, стоял дом мастерового Дмитрия Никанова на участке в 347 квадратных саженой.

Этот адрес соответствует дому на пересечении улиц Завальной и Крестовоздвиженской (ныне ул. Красноармейская и Карла Маркса), по правой стороне. Моя семья и сейчас живет на улице Карла Маркса, недалеко же мы уехали. Когда я стала просматривать городской обывательский список за 1816–1818 годы, то обнаружила, что семья переехала на участок № 577. Может быть, потому что двое сыновей уже работали в Березовске.

Следующее поколение, семья Григория Дмитриева, жило в деревянном доме во 2-й части города, 2-м квартале, доме № 710, как сказано в обывательском списке города Екатеринбурга за 1943–1844 годы (ГАСО. Ф. 8. Оп.1. Д. 970).

Далее в сборнике «Алфавит жителей старого Екатеринбурга до 1916 г.», где собран перечень домовладельцев Екатеринбурга с адресами, есть запись: «Никанов Андрей Григорьев, мастеровой, план места в ул. Кузнечной. 20.05.1861 г. Данные взяты из Дела о выдаче частным лицам планов на принадлежащие им домовые места в г. Екатеринбурге, 1861 г.» (ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7239). А согласно данным сборника «Город Екатеринбург», издание Екатеринбургского городского головы И.И. Симанова, Никонов Андрей Григорьевич, мещанин, проживал по адресу: ул. Кузнечная, 114/118 (запись № 2860).

10 февраля 1875 года, в 48 лет, он сочетался вторым браком с «мастерской женой, вдовой, Олимпиадой Алексеевой Билеткиной, 37 лет». Ей принадлежала лавка, зарегистрированная на ее имя по адресу: Главная Торговая площадь, корпус I, № 53 (раздел «Мясная торговля» в сборнике И.И. Симанова, стр. 583).

С более близкими ко мне по времени поколениями было уже проще. Когда я была студенткой, отец показывал место на углу теперешних улиц Белинского и Куйбышева, где стоял дом его деда, Григория Андреевича. Точный адрес нашёлся на пасхальной открытке, посланной родственником моему деду в 1917 году. «ЕВБ Григорию Григорьевичу Никонову, угол Сибирского проспекта и Никольской улицы 71/81». Дом стоял на углу Сенной площади. Купила семья этот участок после 1889 года, так как в сборнике И.И. Симанова есть запись № 2296 о том, что угловой дом по ул. Никольской, № 71/81 принадлежал в то время Мидоре Овциной, мещанской вдове, и наследникам — «деревянный одноэтажный дом, флигель, службы и баня; мелочная лавка».

Этот адрес, уже как адрес Никоновых, указан в материалах Городской Думы по подготовке справочника «Город Екатеринбург», в списке квартирохозяев города на 1916 год (ГАСО. Ф. 62. Оп.1. Д. 618). В справочнике-ежегоднике «Весь Екатеринбург» В.А. Весновского 1903 года издания в разделе о торговле («Мучная торговля») зарегистрирована лавка Ирины Карповны Никоновой на Никольской улице. Про эту лавку мне уже рассказывал мой собственный дед. У меня даже сохранился амбарный замок с датой изготовления — 1884 год.

Моего отца привезли из роддома на Никольскую в 1930 году. Он прожил там с родителями всего год. В 1931 году его бабушка, Ирина Карповна, купила дом № 5 на Мельковской набережной, в начале 1930-х дом получил новый адрес — переулок Спорта, 20.

После того как выставка в Музее города Екатеринбурга закончилась, я продолжала попытки найти документы о Никоновых до 1800 года. Очень хотелось найти, откуда в Екатеринбург приехал Дмитрий Борисов Никанов, ведь в 1810 году он уже числился старожилом. Я не смогла найти записи о браке или рождении по сохранившимся метрическим книгам Богоявленской, Вознесенской и Уктусской церквей Екатеринбурга. Стала спрашивать совета у людей, давно занимавшихся генеалогией и родословными.

Просмотрела ревизские сказки о купцах и мещанах города Екатеринбург 1816 года, не нашла Никоновых. Подсказали посмотреть справочник А.Г. Мосина «Исторические корни уральских фамилий». Елена Коровенкова, исследующая историю своей семьи и готовящая свою выставку «Корневые истории» о Корешковых, вспомнила, что несколько раз встречала фамилию «Никоновы», когда смотрела документы по Березовскому заводу XIX века. Еще мне посоветовали в Уральском генеалогическом обществе посмотреть «Список фамилий мастеровых и работных людей Березовских золотых промыслов 1795–1811 гг.», составленный Ю.В. Коноваловым в 1998 году. Действительно, Никоновы числились среди мастеровых Березовского завода по ревизским сказкам V и VI генеральной ревизии 1795 и 1811 годов.

Среди исследователей родословных бытует мнение, что тем, кто живет на Урале, очень повезло. Еще не так давно исследователи занимались в основном историей боярских и дворянских родов. Крестьяне и мещане, городские обыватели интересовали только тех, кто искал свои семейные корни. Крестьян, если учитывали, записывали только по именам (Ивашка да Микитка), проследить родословную крестьянской семьи очень сложно. На Урале же велся учет работных людей и мастеровых на заводах и крестьян в деревнях и слободах, отсюда проводились рекрутские наборы. Часть рекрутов посылали на заводы и рудники.

Мастеровые приравнивались к нижнему военному чину, и их записывали в ревизских сказках не только по имени, но и по фамилии и отчеству. Стала смотреть формулярные списки служащих, мастеровых и работных людей Березовского завода с 1765 по 1800 год. Фамилия «Никоновы» встречалась несколько раз, только в формулярных списках нашла 8 однофамильцев, но ни одного Дмитрия. Наконец в списках Екатеринбургской золотых производств горной экспедиции за 1784 год нашла в списке горных учеников Дмитрия Никанова, вступившего в службу в 1784 году в возрасте 15 лет, «из мастеровских детей, по-русски читать и писать, в работе рудной знает».

Далее в послужных списках 1785–1799 годов он числился «горным учеником для обучения маркшейдерского и горного дела по части горного и промывленного дела», писался с отчеством «Борисов». В 1800 году получал 18 рублей жалованья в год, в семье было уже четверо детей, с ним жила мать, Матрена Васильевна, 70 лет, на семью муки «получали 8 пудов и на мать пуд».

Нашлось подтверждение того, что семья в период 1793–1795 годов посещала церковь в Березовском приходе. Исповедальная роспись свидетельствует, что Дмитрий Никанов, 27 лет, жена его Анисья, 26 лет, и дочь их Наталья, 8 лет, «были у одной исповеди 18 числа», а «мать его Матрена, 53 лет, была мая 3 числа». Согласно «Ведомости учиненной Пермского наместничества... о жительствующих в ведении той волости при Успенской церкви разного чина людей на 1793 год» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6987), удалось уточнить и место их жительства. В ревизской сказке по золотым промыслам за 1795 год Дмитрий Борисов с семьей числится в росписи Березовского Ильинского рудника № 12.

Поиски по документам XVIII века затруднены тем, что сохранных документов мало. Многие не выдаются из-за ветхости, но есть электронные копии или на сайте ГАСО, или на форумах генеалогов. Согласно «Списку имянному вышним и нижним служителям и мастеровым людям обретавшимся в Екатеринъ Бурхе у железного дела разных чинов и фабрик по первой книге 1733 года мая по 1 число» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 386), в то время в Екатеринбурге числятся за заводами самые разные мастеровые: шихтмейстеры, плотинного, мехового, доменного, рудокопного, литейного, стального, колотушечного (вид молота), жестяного, слесарного, угольного, провололочного, пушечного и дошатого дела.

Детей солдат, рекрутов и мастеровых определяли в школы при заводах «к мастерству». «По семилетнем возрасте имеют быть отданы для обучения наук в школу», как писали обычно в ревизских сказках Екатеринбургского горного ведомства. Здесь я и нашла предположительно еще одно поколение предков.

Борис Никонов числится учеником школы «Екатерин Бурхского завода» в 1733 году. Данные о школах при разных горных заводах довольно подробные. Преподаватели подавали ежегодно рапорты. Из такого «Рапорта Сибирской Обер Берг Амт Екатерин Бурхской Арифметической школы учителя Никифора Каркадинова» от 1733 года можно узнать что «оной арифметической школы ученики в означенные месяцы колико обучили, и кто с которого месяца и числа в школу взят, и куда и когда был отпущен, возвратился, или был в болезни, от оной освобожден, и кто в науке непонятен, и бежал и явился потом». С января 1733 года Борис Никонов, взятый в школу 12 июля 1732 года, изучал «вычитание простое, умножение простое, раздробление».

В том же документе есть и рапорт № 3920 о том, что 10 ноября 1733 года «было велено из Екатерин Бурхского Амта магазина выдать провианта муки ржаной школьным ученикам» по полтора пуда каждому. Список из 57 учеников прилагался, и Борис Никонов среди них. Далее данные о Борисе Никонове нашлись в переписи рабочих и мастеровых казенных заводов 1744–1745 годов: «Ведомость Екатерин Бурхской Заводской конторы о Приказных Мастеровых и работных людях кто и в какие лета и почему получать в год жалования, кто сколько имеет при себе детей и в подушной окладъ написанъ и не написанъ» (ГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1074).

Согласно ведомости, «Борис Яковлев сынъ Никоновъ», 25 лет от роду получал жалованья в год 15 рублей, у него был пасынок «Иван Сидоров сынъ Кучковъ», 5 лет, сын умершего тобольского посадского человека Сидора Кучкова. В 1735 году «к мастерству взят, солдатской сын, уроженец Каменского завода, а по переписи в подушном окладе нигде не написан и подушных денег не плачивал и ныне не платит, а зачем не написан, за малолетством не помнит». Более того, в ревизской сказке Екатеринбургского горного ведомства за 1763 год упомянут «слесарь Борис Яковлевъ сын Никоновъ, 44 лет, мать ево вдова Наталья Иванова дочь, 77 лет, в замужество была старинная Каменского завода мастерская дочь». Что позволяет предположить, что Никоновы вышли из Каменской слободы. К сожалению, пока не нашла документов, точно подтверждающих родство со следующим поколением, но метрических книг и исповедальных росписей церковей Каменской слободы того периода не сохранилось, а в ревизской сказке крестьян Каменской слободы 1747 года и росписи мастеровых Каменского завода 1703 года есть только однофамильцы.

В ревизской ведомости Екатеринбургского завода 1747 года числится за № 351 «слесаря Бориса Яковлева сына Никонова пасынок, а умершего тобольского посатского человека Сидора Кучкова сын Иван 5 лет». Далее в 3-й ревизской сказке Екатеринбургского горного ведомства за 1763 год (Российский государственный архив древних актов. Ф. 350, Оп.2. Д. 903) нашла продолжение истории. «Екатеринбургской лаборатории Иван Сидоров, умершаго Сибирской губернии посадского КУЧКОВА сын, 24 лет, в бывшую генеральную ревизию написан и в подушной оклад положен Екатеринбургского завода при вотчиме слесаре Борисе НИКОНОВЕ, по которому ныне с тем прозванием и пишется. У него жена Ульяна Мокеева 24 лет, дочь умершаго СЫРОМЯТНИКОВА, а какой он человек был, не знает за тем, что осталась по смерть, как ево, так и матери, а оного СЫРОМЯТНИКОВА жены, в малолетстве. У них детей мужеска полу: Александр шести 6, Иван 1 ½, которые по семилетном возрасте имеют быть отданы для обучения наук в школу, женска — дочь Анну 3-х лет».

Указано также, что Иван был «взят в службу к пробирному делу, которой имеет о себе показать особо». Так что поиск только расширяется и приобретает неожиданные повороты¹.

¹ Хочу выразить искреннюю благодарность Уральскому генеалогическому обществу и Музею истории Екатеринбурга за возможность участвовать в их совместном выставочном проекте об истории семей коренных екатеринбуржцев и за помощь в организации выставки.

Александр Ливенцов

Он рядом

Памяти Евгения Чижова

11 августа 2025 года погиб замечательный русский писатель, лауреат премии Ясная Поляна Евгений Чижов (Соминский).

Впервые я увидел Женю на презентации «Собирателя рая». Никогда прежде не ходил на такие встречи, а эта вдобавок оказалась совместной с другим писателем РЕШ. Людей набился полный зал — маленький, Женю было хорошо видно. Его короткая речь, его ответы казались робкими, неуверенным... он волновался. Тогда «Собиратель рая» ещё не удостоился «Ясной Поляны», но это мало на что повлияло бы — я и позже заглядывал на Женины презентации, уже премированный, он вёл себя так же взволнованно.

Порой я буду обращаться к интервью, которое он дал Татьяне Веретеновой для журнала «Урал» в двадцать четвёртом году. Всё-таки мы были знакомы с Женей не так долго, два года, — не могу похвастаться, что были друзьями, но общий язык нашли быстро, и вскоре он предложил перейти на «ты».

Вот что в этом интервью он говорил о своей неуверенности, с важным уточнением — «авторской»: *«Да, неуверенность растёт с опытом и с возрастом. Увереннее всего я был, когда взялся сочинять первый роман. Когда становишься старше и набираешь, казалось бы, какой-то опыт, уверенности это не прибавляет...»* Удивительно, как писатели — уже признанные, именитые — делятся по этому признаку на два лагеря — это всегда видно.

Год спустя Женя взял «Ясную Поляну». Я вспомнил его робость на той презентации от этой новости и задумался: *«Для кого пишут такие люди — несмелые с виду, а премии берут?»* В интервью Женя и на это ответил: *«Мне всегда было важно, для кого я пишу. Мне не нравился набоковский ответ, что каждый писатель пишет для аудитории, состоящей из собственных двойников. Для меня читатель, которому могут быть интересны мои книги, — это читатель, нуждающийся в альтернативе... С возрастом приходишь к выводу, что куда-то не туда идет человечество. Как-то в целом дело обстоит скверно. И поэтому крайне интересны персонажи, которые могут предложить какую-то альтернативу...»*

Впрочем, и мне в личной беседе, и в интервью Женя признавался: первый его читатель — жена. У писателей водится хвалить жён, особенно если те сидят в зале или непременно прочтут это интервью после. Но я повторюсь, он говорил это мне лично.

И именно жена вытащила его из трёхлетнего «путешествия по больницам» после падения со скалы во время поездки на Памир. Ту пору Женя вспоминал так: *«Только благодаря жене мне удалось выкарабкаться; дело в том, что из этого долго выходишь, просто привыкаешь жить инвалидом, в постели, и кажется, что это теперь твой образ жизни. Такие вещи на пользу не идут. Но теперь, задним числом, мне кажется, что это одно из главных моих достижений в жизни — то, что удалось это оставить позади».*

Два года назад я написал пост в соцсети — вспомнил роман Павла Крусанова «Укус ангела», Женя прокомментировал, согласился, что книга удалась. Только у аватарки с его фотографией я увидел фамилию «Соминский», ничего мне тогда не говорящую... и написал ему уже лично о своём наблюдении — мол, вижу знакомое лицо, а фамилия незнакома. На что он ответил: «Разоблачили!» Так началась наша переписка.

Я вспомнил совместную презентацию от РЕШ, упомянул «робость» Евгения — тогда мы были на «вы». На что он ответил: *«Это обманчивое впечатление, я вовсе не такой уж робкий, просто не хотел превращать вечер в соревнование, кто кого переговорит. В таких случаях я обычно отмалчиваюсь»*.

И раз упомянули фамилию, стоит отметить, что очень часто Женя давал своим героям «птичьи» фамилии: Скворцов, Зябликов, Синицин. *«Это мои инварианты, так сказать. Вывод, что под ними следует понимать автора, был бы неверным»*, — поясняет в интервью Женя.

Вскоре он позвал меня на презентацию в «Зверевский центр». Оцените самоиронию — привожу текст его сообщения: *«Саша, видели сборник рассказов? С весёленьким названием «Самоубийцы и другие шутники»? Приходите 18-го в 18.00 в Зверевский центр...»* Весёленькое название... Признаюсь, в этих рассказах все такие живые, что тема самоубийства, которая проходит лейтмотивом через сборник, забывается начисто. К тому времени я уже прочёл два рассказа — «Автостоп-1984» и «Сеня», они вышли в «Знамени» за два года до публикации книги.

На вечер я приехал раньше времени, ходил по залу — разглядывал фотографии и рисунки птиц, так совпало, что накануне прошла тематическая выставка о пернатых, — это в тему «птичьих» фамилий. И вот пришли Женя с женой. Модератором была Татьяна Стоянова, она же продавала книги, и те разлетелись до одной, а к Жене выстроилась очередь на автографы, но это было после того, как он прочитал один из рассказов сборника — «Боль». Следующим утром я напишу Жене: *«Это был гипноз»*.

Писатели не обязаны хорошо читать вслух, не актёры, в конце концов. Вдобавок Женя волновался, было видно. В придачу у него пересохло горло, он кашлял — вода не спасала. И всё равно весь зал вошёл в безмолвный резонанс — слушали, впитывали, вбирали... как бандерлоги перед Каа — да простят меня эти люди, к числу которых я отношусь. Незабываемый час, волшебный. И это при том что рассказ, мягко говоря, не развлекательный. Через год он получит премию от «Дружбы народов».

Женя опишет его идею так: *«Мы воспринимаем войну как кино... Мы смотрим эти видеоролики, в огромном количестве их снимают в окопах. Мы видим изображение, но боль до нас не доходит, это все превращается в кино, по сути, в развлечение. И это в рассказе материализовано в метафору исчезновения боли»*.

Миха (герой рассказа, вернувшийся с СВО) хочет заставить Зябликова (главного героя, волей судеб лишившегося чувства физической боли) почувствовать то, что чувствует сам, то, с чем он пришел с войны. И единственный способ заставить его это почувствовать, это его убить. По другому человеку не дано ощутить того, что там происходит».

После этого чтения я ехал домой оглушённый, думал обо всём сразу и ни о чём. Переваривал и до сих пор, кажется, перевариваю. Тот вечер останется со мной. Всем нам, кто был там тогда, — очень и очень повезло.

Вскоре я написал отзыв на сборник, назвал его «О самоубийцах с любовью», вышел в «Волге». Жене он понравился — я был счастлив. *«Добрый день, Саша! Прочитал ваш отзыв, большое спасибо, он меня очень порадовал и тронул, особенно про «чувство человеческой слабости», когда писал, ни о чем таком не думал, но, видимо, вы правы. И вообще давай переходить*

на ты». Тут я процитирую себя — первый и единственный раз, буквально одно предложение из отзыва, чтобы стало ясно, о чём речь, — это опять напрямую связано с той робостью, которую я видел в Жене: *«Книга пронизана, точно сквозняком, почти интимным чувством человеческой слабости — тем, что и в себе хорошишь, и от других хочется скрыть»*.

В следующий раз я увидел Женю на книжной ярмарке, опять это была презентация «Самоубийц», её вела Татьяна Веретенкова. В разговоре с ней Женя упомянул любопытную вещь: *«Я всегда представлял себе писателя чем-то вроде пылесоса, который затягивает в свой замысел все, что происходит с ним и вокруг...»* — отличный образ, очень правдивый.

Там же, говоря о персонажах своих книг, он неожиданно для всех заявил: *«Хорошую формулу я нашел у писателя, которым никогда не интересовался, у Стивена Кинга. Как-то в интервью он говорил — чтобы получился рассказ, должны сойтись чашка и ручка. Как правило, есть чашка без ручки — для меня (Жени) это персонаж, для которого нет сюжета, или персонаж с началом сюжета без финала. Таких персонажей, о ком мне хотелось бы написать, частично реальных, частично вымышленных, у меня, наверное, сотню...»*

Можете это представить — с сотню?! Сотня уникальных Некричей из «Тёмного прошлого человека будущего»? Уму непостижимо.

После презентации я подошёл к Жене, перекинулись парой слов, он спешил и оставил мне напоследок: *«Побегу. Напишу, когда поеду в Москву и будет время. Может, пересечемся, пива, например, попьём»*.

Как-то в нашей переписке я вспомнил тот «гипноз», который испытал от чтения Жени в «Зверевском центре», и он описал, как недавно ходил на вечер памяти Чудакова: *«Чудаков для меня совершенно гипнотизирующий персонаж. И на вечер собрались все, кто в разной степени попал под этот гипноз. Так что это была почти трансовая вечеринка, даром что большинству выступавших, знавших Чудакова живьём, было за 80»*.

В другой раз мы вспомнили «Низший пилотаж» Баяна Шириянова, и Женя снова меня удивил: *«Я его знал немножко, Воробьева-Шириянова. Когда его сажали, пытался помогать и консультировать — я ж тогда ещё адвокатствовал. Но ничем помочь не смог, там был дохлый номер. Шириянов жуткий бедолага. Вернулся с зоны инвалидом, долго и мучительно умирал. Написал уйму книг, никто их, кажется, всерьёз не принимал, кроме, может быть, первого Пилотажа. Но у большинства «психоделических революционеров» мрачная судьба»*.

В сентябре 24-го года Женя жаловался, что соседи сверху замучили ремонтом и не дают писать: *«Все мозги просверлили, не знаю, куда бежать, на пару дней прервутся, только я подумаю, что всё, а они опять... Иногда просто стены трясутся. Я по соседним библиотекам прячусь, или в парке, если тепло. Но что хорошо, когда тебе столько лет, ты уже ко всему привык. Видали мы и не такое, перетерпим»*.

И снова Женя писал мне: *«Можно будет как-нибудь пересечься в центре, выпить по пиву, пока погода хорошая»*. Мне уже казалось, что это такая дежурная фраза, и с пивом он у меня не вязался. Но нет — встретились. В начале лета, третьего июня, он написал, что свободен: *«Давай в 17.30. Знаешь армянское кафе «Парос» на Бауманской? Я тебе какую-то свою книжку обещал... Наверно Тёмное прошлое, Персонажа у меня очень мало осталось»*.

На Бауманской было полно студентов — все спешат, сессия. Женя пришёл минута в минуту, на голове кепка — плоская, классическая. Пожали руки, и он заверил: *«Такого места, как «Парос», больше нет, последнее — увидишь, поймёшь»*. На эскалаторе он с грустью признался, что у него боле-

ет пёс — по утрам жена делала бедняге массажи, а вечерами кормила таблетками. *«Ночью плохо спит, просится на улицу, сегодня пришлось в 5 утра его выводить, что поделаешь, старость...»* — вздохнул Женья.

Пока дошли до кафе, обсудили последние книги, что вышли и собирались выйти, — всё, что было на слуху. Кого-то Женья хвалил, кого-то — нет. Купили бутылку вина, красного сухого, и с ней отправились в «Парос» — удивительное место, больше похожее на старую, обжитую квартиру, чем на кафе. Владелицу, Сусанну Христофоровну, Женья знал лично, долго приветствовал её, а она его. Потом водил меня вдоль стен, увешанных фотографиями, картинами, иконами — дизайн, исключительно далёкий от современного.

Мы просидели там пару часов, выпили бутылку вина, съели по тарелке харисы, закусили долмой. Снова говорили о книгах — о чём ещё?.. Он рассказал, как с первым романом ему помог Анатолий Найман, тот был в восторге от «Тёмного прошлого», — насколько я понимаю, он и проложил Жене путь в литературный мир. Маканина вспомнили добрым словом. Любимым рассказом Женья назвал «Лиомпу» Олеши, и мы ещё раз восхитились безупречными первым и последним предложениями «Зависти».

Говоря о Набокове, Женья поделился такой мыслью: *«В России настоящий успех имеют два типа текстов — либо что-то эпическое вроде Толстого, либо то, что с треском ломает шаблоны, — в духе «Эдички» Лимонова. А Набоков делал искусные, правильные, идеально собранные романы, по которым можно учиться писательству. Не зря он потом преподавал литературу».*

Из «Пароса» вышли в сумерках. По пути к метро подумали — не прогуляться ли? И прогулялись до соседнего магазина за второй бутылкой красного и нарезкой сыра, а после до соседнего двора — кстати, он в пяти минутах ходьбы от «Зверевского центра». Это пересечение Нижней Красносельской и Ольховской улицы, тенистый сквер с лавочками по кругу. Там и распили эту бутылку, кстати, прямо напротив участка полиции, как я узнал позже.

Там уже сидели ребята — с пивом и рэпчиком из телефона, и мы их удивительным образом вытеснили, просто сев на соседнюю лавку. Женья проводил их взглядом, пожал плечами со словами «скатертью дорога» и откупорил бутылку. Может, я всё-таки надумал эту его робость...

Остаток вечера он рассказывал, как жил в Германии и Америке; про шальную юность — и шалостей хватало; про то, как Медведев в интервью «Русской газете» сообщил, что недавно прочёл «Перевод с подстрочника»; и как здорово удавалась Булгакову фантастика — возможно, лучше, чем кому-либо у нас.

Наконец Женья поведал, что готовит текст, для которого ещё не осмыслил рамки, не понял до конца жанра, — некая компиляция из дневников и размышлений, — раз за разом в его речи возникало слово «философия». Часть этого материала вышла в «Форма слов» и других интернет-изданиях, но Женья переживал, что с публикацией на бумаге могут быть сложности... меня это удивило.

Уже ночью мы дотопали до трёх вокзалов. Женья пошёл на электричку, я — в метро. *«Хорошо прогулялись, надо повторить»*, — оставил он напоследок, и мы простились.

Вскоре Женья уехал на дачу, там его «философия» должна была обрести форму, собраться воедино, стать шестой книгой после четырёх романов и сборника рассказов. В переписке мы вспомнили, что при встрече забыли обсудить нечто важное — у меня из памяти не выходил тот вечер в «Зверевском центре», я недоумевал, почему на всех презентациях, где был прежде и после, никто и никогда не читает свои тексты, даже отрывка, а только общая часть и вопросы с ответами. И я предложил Жене — почему бы не устраивать такие писательские чтения?

Он пообещал: *«Я сейчас на даче, но скоро вернусь в Москву. Наверное. До конца не уверен. Как вернусь, обсудим подробнее»*. И я попросил его, о чём иногда прошу, если человек мне близок: *«Хорошо. Наслаждайся природой и привези мне камушек»*. Женя ответил смайликом, последнее его сообщение.

Тридцать первого августа я пришёл на вечер его памяти в «Зверевский центр». Никогда прежде не был на вечерах памяти — оказалось, туда приходят с заготовками и выступают — не обязательно, но желательно. Я не знал этого, не подготовился — сидел, судорожно соображал, что сказать, искал что-то подходящее в моих отзывах о Жениных текстах — всё казалось неуместным, всё мимо.

А главное, в голове до сих пор не укладывалась причина, которая всех собрала в этом зале... снова. По-моему, Женя просто опаздывал. Вот справа от меня сидит его жена Елена, мы не знакомы, но это не важно, — сейчас звякнет её телефон, она возьмёт его, откроет мессенджер и шёпотом сообщит всем вокруг: *«Сейчас, сейчас... стоит в пробке»*.

Ну, хорошо, пусть не так. Без чудес и мистики, которую Женя не сильно жаловал. Но это ничего не меняет — мы занимаемся пустым, дурацким делом, ведь он не умер. Он стоит в стороне, абсолютно прозрачный, наблюдает за нами, за ходом вечера, прикидывает, кого взять в сотню своих персонажей и как использовать эту фактуру в своем следующем тексте. Он рядом.

Владимир Шкерин

Большой переполох на горнозаводском Урале, или Не буди лихо, пока оно тихо

«По некоторым делам комиссия»

История, лихорадившая Пермскую губернию в продолжение десятилетия и стоившая многим карьеры, а некоторым и свободы, началась в первых числах марта 1826 года, когда гражданский губернатор, действительный статский советник К.Я. Тюфяев, получил высочайшее секретное повеление.

Вернее, таких повелений было даже два. Первое — «об отыскании и отправлении за строгим караулом в ближайшую воинскую команду бежавших из мятежной шайки Муравьева-Апостола нижних чинов Черниговского пехотного полка»¹. Но Кирилл Яковлевич был тертый калач и сразу сообразил, что по этому поводу беспокоиться не стоит. Кто ж по своей воле побежит в сторону Сибири? Тобольский уроженец Тюфяев и сам в отрочестве бежал из дома, добрался с ватагой акробатов до Польши, откуда был возвращен по этапу как беспаспортный бродяга. В Тобольске был помещен в народное училище, по окончании которого пошел служить копиистом в магистрат. После перебрался в столицу, где со временем возглавил канцелярию графа А.А. Аракчеева. А уж с протекцией всероссийского Змея Горыныча сделал карьеру и к 1824 году достиг губернаторского поста². В том же году бывший циркач принимал в Перми императора Александра I и лицом в грязь не ударил — «тротуары сделал в сутки»³. «Тюфяев был восточный сатрап, но только деятельный, спокойный, во все мешавшийся, вечно занятый, — писал о своем недобром знакомце А.И. Герцен в «Былом и думах». — Он не брал взяток, хотя состояние себе таки составил...»

Более встревожил Тюфяева второй документ: «По Высочайшей воле имеет прибыть в Пермскую губернию по некоторым делам комиссия, состоящая из следующих чиновников: гг. статских советников Пассенко и Милорадовича и коллежского советника Норова»⁴. Что это за «некоторые дела» на вверенной Тюфяеву территории? Да еще Аракчеев угодил в немилость у нового государя

Владимир Шкерин — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, автор монографий «Генерал Глинка: Личность и эпоха» (1998, 2006, 2008); «Уральский след декабриста Бригена» (2016) и др., научно-популярных книг «Сысерть: в краю Бажовских сказов» (2002); «История, отлитая в металле» (2008, 2018) и др.; учебных пособий «История Урала с древнейших времен до конца XVIII века» (2001, 2005), «История Урала XIX–XX веков» (2005) и др.

¹ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 621. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

² Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 70–72.

³ Афанасьев Н.Я. Воспоминания // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. С. 27.

⁴ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.

Николая I за то, что в декабре 1825 года испугался и переждал в Зимнем дворце гвардейский мятеж на Сенатской площади. Теперь граф хандрит и собирал чемоданы в Карлсбад. Прикрывать Тюфяева стало некому.

Лишь по прибытии на место загадочная группа ревизоров обрела название — «Комиссия разыскания похищения золота на Урале». Ее глава, Дмитрий Степанович Пассенко (Пасенко), в 1824 году уже вел такого рода розыск в Троицке. Но там, на Оренбургской линии, ворованное золото исчезало в потаенных сумах азиатских караванщиков, дабы вновь объявиться где-нибудь в Хиве или Бухаре. Начало же его пути следовало искать на уральских приисках.

Тюфяев, наверное, выдохнул с облегчением, ибо за горнозаводские дела если и отвечал, то лишь в незначительной степени. Еще в 1806 году Пермское, Екатеринбургское и Гороблагодатское горные начальства были подчинены генерал-губернатору Карлу Федоровичу Модераху, в помощь которому по этой части придавался берг-инспектор. Когда в 1811 году могучий старик Модерах покинул Пермь (которой правил со времен Екатерины II), горные начальники остались на Урале с одним берг-инспектором, не имевшим в их глазах достаточного веса. Гражданского губернатора они и вовсе не признавали за начальство. Теперь Тюфяеву выпал случай поквитаться. Комиссия Пассенко, усиленная губернскими чиновниками, развернулась не на шутку: за первый год ее работы арестам подверглись свыше полутысячи человек — большей частью мастеровые и крестьяне Невьянского, Нижнетагильского, Уфалейского и Кыштымского горнозаводских округов⁵.

«Крепостной самородок»

Последний из перечисленных округов купил в 1810 году у Демидовых купец 1-й гильдии, старообрядец Лев Иванович Расторгуев. Не удивительно, что вскоре все места кыштымских заводских и приисковых приказчиков были отданы ревнителям «древлеправославной веры». Работники начали жаловаться, что при Демидовых «находились в цветущем и законном состоянии», Расторгуев же «против силы закона и человечеству несвойственные возложил отягощения»⁶. В марте 1822 года Кыштымские заводы охватило сильнейшее на крепостном Урале волнение рабочих и крестьян, подавленное воинской командой лишь в феврале 1823 года. В том же феврале в Екатеринбурге помер «от удара» Расторгуев. Наследницами стали вдова (умершая в 1825 или 1826 году) и дочери, бывшие замужем за отпрысками влиятельных староверческих родов — купцами Петром Яковлевичем Харитоновым и Александром Григорьевичем Зотовым. Управление округом принял на себя свекор младшей дочери Григорий Федотович Зотов. Этот «крепостной самородок» (по выражению Д.Н. Мамина-Сибиряка⁷) более двадцати лет управлял Верх-Исетскими заводами, приведя их в образцовое состояние и выслужив себе с потомством не только волю, но и значительное состояние.

В сентябре 1824 года Екатеринбург посетил император Александр I. Лейб-медик Д.К. Тарасов (поселенный на время визита в доме Г.Ф. Зотова) с наивностью заезжего человека описывал, как монарх (размещенный во дворце П.Я. Харитонова) пожелал познакомиться с Зотовым и имел с ним полтора-два часа беседу о горных заводах и о старой вере. В числе прочего лейб-медик сообщал: «Этот же Зотов открыл на Урале золото и первый устроил

⁵ Корепанов Н.С. В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 144–145.

⁶ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 662. Л. 225, 230.

⁷ Мамин Д. Город Екатеринбург: Исторический очерк // Город Екатеринбург: Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889. С. 27.

механизм вымывания его из песков»⁸. Золото на Урале открыли еще в 1745 году, первый рудник появился в 1748-м, разработка золотоносных россыпей началась в 1814-м. Но в Кыштымском округе «желтый дьявол» и правда объявился одновременно с Зотовым. В 1822 году там нашли россыпное золото, в 1823-м мыли пески уже в одиннадцати местах, а в 1824 году заработал богатейший Соймоновский прииск, дававший до трех золотников на сто пудов грунта.

Но теперь благостную картину испортил штейгер (рудничный мастер) Хлобыстин, подавший в комиссию Пассенко «извет»: «1) что весной 1825 году управитель... Зотов узнал, что в соседственных, к тем заводам Расторгуева, башкирских землях находятся богатые золотые пески, роздал башкирцам более ста тысяч рублей, но сделал с ними условие на владение их землями. По прибытии комиссии, приостановился и закрыл расшурфованные места. 2) Что жестокое обращение с заводскими людьми простирается до того, что их без суда наказывают кнутом. 3) Что во время проезда покойного Государя Императора Александра I через Пермскую губернию за одно намерение подать на Высочайшее имя просьбу два крестьянина Кыштымского завода, Косолапов и Седельников, по приказанию Зотова застрелены были из ружей при заводском исправнике и по его приказанию похоронены — без производства исследования...»⁹

Хлобыстин доносил главным образом о тайной золотодобыче, а убиенных упомянул, дабы указать на грозившую ему опасность. Но убиты крестьяне были за попытку обращения к государю, значит, речь пошла о чести престола. Министр финансов, честный немец Е.Ф. Канкрин, в ведении которого состояли горные заводы, доложил об этом вопиющем случае монарху. Николай I повелел тотчас открыть новое расследование, поручив его своему флигель-адъютанту, полковнику, графу Александру Григорьевичу Строганову.

«Кыштымский зверь»

Строганов нагрянул в Кыштым в сентябре 1826 года и, обосновавшись в господском доме, приступил к исполнению высочайшей воли. Записка, составленная им по результатам расследования, по определению академика М.В. Нечкиной, «дышит декабристской ненавистью к крепостному праву». Так это было или не так (Строганов учился вместе с Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами, служил в одном полку с П.А. Катениным, дружил с А.С. Грибоедовым), но управленческие успехи Зотова полковник объяснил не внедрением новой техники и технологий, а тем, что «стали работы возлагать без всякой соразмерности с силами человеческими», и что «строгая взыскательность обратилась в жестокость и тиранство». При этом «главным театром угнетений» он называл золотые прииски, на которых «более 2000 человек, обращающихся в сей работе без различия пола и возраста, пригоняются туда из деревень за 120 и 160 верст, где находятся в отдалении от семейств своих, одни по несколько месяцев, а другие в продолжение почти целого года без отпуска в дома свои, должны беспрерывно работать в дневную и ночную смену по 12 часов сряду, не исключая даже воскресных и праздничных дней, питаться самую скудную пищу, одним хлебом и жить в тесных казармах, а по большей части в землянках и балаганах в самое зимнее время». На приисках эксплуатировался женский и детский труд, для экзекуций применялись палки и ременные кнуты, отсутствовала медицинская помощь, зато имелось кладбище¹⁰.

⁸ Тарасов Д.К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. Петроград, 1915. С. 134.

⁹ Новокрещенных Н.Н. Из истории Кыштымских горных заводов // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893. С. 66.

¹⁰ Рабочее движение в России в XIX веке: сб. документов и материалов. М. 1955. Ч. 1. С. 683–687.

Подтвердились и сведения о двойном убийстве. Один из лидеров волнения 1822–1823 годов, Клим Косолапов, считался крепостным мастеровым лишь де-юре. Де-факто он с согласия конторы торговал в розницу заводскими изделиями от Екатеринбургa до Троицка¹¹. Будучи арестован и доставлен в Екатеринбург, Косолапов бежал и спрятался в избушке на берегу озера Тайга близ Кыштыма. Конспирация была невеликая: пищу в лес носила его жена, самого Клима не раз видели на приисковой дороге. Зотов смотрел на это сквозь пальцы, пока в 1824 году не прослышал, что беглец замышляет лично бить челом царю. Тогда управляющий посулил приказчику Якову Блиновскому полторы тысячи рублей «с тем, чтобы он Косолапова поймал и убил до смерти». Второй убитый, Седельников, еще в 1817 году был «наказан плетью и сослан в Сибирь на поселение», но тоже бежал и более шести лет, почти не таясь, проживал в окрестностях Кыштыма. Теперь Блиновский прижал Седельникова, и тот выдал, где прячется Косолапов. К лесной избушке отправилась полусотня вооруженных мужчин, и кто из них убил Клима — доподлинно не известно: солдат ли Шукшин, Блиновский или сам заводской исправник Усольцев. Зотов, обеспечивая себе алиби, уехал на этот день в Екатеринбург. Однако перепуганный Седельников сам подал прошение на имя Александра I. Зотов вновь призвал Блиновского, и тот вместе с четырьмя подельниками задушил Седельникова в лесу. Мертвое тело нашли, но Усольцев не заметил на нем «никаких боевых знаков». Строганов же потребовал эксгумировать останки, при осмотре которых обнаружилось, что «шейный позвонок и правая нога сломаны, и многие передние зубы верхней и нижней челюстей выбиты». В октябре 1826 года граф изыал дело о гибели Седельникова из канцелярии Пермского горного правления и продолжал держать его у себя даже в 1829 году¹².

Осторожность Строганова не была излишней, ибо выяснилось, что влияние «кыштымского зверя» Григория Зотова пределами одного округа не ограничилось.

«Распоряжались действием и совестью первых лиц»

22 сентября 1826 года граф А.Г. Строганов просил начальника Екатеринбургских заводов, берг-гауптмана О.С. Осипова: «(1-е) по получении его отношения тотчас опечатать в домах или квартирах 2-й гильдии купца Петра Харитонова, Григорья Федотова, сына его Александра и племянника Петра Поликарпова Зотовых кабинеты и все те комнаты, сундуки, шкапулки и проч., в коих хранятся письменные дела и другие бумаги; и 2-е) к дверям всех тех комнат и снаружи домов поставить караул до прибытия его, дабы ни под каким видом не могли они скрыть каких-либо нужных к развязке дела бумаг... самого же Григорья Зотова и племянника его Петра Зотова числить под присмотром, дабы не могли они куда-либо отлучиться»¹³.

Осип Самсонович Осипов не замедлил бросить на исполнение просьбы значительные силы: обер-гиттенфервальтеров Мундта и Подоксенова, полицмейстера Андрея Шиленцова, частного пристава Малахова, а также квартальных надзирателей Жизанова, Устинова и Ивана Шиленцова (последний приходился полицмейстеру братом). Получив специальные печати, они опечатали ими все что ни попадя, кроме мест, где могли содержаться «уличительные документы». Строганов был взбешен, требовал наказания виновных (и добился его в 1830 году), но вся екатеринбургская операция прошла впустую.

Зато губернатор Тюфяев исполнил подобную же строгановскую просьбу отменно и, вероятно, не без злорадного удовольствия. Пермская полиция, нагрянув в дом пермского же поверенного купцов Расторгуева и Харитонова Осипа Наседкина, среди прочих бумаг изыала любопытнейшую бухгалтерскую книгу.

¹¹ Кулагина Г.А. К вопросу о руководителях волнений уральских мастеровых в 20-х годах XIX столетия // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С.157–163.

¹² ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д.136. Л. 69 об.

¹³ Там же. Д. 137. Л. 7–7 об.

В этой книге поверенный скрупулезно фиксировал, кому, когда и сколько, а иногда и за что именно роздано взятки: «... 253. По делу Мирошина (1819) — 2000 руб.; 254. По делу Резанова (1819) — 3000 руб.; ... 338. Павлу Ивановичу Бело... (1821) — 10 000 руб.; 339. Андрею Никитичу Андр... (1821) — 2000 руб...». Общая сумма «лихоимственных дач» за 1812–1826 годы составила 61 920 руб. и 1 коп.¹⁴. Старообрядческими взятками кормились «первые лица» губернии (губернатор в их число не попал), а также ряд важных персон в столице. Подлинное гнездо лихоимства открылось в Пермском горном правлении. Из всех его чиновников один берг-гауптман С.М. Походяшин (сам происходивший из рода уральских купцов-заводовладельцев) не попал в реестр Наседкина. Зато имя берг-инспектора А.Т. Булгакова в этом списке имелось (как и его предместника П.Е. Томилова). Жалобы кыштымцев на Булгакова, который вначале отказывался входить в рассмотрение прошений, называя просителей «возмутителями тишины и общего спокойствия», а затем, в 1823 году, «проводил во всех заводах и селах смертное бесчеловечное и телесное наказание», выглядели теперь совсем в ином свете¹⁵.

Злополучный список нельзя было объяснить делами лишь Кыштымского округа или интересами одного клана Расторгуевых—Харитоновых—Зотовых. Сам того не ожидая, Строганов обнаружил «общак» уральского старообрядческого купечества. А это была сила великая. Достаточно сказать, что староверы с XVIII столетия контролировали пост городского головы Екатеринбурга — богатейшего города Пермской губернии. И как раз в 1826 году таким головой стал Петр Харитонов.

Тогда пришло осознание, что имперская власть весьма слабо представляет, как устроен мир уральского раскола. На изучение этого вопроса сил у Строганова не хватало, никому из уральцев он доверять не мог, поэтому из Москвы в помощь ему был прислан надворный советник Степан Дмитриевич Нечаев. У Нечаева имела своя веская причина стремиться в эту далекую и длительную командировку, так как в это самое время вскрылся факт его бывшего участия в тайном декабристском обществе. Но это, как говорится, уже другая история.

«Ответственное по заводам лицо»

Граф А.Г. Строганов вернулся в Санкт-Петербург в 1827 году, начатое же им расследование продолжили: сначала статский советник Иван Маркович Сесаревский, имевший репутацию чиновника «со способностями и человека ученого»¹⁶, а с 1831 года — действительный статский советник Бердников.

Григорий Зотов находился под арестом в своем екатеринбургском доме. Борьба за его освобождение велась с переменным успехом. В феврале 1828 года уездный суд его оправдал, но Сесаревский оставил под стражей. Прощение по зотовскому делу направил в Сенат влиятельный волжский купец-старообрядец Гурий Иванович Суетин. В сентябре 1830 года был готов сенатский указ об освобождении сидельца, однако Николай I велел «держаться по-прежнему под арестом»¹⁷. Впрочем, арест обозначался присутствием в прихожей Зотова солдата с ружьем, сам же хозяин «жил, ни мало не стесняя себя, делал, что ему угодно, распоряжался своими делами, приглашал к себе кого хотел»¹⁸.

Петр Харитонов оставался городским головой вплоть до конца выборного срока в 1829 году. К убийствам он отношения не имел, а по поводу «лиходательства» отвечал, что после кончины тестя «строжайше воспретил Наседки-

¹⁴ Там же. Д. 136. Л. 1–10.

¹⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5: Д. 132. Л. 58; Д. 154. Л. 2 об. и др.

¹⁶ Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 114.

¹⁷ Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 81–82.

¹⁸ Афанасьев Н.Я. Указ. соч. С. 33.

ну таковые противузаконные и служащие только к собственному обогащению расходы, но почему сих воспрещений не оказалось в бумагах Наседкина, ему не известно»¹⁹. Осип Наседкин и пострадал: под арестом занедужил «затвердением печени и вообще неправильным кровообращением крови во внутренних брюха», в сентябре 1830 года был отпущен «на верное поручительство» сына и зятя, а в январе 1832 года помер²⁰.

В январе 1836 года П.Я. Харитонов все-таки был «лишен медалей и доброго имени» и выслан в Кексгольм²¹. По словам Д.Н. Мамина-Сибиряка, екатеринбуржцы считали, что их бывший городской голова — человек «совсем невинный в зотовских злодеяниях, но пострадавший как ответственное по заводам лицо». Умер Харитонов 31 декабря 1838 года: эта дата высечена на белой надгробной стеле, сохранившейся на старом кладбище Приозерска (бывшего Кексгольма).

Григорий Зотов также был сослан, но куда и где окончил свои дни — в Кексгольме ли, на Соловках или Кавказе, неизвестно. Поговаривали и о его привольном житье в Петербурге. Но в Пермской губернии «кыштымского зверя» больше не видели.

Серьезнейшими последствиями эта история обернулась для горного ведомства: по предложению Е.Ф. Канкрин император Николай I своим указом от 22 ноября 1826 года учредил должность главного начальника горных заводов хребта Уральского. Главный начальник заводов подчинялся непосредственно министру финансов и обретал полную независимость от губернских властей. Зато для его подчиненных время вольностей миновало. Дабы разобратся со списком Наседкина, первый начальник заводов, генерал А.А. Богуславский (до этого назначения много воевавший, но с заводским делом вовсе не знакомый), создал комиссию во главе с незамаренным Семеном Михайловичем Походяшиным. К началу 1831 года Походяшин собранные Строгановым сведения проверил и подтвердил. Богуславский в том же году скончался, и уже его преемнику, генералу А.И. Дитерихсу, пришлось исполнять деликатное поручение графа Канкрин. Единовременное удаление всех взяточников привело бы к параличу главного горнозаводского региона империи. Поэтому под суд никто из них не попал, но все были разделены на три «очереди» и «без всякой огласки» поэтапно переведены «в другой род службы»²².

Благодаря комиссии для открытия тайной торговли золотом, с которой все и началось, у похитителей было изъято более 3½ пудов драгметалла. Когда Е.Ф. Канкрин спросил Д.С. Пассенко о желаемой награде за «выгоды, доставленные казне», тот просил денег, ибо «обеднел его тесть». Но именно таких просьб «скупой рыцарь» российской казны и не любил. Пассенко наградили чином действительного статского советника, материально же обещали поощрить после окончания войны с Персией. Однако после персидской войны возмстала Польша... В 1840 году Пассенко напомнил властям о давнем обещании, и ему пожаловали две тысячи десятин земли в Саратовской губернии. Вернее, его поставили в очередь на получение пожалования, в которой перед ним уже стояли 250 чем-либо отличившихся чиновников. Дмитрий Степанович Пассенко служил по гроб и умер в 1846 году на посту полтавского вице-губернатора с честным именем и пустым карманом.

¹⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 138 об.

²⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 25. Д. 725. Л. 128.

²¹ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 406–407.

²² ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 131–132 об.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Константин Комаров

Вялая явь

*Заметки о прозаическом шорт-листе
Восьмого сезона премии «Лицей»*

Проза «тридцатилетних»¹ не является предметом моего специального критического интереса. Из последнего, что читал, — «*Юркие люди*» Анны Лужбиной и «*Лёгкий способ завязать с сатанизмом*» Анны Чухлебовой. Первая симпатична пушкинской «милостью» (без сюсюканья) к «маленькому человеку» и динамикой взаимопроникновения сказки, мифа и реальности. Вторая — живой иронией, преодолевающей — хотя бы на уровне текстов — «свинцовые мерзости жизни», изображённые при этом вполне психологически достоверно. Так что перспективы обеих Анн оцениваю со сдержанным оптимизмом. Заявки сделаны многообещающие.

Вообще прозаик взрослеет позже поэта (который может и совсем не повзроснуть). Вспомним хрестоматийные строки Межирова: «До тридцати поэтом быть почётно. / И срам крошечный — после тридцати». Прозаическая зрелость — 40–50 лет. Поэтому на прозу «тридцатилетних» всегда интересно посмотреть с точки зрения: а что будет дальше? Однако подводить под эту прозу общий знаменатель чрезвычайно сложно. Те же Чухлебова и Лужбина, у которых, казалось бы, можно найти немало пересечений, по существу, очень разные.

Литературу делают одиночки. Объединяющие черты крайне дискретного «поколения тридцатилетних» выделить непросто в принципе, а изнутри этого поколения — ещё трудней.

Любопытно, однако, посмотреть с заявленных позиций на короткий список Восьмого (2024), а затем и Девятого (2025) сезонов премии «Лицей», призванной давать ежегодный «срез» современной молодой прозы. Любопытно, подтвердят ли шорт-листы неоднократно звучавший тезис об отсутствии у «тридцатилетних» глубинного поколенческого единства. Ведь не считать же объединяющим фактором пресловутое «травмоговорение», ко-

Константин Комаров — поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские просторы», «День и ночь» и др. изданиях. Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живёт и работает в Липецке.

¹ Это устоявшееся понятие относится прежде всего к авторам, находящимся в возрастном диапазоне 25–35 лет. Они как раз (учитывая, что 35 лет — возрастная граница премии) обычно и составляют — в подавляющем большинстве — основной контингент шорт-листов «Лицея». Те же, кто моложе 25, проходят как «исключение, подтверждающее правило».

торое навязло в зубах практически сразу, как только лавинообразно обрушилось на читателя со страниц произведений многочисленных выпускников разнообразных «креативрайтингскулов»...

«Лицей», конечно, «заточен» именно под прозу. Это секрет Полишинелля. Поэзия в премии присутствует постольку-поскольку, на правах бедного (если не брать в расчёт материальное вознаграждение лауреатов) родственника. Лауреаты и даже финалисты-прозаики попадают в орбиту крупных издательств, раскручиваются (Вера Богданова, Александра Шалашова, Евгения Некрасова, Надя Алексеева etc.), в то время как судьба поэтических лауреатов в плане литературного продвижения принципиально не меняется. Прозаикам издаются авторские книги, на которые потом отзывается критика, которые становятся событием; поэтам — общий сборник, никакого внятного резонанса не имеющий. Короче говоря, «Лицей» — это про прозу.

Поглядим же для начала на произведения десяти лучших молодых прозаиков 2024 года, выбранных экспертным советом премии, состоящим из именитых прозаиков, поэтов, критиков.

Роман **Ромы Декабрева**² «*Под синим солнцем*», отрывок из которого был представлен на соискание премии, — проза, под стать фамилии автора, изящная, многослойная и поэтичная, видящаяся мне новым витком развития модернистских находок начала двадцатого века. То Гоголю автор кивнёт, то Андрея Белого окликнет, то Манну, Селину и Гофману привет передаст. О широте интертекста свидетельствуют уже эпиграфы — в диапазоне от японского монаха и поэта Дзюкурэна-хоси и псалмов до Сирина и Арто. Эти дружеские «кивки» не смотрятся искусственно и нарочито, но вполне уместны. В один тугой узел переплетены у Декабрева мистика, психология, детективная интрига. Держат читательское внимание увлекающие внутренние монологи, переключение субъектов повествования, суггестивность, живая ирония. Отдельно стоит отметить пародийное обыгрывание «актуалочки» и органично вшитую в текст метарефлексию над тотальным травмоговорением: так, буфетчица Надя, подсознательно желая «харрасмента», параноидально моделирует его в своём сознании, смакуя детали расправы над «насильниками», но в реальности все оказываются обходительны и тактичны, так что в полицию идти не с чем. В целом — довольно симпатично — при оговорке, что по отрывку выводы делать сложно, нужно видеть целое.

А вот отрывок из романа **Аси Демишкевич** «*Под рекой*» поселяет в душе читателя неустрашимые сомнения, что перед нами именно роман, ибо необходимая для «эпоса частной жизни» (определение Михаила Бахтина) композиционно-смысловая цельнооформленность и внутренний объём здесь отсутствуют. Перед нами знакомый по десяткам подобных историй, которыми современная проза полнится неустанно, дискретный набор воспоминаний о не самом счастливом детстве в сибирском городке Дивногорске, жизнь в коем, вопреки его названию, оказывается совсем не дивной, особенно для девочек и молодых девушек: сплошные «маньки или дровичлы», отец, постоянно приказывающий «проверить трусы» (этот императив — лейтмотив представленного отрывка). В реализме вообще работать не просто, потому что мерцание взаимопросвечивающих уровней текста, которое в модернизме достигается целой россыпью поэтических приёмов, здесь должно быть достигнуто без отхода от правды жизни. То есть действительность должна быть преображена по ходу её отражения. У Романа Сенчина это, например, удивительным образом получается сделать психологически

² Всё чаще, кстати, прозаики (и не только молодые) выбирают уменьшительную форму имени, в чём мне мерещится некоторый инфантилизм, ну да ладно...

убедительно. Но Сенчин такой один (по крайней мере, один из немногих). Демишкевич же, к сожалению, занимается всё тем же кондовым, линейным, скучным, инерционным, вторичным (третичным, четверичным etc.) «травмоковыранием». В этом смысле она, конечно, в тренде поколения, только сам этот тренд отнюдь не в тренде большой литературы. Необработанный жизненный опыт может вызвать человеческое сочувствие (так, например, посвящение псу Фарго очень sentimentально, да и кличка пса намекает на соответствующий козновский городок, где всякое творится), но эстетически значимым сам по себе не является. Я не Лев Толстой и Демишкевич не Леонид Андреев, но хочется повторить сакраментальное: «она пугает, а мне не страшно». Она шокирует, а я не шокируюсь. Не потому, что я бесчувственный, а потому, что написано картонно и до ломоты в мозгу предсказуемо.

Но жить трудно не в одном Дивногорске. В далёкой Гватемале, оказывается, ничуть не легче. В этом убеждает отрывок из занявшей второе место «повести» **Ефросинии Капустиной** *«Люди, которых нет на карте»*. Жанр закавычил потому, что никакая это, разумеется, не повесть, а вообще не претендующий на художественность растянутый очерк на тему «социальные проблемы гватемальской глубинки». Автор вспоминает, как она съездила в Гватемалу, поволонтёрила там в клинике, наслушалась-насмотрелась разного невесёлого, зафиксировала это в дневниковых заметках, написала «повесть» и отправила таковую на «Лицей». На «травматической повесточке» Капустина не паратизирует и недорогими манипуляциями, каковых полно у Демишкевич, не занимается. Спасибо, как говорится, и на том. Однако никакой любопытной работы со словом, оригинальной мысли, композиционных находок, интонационно-стилевого своеобразия в тексте тоже не обнаруживается. А ведь всё перечисленное — не хочу открывать Латинскую Америку — проза (даже документальная) подразумевает по умолчанию. Попытка выехать исключительно на экзотике материала обречена изначально. Впрочем, понятно, почему «повесть» глянулась, например, Илье Кочергину: в его повести «Запасный выход» тоже все совпадения не случайны и все названы своими именами. Но там у героя есть преображающая эволюция, есть неодносложность, разветвлённость внутренних сюжетов, стилевое напряжение, психологизм, острающая ирония, виртуозная работа с хронотопом. Потому и запоминаются герои — сам Илья, его жена Люба, конь Феня и собака Кучук. Героев же повествования Капустиной с трудом вспоминаешь уже через несколько дней. Читательское внимание растворяется в пресном, ровном, линейном нанизывании историй, где бесконечные орландоздуардолетисиипатриции очень быстро слипаются в сплошной образ (хотя тут это слово не подходит, ибо образ как раз подразумевает упомянутое выше преобразование реальности) безликого гватемальца-гватемальки. Видимо, надежда была на то, что «документари» всё спишет. Но нет.

Предшествующая чтению отрывка из «романа-рефлексии» **Катерины Гашевой** *«Системные требования, или песня невинности, она же — опыта»* интрига нагнетена качественно. Здесь и обещающий давно чаемую психологическую глубину подзаголовок, и звучное (хотя и затянутое) название с метафорой и аллюзией на Уильяма Блейка, и многообещающая тематика (описание вольного быта «системных» хиппи), и завлекательная маркировка «18+», и эпиграфы из Стругацких и психолога Якоба Леви Морено. Тем горше разочарование от несбывшихся надежд. Обещанная «рефлексия» (анализ переживаний) оказывается поверхностной и наивной. Ничего особенного: немного алкоголя, чуть травки, вполне целомудренное описание сексуального опыта. До Керуака и Берроуза далеко во всех отношениях. Ощущенчески текст, конечно, работает, позволяя ровесникам автора вздохнуть и смахнуть ностальгическую слезу по юности, когда открыты все горизонты, солнце светит, гормоны играют и можно творить, выдумывать, пробовать. Присутствует и умеренный и аккуратный постмодернизм (обыгрывание «прецедентных текстов»), но, по существу, мы опять стал-

киваемся с довольно блеклыми «мемуарами». Фактографической правды и достоверно переданной атмосферы мало для романа, а тем более — для «романа-рефлексии». Вот и полнятся страницы бестрепетным «трёпом», механическим нанизыванием эпизодов с легковесным и малоподготовленным «экшеном» в финале и отражающим всю тяготящую инерцию повествования «выхлопом» в виде проходных афоризмов-наблюдений из серии «время электронных носителей сделало мир быстрым и беспамятным», или «в жизни природа ведёт себя не так, как в литературе». Таким образом, перед нами опять констатация реальности, а не её художественное преображение. В предсказуемом финале жизнь героев возвращается в свою колею: хипповое лето кончилось и начались будни учебного года. «Системным сбоем» оказывается открытие простой истины, что взросление неизбежно. Но и для так называемого «романа взросления» текст смотрится слишком плоско и одномерно.

Продолжающий бытописательскую линию **Денис Дымченко** не стал размазывать свои воспоминания о невесёлом сельском детстве на псевдороман, а ограничился «повестью в двух частях» *«Ропот»*. Радости, однако, это не прибавляет. Вновь глубокомысленный эпиграф (на этот раз из «Цитадели» Сент-Экзюпери) по концентрации мысли перетягивает весь расположенный под ним текст (прискорбно, что молодые писатели этого не чувствуют). Более подходящим названием для повести было бы не «Ропот», а «Вялость». Вялые похороны, нужные только для нехитрой кольцевой композиции (бабушка — в начале, дедушка — в конце). Вялые «тёрки» с пацанами во дворе. Вялые описания игры в «козла» и прочих необходимых атрибутов пацанского детства. Вялость реплик констатирует сам автобиографический герой. Вялые «исповеди» отца и не менее вялые разборки с отчимом. Вялый интернет. Вялые мамы. Тотальная инерция существования, «никакая» жизнь. Но чтобы эту самую «никаковость» внятно продемонстрировать и отрефлексировать, сама проза обязана быть «какой-то», в ней должно ощущаться творческое, демиургическое (если говорить высоким слогом) усилие. Реализм³ не отменяет воображения, но, напротив, задействует его в полной мере, при этом гораздо более тонко и ненавязчиво, чем самая фантастическая фантастика. Отсутствие этой живительной писательской фантазии вновь приходится с сожалением констатировать. Чтобы передать пугающую инерцию существования, прозаику необходимо преодолеть инерцию письма, повести слово за собой и зряче пойти за ним. Дымченко же, кажется, безропотно покоряется этой инерции с первой строки до последней. Покоряется не потому, что так хочет, а потому, что иначе не получается. Весь «ропот», по большому счёту, сводится к финальному предложению повести: «Тяжко было. Душно». Но читатель совершенно не чувствует ни самой этой тяжести и душности (в «Мелком бесе» Сологуба, например, в прозе Андрея Платонова или в тех же сенчинских «Елтышевых» она ощутима физически), ни того, что привело к такому самоощущению. Соответственно и катарсического сотворчества не испытывает, не может подключиться к переживаниям героя в силу примитивности их передачи⁴. Как, откуда и почему зарождается в герое пресловутый «ропот», уяснить, увы, не удаётся⁵.

Как от повторения слова «халва» во рту слаще не становится, так и вынесение слова «психологическая» в жанровый подзаголовок психологизма, которым славен классический русский реализм, произведению не прибавляет. В этом убеждает «психологическая повесть» **Киры Лобо** *«Хромая*

³ Который, по меткому замечанию, кажется, Дидро, «вечно нов, как вечно нова изображаемая им действительность».

⁴ А ведь от прозы, как и от лирики, по Лидии Гинзбург, мы ждём сочетания психосоматической уникальности с универсальностью выражаемых мыслей и эмоций.

⁵ А в «Преступлении и наказании», для сравнения, очень даже удаётся. Отчего бы не ориентироваться (без подражания) на высокие образцы по «гамбургскому счёту»?

лошадь», посвящённая, как нетрудно догадаться, трагическим событиям в пермском ночном клубе. Жанровый подзаголовок опять грешит плеонастичностью, ибо повесть, даже во времена торжества автофикшна, не может так или иначе не подразумевать психологизма. Но в данной «психологической» повести его не просто нет, а, пожалуй, есть незапланированный «минус-психологизм», являющий себя всё в тех же аморфности, картонности, линейности повествования. Документальная основа не растворена в тексте, не переработана, а просто «пришпандорена» (вот, ей-богу, иначе не скажешь) в виде «приложения» (странноватый для художественного текста композиционный элемент), включающего воспоминания очевидцев, сомнительного качества пафосные стихи, отрывки из СМИ и т.п. Эпилог же, состоящий из стихотворения Евтушенко «Людей неинтересных в мире нет...», смотрится уже откровенной пошлостью. Зато эпиграф из «стихировского» поэта Васюхина («Моя страна — не тройка-Русь, / Моя страна — хромая лошадь») в кои-то веки совпадает по уровню с текстом, но это, понятно, утешение слабое. «Раскадровка» глав (по типу «Илья. Понедельник», «Леся. Вторник») намекает на сценарность текста, но никакой остроты здесь и не пахнет, потому что нет динамической упругости, дружинности стремительно разворачивающегося действия. Повествование вязнет и буксует в избыточных, необязательных, пустопорожних элементах, а более всего — в стилевой корявости, безграмотности, банальностях и штампах («Складывалось такое впечатление, будто состояние апатии ей нравилось»; «Я кайфовал от ощущения некоторого превосходства над людьми, не имеющими такого тесного контакта с этим человеком», «мне приходилось по вкусу иметь двойную жизнь», «сигарета вылетела в сторону», «быть безжалостным — это слишком жестоко»). Не в подобных же напоминающих «троечное» школьное сочинение (причём на всех уровнях — от словосочетаний до всей архитектоники) пассажах искать пресловутый «психологизм». А больше его искать здесь негде. С характеристикой тоже всё плохо: персонажи повести — пустышки, марионетки, плоские и предсказуемые. Зацепиться не за что, и остаётся только горько спросить: это ли уровень финала крупнейшей молодёжной литературной премии России?

Сборник рассказов **Анны Маркиной** «*Рыба моя рыба*», заслуженно завоевавший первое место, — минутка отдохновения и воодушевления. Уже в посвящении («Вам, мои рыбоньки, всем хорошим — даже плохим. / Плывём в шторм. Ну ничего. Куда-нибудь приплывём») и отсутствии тяжеловесного, придавливающего текст как могильная плита эпиграфа из классиков ощущается тепло человечности и надежда «выплыть» вопреки всему. Эти тепло и надежда — интонационный лейтмотив рассказов. Они и располагают читателя к сей прозе (как, кстати, и к стихам Маркиной), в которой сквозит игровое проступает (подспудно, по-чеховски) трагическое, а сквозь комические нелепости — горечь нашего нескладного существования⁶. Мотивы социального неблагополучия здесь решены несравнимо убедительней, чем у других финалистов. Благополучие это незримо растворено в самом «воздухе» прозы, но им не тычут в нос с наглостью, достойной лучшего применения, не эксплуатируют его и не манипулируют читателем, как это ныне принято в «литературе травмы». И оно неразрывно сплетено с неблагополучием метафизическим, с психологически (о, наконец-то психологизм без кавычек — модернистский, обнаруживающий себя в странностях поведения персонажей, в коммуникационных сбоях и искажениях, выглядящих весело, но по существу своему совсем невесёлых) точно переданным ощущением хрупкости жизни, беспомощности малого и живого, его смертности (урна с

⁶ Опять же, как и в стихах Маркиной, в частности, в стихотворении «Слон».

⁷ А здесь вспомнилось стихотворение другого замечательного современного поэта, Евгения Дьяконова, «Рыбный день».

прахом кота, погибшая рыбка⁷ etc.). Но печаль эта — светлая, пушкинская, ибо она согрета вышеупомянутой надеждой. Конечно, это проза поэта: в отличие от поэтической прозы Декабрева, она обогащена поэзией изнутри, а не извне. Оптика Маркиной — лирически точечная, цепкая — находит воплощение в оригинальных сравнениях, эпитетах, метафорах, олицетворениях. Вот лишь несколько примеров: «Имя заведующего, Геннадия Петровича, давно пообтесалось до «Генки»; как ствол когда-то раскидистого дерева, от которого оставили один пенёк»; «пакет неясного содержимого, которое оседлала плесень»; «как кнуты, щёлкали по городу слухи»; «телефон я задушила подушкой, словно не умолкавшего ребёнка»; «воздух был простодушный, мягкий и поддерживал румяную осень под локоток». При этом поэзия здесь чётко и уместно дозирована, как и острающая ирония, как и доля гротеска, вскрывающая корневой абсурдизм, свойственный окружающей нас действительности (прекрасно, к примеру, ироническое описание быта молодых писателей на знаменитых литературных форумах в «Липках»). Читается «Рыба моя рыба» легко и с увлечением. Кажется, что и написано легко, выдохнуто без всякой вымученности, причём реализована эта лёгкость именно в жанре рассказа, требующего особого ювелирного мастерства и безжалостного ко всему лишнему, отягощающему, неточному, потому что все шероховатости, которые в романе могут «спрятаться», из рассказа «торчат». Если же говорить о минусах, то единственный, на мой взгляд, заключается в том, что стиль (сбалансированный, синтетичный) порой кажется убедительней содержания, не всегда различимо «величие замысла», необходимое рассказу в не меньшей мере, чем стихотворению, универсализм «месседжа», широта и глубина мысли. Язык Маркиной временами интересней того, что на нём говорится. Однако вкупе с другими прозаическими произведениями автора (детской книгой «Сиррекот, или Зефирова Гора» и романом «Кукольная») этот сборник рассказов позволяет осторожно говорить о появлении нового интересного прозаика. Однако в коротком списке «Лицея» Маркина (как и оставшийся вообще без призов Рома Декабрев) выглядит белой вороной.

Но выходные заканчиваются, неизбежно сменяясь трудовыми буднями. «Производственный роман» Александры Ручьёвой «Заводские настройки» («рифмующийся» своим названием с «Системным сбоем...» Гашевой) отражает желание автора возродить почтенный соцреалистический жанр, образцы которого в своё время представили, в частности, Фёдор Панфёров и Мариэтта Шагинян⁸. Однако прежде чем реанимировать жанр, неплохо было бы ознакомиться не только с его внешней тематикой (это про завод), но с типологическими параметрами, структурообразующим мотивом взаимодействия человека и механизмов и многообразными утопическими (они же — антиутопическими) коннотациями этого взаимодействия. Ручьёва же почему-то назвала «производственным романом» очередной плоскостной очерк, аморфный набор околосовременниковых наблюдений юной заводской практикантки. Степень проницательности этих наблюдений такова, что «маленькая улыбка» одного из персонажей через строчку отражается «доброй улыбкой» другого. Улыбка улыбке рознь, конечно, но в многообразии и тонкости способов портретного описания героев автора точно не уличишь. А вот впечатляющее кульминационное событие произведения: «Артём впервые в жизни по-настоящему задумался о карьере токаря и своём предназначении». Оговорюсь, что в самой по себе «очерковости» нет ничего уничижительного, однако, во-первых, это не проза, а во-вторых, от очерка ждёшь интересных типажей и реалий, а не бледных бухгалтерш и бесцветных работяг, населяющих страницы «Заводских настроек». Замахнувшись на

⁸ Интерес к возрождению этого специфического жанра нынче, похоже, в тренде — вспомним хотя бы относительно недавний роман «Завод «Свобода»» Ксении Букши.

«Бруски» и «Гидроцентральный» (которые, впрочем, вряд ли читала), Ручьёва далеко не дотянула и до образца советского литературного очерка — «Районных будней» Валентина Овечкина. Вновь засвидетельствуем абсолютную невинность и наивность в элементарных вопросах жанра и стиля. «Производственности» в «Заводских настройках» столько же, сколько психологии в «психологической повести» Лобо, а именно — ноль. Показателен финал: «Если честно, я никогда не считала себя инженером. Только девушкой с техническим образованием, которая что-то пытается сделать. Но я прошла этот путь и благодарна за всё. А теперь. Здравствуй, новая жизнь! Прощай, промышленность!» Таким образом, в центре внимания оказалось не производство как таковое (чего, собственно, и ожидаешь от «производственного романа»), а невнятно выраженные пубертатные переживания, связанные с выбором профессиональной самореализации. Может быть, производственная тематика является хотя бы фоном этих переживаний? Увы, нет, всё сводится к абстрактной типовой бухгалтерии на абстрактном типовом предприятии. Снова — ни уму, ни сердцу. Ни романа. Ни производства. Ни романа о производстве. Ни тем паче романа производства. Только школьничество, любительство, восторженные сюсюканья и не просто неумение, но нежелание работать профессионально.

Сборник рассказов **Дмитрия Серкова** «Обыкновенные люди» немного разочаровывает блеклостью и стёртостью своего заглавия⁹. При этом стилистически эта проза выполнена добротнo: упругая, телеграфная фраза, более-менее живые диалоги и — Ave, Maria! — жизнеподобные, неодносложные и неоднотонные рефлексиирующие герои, пристальность и хваткость нюансировки действительности: «Та единственная капля заставила меня сомневаться. На моем пальце точно столкнулось два внешних мира: плачущий внешний мир за окном и солнечный внешний мир из прогноза погоды. А я стоял с мокрым пальцем и не знал, кому верить: телевизору или собственному пальцу». Хорошо, в частности, образ девочки Жени, в котором автору удалось передать свежесть и необычность детского мироощущения. Но без «но» снова не получится. Опять удручает отсутствие художественной цельнооформленности. Это не рассказы, а скорее эпизоды (то есть априори — вторичное, не самостоятельное целое), зарисовки, хоть и довольно любопытные. Не покидает ощущение пробы пера и нереализованного потенциала. Ощущается легковесность, необязательность основного посыла. Растут эти ощущения, вероятно, из откровенной «рецептурности» рассказов: немного сентиментальности, немного мистики (причём залежалой, вроде таинственной девочки с куклой в подземном переходе), щепотка абсурдизма, горстка юмора и комизма (надо отдать должное — органичного), немного лирики, чуточку фантастики (русалки в канализационных трубах, персонализированная опухоль etc.) — и блюдо готово. Оно даже вполне съедобно, но проблема в том, что от подобных яств, приготовленных поварами гораздо более высокого уровня, пиршественные столы русской литературы просто ломаются. Как ни крути, надо удивлять, а удивлять как раз патологически не получается. Напрашивается сравнение рассказов Серкова с ранним юмористическим Чеховым, которого многие современники ругали за размен таланта, но у которого в самых, казалось бы, проходных сюжетах есть подлинная мощь, энергоёмкость, плотность и содержательность мысли и чувства. Серков же размазывает манную кашу по мелкой тарелке, что отражается даже в композиции: материал, годящийся для одного концентрированного рассказа или повести, распылён на целый цикл. И после прочтения каждого рассказа, насладившись его частными достоинствами, спрашиваешь себя: ну и что? А такого вопроса состоявшееся произведение никак не подразумевает.

⁹ Ср., например, «Нервные люди» Зощенко или те же «Юркие люди» Лужбиной.

Занявшая третье место **Ольга Харитонова** со «сборником реалистических и фантастических рассказов» *«Чужая сторона»* решила провести строгую демаркационную линию между реализмом и фантастикой, хотя очевидно, что продуктивней выглядит их сочетание, их взаимопроницаемость, когда и «фантастическое» выглядит достоверней, и «реалистическое» демонстрирует свою неоднозначность и неочевидность. Попытка такого взаимопроникновения в сборнике есть, но она на первой же фразе спотыкается о старые добрые стилевые «коряги»: «Из-за леса, по длинному лицу разбитой дороги, в Малые Броди заехал автобус». «Разбитое лицо дороги» звучит искусственно, надуманно, равно как и многие другие фразы, вплоть до такого открытия: «Встать с дивана со старческим телом всегда трудно». После подобного незапланированного юмора в рассказе, претендующем на серьёзность и саспенс, читатель книгу закроет и будет прав. «Малые Броди» могли бы порадовать хоть пресловутой «атмосферностью», если б не являлись слабым и куцеватым подражанием Дарье Бобылёвой, Марии Галиной, Анне Старобинец и иже с ними. В общем, снова Лев Толстой о Леониде Андрееве — не страшно: не пугают ни «детоботы», ни мутанты, ни различные околосоциальные ужасы. Чтобы было страшно, нужна концентрированность и при этом неуловимость «жути», а тут вместо «сайлентхилловского тумана» — дешёвый распылитель, коего, однако, хватило для завоевания «бронзы».

Можно переходить к выводам, но погодим с ними. Во имя объективности картины нужно оценить и шорт-лист Девятого сезона (2025). Вдруг Восьмой сезон просто выдался скудным, а в Девятом нас ждут сплошные шедевры.

Статья Константин Комарова о Девятом сезоне премии «Лицей» будет опубликована в следующем номере «Урала» (№1, 2026.)

Андрей РУБАНОВ: «Хорошая книга — это и урок, и развлечение, и провокация, и бомба».

Не так давно был объявлен короткий список национальной литературной премии «Большая книга», в который попала биография протопопа Аввакума Петрова «Ледяная тетрадь». Но это не просто исследование жизни и смерти одного из самых недооценённых персонажей отечественной истории, но и комментарий к судьбе Аввакума, его трагедии и победе. Его написал Андрей Рубанов — один из лучших современных российских писателей. Мы встретились с ним, чтобы поговорить о том, для кого история протопопа Аввакума может стать уроком.

— В последние годы вы все больше ориентируетесь на документальную и исследовательскую литературу — будь то «Ледяная тетрадь» или книга про Анастаса Микояна. Не могу не вспомнить и ваш прекрасный очерк «Пасифик» про поездку на остров Пасхи. Что вас вдохновило перейти в новый для себя жанр?

— Делать одинаковые вещи неинтересно. Хочется пробовать что-то новое. Если бы я зарабатывал на своих писаниях, хотя бы как Пелевин, я бы писал одинаковые книжки, опять же как Пелевин. Это шутка, я Пелевину благодарен за его ранние романы. Но всё же он в некоторой степени стал заложником жанра, который сам и создал. По крайней мере, так видится со стороны. А я, наоборот, приучил свою аудиторию к тому, что делаю всё время разное.

— Почему вы решили сосредоточиться на протопопе Аввакуме? Ведь до этого вы в основном изучали советский период.

— Не совсем так. Я в 2010 году начинал в кино с документального фильма про Петра Андреевича Толстого, сподвижника Петра Первого. Потом был «Викинг» — это X век, потом сериал «София» — это XV век, потом были сценарии, так и не ставшие фильмами, в том числе про Рюрика. Был ещё «Финист — ясный сокол», там я взял примерно середину первого тысячелетия. Я только про татаро-монголов, про Орду написал сценария три, что ли, сейчас уже не вспомню. Если бы я не понимал логику человека средневековья, — я не взялся бы за Аввакума. Да и про Аввакума — это тоже не историческая монография, это мой личный комментарий к его судьбе и к судьбе его книги. Я пошёл из принципа, я хотел, чтобы имя Аввакума звучало снова и снова. Одной моей книги мало, чтобы популяризовать его как несомненную фигуру, как национального героя, но мне хотелось в этом деле пойти уже до упора, до конца. Вдобавок там в книге опубликованы ещё и моего деда воспоминания.

— Ваша книга «Ледяная тетрадь» вышла в серии «Уроки русского». Для кого она может стать уроком?

— А мне уже два человека написали: эту книгу надо включать в школьную программу для старших классов. Для подростков, наверное, она может

быть материалом для урока. А может, и нет. Думать, что изложенная в твоей книге история может стать уроком, — это слишком узко. Хорошая книга — это и урок, и развлечение, и провокация, и бомба, и много всего ещё. Книга и для автора становится уроком. Никогда не забуду: прилетел в Архангельск на книжный фестиваль, выступать пора, а мне стало плохо то ли от перелёта, то ли от холода, и я решил не ходить, отменить выступление. И думаю: нет, Аввакуму было явно ещё хуже. Пересилил себя и пошёл, а там люди ждали, много людей. Я взял микрофон и признался, что хотел отменить. А люди мне говорят: как это хотели отменить, мы специально приехали за сто километров вас послушать. Хорошо, что не отменили! Вот такой был мне урок.

— Как вы относитесь к современной школе, методикам образования? Особенно истории?

— В школьной педагогике почти всё зависит от конкретного учителя. Если учитель горит — то и дети будут гореть. Я, конечно, резко против ЕГЭ, против болонской системы и также против новой моды заставлять педагогов писать бесконечные отчёты. Я за то, чтобы престиж профессии учителя был поднят или, точнее, возвращён к норме СССР. А история — сейчас дети скорее учат историю по видеороликам. История — наука интересная и популярная, гораздо более популярная, чем химия. Интересующийся историей подросток найдёт в интернете массу всего на выбор. И книги, и лекции, фильмы, статьи. А школьного учителя такой подросток будет слушать, повторю, только если учитель будет интересным.

— Как вы считаете, может ли человек без академического базиса, но владеющий навыками анализа и здравым смыслом написать хорошую историческую книгу?

— Я бы сказал, наоборот, учёный-историк не может делать художественные исторические романы. Я со множеством историков разговаривал, советовался, я лекции историков смотрю всё время. Учёные — особенные люди. Они ненавидят вымысел, это их суть. Учёные-историки свысока относятся к романистам и уж совсем презирают деятелей кино. Романисты исторические всё-таки люди серьёзные, а вот киноделы с точки зрения учёного — просто балбесы. А романисты и киноделы в свою очередь — они очень благодарны историкам за их труды, но им очевидно, что исторические исследования обычный человек будет читать только по необходимости. Наука занимается фактами, искусство занимается страстями, это поженить невозможно. Шекспир не был историком и в «Макбете» грубо исказил историческую правду, но нам это неважно. Романисту, драматургу помимо знания фактов в любом случае нужна ещё фантазия. С другой стороны, хороший исторический романист — он в любом случае за несколько лет изучит свой материал до уровня, близкого к профессиональному. Если претендуешь — ты неизбежно придёшь к людям из академической науки, к учёным. Ты поймёшь, как они думают. Мой любимый Дмитрий Балашов — он был и писатель, и учёный, хотя не историк, а филолог, и по его романам заметно, как учёный в нём боролся с беллетристом.

— Не так давно стало известно, что готовится к постановке фильм по вашему уже легендарному роману «Сажайте, и вырастет». Каким должен получиться фильм?

— Фильм уже снят, сейчас идет постпродакшн, то есть монтаж и так далее. Вроде бы в этом году будет готов. Я не видел материала, не был на съёмочной площадке. Я и сценарий не писал, только помогал. Писали авторы, режиссёры братья Кравчуки, Фёдор и Никита. Они молодые парни,

фильм — их дебют. Они не жили в 90-е и не сидели, слава богу, в тюрьме. Но зато они горят, они круто замотивированы. Я в своё время сильно ошибся. Года три назад известный и опытный продюсер Иван Головомзюк мне предложил: давай по «Сажайте» фильм делать. Я говорю — дохлый номер, там 90-е, бизнес, тюрьма, кому сейчас это надо? Продюсер ответил: ошибаешься, сейчас мода будет. Поспорили с ним. И он оказался прав. 90-е вошли в моду. Почему — загадка. Наверное, потому, что выросло новое поколение — первое поколение, которое ничего не помнит про 90-е. Ну, они родились в 90-е — мой сын, например, в 1995 году, — но они не помнят, они были младенцами. И теперь это поколение выросло и создаёт собственные 90-е, легендарные, вымышленные. Как в сериале «Слово пацана». Я пытался смотреть, дальше 3-й серии не смог. Ну, где вы видели таких милых гопников? Реальная уличная шпана тех времён — это были, мягко сказать, очень неприятные ребята. Так же и здесь. Пришли молодые режиссёры, я им сказал: «Парни, делайте, но это будут не мои 90-е, а ваши. Не моя тюрьма, а ваше представление о ней». Я в кино давно работаю, 15 лет, и точно знаю, что это наиболее разумный подход. Автора литературного первоисточника, писателя — не надо слушать. У него надо купить права и вежливо отправить в ресторан, а дальше — сами. Режиссёр снимает своё кино, а не то кино, которое вообразил себе писатель. Я верю в братьев Кравчуков. Главного героя, меня то есть, играет Александр Петров — опытный, отличный артист, органичный в этом материале. Загадывать бесполезно, слишком много раз обжигались. Надо просто верить, что получится хорошее кино.

— Какие книги вы бы посоветовали прочитать современной молодёжи?

— Могу только повторить старый литературный анекдот: у каждого писателя на полке должно стоять не более дюжины книг; но чтобы отобрать эту дюжину, надо прочитать тысячу книг. Молодёжь — это очень общее сказано. Для 15-летних есть свои книги, для 30-летних уже другие. Молодые люди читают больше фантастику и современную прозу. Моя дочь 12-летняя сейчас читает Мураками. Я открыл, посмотрел, думаю: нет, я такое читать не смогу, но ей, наверное, в самый раз. В любом случае читать надо литературу настоящую, которая сделана на острие ножа. Но какую именно — не могу сказать, потому что моё поколение, условные 50-летние, — мы всё таки люди доинтернетовской эпохи, и наш читатель тоже вырос во времена, когда не было смартфонов и социальных сетей. Сейчас появится какая-то другая литература. Не мешанская «литература травмы», а настоящая — но другая. Моё поколение, скорее всего, уже не сможет сделать эту новую литературу, — но сделает следующее поколение.

— Может ли историческая книга изменить чьи-то взгляды на прошлое? Или люди всё равно верят в то, во что хотят верить?

— Есть принцип непрерывности обучения: современный человек учится всю жизнь. Учёба — это развитие, перестал развиваться — начинаешь деградировать. В этом смысле взгляды на события истории могут меняться в зависимости от появления новых материалов. Я это испытал на себе. Сначала, в 70-е годы, я изучал советский вариант истории. Потом, в конце 80-х и в 90-е, появился антисоветский вариант. Сейчас уже третий вариант появился, опять больше советский. Я из-за этого и взялся писать про Микояна. Решил перезагрузить для себя всю историю Советского Союза, изученную когда-то давно, в школе и в университете. Перезагрузить спустя 30 лет. Так что если человек хочет развиваться и больше знать об истории, — он может менять свои взгляды на прошлое. А если человек даже под давлением множества аргументов не способен изменить точку зрения, — то он болван. Вот

есть у меня товарищ, Павел Жданов, он живёт в Магадане, изучает историю колымских лагерей. Они ведь до сих пор там стоят, многое уцелело. Я ему говорю: вот Шаламов писал правду. А он отвечает: не совсем. И называет других писателей, Бориса Лесняка, Георгия Демидова, Вернона Кресса. Я посмотрел — действительно, там описаны немного другие лагеря. Разные были лагеря, и люди, писавшие про них, — тоже были разные.

— Вы пишете и художественную прозу, и документалистику. В каком жанре вам комфортнее? Или они для вас — две стороны одной медали?

— Наверное, проще писать автофикшн, про себя самого и собственные похождения. Но в целом «комфортнее» — это совсем не то слово. Никакого комфорта в этом деле не бывает. Хорошо сказал Нагибин: «творческая работа лишает душевного покоя».

— Какой период российской истории кажется вам самым недооценённым или требующим нового осмысления?

— Дохристианская, дописьменная история. Чем дальше вглубь, тем интереснее. В Екатеринбурге, в краеведческом музее, стоит Шигирский идол, ему 12 тысяч лет. Люди, которые его сделали, — они охотились на мамонтов, они ели волосатых слонов. А у них уже были зачатки абстрактного мышления. Вот это интересно. Что за люди были? Это, между прочим, не чужая история, а наша, отечественная. Вот я сейчас пытаюсь что-то написать об этом. Я уверен, в истории России древних времён скоро будут прорывы. Я даже примерно знаю, где именно, но не скажу, и так слишком много говорю.

— Какой совет вы дали бы начинающему автору, который хочет писать историческую прозу или non-fiction?

— Ну, какие могут быть советы? Писательство — это диагноз. Начинающие авторы не пишут исторических романов. Начинающему автору лучше писать о нынешнем дне, о современности. Если автора тянет именно к исторической литературе, — тут надо понять, есть ли у автора материал. Исторический non-fiction (да и фикшн тоже) автор пишет, если он нашёл что-то уникальное. Был такой знаменитый журналист Василий Песков. Однажды в сибирских лесах обнаружили семью староверов, они жили в отрыве от цивилизации 50 лет. Песков туда поехал как корреспондент газеты, написал серию статей, а потом и книгу, «Таёжный тупик». Вот такой пример хорошего исторического non-fiction. Журналист нашёл уникальный, сенсационный материал, изучил его досконально — и сделал книгу. А если такой находки нет, — то зачем тогда писать, про что? Найдите уникальный артефакт, тогда и пишите. Или, может быть, у человека есть своя теория, новая интерпретация фактов, уже известных. Так делал Юваль Ной Харрари. Или наш Фоменко. У меня был и есть такой артефакт, рукопись моего деда, вполне себе уникальный документ, там описан уникальный образ жизни уникальных людей, — вокруг этого артефакта понемногу и выросла книга про Аввакума. Как вы понимаете, в принципе, нет разницы, фикшн вы делаете или non-fiction, на историческом материале или современном, — главное иметь этот материал, лично ваш, ранее никому не известный, никем не описанный. Но это никакой не совет, это азбучная истина. Говори только тогда, когда тебе есть что добавить к уже сказанному другими.

Беседу вел Александр РЯЗАНЦЕВ

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

Андрей Рубанов. Ледяная тетрадь. Комментарий к Аввакуму. — М., АСТ, 2024.

«Ледяная тетрадь» Андрея Рубанова — это художественная биография протопопа Аввакума. Казалось бы, очень специфическая тема — редкая, узкая, сложная, неоднозначная, мало изученная и даже опасная. В литературоведении такое пространство называется «чистым полем», то есть скудно исследованной зоной, в бизнесе — «голубым океаном», то есть миром возможностей и рисков. Только опытному автору с большим бэкграундом и просто человеческой смелостью стоит открывать дверь в эту темную кладовую отечественной истории. Вероятно, перед нами как раз такой первопроходец, ведь кому-то нужно прокладывать пути. Человек с чрезвычайно богатой биографией — и предприниматель, и журналист, и плодовитый писатель, и даже чиновник — Рубанов преуспел и в жанре фэнтези, и в криминальной драме, и в сценарной деятельности. Однако его новая работа демонстрирует портрет писателя, который хочет идти дальше, от жанровой литературы — к серьезной, в самом традиционном понимании этого слова.

Парадоксально, но первая книга, с которой тотчас возникла ассоциация при чтении Рубанова, — это труд о современной поэзии Владимира Козлова «Русская поэзия начала XXI века». Казалось бы, что может быть общего? Этих двух авторов прочно роднит наджанровый подход и интересные им обоим «глобальные» вопросы, имеющие лишь косвенное отношение к предмету исследования. Поразительно, насколько совпадают проблемы, о которых «болят душой» два представителя современного литполя. Безусловно, это говорит не об иррациональном случае, а скорее о том, что «носится в воздухе» нечто, волнующее их обоих. Например, что происходит с современной литературой и культурой? Как ково это — быть автором, пишущей личностью? К чему приводит собственное мнение, важна ли для культурного деятеля поддержка страны и ближних? В каком социуме мы живем, какие цели ставит перед нами история, какие уроки могут и должны быть извлечены? Однако не будем забегать вперед.

Свое произведение и сам автор характеризует вовсе не как биографию или исследование, тем более роман — он относит книгу к публицистическому жанру: «Любителям точных жанровых определений сообщу, что моя книга — субъективная публицистика на историческом материале». У Пушкина были лирические отступления, у Гоголя почти стихотворения в прозе в теле романа, так почему современный автор не может соединить жизнеописание — и свои думы о главном? Ведь развитие сюжета — это одно, а авторские размышления — другое, в России, в отличие от Европы, философия всегда была составляющей литературы, так и не отделившись в самостоятельную фундаментальную дисциплину, хотя многих, наверное, обидят мои слова. Конечно, такой нестандартный подход всегда расширяет круг читателей, потому что академическое исследование, исторический роман, даже классическое жизнеописание — интересны лишь определенной части «потребительского рынка». А вот что происходит в мире и как жить дальше — волнует многих. Демократизируя жанр, автор приближает себя к адресату послания, но одновременно удаляется от канона. Как кажется, Рубанов балансирует между интеллектуальной прозой и публицистическим тревелогом, подобно тому как Владимир Козлов находится

где-то между учебным пособием, сборником критики и «социальным» путеводителем для работника культуры и литературы.

Злосчастный протопоп Аввакум, центральный персонаж книги, знаком светскому человеку из курса истории. Он основной идеологический, «старорежимный» оппонент полновластного патриарха Никона, проводящего реформу устаревших церковных книг и открывшего дверь западничеству, обмирщению общества в целом (кстати, именно Никона Алексей Николаевич Толстой считал отцом Петра Великого, но это другая тема). Филолог же встречается с апологетом раскола в рамках программы древнерусской литературы. Аввакум — едва ли не первый полноценный писатель нашей Родины в современном понимании этого ремесла. Он создатель жития... самого себя, основоположник национального жанра литературной автобиографии, художественной исповеди. Впрочем, «сочинительство» Аввакум вообще немало, так уж вышло, что запомнился он этой оригинальной, мягко говоря, для своего темного времени работой. Как икона при Алексее Михайловиче отделила от себя парсуну, то есть светский портрет, так и, по иронии, именно приверженец строгой церковной культуры написал чуть ли не первую художественно ценную мирскую повесть. И вполне доступным языком.

Однако книга Андрея Рубанова посвящена отнюдь не вкладу бунташного протопопа в историческую традицию отечественной словесности. Дело в том, что ересиарх и раскольник был очень многогранным актором, потрудившимся и на благо литературы, и в освоении северных земель, и на религиозном поприще, и на политическом. Если бы в истории России был возможен феномен, аналогичный итальянскому Ренессансу, то Аввакум был бы типичным «полидеятелем», свойственным именно такой культуре. Другое дело, каким он был частным человеком. Когда мы думаем, каким в приватном общении был Петр Великий или даже патриарх Никон, мы ощущаем холодок и неприятное тревожное дуновение. Вряд ли кто-то из нас хотел бы встретиться с подобным титаном прошлого лично. Однажды я видела выставку посохов царей и патриархов, и она сказала мне о характере их владельцев куда больше, чем десятков исторических романов и учебников. Однако Рубанов пытается убедить нас, что Аввакум был не просто ярким деятелем, но и человеком, с которым мы бы хотели познакомиться. Слово это не жестокий фанатик, яростный, отчаянный, равно безразличный и к своей жизни, и к чужим, впрочем, разносторонне одаренный и харизматичный. А любящий семьянин, человек с глубокой верой, охранитель завета даже ценою своей жизни, мужественный и совестливый священник, не совпавший с погрязшей в пороках, вырождающейся эпохой. Что ж, решать вам...

Помимо исследования биографии опального протопопа и опоры на его творчество, автор уделяет чуть ли не центральное место книги тому огромному пространству, на котором Аввакум родился. А также учился, жил, вел свои проповеди, реформировал, бунтовал, подрывал устои, страдал, высылался, подвергался пыткам, породил целое движение своих последователей и, наконец, был сожжен. Шутник бы сказал, что это «роман с географией», подобно книге Теофиля Готье о путешествии в Россию. Только Готье был идеалист или хотел понравиться публике, а вот Рубанов пытается быть исторически беспристрастным. Гимн России эпохи Алексея Михайловича, стране, уже втайне готовящейся принять на свой престол юного реформатора Петра, у Рубанова выглядит неоднозначным. Конечно, можно здесь увидеть следы позиции Алексея Николаевича Толстого, писавшего, что петровская Россия, несомненно, была бы страной очень цивилизованной и прогрессивной, когда б не казни, пытки, бессмысленная жестокость и азиатское бесправие.

Увы, нет добра без зла, и такая громадная держава, постоянно приращивающая свои территории, разумеется, не могла быть еще и раем земным. Рубанов изображает Россию XVII века как подспудно богатое во всех отношениях, очень красивое, но дикое и разрозненное пространство. В столице почти византийская лепота и съехалась знать со всех сторон света, а чуть в провинцию — уже снега непролазные, сообщения никакого, финансирование туда не

дотекает, правда не добегают. Маленький, почти декоративный центр церковного и светского управления становится скорее символом, нежели двигателем развития бескрайних земель, где каждый выживает, как может, и умирает, как хочет, и время остановилось, *и от судеб защиты нет*.

Есть у Рубанова и своя философия, она интересна, особенно в контексте других работ «пограничных областей», взять того же историка экономики Михаила Давыдова или экономиста от истории Дмитрия Травина. Андрей Рубанов совпадает с автором «Цены утопии» в том, что называет *несправедливость и ее терпение* — в качестве двух главных китов дореволюционной России. До царя высоко, до Бога далеко, мы люди маленькие, и каждый обидеть норовит. Как выжить в таких условиях практически рабской, что уж скрывать, экономики? Терпением скорбей, разумеется, и выносливостью. Россия XVII века — это не маковка Москвы, а огромная бескрайняя провинция с лесами дремучими и снегами жгучими. Только сильный может выжить там, где письма не доходят, царская субсидия не доезжает, девять месяцев в году зима и за любую оплошность голову долой. В то же время, герои позднего русского средневековья — люди «нехорошие», но честные и нравственные. Нехороши они тем, что человеческая жизнь представляет для них ничтожно малую ценность, а честность их соединена с парадоксальной моралью.

Обладея большим житейским опытом, автор словно бы реконструирует в герою близкие его собственной натуре черты, делая его неким истоком личного пути, соединяя легендарные события и дни настоящие. Однако, называя такого трансформированного, «расширенного», альтернативного Аввакума скорее предметом и поводом для работы, мы не можем не указать на выход автора за рамки и жанра, и конкретной истории, и даже периода русского средневековья. Невольно вспоминаем о Николае Ключеве, выводившем свою родословную от того же аввакумова колена, но как поэта-сказителя. Рубанов не позиционирует себя как духовного проповедника или хранителя старины, в отличие от Николая Алексеевича, выстраивавшего собственный миф. Напротив, в своих пространственных размышлениях наш современник касается публицистических, политических, злободневных тем, начиная от сталинских репрессий и заканчивая пенитенциарной системой нулевых. Иногда летописный персонаж выглядит опорой для построений, имеющих к нему лишь косвенное отношение. Более того — это всё меньше поэтизированный и символический герой, и все больше просто священник, с которым, кажется, автор может прямо сейчас обсудить наболевшие вопросы, встретиться они в пути. Сегодня это принято называть эссеистической манерой письма, скрещением художественного и «дикорастущего» жанров. А возможно, перед нами такая же попытка родить новый формат, как некогда это пытался сделать протопоп, но, разумеется, с иной целью.

Анна АЛИКЕВИЧ

В КРАЮ МАГНОЛИЙ БЛЕЕТ САЙБОРГ

Василий Владимирский. Картографы рая и ада. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025.

Для того, чтобы понять, о чём именно эта славная книга, необязательно обращаться к трудам предшественников, но один из них упомянуть нужно: говорю о хрестоматийных «Новых картах ада» (New Maps of Hell, 1960) Кингсли Эмиса, подзаголовки которых — «A Survey of Science Fiction» — многое сообщает нам о подходе уже Василия Владимирского. Ценным тут оказывается конкретно survey, то бишь проверка, обзор, рассмотрение, процесс таможенной анатомии. Что придёт к читателю? Много ли убежит его взгляда? Как мы прогадали момент, когда великая и столь же научная фантастика обратилась в бесформенное, спекулятивное ноу-хау?

Рождённый при совершенно других пейзажах, сейчас эмисовский сюр-вей читается глуховатой ретроспективой, что само по себе объяснимо, ведь человек вещал из радиорубки догорающего Золотого Века, чуял, куда ветер дует. Почти грянула новая волна, стенки в тряске, Эллисон бряцает черепом мутировавшего светляка, и говорливый карикатурный авангард не располагает к розыску смысла. Эмис твердил, чем зёрна отличны от плевел, удивлял скупающего ровесника аналогиями (и «Беовульф», и Эдгар По у него, конечно, ходят под знаком жанра, что нормально), в общем, закладывал фундамент интерпретации.

Книга Василия Владимировского, как нетрудно догадаться, о другом. За шестьдесят пять лет (целая жизнь, громада-история) с момента эмисовского прозрения случилось ужасающе много, ужасающе разное, и в чём-то цивилизация (в таком вот, грубом, стратегическом смысле обозначу планету с человеком прямоходящим) лихорадочно преодолела отдельные мечтания-страхи хедлайнеров «Новых карт ада». Сами карты обветшали, расплзлись; глобализация сыграла на руку тому, теперь за всем не уследить. Должно быть поэтому разговор у Владимировского идёт всего лишь об отдельных картографах — рыцарях, аргонавтах, до которых СДВГ-пески ещё не добрались.

«Звучит обнадёживающе — если мыслить с размахом, эпохами, цивилизациями и нарративными парадигмами. Но чем мощнее оптика, чем лучше видно отдельное лицо в толпе, тем меньше поводов для оптимизма. Глобальные перемены не щадят никого, даже былых новаторов, когда-то на полкорпуса обогнавших своё время». Едва ли не в каждом эссе сборника Владимировский неприкрыто элегичен, настроен на волну обаятельного энзухта. Всё движется, летит и пышет; человек урвался так далеко, что забыл о тормозах. Химическая свадьба science и speculative давным-давно состоялась, и теперь нас заботят проблемы не жанра: самим бы дефиниции не растерять.

Впрочем, грусть-пессимизм транслируются бегущей строкой. По большей части Владимировский стоек, крепок, нарративен: «Разумеется, всё не так безнадежно. Исчезнуть, раствориться, выпасть из глобального повествования — не худший вариант для человека, всю жизнь посвятившего погоне за духом времени: у такого положения вне системы, помимо очевидных минусов, есть и некоторые серьёзные плюсы». Многозвучными словами-невалышками кончается очередной параграф о Брюсе Стерлинге, и поверьте: тянуть из книги фрагменты, которые бы ловко читались вне контекста, автономно, выгравированной цитатой, непросто.

Перед нами — в лучшем смысле этого слова — журналистский дивертисмент с фокусами и переодеваниями. Двадцать лиц. Полифония. Ломкие, перекрёстные судьбы, взгляды, интонации, нервно заедающие в магнитофоне. У Эмиса еле-еле сошлись нибелунги и Жюль Верн; здесь, напротив, соседствуют-чаёвничают, заливаясь так, что самовары лопаются, Шейбон с Борхесом, Булычёв с Миядзаки. «Избыток пафоса убивает фантастику. У нас всё или с надрывом да со слезой, как в цыганском романсе, или торжественно и чинно, словно на гражданской панихиде». Владимировский раскрывает пейзаж, лишённый усреднённой температуры, — дыхание выдумки слоёно, и прибегнуть можно ко всякому. Дрожащие острова Шеогората, апология своеобычия; и даже если вы захотите прямодушной ясности, то последняя не заставит себя ждать.

«Тема предопределения — одна из самых востребованных и в научной фантастике, и в фэнтези, интерес к ней вполне понятен. Однако Чана волнует скорее другой вопрос, не менее важный, но несколько более приземлённый. Как продолжать жить и принимать решения, когда ты твёрдо знаешь, что свобода воли — фикция, что каждый твой поступок предопределён, а самая безумная импровизация и смелая авантюра давно вписаны в Книгу Судеб?».

«Картографы рая и ада» отчасти и трамплин, с которого можно рваться в бурные воды фантастического: написано сноровисто, по существу, нахватать ретардаций, как я заметил выше, трудно, поскольку Владимировский не сбивается на сантименты, а если и хочет впрямь личное отношение к предмету или

персоналии, то делает это имплицитно, не пробуждая ото сна вторую скрипку. Даётся биографический контекст, потом вырисовывается общее положение вещей (классик потому, недотёпа поэтому), и, наверное, единственный недостаток, который можно найти в таком письме, так это унифицирование, описание видов.

Впрочем, не вижу ничего плохого в том, чтобы привести хаос к общему знаменателю: нынче, пожалуй, такие шаги нечасты.

Эмис действительно выстраивал свою работу как путеводитель с форпостами, башенками и зиккуратами, а Владимирский пишет значительно легче, увлекая самой интонацией, которая бодра, не стесняется этого кофейного задора и торопит читательский интерес, вынуждает сходить в библиотеку, обновить книжную полку, задуматься хоть о чём-нибудь, — пусть даже о генезисе стимпанка, который ни разу не свалился к нам с неба, а был придуман, смоделирован, одушевлён вполне определёнными молодыми людьми, честь им и хвала. Книга удовлетворяет запросу на вариативность: это и труд по теории фантастики, и по её истории, и в дополнение — увлекательная галерея биографических спидранов.

«Так же, как описание отдельных островов мало что говорит об Архипелаге в целом, сухие строчки из официальной биографии писателя дают слабое представление о его жизни». Формулировка довольно утилитарная. Встречаются, заметим, и такие личности в книге, пересказ жизни которых ощущается временами напряжней их мистификаций. Баллард, как по мне, у Владимирского обрисован ровно таким героем застывшего периода — махровый экспериментатор, глубокий психоаналитик, чьи лакричные паранойи вкуснее под чужим соусом (Кроненберг, верно, да пусть даже Спилберг или Вандермеер, многое у британца — идейно, стилистически — перенявший).

Компромиссен пантеон и потому, что наряду с противоборством биографий/текстов в нём есть утверждение текущей ситуации *фантастики* во всех её аспектах: и качеством мультипликации, и величиим комикса, и необязательностью умозрительных зеркальных коридоров (за которые перманентно отвечает Борхес), и персональными симпатиями (заметная часть книги отведена советским фантастам — братьям Стругацким, Киру Булычёву, Ольге Ларионовой, Владимиру Савченко, Борису Штерну). Картографы спасают ландшафты от бессмыслицы, тотального обнищания значений, а потому и небо подпирают, и за землёй поглядывают.

«По большому счёту у писателя (и художника в широком смысле) есть два способа не кануть в Лету безвозвратно и избежать ловушки забвения. Можно попробовать завоевать сердца миллионов, снискать пусть недолгую, но оглушительную славу, от которой лопаются барабанные перепонки, — или наоборот: произвести впечатление на немногочисленных, но влиятельных знатоков и ценителей, отколоть такой номер, который они не забудут даже на смертном одре».

Отобранные Владимирским фамилии близки друг другу в одном заметном принципе: созидания, проектирования, развития нового (один из главных текстов сборника так и называется — «Воспитание воспитателей»). Устало перемалывать имеющийся словесный вздор было бы опрометчиво; картографы же пробуют *странное*. Решения их неочевидны, полны каверз, и порой симпатии рассказчика совсем не на стороне рассказа — мне, к примеру, кажется, что в случае Харлана Эллисона всё несколько категорично, ибо кливлендский смутьян-скорописец, несмотря на поганый характер, заслуживает искренней читательской любви. Его «зьябкая ночь» взаправду не наступила — но более того: интерес реанимируется также и в наших краях (так, знаменитый игровой видеоблогер Бэбэй создал аж два видеоэссе о творчестве Эллисона — про квест «I Have No Mouth, and I Must Scream» (1995) и дебютный рассказ «Glowworm» (1956)).

Занятный дискуссией с внутренним *Aga* — в первую очередь для интересующихся. Остальных тоже увлечёт (хочется надеяться!). Судьбы фантастики невероятны, как и сам материал фантастического, а книгу Василия Владимирского

стоит оценить по достоинству: в ней много глубокого и при этом донесённого к вниманию в простой, аттракционной форме. Вундеркинды, проклятые поэты, скромные библиотечные души, сутенёры-арлекины и так далее, — вдалеке по дороге из жёлтого кирпича, той самой, что не зарастёт и не наскучит.

Кирилл ЯМЩИКОВ

ПОПРОБУЙ ПОЧУВСТВУЙ

Марина Марьяшина. Помимо зрения: стихотворения. — М.: СТИХИ, 2024.

Уже само название второй книги стихов Марины Марьяшиной указывает на сверхзадачу автора: представить мир в восприятии, более тонком, чем передает основной орган чувств. Об этом же сказано в предисловии: «книга поэтическая — устройство, добавляющее еще один способ восприятия, совершенно невозможный в обычной жизни».

Впрочем, поначалу кажется, что поэтический текст, которым открывается книга, диссонирует с заявкой автора. Стихотворение «Отлетает земля в темно-синюю пропасть ночную» посвящено диалогу небесного Юрия Гагарина с не оправдавшим надежд настоящим: «мол, *“про*рали мы все, дядя Юра”*. Запшик, задарма». Кто-то мог бы упрекнуть эти стихи в дидактичности и узнаваемости интонаций. Об отмененной судьбе покорителей космоса писали многие (первыми на ум приходят Алевтина Дорофеева и Антон Черный, хотя и они не были первопроходцами). К счастью, внимательное чтение финала прорывает оболочку стихотворения, даже если в остальном оно похоже на памфлет:

Каждый день, просыпаясь и глядя в окно, как стонал ты
на обломках страны — сонный русский, мордвин ли, казах,
как бы вас ни корежило, ночью вы все — космонавты
со звездой во лбу и космической пылью в глазах.

Да, нам не показалось. Это те самые *«гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгус, и друг степей калмык»*. Непостижимым образом стихотворение о первом космонавте, подарившем великую мечту русскому миру, оказывается замаскированным палимпсестом бессмертного «Памятника». Пусть масштаб Александровского столпа и сменяется на *«что-то вроде фигурки вождя в опустевшем ДК»*, эффект неожиданный: Гагарин — Пушкин, со всеми вытекающими. Но только ли «Памятник»? Не являются ли взошедшая-таки *«звезда во лбу»* и *«обломки страны»* отсылкой к другому каноническому тексту классика? И если так, то почему в национальном культурном коде так тесно переплетены полет гения и обреченность отечества? Вопросов больше, чем ответов. Как бы то ни было, благодаря первому стихотворению мы пережили озарение и согласились с рамкой, предложенной автором: этот мир наполнен неявными связями с прошлым, несуществующим и даже невысказанным. Нужно лишь не бояться идти дальше слоев.

Книга состоит из разделов «Сквозняки» и «Отражения». Это формат серии «Сингл», которую издательство «СТИХИ» стилизует под пластинки: стороны 1 и 2. «Сквозняки» выстроены как калейдоскоп монологов, часто обращенных героиней к возлюбленному, к кому-то из близких, к самой себе, к неизвестному собеседнику (возможно, к Господу). Каждый текст раздела — фиксация состояния, эмоциональной вибрации, размышления о себе и мире (*«пусть дыру размером с бога / залатает этот свет»*), об индустриальном мороке (*«на воздух воловьими жилами / прикручены елочки ЛЭП»*), об inferнальности мегаполиса (*«и идет состав / мимо царств Коцея, погранзастав»*), о тоталитарности технологий (*«к телевизору сядешь — и чип во лбу, / Загорается, как звезда»*), о безжалостности природы (*«это осень прошла искромсала деревьев тела»*),

о физиологии чувств («из глубины живота расцветает малиновый еж»), о сложности отношений («любить и не ждать удара»).

Автор работает с разными размерами, но даже при переходе на белый стих сторонится гетероморфности и верлибра. «Я, как лезвие, слово несу во рту», — декларирует Марьяшина, и это убедительная эстетическая позиция. Ее тексты лишены монотонности, мелодичны и изобильны оригинальными рифмами, сравнениями, метафорами, игровым переосмыслением устойчивых выражений, иронической стилизацией. Эта плотность, впрочем, не мешает Марьяшиной быть автором средних форм. Чтобы развернуться, ей нужно не менее четырех катренов. Часто — больше. Почти всегда это путешествие оправдано, как, например, в стихотворении «Мы шли от рынка к дому, было поздно». Во время долгого пути со своей матерью сквозь метель героиня начинает путать «маленькую женщину с большой», что создает яркий эффект:

и я иду, и мать веду за руку,
а может быть, она меня ведет.

Отдельное место в инструментарии занимают отсылки к массовой культуре: от аллюзий («потому что нельзя быть на свете бесплотной такой») до поп-арт включения в образный ряд: «вечность над нами как банка от колы зеро» (не скроем, последний прием мы повторили в названии рецензии). Ключевые образы книги: окна, зеркала, вода, указывающие на связь между материальным и нематериальным миром. Не менее устойчив мотив природных состояний. Снег — предвестник смерти. Дождь — изменение внешнего и внутреннего. Ветер — движение между ними.

Помяни моё слово: ночью наступит снег
На распаханых рёбер тонкие магистрали.
Станет ясно тогда: паршу обдирая с век,
Никогда мы не видели снов. Мы вообще не спали.

О чем на самом деле рассказывает Марина Марьяшина в первой части книги? О тотальном одиночестве «в этом сумраке бездонном» и болезненной потребности быть принятой «на круглой ли плоской земле». Неслучайно здесь так часто возникает образ невесты, лишенной жениха. Он уходит то в частушечный мотив, то в фольклорный образный ряд, то в инфернальную хтонь. Груз неисполненного предназначения мучает героиню. Но одновременно с этим она боится потерять себя в семейной жизни:

муж вернется, тишь сойдет на нет,
будут разговоры, беготня,
и запомнят вовсе не меня,
а вот этот яблочный пирог,
половик да вымытый порог
не меня, а мертвую жену
да густую в кухне тишину.

В результате и вовсе оказываясь во власти инкубов:

выпадешь в утро в сонном параличе
кто-то нездешний сверху ложится

Откуда взялось это противоречие? Является ли оно следствием поэтического дара, неотделимого от оптики героини? В чем корни ее инаковости?

Не ступая на скользкую дорожку размышлений о женской поэзии, предположим, что неприкаянность и недовключенность персонажа в физический мир связаны с вопросом взаимоотношений человека и Бога. Но, кажется, нужный знак в этом уравнении пока не найден.

«В мире все страдают как бы /не страдать великий труд», — формулирует героиня в финале первой части книги.

Содержит ли раздел «Отражения» ответ на проблематику, озвученную в первой части? И да, и нет. Любопытно, что в стихотворениях, открывающих оба раздела, присутствует лобовое стекло. Если вначале «*только вейповский пар застилает стекло лобовое*», то в середине книги мы видим уже «*стекло лобовое на стень, опалённую зноем*». Как будто бы налицо освобождение героини, которая сбегает в летнее тепло, став ближе Богу.

Но все же праздник побега длится недолго. Ближе к финалу книги героиня вновь оказывается в Москве, омраченной ощущением близкой войны. И пока интенсивность мурашек от безжалостной к читателю стихотворной ворожбы растёт, мы шаг за шагом возвращаемся в городское марево, еще более прихотливо отделанное поэтическим словом. Увы, ни воспаряющие белым дымом вздохи, ни желание взяться за руки не спасают героиню от склонившейся над городом черноты. Черноты, глядящей в нее. Кольцо замыкается — не то по заветам Хомы Брута, не то согласно градостроительному плану.

Будучи начитанным автором, Марина Марьяшина не скрывает чужого дыхания. Книга содержит прямые указания на Алексея Ремизова, Георгия Иванова, Аркадия Гайдара, Станислава Ростоцкого и Ольгу Иванову в виде аккуратных сносок. И множество скрытых отсылок, от Сергея Есенина до Бориса Рыжего (особенно удивил Ярослав Смеляков). Нельзя не заметить и уроков, взятых у Татьяны Бек, о любви к которой Марьяшина неоднократно говорила публично.

Иной придиричивый читатель может усомниться, в чем же тогда заключено новаторство автора? Все просто — книжный опыт Марины Марьяшиной не играет в ее стихах первую роль. Это лишь фон, обогащающий дыхание поэта, но не подменяющий его.

Напомним, предисловие книги задает особые рамки. По замыслу, читатель должен пережить опыт выхода за границы привычного восприятия. И оно действительно происходит — даже на квазисюжетном уровне героиня покидает на короткий период свою привычную локацию. Не говоря уже о продуктивности творческого метода, соединившего бытовое и метафизическое без противопоставления низкого и высокого. Это не экстатический символизм в духе Александра Блока или Андрея Белого, а взгляд на мир, в котором происходит все, везде и сразу, и как бы порой мучительны ни оказывались эти переживания, «*большие не ходить сюда*» невозможно.

Марина Марьяшина продолжает богатую традицию мировой культуры и русской поэзии, видя их отблески в самых невысоких проявлениях повседневности с целым рядом уровней: от реальности до послесмертия. Ее интонации имеют отчетливую индивидуальность и позволяют голосу звучать вполне уверенно. Балансируя между интимностью и камланием, колеблясь между тревогой и надеждой, открывая читателю мир, где живут одновременно «там» и «тут», но не фигурально, а по-настоящему.

Антон ВАСЕЦКИЙ

«АКРОБАТУ БЕЗ ШЕСТА ЛЕГЧЕ И ВОЛЬНЕЙ»

Алексей Ильичёв. Праздник проигравших. Стихи и проза. — М.: Выргород, 2025. — Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить».

Алексей Ильичев — петербургский андеграундный поэт (1970–1995), несмотря на короткую жизнь он «успел стать сильным самостоятельным поэтом с индивидуальным голосом, точной дисциплинированной речью и цельным, продуманным мировосприятием», — пишет Ольга Балла в предисловии к книге. А Наталия Черных в рецензии «Падение и полет», опубликованной в «Дегусте», отмечает с поразительной точностью: «В стихотворениях Алексея Ильичева самое ценное, как мне видится, скупость и ясность. Это птичье четкое зрение,

когда сложная линза обмана учит видеть вещи, какие они есть на самом деле». Ильичев поэтически близок к таким художникам слова, как, например, Алексей Бекетов, Сергей Жаворонков, Борис Рыжий, Макс Батулин. С последним Ильичева роднит ощущение краха истории, смены моральных парадигм и ценностей. Короткая жизнь поэта пришлась на «время сэконд-хэнд», по меткому выражению Светланы Алексиевич. Только из перестройки поэту выплыть не удалось: как в метафорическом, так и в буквальном смысле.

Говорить о поэзии Алексея Ильичева — все равно что входить в холодную реку и думать: а есть ли брод? Брода, конечно же, нет, как нет его в самой нашей жизни. Иногда — быстротечной, как у Ильичева, иногда — долгой, раскрывающей дарование того или иного поэта новым жизненно-русловым поворотом. К сожалению, какими бы поворотами заискрилась поэзия нашего героя, мы не узнаем, он утонул летом 1995 года под Москвой.

Как рыба режет лед
Волшебней чем она
Меня к себе берет
Другая сторона

Этим произведением, написанным в 1994 году, открывается книга. Сильнее и изящней стихотворения для вступления подобрать сложно, оно задает тон всей книге. И наполнено каким-то страшным предчувствием, так что невольно напрашивается философский вопрос: поэты сами приближают гибель подобным заигрыванием со смертью, или же судьба в этот момент водит их рукой, предопределяя предначертанное?.. Рассуждать можно долго, только прийти к консенсусу не получится, ведь у каждого своя правда. Так какая же она была для поэта, трагически умершего в 25 лет?

Правда Алексея Ильичева — это «Мой дружок Кастанеда имеет четыре соседа, / И один из них — я, а другого нельзя позабыть». Кастанеда в стихотворении «Дыня» по-своему называется дружком, а о том, кого позабыть нельзя, не будет сказано дальше ни слова. Завеса тайны не раскроется, читателям придется вытягивать смыслы самостоятельно, подключая собственное воображение, принимая приглашение на «сотворчество». В хорошей поэзии должна быть недосказанность, неуловимость; Ильичев был поэтом талантливым и очень тонко чувствовал такие моменты. А еще — филигранно с ними работал.

Правда Алексея Ильичева — это «Трамвай идет то медленно, то быстро. / В трамвае едем только я и холод. / Вот остановка, но никто не входит, / И я на ней отнюдь не выхожу». Конечно, сразу вспоминается Борис Рыжий с его «Через пять или шесть остановок / въедем в восьмидесятые годы: / слева — фабрики, справа — заводы, / не тушуйся, закуривай, что ты». Любопытно же вот что. Стихотворение Ильичева датируется 1990 годом и пронизано признаками смерти, хотя до гибели поэта еще пять лет. Пальцы у лирического героя не гнутся (как в старости), они наполнены уже «иной» жизнью; сам же герой никуда не выходит, он едет-едет-едет в этом мертвенном трамвае, где кроме холода с ним больше никого. А в стихотворении Бориса Рыжего, наоборот, есть и гомон жизни, и другие люди, и «наша с тобой остановка», и рефлексия о прошлом... Только уже через год жизнь Б. Рыжего прервется в 26 лет. Подобный символизм и ранняя гибель невольно сближает эти две поэтические фигуры, их хочется рассматривать под одним углом, хотя поэтики того и другого совершенно разные. И кажется, что Б. Рыжий раскрыл свой поэтический голос более полно, чем А. Ильичев. У последнего какие-то важные поэтические открытия еще должны были произойти, если бы ранняя смерть не внесла свои коррективы.

Правда Алексея Ильичева — это «Мы не знали, что то, что дано, — / Это больше того, что дают, / Те, кто выпили это вино, / До сих пор его пьют». Перед нами парадоксальность мышления, точнее, троп, используемый рассматриваемым автором мастерски. Умением приручать подобных литературных «зверей» может похвастаться не каждый творец; такое явление всегда очень интересно

рассматривать под линзой критического микроскопа. Парадоксами пронизана поэтика А. Ильичева: «Если я молчу — значит, я говорю с тобой», «Мы нужны. С нами нечего делать», «И нет ничего ненадежней, вернее каната» и т. д. Фразы приковывают внимание, заставляют мысленно спорить или соглашаться с автором. И, безусловно, еще глубже погружают нас в мир его поэтического мышления.

Правда Алексея Ильичева — это «Проходит мир, потом война, / И в ожиданье винограда / Старуха смотрит из окна, / Как наблюдатель из засады», а еще «Запустила ль мылом Маша / Мимо мамы, да в стекло / Только помню было страшно / Крови много утекло». Когда автор снижает градус чувств и уходит в повествовательность, то в его произведениях начинают сквозить не холод и одиночество, а какая-то тревога, даже экзистенциальный ужас. Стихотворения «Как-то мама мыла раму...» и «Старуха» кровят в руках поэта, хотя темы в них поднимаются, на первый взгляд, совершенно невинные и обыденные.

Следующее стихотворение приведу полностью и поставлю на нем точку, ведь правд и смыслов в поэтике отдельно взятого уникального автора всегда много, вместить их все в формат рецензии не получится — да, можно выделить некоторые ключевые аспекты, но объемные фигуры на то и объемные, что свети их к линии не выйдет.

Мне снилось, что мой друг читал газету.
Я мельком рассмотрел её название.
«Сухие свиньи» — вот как называлась.
Такая чушь! И всё же он читал.

Там был астрологический прогноз
На этот месяц, и, само собою,
Хотелось мне узнать, чего же будет
С моим отечеством, а также и со мной.

И я спросил: «Ну что? Чего там пишут?
Ответь-ка, друг, мы все хотим послушать».
А друг молчал какое-то мгновенье
И в ярости газету смял и бросил.

Жизнь поэта, как уже было отмечено, пришлось на перестройку, на 90-е, когда трясло политический строй, менялось мышление народа. Подобные перемены переживают не все, Алексей Ильичев, к сожалению, оказался среди «проигравших», тех, кто не смог встроиться в новую действительность. Да, погиб трагически, но произошла бы эта трагедия, не будь смены эпох? Сколько их было, захлестнутых волной перестройки?.. Отметим, что большая часть авторов, чьи сольные книги опубликованы в серии «Поэты антологии. „Уйти. Остаться. Жить“» ушли из жизни в конце XX столетия. Приведенное выше стихотворение отражает смятение поэта, его непонимание дальнейшей судьбы — как своей, так и отечества. И вот этим желанием увидеть, услышать, найти ответы на вопросы, а как быть дальше, а как жить дальше, и пронизана книга Алексея Ильичева. Лирический герой едет в трамвае, в компании холода, потому что то, что происходит «такая чушь!», потому что газету хочется смять в ярости и выбросить, только вот встроиться в окружающий мир, найти попутчиков не получается. И не зря в одном из стихотворений автор отмечает иронически: «Акробату без шеста легче и вольней». Но отсутствие шеста — не только полет, но и трагедия, особенно для человека, тонко чувствующего окружающую действительность.

Надежда ГАМИЛЬНОТ

ВЕРИТЬ В ЛУЧШЕЕ

Евгения Русинова. Море волнуется — раз! — СПб.: Антология, 2025.

Согласно исследованиям, примерно треть читающей публики в нашей стране выбирает детскую литературу. Вроде бы ничего удивительного: люди покупают или берут в библиотеках книги для собственных сыновей, дочерей, внуков и внучек. Однако порой взрослые приобретают детские книги для себя. Анализировать причины можно долго. Кто-то жаждет хотя бы на часок-другой сбежать из мрачной реальности в мир детства, издалека кажущийся светлым. Кто-то пускается по волнам памяти, заново переживая оставшиеся в далёком прошлом чувства, или решает «закрыть гештальт», прочитав хорошую книжечку, по каким-то причинам прошедшую мимо несколько десятилетий назад. Не стоит забывать и о «взрослых, которые искренне хотят понять своих детей». Именно им, а также тем, «кто ещё только начинает взрослеть», адресована книга Евгении Русиновой «Море волнуется — раз!». Вроде бы детская, но при этом детский мир полон взрослых эмоций и событий.

Есть глобальное фоновое событие: в небольшом степном городке вовсю идёт строительство солевого завода. И жители спорят, чего он принесёт больше: пользы или вреда. Отец пятиклассника Марка считает, что «завод — это хорошо. У людей появится работа. Приедут специалисты. Город начнёт расти, улучшаться». Папа его «заклятого друга» Кирли «другое говорит. Что людям работать в шахтах очень вредно для здоровья. И заводские выхлопы загрязняют воздух. И ещё я читал, что при производстве соли остаётся много отходов. Если они попадут в почву, то погубят нашу степь».

Есть и частные события взрослых судеб, больно бьющие по судьбам детей. Мама Таси, поставившая на первое место карьеру, буквально-таки сбегивает дочку на попечение бабушки. Ладно бы родной — «Липа Семёновна приходилась двоюродной бабушкой Тасиному отцу, то есть для самой Таси — седьмая вода на киселе. Но отец давно исчез из жизни девочки...» Папа Нюты, местный участковый, женатый человек, зайдя в школу по делам, знакомится с «симпатичной и задорной молодой учительницей» Агатой, просит её телефончик — интерес оказывается взаимным... Естественно, на детях происходящее отразится самым непосредственным образом.

Отражения детских переживаний в книге немало. Конечно же, не обойдётся без традиционных уроков жизни. Возможна ли дружба между мальчиком и девочкой? Или она обязательно должна вылиться в нечто большее? Знакомство с Тасей вызвало в душе Кирли противоречивые чувства: с одной стороны, девчонка показалась ему жуткой врединой, с другой же стороны, с ней очень захотелось продолжить общение. Кстати, Кирли — это Кирилл, которому не нравится, как родители записали его в свидетельстве о рождении. Вот мальчик и «переименовал» себя. Тася же сразу заявила: так нельзя. Фантазёры — оба. Как и большинство детей. К примеру, Тася, впервые услышав, что у неё руки не из того места растут, принялась мечтать, как было бы удобно, если бы руки реально росли из коленок или из головы. Ведь тогда в первом случае «можно было бы подбирать на улице разные сокровища — камешки, потерянные монетки, цветные стёклышки, — даже не наклоняясь», а во втором — отказаться от шапки. Забавная логика! Евгения Русинова придумала, а, вернее, взяла из жизни целую массу ситуаций — от вызывающего смех поступка мальчика Гоги, притащившего в школу живого селезня из фонтана, чтобы покорить всё ту же Агату, до маленьких трагедий, воспринимающихся только начинающими жить ребятами не такими уж и маленькими. Собранные всем классом деньги на подарок учительнице исчезли, а на следующий день один из мальчишек пришёл на урок в новеньких дорогих надушниках. Казалось бы, связать два факта и сделать правильный вывод проще простого. Преступник найден, дело раскрыто.

Однако в действительности не всё так просто. И вот она — несправедливость. И вот она — обида. Драма...

Концом света становится дырка на единственных капроновых колготках Таси. Взрослый хмыкнет: подумаешь — колготки! Однако Евгения Русинова насыщает эпизод деталями, позволяющими и маленьким, и большим читателям понять: для Таси это действительно беда. Или возьмём историю обманутого учительницей Кирли. Та пообещала принести в школу большую ракушку: приложишь к уху — услышишь море. Кирли ждал, напоминал — всё напрасно. Опять-таки вроде мелочь — какая-то ракушка! Однако жизнь-то из таких мелочей и складывается. Ребёнок почувствовал себя обманутым. Взрослый человек, более того — учитель, пообещал, но обещание своё не выполнил, посчитав его ерундой. А для героя это была совсем не ерунда...

Поднимает автор и другие серьёзные темы, связанные с эмоциональным интеллектом. Многие рекомендации оказываются универсальными: они подходят как детям, так и взрослым. Марк ссорится с родителями: ему надоело постоянно присматривать за младшей сестрой, тратить на неё время. Сама собой возникает злость, рождается грубость. Мальчишка получает удачный совет: набери под ближайшим дубом побольше желудей и, когда возникнет желание сказать что-то грубое, промолчи, вместо этого положи один жёлудь в банку. Выяснится, что у папы, излучающего спокойствие, в кладовке припрятаны десятки банок с желудями, накопившимися за много лет.

Мудрых пожеланий, о которых всегда стоит помнить не только мальчишкам и девчонкам, в книге хватает: «Бабушка Липа говорит, что нельзя всё в жизни делить на чёрное и белое». Вроде просто. Но почему же некоторые взрослые постоянно забывают старую истину, называя врагами тех, кто враждовать-то совсем не хочет? Или возьмём другое наставление от всё той же проницательной Липы Семёновны: «Надо верить в людей!.. Даже если они кажутся недостойными этого. Может, их жизнь от твоей веры и не изменится, зато твоя жизнь не будет беспросветной». Слова бабушка подкрепляет историей из собственной юности о том, как однажды на вокзале у неё выманили все деньги. Однако обманутой баба Липа себя никогда не считала, веря, что забравший у неё свёрток с семейными накоплениями усач не сбежал — просто они разминулись. Ещё один урок жизненной мудрости: мир таков, каким ты его воспринимаешь. Если убеждён, что все вокруг плохие, откуда ж взяться хорошему? Если же верить в лучшее, продолжая сохранять оптимизм несмотря ни на что, счастливые моменты будут обязательно.

Кирли, живущий в затеряншемся посреди степи городке, с первых глав фантазирует о море. Ракушку, которую можно приложить к уху, он всё-таки получает. В финале же герой услышит крики чаек и увидит волны. А сон это или явь и удалось ли горожанам остановить строительство завода, пусть каждый решит сам. Всё-таки мечты должны сбываться. Хотя бы иногда.

Станислав СЕКРЕТОВ

НЕОЧЕВИДНАЯ ИСТИНА

Амитав Гош. *Стеклянный дворец*. / Пер. с англ. М. Александровой. Москва: Фантом Пресс, 2025.

Мы хорошо знаем, что последние 150 лет истории России и Европы были наполнены трагическими событиями. Однако на юге и востоке евразийского континента в эти годы не было спокойнее. Индия, Бирма и Малайя были захвачены Британской империей, а Китай пострадал от интервенции, что стало сильным ударом по национальной гордости этих народов. Лишь после Второй мировой войны начались процессы деколонизации, не всегда, впрочем, приводившие к победе демократии. Ведущий современный индийский писатель Амитав Гош, пишущий на английском языке, посвятил свое творчество как раз этой теме — порабощению народов Юго-Восточной Азии и борьбе за независимость. Таков и роман «Стеклянный дворец», написанный в 2000 году и рассказывающий перипетии истории Индии, Бирмы и Малайи начиная со вторжения Британии в Бирму в 1885 году и в течение ста лет. Вектор мысли писателя очевиден и благороден: колонизация — это зло, а независимость — это высшая ценность. Но «Стеклянный дворец» мало похож на патристическое кино с супергероями в главной роли. Ценность независимости обретаеца далеко не сразу, а в долгих и мучительных сомнениях, при этом Британия несколько не демонизируется, имея среди персонажей романа весьма сильных защитников.

Этот грандиозный по масштабу описываемых событий роман начинается в городе Мандалае, столице Бирмы, прямо у стен королевского дворца. Громяхают британские пуш-

ки, но король Бирмы Тибо, скрывающийся во дворце, наивно верит, что национальная армия защитит страну. Он ошибается. Всего 27 пулеметов потребуется британской армии, чтобы бирманские солдаты капитулировали. При этом некоторые ключевые позиции были взяты британцами вообще без потерь. Страна была завоевана. Тибо и его семью сослали в Индию, а Британия добавила к империи новые колониальные владения.

Свидетелем этих событий является один из главных героев — индийский мальчик-сирота Раджкумар, который работал на лодке, но вынужден был сделать остановку в Мандалае. Мы проследим историю этого человека до самой старости. Ему удастся создать успешный бизнес по продаже тикового дерева, а позже и каучука, спрос на который резко вырастет в годы Первой мировой войны. Он женится на придворной девушке королевы Бирмы, заведет детей, чтобы на закате дней бежать в Индию, когда японцы в начале 1940-х начнут оккупацию Юго-Восточной Азии. Сын Раджкумара породнится с семьей Умы Дей, жены индийского районного администратора, в ведении которого находился быт изгнанного в Индию короля Бирмы. Ума Дей, в которой после смерти мужа проснется национальное самосознание, дети Раджкумара Нил и Дину, племянник Умы Дей по имени Арджун, ставший индийским офицером британской армии, внучка Раджкумара по имени Джайя — все эти персонажи одинаково интересны автору, здесь нет второстепенных героев. Мы будем читать классическую семейную сагу, когда жизнь семьи описывается на фоне исторических событий.

Раджкумар предстает перед читателем человеком, который всего добился сам. Начиная он обычным мальчиком на побегушках, но благодаря наблюдательности и предприимчивости сумел скопить немного денег и открыть собственный бизнес. Довольно длительное время его можно было считать богатым человеком. Он добился не только материального благополучия, но и руки придворной дамы королевы Бирмы, которую ви-

дел мельком в 1885 году, когда короля со свитой увозили британцы. Однако у Амитав Гоша нет только черной и белой краски, когда речь заходит о героях его романа. Сильный, хваткий и дальновидный Раджкумар не избегает обвинений в супружеской неверности и желании наживаться на войне. А в конце концов даже этот опытный коммерсант бессилен перед неумолимым ходом истории.

Британцы принесли в Индию и Бирму новую двусмысленность — и нищету, и богатство. В Индии с ее кастовым обществом, допустим, жили бедно, и шестьдесят процентов государственных доходов шли на содержание армии, хотя Индия не считалась милитаристской страной. А вот Бирма была богатой страной со множеством природных ресурсов. В частности, в стране находились богатейшие месторождения драгоценных камней. До британского вторжения здесь никто не голодал, все умели читать и писать и легко получали от властей землю, а у женщины не было подчиненного положения. Кроме того, страна была открыта, в Мандалае работали европейские дипломаты, купцы и торговцы греческого и армянского происхождения, а также рабочие из Индии и Китая. Британские компании уже добывали в Бирме ценную тиковую древесину и всячески обманывали местных таможенников, чтобы не платить пошлину. И когда бирманские власти возмутились этим, Британия ответила вводом армии в северную часть страны (южная и так уже находилась под ее военным контролем). Причем, как всегда, британцы использовали других — две трети солдат в армии вторжения были индийцами. Для бирманской королевской семьи это стало ударом, ведь когда-то Бирма была могущественна — она разбила императора Китая, покорила Таиланд, Ассам и Манипур.

В этом и состояла сила Британской империи. Не только в мощи оружия, но и в том, что целые народы соглашались воевать на ее стороне. Кто-то просто за деньги, а кто-то за какие-то непонятные идеалы. Амитав Гош называет такое беспрекословное

подчинение невинным злом — самым страшным из всех. Индийские солдаты британской армии могли сжигать целые деревни и нисколько не задумываться об этом, ведь у них был приказ. Но в Бирме не любили индийцев не только по этой причине. Дело еще было в том, что индийцы захватили в стране весь бизнес, не давая заработать местным жителям. Все это обострило межнациональные противоречия, доходило до того, что индийцам было опасно показываться на улице.

Британский империализм всегда оправдывал себя тем, что нес цивилизацию покоренным народам. В «Стекланном дворце» тоже отчасти защищается такой взгляд на вещи. Король Бирмы Тибо не был самым талантливым политиком. Помимо него на трон претендовали еще десятки принцев, и среди них было немало более достойных. Так вот, жена Тибо, королева Супаялат, умертвила 79 конкурентов, чтобы Тибо взойшел на престол. Британия, с одной стороны, лишила королевскую чету власти, а с другой, освободила страну от подобного варварства. Да и народ Бирмы так ли уж предан был своему королю? Когда Тибо увезли, люди ворвались во дворец и разграбили его, чтобы потом со слезами горя оплакивать судьбу своего правителя. А Мандалай после британской оккупации превратился в процветающий город, позволяя обогащаться местным предпринимателям. Королева Супаялат не верила обещаниям британцев построить железные дороги, порты и шоссе. По ее мнению, Британия пришла ограбить страну и уйдет, когда ресурсы закончатся, оставив нищету. А король Тибо тем временем с восхищением следил за ходом русско-японской войны — ведь азиатская держава впервые бросила вызов европейской. Только вот районный администратор развеивает его мечты, говоря, что британской империи эта война никак не угрожает. Впрочем, чтобы этих угроз не было, администрация тоже делает немало: королю Тибо в индийском изгнании запрещено принимать гостей и фотографироваться. Нужно было стереть любую память о королевской

семье, чтобы бирманцы не смогли объединиться вокруг короля.

Среди покоренных народов тоже долгое время не было ощущения, что нужно любой ценой бороться против завоевателей. Например, в Индии не было сверхцели избавиться от британского господства, некоторые индийцы, наоборот, считались очень успешными именно потому, что служили колонизаторам. То же самое было в армии. Когда молодому человеку Арджуну (племяннику Умы Дей — жены районного администратора, следящего за изгнанной семьей короля Тибо) удастся вопреки всяким ожиданиям попасть в военную академию, это считается неслыханным успехом. Сначала Ума, а потом и Арджун приходят к мысли, что независимость лучше британского господства, но это очень долгий и трудный путь. Уму не трогают рассуждения британцев о том, что те якобы даровали свободу индийским женщинам. Какая же это свобода, если народ порабощен? Это видно и по тому, как жили индийцы. Одни сдались, другие сошли с ума, третьи обратились к религии, пытаясь найти в священных текстах заклинания против проклятых британцев. Особую боль у Умы вызывало сознание того, что сопротивление Британии невозможно — Индия и Бирма слишком технологически отсталые страны, чтобы воевать с британцами. Но выход был. Считая поначалу идеи Махатмы Ганди наивными, Ума со временем поняла их силу.

Колониализм не принес свободу, он изуродовал Индию. Этого долго не понимал и Арджун, убежденный, что в составе британской индийской армии он несет свет и истину. Он прекрасно видел, что имперская идея переплывала разные национальности Индии в нечто новое, по крайней мере в армии. Здесь все могли есть одну и ту же пищу, хотя вне армии это было невозможно. Британия делала из них универсальных индийцев, и Арджун действительно видел что-то похожее на братство между индийцами и англичанами. Лишь позже он понял, что Британия не дает им никаких реальных благ, а только держит

морковку перед носом. Он считал себя привилегированным офицером, а оказалось, что он такой же бедняк, как и все в его стране. Такие, как он, никогда не станут британцами. И вот с началом Второй мировой войны Арджун оказывается перед выбором. Нужно ли помогать Британии воевать с фашизмом, потому что фашизм еще большее зло? И нужно ли становиться на сторону японцев, которые обещают свободу от Британии, но тоже являются захватчиками? Оказавшись в Малайе для защиты колонии от японцев, Арджун с удивлением узнает, что индийцам, как цветным, вход в бассейн запрещен — вот каким было истинное отношение европейцев.

Амитав Гош очень глубоко знает исторический материал. Он подробно описывает дворец короля Тибо в Мандалае и делится с читателями тонкими деталями тикового промысла. Рассказывает, как неповоротливые, казалось бы, слоны умело работали на тиковом промысле и как надзирали за всем восемнадцатилетние комиссары — специально нанятая молодежь, еще здоровая и не пострадавшая от лихорадки. Маленького Раджкумара учили восхищаться британцами, ведь именно они придумали эффективную технологию добычи древесины и все здесь организовали. И Раджкумар растет в этом грозном мире, где 30 лет спящая сибирская язва может однажды пробудиться и убить взрослого слона за несколько часов. Эхо таких эпидемий докатывалось до Лондонской биржи. Пишет Амитав Гош и о том, что в Индии достать хороший виски было проще, чем обыкновенный лед, который привозил специальный пароход из Бомбея. А позже расскажет, как индийские офицеры британской армии выходили к ужину в смокингах, ведь в этот день недели было получено сообщение о смерти королевы Виктории. Автор действительно изучил колоссальный материал, о чем читаем в послесловии автора:

«За пять лет, что я писал “Стеклянный дворец”, я прочел сотни книг, мемуаров, путевых заметок, географических справочников, заметок и записных книжек, опубликованных и

неопубликованных; я проехал тысячи миль, вновь и вновь посещая, по мере возможности, все места и районы, которые описаны в романе; я разыскал множество людей в Индии, Малайзии, Мьянме и Таиланде».

У Амитава Гоша поступь писателя-классика, и это искренний комплимент. Как и во всяком эпическом произведении, в «Стеклянном дворце» мы видим взаимодействие двух истин — объективной исторической и личной человеческой. И мы наблюдаем, как личная человеческая истина находит свой путь посреди истины объективного исторического процесса. Вполне бывает так, что на фоне крови Второй мировой войны только родившая молодая женщина, наобо-

рот, видит, что весь мир прекрасен. Жизнь у Амитава Гоша имеет какое-то собственное сокровенное измерение и не определяется полностью одной только политикой. Но и историю, конечно, спрятать нельзя. В «Стеклянном дворце» исследуется долгий и сложный путь к независимости, когда очевидные идеалы свободы оказываются не такими уж и очевидными. Мысль о том, что Индия под властью Британии несчастна, не так уж общепризнана. Понадобятся годы наблюдений, разговоров и глубокая переоценка ценностей, чтобы некоторые герои книги, которым в общем-то вольготно жилось при британцах, это осознали.

Сергей СИРОТИН

КОМИКС О ПОДВОДНИКАХ

«Кракен». Реж. Николай Лебедев, 2025 (Россия).

Николай Лебедев знаком зрителю по фильмам «Звезда», «Экипаж» и «Легенда № 17». По собственному признанию режиссера, его работы всегда объединяет положительный герой, который действует в трудных обстоятельствах и побеждает. Но здесь нет попытки силой навязать оптимизм, дело уже в самом обществе. Режиссер видит у российского зрителя новый запрос на любовь и доброту и искренне хочет ответить на него. В 2025 году на экраны вышла его фантастическая работа о мифическом существе Кракене, которое дало название и фильму. Главное здесь, конечно, не элементы триллера и боевика, а снова решительный и положительный герой, который из всех передраг выходит победителем. Этот герой идеален, и поверить в него трудно. Но разве кино с самого своего начала не стремится дать нам идеал? Лебедев рисует нам образ без изъянов, а сам фильм напоминает комикс, но симпатию зрителя «Кракен» завоевал. Средняя оценка на КиноПоиске 7,7, при том, что оценок больше миллиона, зритель на это кино пошел и оценил его.

Возможно, успех картины связан с обращением к архетипам российского государства. Атомную подводную лодку и размещенное на ней супероружие можно считать одним из символов современной России. Вот о таких подлодках и пойдет речь. Действие происходит в Арктике — это тоже нагруженная государственным смыслом территория. На побережье Гренландии международная команда геологов производит взрывы в глубине моря в исследовательских целях.

Но после одного такого взрыва произошла катастрофа — толщи льда поднялись, уничтожив лагерь геологов. Здесь же в акватории находилась российская атомная подводная лодка «Ермак», и с ней тоже что-то произошло, потому что командование ВМФ потеряло с ней связь. На высшем уровне немедленно принимается решение отправить другую подлодку — «Заполярье», — чтобы спасти экипаж «Ермака» и уничтожить размещенное на нем супероружие, пока оно не попало в чужие руки.

Капитана «Заполярья» зовут Виктор Воронин, это и есть наш идеальный герой. Звонок начальства застает его на пробежке, капитан, разумеется, ведет здоровый образ жизни. Нужно немедленно отправляться в путь. Короткое прощание с семьей, и вот он уже на подводной лодке и ведет ее к месту, где пропал «Ермак». И вот тут мы уже имеем дело с первой натяжкой. Дело в том, что капитан «Ермака» — это родной брат Виктора Воронина, который некогда мешал нашему герою продвигаться по службе. Это, конечно, искусственный драматизм. Династии подводников, разумеется, бывают, но так, чтобы два родных брата и капитаны? В России подводных лодок сто штук не наберется.

«Заполярье» движется к цели, и вскоре начинаются странности. Приборы фиксируют присутствие какого-то крупного объекта, но некоторое время непонятно, что это. Пока Виктор Воронин через перископ не видит собственными глазами, как гигантский осьминог разрушает буровую установку. Следующей его жертвой должно стать «Заполярье», так что теперь капитану необходимо проявить чудеса смекалки и не только спастись самому, но и спасти экипаж «Ермака», уничтожив секретное супероружие на его борту.

Новая работа Николая Лебедева, конечно, во многом напоминает комикс. Здесь не показаны сложности принятия решений и анализа, и на высший уровень мы не проникаем никакими долгими тропами. После происшествия с «Ермаком» зритель без преамбул видит высшее началь-

ство и сразу слышит приказ, на этом знакомство с этим миром заканчивается. В другом похожем российском фильме, «Вызов», о хирургической операции на МКС взаимодействие с начальством было показано подробнее и тоньше. Работа экипажа, разные технические примочки и усиливающийся драматизм в «Кракене» — все это на уровне рисованных историй. Но при этом очень качественных рисованных историй — антураж и атмосфера, подкрепленные сложной компьютерной графикой, производят сильное впечатление. В этом плане «Кракен» не уступает голливудским блокбастерам, что выводит наше кино на мировой уровень. Что касается самой истории и главных героев, то сразу ясно, что так бывает только в кино.

Виктор Воронин просто образец для подражания. В самом начале его вырывают из семьи, но он не ропщет — долг превыше всего. На подводной лодке он вроде главный, однако на борту еще есть старший по званию, а именно контр-адмирал Виктор Ольшанский, которому сам главком ВМФ поручил взять дело в свои руки, если с капитаном что-то пойдет не так. И вот уже первый конфликт. Ольшанский просто каменный персонаж, немногословен, и если говорит, то как ножом режет. Он указывает Воронину, что и как делать, с чем последний спорит, да так, словно всегда видит самую правильную истину. Очевидно противопоставление в пользу нашего героя, чья проницательность, решительность, уверенность и подкрепленный интуицией риск перевешивают сухую мудрость пожилого контр-адмирала.

Одновременно капитан Воронин очень человечен. Ради спасения людей он готов нарушить строжайший устав и взять на борт посторонних — опять же вопреки наставлениям контр-адмирала. Причем для него это не импульсивное веление сердца, протекающее из сентиментальной жалости, а железный нравственный императив. Следующий штрих к портрету супергероя — это стремление все брать на себя. Воронин берет-ся даже за ту работу, которую ему

делать не полагается, в частности, спускается в батискафе на поиски «Ермака», как рядовой подводник. И, разумеется, капитан никогда не теряет надежды. Когда становится ясно, что Кракен может в мгновение ока уничтожить «Заполярье» и риски с каждым часом только возрастают, капитан не отказывается от поисков «Ермака». Каменный контр-адмирал Ольшанский говорит: к чему поиски, если нет доказательств, что экипаж «Ермака» жив? Несгибаемый Воронин отвечает: но ведь и нет доказательств, что экипаж погиб. В общем, задача режиссера как будто заключалась не только в том, чтобы показать самоотверженный труд подводников, но и в том, чтобы поместить секс-символ на подводную лодку, дополнительно оттенив его образ экзотическими условиями.

Героизм подводников в этом фильме свободен от политики. Кракен — это вовсе не абсолютное зло, воплощенное в человеке или одиозной политической системе. Он больше похож на стихийное бедствие, то есть коварное явление природы. Но борьба с ним важна и нужна, просто в ней нет провозглашения государственных идеалов в пику идеалам других государств. Так что в этом отношении «Кракен» скромен и сдержан. Мы видим мощь России, явленную в оружии и подводных лодках, но эта демонстрация адресована не другим государствам, а нам самим, потому что нам действительно есть чем гордиться. Как в комиксах, подача образа Кракена лишена мифологического, исторического и мистического измерения. Оставлен только остросюжетный нерв — сначала желание выжить после встречи с монстром, а потом борьба с ним с целью победы.

В жанре фантастических фильмов-катастроф Лебедев не открыл ничего нового. «Кракен» сделан по рецепту кассового кино, и все ингредиенты подобраны в строго выверенной пропорции. Обязательно есть многоуровневый калейдоскоп конфликтов. Воронин конфликтует с уставом, контр-адмиралом и родным братом, хотя в этих конфликтах есть ощущение какой-то номинальности и искусственности. В частности, исто-

рия конфликта братьев обозначена настолько скупо, что этот смысловой стержень просто не успевает наполниться реальным содержанием. Остаётся подозревать в этой сюжетной линии чисто условный характер, очередную специю из поваренной книги успешного кино. При этом эпизоды напряжения следуют друг за другом по нарастающей, когда в самом конце уже кажется, что выхода нет. Но принимать близко к сердцу современный зритель это вряд ли будет, потому что к такой стратегии мы успели привыкнуть со времён американских боевиков 1990-х, когда главный герой перерезал нужный провод из двух за секунду до взрыва бомбы. Здесь будет все точно так же: обратный отсчет до взрыва супероружия и счастливый конец, правда, не за секунду до взрыва, а за полторы минуты.

Николай Лебедев говорил, что в 1990-е россияне не смотрели отече-

ственное кино и гордились этим. Но не смотреть отечественное кино — это глупо. Это то же, что не смотреть в зеркало. Режиссер не ставит патриотизм на первое место, более взрослой позицией он считает достижение общечеловеческой гармонии, и вклад в нее может и должна вносить Россия. И действительно, пафос героизма в этом фильме не может воссиять в полном своем блеске, потому что не имеет под собой никакой реальной исторической основы. По мнению режиссера, акцент в современной российской культуре на доброту и любовь — это не навязываемая сверху установка, а естественное взросление российского общества после бешеной юности 1990-х. «Кракен», как мы уже говорили, во многом похож на комикс, но он транслирует положительные смыслы о том, что, работая в команде, мы можем все преодолеть и всего добиться.

С.В.С.

Содержание журнала «Урал» за 2025 год

ПОЭЗИЯ

Ксения АКСЁНОВА. Дальше — плохо видно	7
Богдан БЕЙК. Стихотворения из цикла «Тысячептичник»	4
Надежда БОЛТАЧЕВА. Скворечника речь	8
Леонид ВАКСМАН. Когда слепая мгла подкатит к изголовью...	5
Герман ВЛАСОВ. Бесшовное облако	2
Анастасия ВОЛКОВА. Деревья сгорели в парке	4
Ксения ГЕРАСИМОВА. Милосерден смотрящий	12
Вячеслав ГЛАЗЫРИН. Ранимая молитва	6
Роман ГОРБУНОВ. Укромное облако	3
Александр ГРИГОРЬЕВ. Я возьму бытовой поджанр...	4
Вадим ДУЛЕПОВ. Имена и знаки	11
Алексей ДЬЯЧКОВ. Неутихающий ожог	7
Ольга ЕФИМОВА. Веселое горе...	1
Нина ЕШСАУ. Бессветность	5
Мария ЗАТОНСКАЯ. Когда начинался август	3
Сергей ЗОЛОТАРЕВ. Весна проходит через осень	1
Боль не исчезает	9
Сергей ИВКИН. Из избранных сонетов	12
Ирина КАДОЧНИКОВА. И снегом отзывается земля...	3
Юрий КАЗАРИН. Увидеть снег во тьме	6
Александр КАЛУЖСКИЙ. Музыка сумерек	12
Григорий КНЯЗЕВ. Мы осилим эту реку	11
Владимир КОЗЛОВ. Человек на белом полу	7
Юлия КОКОШКО. Циферблаты	2
Константин КОМАРОВ. Одиночество вдовой воды	7
Тая ЛАРИНА. Вот воздух, вот земля, вода, огонь...	1
Владимир ЛОБАЧ. Лунный свет прозрачен, холоден и тих...	5
Виктор ЛЯПИН. Догадавшись, что времени нет...	8
Матвей МАКАРОВ. Говорят — о тьме не говорят	12
Кирилл МАШКИН. И небо превращалось в воду...	11
Вадим МЕСЯЦ. Блажь (почти в шутку)	9
Стас МОКИН. Небесный плотник	3
Артем МОРС. Остановить, обнять, запеленать, приклеить...	4
Василий НАЦЕННОВ. Всякого горю цвета глаза	11
Артём ОВЧИННИКОВ. Уравнение Дирака	11
Сергей ПАГЫН. Другая тишина	2
Андрей ПЕРШИН. Сегодня не перейти вброд	9
Иван ПЛОТНИКОВ. Но это только эхо...	4
Наталья ПОЛЯКОВА. За всех своих. Семейная сага	9, 11, 12
Павел ПРОСКУРЯКОВ. Советские сказки	8
Александр ПЯТКОВ. Долго не кончается зима	2
Наталья РАЗУВАКИНА. Точка покоя	5
Степан САМАРИН. Спасение слепо	6
Евгений СТЕПАНОВ. Сквозь бурелом	1
Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ. В любой былинке бог...	5
Юлия ТОКАРЕВА. Под византийским сводом	6
Амарсана УЛЗЫТУЕВ. В Индию Духа купить билет. <i>Поэма</i>	8
Ольга ФАДЕЕВА. Милостью озноба	8
Никита ФЕДОРОВ. Вдова огня	3
Александра ФУРСОВА. От начала к началу. <i>Стихотворения в прозе</i>	1
Феликс ЧЕЧИК. Потусторонний снег	1
Евгений ЧИГРИН. Саккарский список	7
Николай ШАМСУТДИНОВ. Пересмешник вечности	9
Александр ШИМАНОВСКИЙ. Ибо ничто не отпускает...	6
Галина ШУБНИКОВА. Тихая вода	2

ПРОЗА

Константин АБАЕВ. В поисках серебряной пыли. <i>Рассказы</i>	4
Александр АБАКУМОВ. Слуга Галилея. <i>Повесть</i>	6
Надежда АВДЕЕНКО. Язык и труд. <i>Рассказ</i>	7
Татьяна АНДРЕЕВА. Стремительный почерк. <i>Рассказы</i>	12
Анастасия БАРАНОВА. Маленький Макс. <i>Рассказ</i>	3
Марат БАСКИН. Белая лошадь удачи. <i>Рассказ</i>	1
Максим БАСКОВ. Рыбак на реке. <i>Рассказ</i>	5
Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА. Чечетка. <i>Рассказы</i>	9
Артём БЕНЦЛЕР. Не грусти, если я исчезну. <i>Рассказы</i>	9
Александр БРОННИКОВ. Дух огня. <i>Рассказ</i>	2
Алексей ВИНОГРАДОВ. Синец. <i>Рассказ</i>	8
Алексей ВОРОНИН. Путь трубадура. <i>101 история из жизни музыканта в метро</i>	2
Петр ВОРОТЫНЦЕВ. Концерт. <i>Рассказ</i>	4
Ефим ГАММЕР. Свернулось время ёжиком в клубок. <i>Повесть</i>	3
Евгений ГИЦ. Два рассказа	11
Сергей ГЛАВАТСКИХ. Кмель. <i>Повесть</i>	1
Евгения ГОРДИНА. Наехал трактор на забор. <i>Рассказы</i>	12
Александр ГУНИН. Два рассказа	7
Эрика ЕФРЕМОВА. Филипп! Филипп! Пойдешь чай пить? <i>Рассказ</i>	12
Яна ЖЕМОЙТЕЛИТЕ. Перстень волхва. <i>Повесть</i>	4
Елена ЗАБЕЛИНА. Обнуление. <i>Повесть</i>	11
Татьяна ИЛЬЧЕНКО. Смерть нарушает правила. <i>Рассказ</i>	11
Марианна ИОНОВА. Новая жизнь. <i>Повесть</i>	8
Наталья КАЛИННИКОВА. Сиалия. <i>Рассказ</i>	6
О. КАМОВ. Приписть. <i>Рассказы</i>	2
Анна КИССЕЛЬ. След в искусстве. <i>Рассказ</i>	3
Татьяна КОВТУН. Встречайте, Некрасов! <i>Рассказ</i>	1
Юлия КОКОШКО. Святой суп, который не исполняет ничьих желаний	11
Дмитрий КОНОНОВ. Два рассказа	5
Аля КРУЖИНИНА. Последний портрет. <i>Рассказ</i>	5
Дмитрий КУЗНЕЦОВ. Родительский день. <i>Рассказы</i>	1
Сергей КУЛАКОВ. Чарли Буковски неожиданно появляется. <i>Рассказ</i>	8
Дмитрий ЛАГУТИН. Юбилей. <i>Рассказ</i>	9
Александр ЛИВЕНЦОВ. Во всём чистом. <i>Рассказы</i>	4
Андрей ЛОМОВЦЕВ. Стучались ангелы в окно. <i>Рассказ</i>	3
Лера МАКАРОВА. Два рассказа	1
Иван МАКАРОВ. Ленин. <i>Рассказ</i>	9
Таня МАНОВА. Другие жизни. <i>Роман</i>	6, 7
Владимир МАСЛЕННИКОВ. Время одуванчиков. <i>Повесть в рассказах</i>	11
Михаил МЕДВЕДЕВ. На сопках Маньчжурии. <i>Рассказ</i>	8
Павел МИРОНОВ. Голоса. <i>Рассказ</i>	7
Никита НЕМЦЕВ. Из «Энциклопедии русской пустоты»	6
Настя НЕУСТРОЕВА. Бабка. <i>Рассказ</i>	12
Саша НИКОЛАЕНКО. Любимый город. <i>Рассказ</i>	4
Тимофей НИКОЛАЙЦЕВ. Два мига одной полуночи. <i>Рассказ</i>	11
Илья ОГАНДЖАНОВ. Два рассказа	1
Игорь ОДИНОКОВ. Опасные хобби. <i>Рассказы</i>	8
Никита ОРЛОВ. Слово о московском дворе. <i>Повесть</i>	8
Владислав ПАСЕЧНИК. Ловцы человеков. <i>Цикл рассказов</i>	2
Татьяна ПЕШКО. Французский проект. <i>Рассказ</i>	2
Александра ПОДЕНОК. Три рассказа...	8
Алиса РАХМАТОВА. Такая маленькая смерть. <i>Рассказ</i>	6
Алексей РАЧУНЬ. Гляден. <i>Роман</i>	9
Филипп РЕЗНИКОВ. Поэма о старом доме. <i>Рассказ</i>	4
Соня РЫБКИНА. Тема с вариациями. <i>Рассказ</i>	3
Андрей САЖЕНЮК. Любив козак три дивчиноньки. <i>Рассказ</i>	7
Роман СЕНЧИН. Вторая жизнь. <i>Рассказ</i>	6
Алексей СИНИЦЫН. Конструктор прошлого. <i>Рассказы</i>	5
Ольга СИЧКАРЬ. Бегство. <i>Рассказы</i>	2

Валерий СОЛОВЬЕВ. Точка приложения силы. <i>Рассказы</i>	12
Борис ТЕЛКОВ. Таинственный случай в библиотеке. <i>Рассказы</i>	12
Евгений ТОПЧИЕВ. Скульптуры. <i>Повесть</i>	12
Елена ЧЕРНИКОВА. Шуберт и Верди. <i>Рассказ</i>	7
Алексей ШЕПЕЛЁВ. Последняя лампочка в деревне. <i>Повесть</i>	3
Галина ЯРОСЬ. Мегионские псы. <i>Рассказы</i>	5

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Валентин ЛУКЪЯНИН. Родом из войны. <i>Как Великая Отечественная война встроилась в молекулы нашей души</i>	5
Евгения ТОЛСТЫХ. Мама, папа, война и музыка. <i>Тыловые истории</i>	5
Анна РУССКИХ. Пока смерть не соединит нас	5
Владимир КАРЖАВИН. Сверхсекретный в башкирской деревне. <i>Острозагадочная повесть</i>	5
Василий ДЬЯЧКОВ. Пять писем о любви с фронта. <i>Публикация и предисловие Татьяны Жуковой</i>	5
Профессор и война. Из архива П.Г. Конторовича. <i>Публикация и предисловие Марии Конторович</i>	5
Сергей МАРТЬЯНОВ. Василий Коревский: профессия — командир	5
Любовь СИТНИКОВА. От Курска и Орла... <i>Письма с фронта. Публикация и предисловие Антона Третьякова</i>	5
Алексей КАРФИДОВ. «Третья нога» и другие истории. <i>Несколько эпизодов из жизни Невьянска в годы Великой Отечественной войны</i>	5

КАЗАХСТАН — «УРАЛ»

Рашида СТИКЕЕВА. Путешествие в обратном. <i>Рассказы</i>	10
Унзила МЫНБАЙ. Рахмет, айналайын... «Алиса». <i>Рассказ</i>	10
Анар ИЗДЕН. Сквозь раскаленный воздух бытия... <i>Стихи</i>	10
Василий ШУПЕЙКИН. Опричники во «Второй пятилетке». <i>Краеведческие рассказы</i>	10
Людмила ЛАЗАРЕВА. Пёстрые Горы. <i>Записки ботаника</i>	10
Еркебулан УЛЫКБЕКОВ. Два стихотворения	10
Татьяна БАКАНОВА. Два рассказа	10
Наталья ВИКС. Рассказы из детства	10

«УРАЛ» — КАЗАХСТАН

Наталья ВИКТОРОВА. Кашгарский дневник	10
---------------------------------------	----

ДРАМАТУРГИЯ

Родион БЕЛЕЦКИЙ. Курьер. Ураган. <i>Пьеса</i>	9
Ирина ВАСЬКОВСКАЯ. 1079	2
Ольга ЗАЙМЕНЦЕВА. Велимир. <i>Пьеса в одном действии</i>	6
Надежда КОЛТЫШЕВА. Арабская зима. <i>Шутка в одном действии</i>	12
Николай КОЛЯДА. Сарафанное радио. <i>Комедия в двух действиях</i>	4
Руслан ШИЛКИН. Букет земляники. <i>Пьеса в одном действии</i>	10

ДЕТСКАЯ

Константин АРБЕНИН. Заговорщики на каникулах. <i>История из детства</i>	11
Алексей БУХАРОВСКИЙ. Дети. <i>Главы из повести</i>	5
Мария ГЕРБЕР. По вагонам! <i>Повесть</i>	8
Сергей Ив. ИВАНОВ. Когда мы дежурили в школьном саду... <i>То ли было, то ли небыло</i>	3
Ольга МИЛОВАНОВА. Дед Зловред и стеклянный мальчик	7
Александр МОИСЕЕВ. Живые. <i>Рассказы</i>	9
Олег РАИН. Миротворцы. <i>Фрагмент романа</i>	10
Кристина СТРЕЛЬНИКОВА. Никак не можем вырасти. <i>Повесть</i>	1

ПОЧТИ БЕЗ ВЫМЫСЛА

Александр КЕРДАН. Роза ветров 4

БЕЗ ВЫМЫСЛА

Сергей БОРОВИКОВ. Запятая — 36. (В русском жанре — 96) 8

Арон ПАЧЕПСКИЙ. Человек и люди 3

Андрей ПОПОВ. Слон и Ельцин 4

ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Елена ДАНЧЕНКО. Принцессы княжества Торн 9

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Николай ДУПЛЕНСКИЙ. Их оружием была кинокамера 11

Виктор ЕСИПОВ. «Без семейственной неприкосновенности невозможно...»

Пушкин в великосветском омуте 6

Александр Ливенцов. Он рядом. Памяти Евгения Чижова 12

Вячеслав ОГРЫЗКО. Генералы Победы. Неизвестное 10

Анатолий ОМЕЛЬЧУК — Леонид БЫКОВ. «Жизнь — бесприигрышная вещь» 11

Илона ПОПОВА. Николай Никонов и его родословная 12

КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей БЕЛЯЕВ. Первые профсоюзы музыкантов в Екатеринбурге.
Большие планы, короткий век 1

Сергей БЕЛЯЕВ. Театральная улица и ее обитатели 7

Владимир Шкерин. Большой переполох на горнозаводском Урале,
или Не буди лихо, пока оно тихо 12

XX ВЕК: ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Вячеслав ОГРЫЗКО. От «заморозков» — к новому курсу 1

Татьяна ПИСКАРЁВА. Надпись на неоконченном портрете 7

Наталья РУБАНОВА. «Астрид Линдгрэн, до востребования». *Эссе-кунштюк с видом на озеро* 3

В ПОИСКАХ ЖАНРА

Василий СИГАРЕВ. Придурок. (Чат Сары Левински
с языковой моделью ChatGPT) 6

К СТОЛЕТИЮ ЮРИЯ ТРИФОНОВА (1925–1981)

Юрий ПОКЛАД. Поэзия и музыка прозы 8

ПЕРЕКЛИЧКИ

Павел ГЛУШАКОВ. Кто искал Пушкина и другие сюжеты 9

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сергей БОРОВИКОВ. Запятая — 33. (В русском жанре — 93) 3

Леонид БЫКОВ. «Порвав все связи с небом...»

Заметки на полях новой книги 9

Павел ГЛУШАКОВ. Литературные отражения. Из записей и выписок 4

Сломанный луч Алексея Решетова. О неопубликованных
при жизни стихотворениях поэта 11

Константин КОМАРОВ. Безлиций «Лицей» 8

Алексей КОРОВАШКО. Нет, я не автор, я герой... Михаил Бахтин как литературный персонаж	2
Евгения ЩЕГЛОВА. Время земное и время небесное. Проза Евгения Водолазкина	7
Кирилл ЯМЩИКОВ. Всё хорошее быстро горит. Ностальгия как метод	4

ТОЛСТЯКИ НА УРАЛЕ: ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛКА

Шевкет КЕШФИДИНОВ. Раскачайте эту лодку. Кира Грозная. Роудлента: Роман. — «Нева», 2024, № 9	6
Александр РЯЗАНЦЕВ. Простые, страшные слова. Лидия Слонимская. Блокада. — «Звезда», 2024, № 8, 9, 10, 11	4
Память и беспамятство. Юрий Буйда. Красное слово. Рассказы. — «Новый мир», 2025, № 1	11
Елена САФРОНОВА. Призрак во плоти. Геннадий Воронин. В шкафу: Повесть. — «Знамя», 2024, № 12	4
В тени великих. Александр Нежный. История Далиса: Повесть. — «Звезда», 2025, № 1	9
Станислав СЕКРЕТОВ. Ищи себя! Елена Долгопят. Черты лица. Три рассказа. «Новый мир», 2024, № 4; Елена Долгопят. Слова. Короткие рассказы. «Новый мир», 2024, № 10	1
Отрывки памяти. Яков Гордин. Взгляд и нечто. — «Звезда», 2024, № 1, 3, 5, 7, 9, 11	4
Борода Фиделя и откушенный Сталиным нос. Алексей Смирнов. В долготу дней. — «Новый мир», 2025, № 3	9
Цветник за колючей проволокой. Ольга Синакевич-Яфа. Синяя плюшевая тетрадь. — «Звезда», 2025, № 1-2	11
Владислав ТОЛСТОВ. Прогулки с ненаписанным романом. Алексей Иванов. Крестословица, или Прогулки с тенью диктатора. «Дружба народов», 2024, № 8–9	1
Уходим под землю. Игорь Воеводин. Раскопки: Рассказ. «Дружба народов», 2025, № 1	4
Рок как судьба. Леонид Ильичев. Когда рок-н-ролл был зеленым: Роман. — «Нева», 2024, № 12	6
Режиссер из кино, который был сценаристом. Юрий Клепиков. Записные книжки. Блокнот № 39. — «Звезда», 2025, № 3	9
Кирилл ЯМЩИКОВ. Полтора города. Надя Алексеева. Белград. Роман. — «Новый мир», 2024, № 8–9	1
Некто Ганимед. Владимир Тендряков. Муки творчества. — «Знамя», 2024, № 8	6
Упразднённые обстоятельства. Павел Соколов. Сын вернулся. — «Новый мир», 2025, № 5	9
Досточка, косточка, мгла. Настасья Реньжина. Ходун. Рассказ. — «Дружба народов», 2025, № 5	11

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Анна АЛИКЕВИЧ. Читайте эти книги. Владимир Новиков. Отвечаю. Интервью как литературно-критический жанр «Открыт паноптикум печальный...». Елена Вяख्याупус. Из бездны с любовью	10
Взыскание погибших. Борис Романов. Черный агат	3
Ты, день, когда скажу: «Не до стихов!» Владимир Козлов. Русская поэзия начала XXI века	5
Как нам обустроить московское царство. Андрей Рубанов. Ледяная тетрадь. Комментарий к Аввакуму	7
Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ. Иван Крылов и все-все-все. Екатерина Лямина, Наталья Самовер. Иван Крылов — superstar	12
	7

Антон ВАСЕЦКИЙ. Попробуй и почувствуй. Марина Марияшина. Помимо зрения: стихотворения	12
Татьяна ВЕРЕТЕНОВА. Отчаянные индивидуумы и неслучившаяся любовь. Сергей Миронов. Пагубная страсть Сергея Миронов. Любовь под абажуром	3
Надежда ГАМИЛЬНОТ. «Акробату без шеста легче и вольней». Алексей Ильичёв. Праздник проигравших. Стихи и проза	12
Василий ГЕРОНИМУС. Гуляя по заповедным тропинкам. Игорь Поглазов. Я ни о чем не жалею: Стихи	3
Михаил ГУНДАРИН. Пушкин за компьютером. Борис Кутенков. 25 писем о русской поэзии	8
Орфей шансон. Алексей Дьячков. Дед и сад	5
Немалахитовая шкатулка. Евгений Иванов. Несметная полка: Книга литературных очерков об уральских прозаиках «послебажовского» периода	7
Комаровская матрица и ее обитатели. Константин Комаров. Стихи о русских поэтах	10
Александр ЗЕРНОВ. Намного лучше, чем фильм. Ричард Вудли, Джозеф Пистоне. Донни Браско: моя тайная жизнь в мафии. Правдивая история агента ФБР Джозефа Пистоне	10
Шевкет КЕШФИДИНОВ. Русский брат. Егана Джаббарова. Дуа за неверного	2
Егор КУЛИКОВ. Не спеши, коза, все волки твои будут. Эльза Гильдина. Коза торопится в лес. Роман	8
Светлана МИХЕЕВА. Сердце вещества. Иван Плотников. Небо поет само	2
Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ. Противостояние. Алексей Мальцев. Перчатки с пришитыми пальцами. Роман	8
Елена СЕВРЮГИНА. За пределами земных координат. Борис Гриненко. Признание в любви. Роман	8
Станислав СЕКРЕТОВ. Свет побеждает. Елена Холмогорова. Недрогнувшей рукой	5
Верить в лучшее. Евгения Русинова. Море волнуется — раз!	12
Павел СУСЛОВ. Присутствие существующего. Василий Ковалев. Существующее	2
Кирилл ЯМЩИКОВ. В Иннсмуте всегда пасмурно. Антон Секисов. Курорт	2
Тем, кто ложится спать. Нурайна Сатпаева. Море споёт колыбельную	3
Глаголы-исключения в удушливую погоду. Алексей Конаков. Табиа тридцать два	5
Неужели я из Гжели? Анна Баснер. Парадокс Тесея: Роман	7
Согрет вослед. Александр Бренер. Бруно не Шульц	10
В краю магнолий блеет сайборг. Василий Владимирский. Картография рая и ада	12

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ: Рубрику ведет Сергей СИРОТИН

Интровертный экстраверт. Иэн Макьюэн. Упражнения	1
Китайская коррупция. Чжоу Мэйсэнь. Во имя народа	2
Затянувшийся визит. Андрес Неуман. Странник века	3
Будни каллиграфа. Ито Огава. Канцтовары Цубаки	4
Казнь героя. Мо Янь. Смерть пахнет сандалом	5
Традиции и прогресс. Эцу Инагаки Сугимото. Дочь самурая	6
Прикосновение к злу. Джон Бэнвилл. Снег	7
Пространство страдания. Джесмин Уорд. Пойте, неупокоенные, пойте	8
Вечные законы. Владислав Реймонт. Бунт	9
Первая истина буддизма. Хан Ган. Я не прощаюсь	10
Жизнь одной ногой в могиле. Янь Лянькэ. Сны деревни Динчжуан	11
Неочевидная истина. Амитава Гош. Стекланный дворец	12

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

С.В.С. Крик самоутверждения. Я — капитан. Реж. Маттео Гарроне. 2023, Италия, Бельгия, Франция	1
Валерий ИСХАКОВ. Достоевский отдыхает. Преступление и наказание. Россия. 2024, Реж. Владимир Мирзоев	2
Валерий ИСХАКОВ. Загадочный детектив. Шугар (Sugar), сериал, США, 2024	3
С.В.С. Побочные эффекты. Субстанция (2024). Реж. Корали Фаржа. Великобритания, Франция, США	4
Валерий ИСХАКОВ. Летчики умирают на земле. Воздух. Фильм, Россия, 2023, реж. Алексей Герман-мл.	5
С.В.С. Задор борьбы. Злой город (2025, Россия). Реж. Константин Буслов	6
Валерий ИСХАКОВ. Агата Кристи: не про Пуаро. По направлению к нулю (Towards Zero), сериал, Великобритания, 2025	7
С.В.С. Недолгое счастье. Анора. Реж. Шон Бэйкер, 2024, США	8
Валерий ИСХАКОВ. Детектив без убийства? Я, Джек Райт (I, Jack Wright), сериал, Великобритания, 2025	9
Валерий ИСХАКОВ. Дым и зеркала. Дым (Smoke), сериал, США, 2025	10
Валерий ИСХАКОВ. Бабушка уехала! Август, реж. Н. Высоцкий, И. Лебедев. Россия, 2025	11
С.В.С. Комикс о подводниках. «Кракен», Реж. Николай Лебедев, 2025 (Россия)	12

СЛОВО И КУЛЬТУРА

Андрей ПЕРШИН. Лакуна	1
Надежда БОЛТАЧЕВА. Боль внутри каждой вещи	2
Андрей ПЕРШИН. Во все стороны	3
Андрей ПЕРШИН. Цветущая древность	4
Андрей ПЕРШИН. Поэтика диалога	6
Андрей ПЕРШИН. Исполнение числа	7
Юрий КАЗАРИН. Лента белая моя... (Несколько слов любви о Вадиме Месяце)	8
Андрей ПЕРШИН. Дерево на границе	9

КРИТИКА ВНЕ ФОРМАТА: Рубрику ведет Василий ШИРЯЕВ

Сдача и гибель среднего класса	1
Ганнибал Анна	3
Последнее кочевье	8
Мифы и легенды новых городских племён	9

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2025 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город» по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130, телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:

Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам
 Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития
 Константин Богомолов — ответственный секретарь
 Андрей Ильенков — зав. отделом прозы
 Юрий Казарин — зав. отделом поэзии
 Валерий Исхаков — литературный сотрудник
 Александр Зернов — литературный сотрудник
 Татьяна Сергеенко — корректор
 Юлия Кокошко — корректор
 Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:

О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков, В. Исхаков

Адрес издателя: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
 Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
 Адреса электронной почты: editor.ural@mail.ru, poetry@uraljournal.ru (для поэзии)

Телефоны:

376-57-49 — главный редактор
 376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы, отдел публицистики
 376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь, отдел критики
 376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.
 Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
 ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
 Подписано в печать 19.11.2025
 Дата выхода в свет 27.11.2025
 Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6
 Тираж 1100 экз. Заказ № 8228
 Цена договорная

Журнал «Урал» в Сети:

<http://uraljournal.ru/>
http://vk.com/zhurnal_ural

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:
<http://magazines.russ.ru/ural/>

Аполлон Григорьев

Е. С. Р.

Да, я знаю, что с тобою
Связан я душой;
Между вечностью и мною
Встанет образ твой.

И на небе очарован
Вновь я буду им,
Всё к чертам одним прикован,
Всё к очам одним.

Ослепленный их лучами,
С грустью на челе,
Снова бренными очами
Я склонюсь к земле.

Связан буду я с землею
Страстию земной, —
Между вечностью и мною
Встанет образ твой.

ISSN 0130-5409 Урал, 2025, 12, 240

Журнал «Урал» вы можете приобрести
в екатеринбургских магазинах:
«Дом книги» (ул. Антона Валека, 12),
«Пиотровский» (ул. Бориса Ельцина, 3, Ельцин Центр, 2 этаж),
а также
в Музее изобразительных искусств (ул. Воеводина, 5),
в Музее «Литературная жизнь Урала XX века» (ул. Пролетарская, 10)
и в Свердловском академическом театре драмы.

Подписывайтесь на журнал «Урал» с любого месяца.
Это делается так:
- на сайтах: <https://www.pressa-uf.ru/> или <https://www.akc.ru/>
(для юр. лица по желанию подписчика заключается договор
и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

а также в электронном каталоге «Почта России»;
в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ»,
направив заявку по электронной почте: zakaz@akc.ru
или позвонив по тел. (495) 680-99-71
(для юр. лица по желанию подписчика заключается договор
и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:
- в любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России».
Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» по-прежнему можно оформить
и в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город»
по адресу: Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130,
телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Информационные спонсоры журнала «Урал»:

 УРАЛ
URALJOURNAL.RU

 КУЛЬТУРА
УРАЛА · РФ